

История города Дербента

Е.И.Козубский

—

Е.И.Козубский

ИСТОРИЯ
ГОРОДА ДЕРБЕНТА

I

ISBN 995221075-0

9 789952 210750

Берпанеш

Ответственный за выпуск: : В. Бахманлы
Редактор: : А. Асадзаде
Художественный редактор: : К. Лидия
Дизайн: : Н. Махмудов
Верстка: : А. Мухтарова
Корректор: : С. Самедова

Е. И. Козубский История города Дербента. I книга
Баку 2012. “Нагыл Еви”. 280 стр.

Естественным следствием всей новейшей истории Кавказа явилось включение Дербента в состав Российской империи, что и совершилось с добровольного согласия населения в 1806 г. Но город многим обязан и всему самоуправлению. Такой обзор деятельности самоуправления принесет не только пользу, но и поможет избежать ошибок в будущем.

Книга издана на основе литературных и архивных источников и пособий к столетию присоединения Дербента к Российской Империи.

ISBN 978995221075-0

При издании произведения были сохранены все данные оригинала

Министерство Культуры и Туризма
Азербайджанской Республики

Национальная Библиотека Азербайджана
имени М.Ф.Ахундова

Е. И. Козубский

ИСТОРИЯ ГОРОДА ДЕРБЕНТА

І КНИГА

“Нагьл Еви”
Баку – 2012

**ИСТОРИЯ
ДЕРБЕНТА**

Дербентское городское упрощенное общественное управление.

Къ столѣтію присоединенія Дербента къ Россійской Имперіи.

1806-1906.

ИСТОРИЯ ГОРОДА ДЕРБЕНТА.

Составилъ

Е. И. Козубскій,

дѣйствительный членъ-секретарь Дагестанскаго статистическаго комитета.

Съ рисунками.

Темиръ-Ханъ-Шура.
“Русская типографія” В. М. Сорокина.
1906.

21 іюня 1906 года исполнилось сто лѣтъ съ того дня, когда городъ Дербентъ началъ новый періодъ своего многовѣкового существованія, войдя окончательно въ составъ Россійской Имперіи. Желая отмѣтить столѣтній юбилей событія, являющагося эрою въ жизни населенія города, собраніе уполномоченныхъ Дербентскаго городского общественнаго управленія, по инициативѣ городского старосты, еще 6 марта 1903 года постановило ознаменовать его, между прочимъ, изданіемъ исторіи города. Гг. уполномоченнымъ угодно было предложить нижеподписавшемуся выполнить эту лестную, хотя и трудную, задачу. Къ прискорбію, событія, омрачившія жизнь нашего отечества, и тревожное время, переживаемое нами, вынудили отложить празднованіе столѣтняго юбилея знаменательнаго дня въ жизни Дербента.

Но исторія Дербента, составленная нижеподписавшимся, напечатана, и нынѣ предлагается общему вниманію и суду. Конечно, не автору судить о томъ, какъ выполнена не легкая задача, предстоявшая ему; тѣмъ не менѣе онъ считаетъ нужнымъ предпослать нѣсколько словъ о томъ, какъ выполнялась она.

Всякому, кто болѣе близко знакомъ съ исторіею Кавказа, извѣстно, какъ скудны, отрывочны и неполны источники, изъ которыхъ мы можемъ почерпать матеріалы для древней исторіи этого края вообще, въ частности же отдѣльныхъ частей его. Классическая литература, грузинскіе и армянскіе авторы, памятники арабской письменности, сочиненія путешественниковъ на различныхъ евро-

пейскихъ языкахъ и т. п. доставляютъ нѣкоторое количество свѣдѣній объ исторіи восточнаго Кавказа, но всѣ эти свѣдѣнія случайны, часто неясны, вообще же требуютъ строгаго критическаго отношенія; притомъ далеко не всѣ творенія арабовъ и ихъ продолжателей — персіанъ и тюркскихъ народовъ — сдѣлались достояніемъ европейской науки и доступными всѣмъ по языку. Болѣе, новое время (съ XVI в.) обильнѣе источниками, къ которымъ съ XVIII вѣка присоединяется архивный матеріалъ; но первые обнимаютъ большею частью отдѣльные періоды, часто очень короткіе, а второй далеко не весь изданъ и слѣдов. общедоступенъ. Такимъ образомъ въ распоряженіи историка восточнаго Кавказа, а слѣдов. и отдѣльной, хотя бы и крупной его части, находится матеріалъ, вынуждающій его большею частью къ работѣ, такъ сказать, мозаичной: ему приходится изъ извѣстій отрывочныхъ, сжатыхъ и часто въ достаточной степени темныхъ, выяснять судьбу мѣстности и его населенія, стараясь связать скудный матеріалъ хотя бы внѣшнимъ образомъ. Конечно, все это не можетъ не отразиться и на изложеніи, придавая ему нерѣдко характеръ мелочности и отрывочности. О воссозданіи полной исторіи внутренней жизни городского населенія, понятно, нечего и думать; остается утѣшаться тѣмъ, что, въ силу присущей Востоку инертности, знакомому съ нынѣшнею жизнью народа довольно легко, хотя приблизительно, представить ее себѣ и въ прошломъ. Внѣшняя исторія мѣстности и населенія также не поддается изображенію въ ея цѣльности въ достаточной полнотѣ, опять таки благодаря недостатку и свойствамъ источниковъ.

Все сказанное вообще объ исторіи восточнаго Кавказа тѣмъ болѣе относится къ исторіи отдѣльной его части, даже игравшей значительную роль въ прошломъ страны, какою является Дербентъ. Правда, на его долю выпало рѣдкое счастье обладать литературнымъ памятникомъ, специальною исторіею; но, какъ увидимъ, эта исторія, не говоря уже объ общемъ ея характерѣ, часто баснословномъ, обнимаетъ короткій промежутокъ времени. Другія свѣдѣнія о прошлой жизни города, притомъ большею частью очень краткія, разбросаны по сотнямъ сочиненій на разныхъ языкахъ. Архивнымъ матеріаломъ, который могъ бы освѣтить исторію города послѣ включенія въ составъ Имперіи, къ сожалѣнію, мы не располагаемъ, такъ какъ почти весь этотъ мате-

ріаль, хранившійся въ архивѣ полиціи, погибъ при пожарѣ городского дома въ 1880 г.; жалкими остатками этого архива, въ виду его состоянія нынѣ, невозможно пользоваться.

Все вышесказанное, если не оправдаетъ, то объяснитъ тѣ пробѣлы и неточности, отъ которыхъ предлагаемый трудъ, конечно, не свободенъ. Но авторъ приложилъ всѣ усилія, чтобы по возможности исчерпать всю доступную ему литературу; равнымъ образомъ онъ пользовался въ широкой мѣрѣ мѣстными архивами. Къ сожалѣнію, въ видахъ уменьшенія объема книги, не представлялось возможнымъ напечатать ее съ цитатами и ссылками на литературные и архивные источники. Таковыхъ цитатъ и ссылокъ потребовалось бы напечатать такое количество, которое непременно бы увеличило объемъ книги, и безъ того принявшей значительный размѣръ.

Въ видѣ нѣкотораго корректива къ этому недостатку книги, авторъ считаетъ долгомъ заявить, что указанія на литературу о Дербентѣ, которою онъ пользовался, желающіе могутъ найти въ составленномъ имъ «Опытѣ библіографіи Дагестанской области,» начатомъ въ «Памятной книжкѣ Дагестанской области.» 1895 г. и продолженномъ въ «Дагестанскомъ сборникѣ», вып. I и II, изданія Дагестанскаго областного статистическаго комитета. Архивы, которыми пользовался авторъ, суть: архивъ канцеляріи военного губернатора Дагестанской области, архивъ бывшаго штаба командовавшаго войсками въ Дагестанской обл., «общій» архивъ, состоящій въ вѣдѣніи Дербентской городской полиціи, архивъ областного по городскимъ дѣламъ присутствія и архивъ Дербентскаго городского общественаго управленія. Несмотря на отсутствіе въ книгѣ ссылокъ, авторъ рѣшается завѣрить, что все, сообщаемое имъ, опирается на литературные и архивные источники и пособия. Притомъ въ текстѣ часто приводятся, для сохраненія колорита мѣста и времени, подлинныя слова источниковъ.

О рисункахъ, приложенныхъ къ книгѣ, сказано отдѣльно; достоинство ихъ выполненія, несмотря на различіе достоинства оригиналовъ, достаточно гарантируется однимъ именемъ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, въ которой рисунки исполнены.

Возникнувъ въ отдаленной древности, хотя далеко не такой глубокой, какую приписываетъ ему преданіе, Дербентъ въ теченіе

пятнадцативѣкового своего существованія служилъ оплотомъ Персидской монархіи отъ сѣверныхъ сосѣдей. Отсюда главное содержаніе его исторіи – борьба за него и около него съ хазарами, арабами, монголами, тюрками, и, наконецъ, русскими. Во время господства арабовъ Дербентъ дѣлается однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ мусульманской пропаганды и культуры на Кавказѣ. Съ XVI в. Дербентъ входитъ въ сферу вліянія Руси на Кавказѣ, и съ этого времени не разъ приходитъ въ непосредственныя сношенія, враждебныя и мирныя, съ нею. Троекратное подчиненіе города русскому владычеству, хотя по неблагопріятнымъ для Россіи обстоятельствамъ и кратковременное, еще болѣе закрѣпило связи Дербента съ могущественнымъ сосѣдомъ. Естественнымъ слѣдствіемъ всей новѣйшей исторіи Кавказа, начиная отъ Великаго Петра, должно было явиться включеніе Дербента въ составъ Россійской Имперіи, что и совершилось съ добровольнаго согласія населенія въ 1806 г. Съ этихъ поръ Дербентъ, не теряя и до днесь особенностей своего стародавняго быта, пережилъ нѣсколько крупныхъ событій, но уже не политическихъ, а административныхъ.

Послѣднему изъ нихъ – введенію городского самоуправления и развитію его въ первое десятилѣтіе – отведено въ предлагаемой книгѣ значительное мѣсто. Къ этому побуждало не столько богатство матеріала для этого періода, сколько тотъ интересъ, который онъ представляетъ для каждаго дербентца. Нѣтъ сомнѣнія, что развитіе во многихъ отношеніяхъ города за послѣднее время находится въ тѣсной связи съ эволюціей, переживаемой всѣмъ Кавказомъ; но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не признать, что городъ многимъ обязанъ и своему самоуправленію. Руководители послѣдняго за короткое время выказали такую энергію и желаніе послужить родному городу, что болѣе подробный обзоръ ихъ дѣятельности долженъ интересовать ихъ согражданъ. Быть можетъ, такой обзоръ принесетъ и долю пользы, указавъ ошибки въ прошломъ, необладавшемъ еще опытомъ, и тѣмъ давъ возможность избѣжать ихъ въ будущемъ.

Е. Козубскій

Городъ Темиръ-Ханъ-Шура,
1 октября 1906 г.

Голова Александра Великого

Къ рисункамъ.

Къ книгѣ приложены слѣдующіе портреты и виды.

Его Императорское Величество Государь Императоръ
Николай Александровичъ.

Голова Александра Великаго.

Городъ Дербентъ въ XVII в.

Землянка Петра Великаго въ Дербентѣ.

Городъ Дербентъ въ 1796 г.

Видъ г. Дербента отъ цитадели съ сѣверной стороны.

Видъ части города съ сѣверной стороны.

Цитадель г. Дербента съ сѣверной стороны.

Ворота Баятъ-Капы въ южной стѣнѣ г. Дербента.

Для болѣе равномернаго распредѣленія рисунковъ въ книгѣ, они не прилагаются къ тѣмъ страницамъ, къ которымъ непосредственно имѣютъ отношеніе, а расположены въ хронологическомъ порядкѣ: сначала виды города, потомъ портреты лицъ, дѣятельность которыхъ имѣла въ исторіи города выдающееся значеніе.

О нѣкоторыхъ рисункахъ считаемъ нужнымъ сдѣлать поясненія.

Стр. 9. Голова Александра Великаго съ тетрадрахмы Лизимаха, царя Фракійскаго (323—281 до Р. Х.). На монетахъ этого царя Александръ обыкновенно изображается съ рогами египетскаго божества Аммона, какъ его сынъ. Рисунокъ этотъ прилагается въ качествѣ документа къ вопросу о происхожденіи восточнаго сказанія объ Искандерѣ Зулькарнаинѣ.

Стр. 51. Видъ Дербента въ XVII в. заимствованъ изъ рѣдкаго сочиненія Dapper' a: Asia (Nurnberg 1681). Прототипомъ, какъ этого, такъ и другихъ видовъ Дербента, встрѣчающихся въ изданіяхъ XVII и XVIII вв., послужилъ рисунокъ Олеарія, напечатанный въ первомъ нѣмецкомъ изданіи его путешествія 1638 г., или, вѣрнѣе, ис-

каженіе этого рисунка во французскомъ переводѣ Викфорта. Гора, подымающаяся по срединѣ рисунка, есть плодъ воображенія Олеарія и его копировшиковъ, и должна изображать собою Бешъ-Бармакъ. Къ сожалѣнію, рисунка Олеарія въ первомъ его изданіи не было своевременно въ нашемъ распоряженіи, почему воспроизведенъ рисунокъ Даппера.

Стр. 89. Землянка Петра Великаго на берегу моря; она видна за рѣшеткою подъ каменнымъ навѣсомъ.

Стр. 119. Видъ Дербента 1796 г. приложенъ къ очень рѣдкому изданію: Жизнь Артемія Араратскаго (Спб. 1813). Авторъ, личность котораго, впрочемъ, возбуждаетъ сомнѣнія, участвовалъ въ походѣ Зубова, почему рисунокъ былъ снятъ съ природы.

Стр. 157. Видъ Дербента отъ цитадели съ сѣверной стороны. На первомъ планѣ древнія мусульманскія кладбища, лѣвѣе, къ морю, Кырхляръ. За кладбищами тянется сѣверная стѣна, на которой у моря бѣлѣтся башня маяка. За стѣною справа татарская (верхняя) часть города до армянской церкви (колокольня ея посреди), лѣвѣе которой колокольня православнаго собора. Лѣвѣе послѣдняго, наискось, нынѣшній городской домъ. Правѣе маяка – городской общественный садъ. На самомъ заднемъ планѣ бѣлѣтся линія моря, у котораго, направо отъ города, тянется желѣзнодорожная станція. Между станціею и городомъ новая часть его, возникшая послѣ распланировки 1859 года.

Стр. 197. Дербентъ съ сѣвер. сторон. Правѣе арм. церковь, лѣвѣе – православный соборъ, еще лѣвѣе – гор. домъ. У берега моря, между соборомъ и город. домомъ, выдѣляется вокзалъ.

На титулѣ настоящей книги изображенъ гербъ Дагестанской области, которымъ, за неимѣніемъ собственнаго отдѣльнаго, пользуется г. Дербентъ. Гербъ этотъ, Высочайше утвержденный 5 іюля 1878 г. щитъ, «въ золотомъ на лазуревой оконечности, червленая, о 4 башняхъ, крѣпость съ открытыми воротами, сопровождаемая, во главѣ щита, червленною оторванною львиною головою, съ черными глазами и языкомъ, подъ червленнымъ же опрокинутымъ полумѣсяцемъ. Щитъ увѣнчанъ древнею царскою короною и окруженъ золотыми дубовыми листьями, соединенными Александровскою лентою.» Изъ этого описанія видно, что фигуры щита герба области имѣютъ прямой смыслъ по отношенію къ Дербенту.

Его Императорское Величество
Государь Императоръ
Николай Александровичъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Судьбы Дербента до XVI вѣка.

(Преданіе объ Александрѣ Великомъ. Прошлое мѣстности г. Дербента. Иранское вліяніе. Каспійскія ворота. Хазары. Христіанство въ Дербентѣ. Дербентъ-наме. Сассаниды. Основаніе Дербента. Арабы. Извѣстія восточныхъ писателей о Дербентѣ. Монголы. Рубруквись. Ильханы. Ширваншахи. Путешественники XV вѣка. Начало сношеній съ Россіей).

Исторія столь древняго города, какъ Дербентъ, теряющаяся во мракѣ вѣковъ, не могла не занимать народное воображеніе, и результатомъ работы послѣдняго явилось сказаніе, связывающее начало города съ именемъ того, чья память паритъ надъ всею Азіею. Александръ Македонскій, говоритъ одинъ историкъ, былъ такимъ дивнымъ явленіемъ, величіе его было столь ослѣпительно, что скоро исторія его жизни стала предметомъ легенды и поэзіи; вымыслы закрыли истинныя его очертанія; народная фантазія послѣдующихъ вѣковъ овладѣла его фигурою и прикрасила его подвиги поэтическими вымыслами. Искандеру, этому фантастическому лицу, приписывается азіатцами все, выходящее изъ границъ обыкновеннаго; на Кавказѣ сложилась привычка все, что носитъ отпечатокъ болѣе или менѣе глубокой древности, приписывать, если не Тамарѣ, то безъ дальнихъ околичностей македонскому герою. На этой почвѣ фантазія восточныхъ авторовъ разыгрывается до того, что заставляеть македонскаго героя сражаться съ русскими (Низами въ XII в.).

Народное преданіе, перешедшее въ литературы западныхъ и восточныхъ народовъ, упорно твердитъ, что Дербентъ построенъ Александромъ Великимъ, или, вѣрнѣе, легендарнымъ Исканде-

ромъ Зюлькарнаиномъ. Преданіе о подвигахъ Александра Великаго на Кавказѣ попало и въ западныя средневѣковья сказанія; по одному изъ нихъ, Александръ изъ владѣній царицы Кидафе (Нушабе у Табари) отправляется въ крѣпость Дербентъ, овладѣвая послѣднею лишь благодаря сверхестественнымъ силамъ; по другому сказанію, Александръ посредствомъ вала съ металлическими столбами такъ запрудилъ море Калпіасъ (Каспій), что ни одному кораблю нельзя было войти въ море, а по сухому пути онъ заградилъ проходъ изъ Таракунты (Дербента ?) въ Калпіасъ, ибо не оставалось другого прохода, какъ чрезъ возвышавшуюся до неба гору. Арабскіе писатели называютъ стѣну, воздвигнутую будто бы Александромъ В. въ Дербентѣ, Седъ Искандеръ, укрѣпленіе или плотина Александра, или Седъ Яджуджъ и Маджуджъ, укрѣпленіе Гога и Магога. Въ послѣднемъ названіи, какъ увидимъ ниже, заключается ключъ къ объясненію столь распространенной легенды. Впрочемъ, по свидѣтельству ученаго ориенталиста Диттеля, посѣтившаго Дербентъ въ 1840-хъ годахъ, «здѣшніе мусульманскіе ученые, подозрѣвая наконецъ миѳологическое происхожденіе и нелѣпныя преданія объ этой стѣнѣ, начинаютъ отвергать и слова алкорана, приписывающія ея основаніе Александру (Искандеру Зюлькарнаину)». Но въ тоже время, по словамъ Березина, находились въ Дербентѣ туземные археологи, какъ то Миръ Арсланъ, которые приписывали основаніе Дербента огненнымъ людямъ, жившимъ еще до сотворенія міра! Такимъ образомъ мѣстный патріотизмъ, въ своемъ стремленіи возвеличить родной городъ, не хотѣлъ уже примириться на Александръ В. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ легендарности сказанія о постройкѣ Дербента македонскимъ героемъ, посмотримъ былъ ли онъ когда либо на Кавказѣ.

Еще при жизни Александра, поразившаго своими походами весь древній міръ, начали баснословить его исторію; скоро преувеличенія были поглощены самыми причудливыми выдумками. Народныя преданія о герояхъ смѣшивались съ сказаніями объ его подвигахъ. Но никто изъ историковъ Александра В., выдерживающихъ критику, не говоритъ о походѣ его на Кавказъ. Лишь Квинтъ Курцій говоритъ объ этомъ, но сочиненіе его не есть исторія, а историческій интересный романъ, изобилующій сказочными подробностями. Въ концѣ IV в. появилось апокрифическое сочиненіе

Калисѡена, Исторія Александра В., но самыя старыя редакціи этого сочиненія не говорятъ о постройкѣ имъ дербентскихъ стѣнъ, хотя сказка объ ихъ построеніи Александромъ могла уже существовать, ибо вѣкомъ позднѣе она была извѣстна византіяцамъ. Только около 700 г. появились новыя редакціи греческаго оригинала Калисѡена, увеличенныя включеніемъ разсказовъ о Гогѣ и Магогѣ, ихъ заключеніи и постройкѣ воротъ. Такимъ образомъ походъ Александра В. на Кавказъ является мифомъ, а слѣдоват. построение имъ чего либо на Кавказѣ не могло имѣть мѣста. Откуда же могло возникнуть преданіе о походѣ его на Кавказъ? Съ одной стороны, оно могло возникнуть вслѣдствіе какой либо экспедиціи его полководцевъ, или, еще вѣроятнѣе, походовъ временъ Селевкидовъ; такъ, о Селевкѣ Никаторѣ (III в.) Плиніи пишетъ, что онъ объѣхалъ Каспійское море и думалъ перекопать землю отъ Боспорскаго (Киммерійскаго) пролива до Каспія; съ цѣлью оградить свое царство (это можетъ указывать на отсутствіе какой либо стѣны, раньше воздвигнутой кѣмъ бы то ни было). Но главная причина перенесенія походовъ Александра В. на Кавказъ кроется въ томъ, что, по словамъ Арріана, «Паропамисъ македоняне, чтобы польстить гордости Александра, прозвали Кавказомъ». Кавказъ, страна таинственная, уже въ глубокой древности былъ извѣстенъ грекамъ; съ нимъ они связывали множество мифовъ и сказаній о богахъ и герояхъ; къ нему влекло ихъ издавна, и, конечно, покореніе Кавказа въ ихъ глазахъ было бы величайшимъ подвигомъ. И вотъ, для вящшаго прославленія Александра, названіе Кавказа переносится на Индію; это засвидѣтельствовано многими авторами древности. Страбонъ прямо говоритъ о перенесеніи названія Кавказа на Индѣйскія горы по поводу похода Александра; у Стефана Византійскаго находимъ «Кавказъ или Паропанисъ, величайшая изъ горъ Азіи»; въ комментаріяхъ Евстаѳіа къ Иліадѣ (XII в.) находимъ «Индѣйскій Кавказъ». Подобныхъ свидѣтельствъ древнихъ можно бы привести еще нѣсколько, но достаточно опереться на неоспоримый авторитетъ Дройзена, говорящаго о пребываніи македонскаго царя «у подножія Индѣйскаго Кавказа (Гиндукуша)». Отсюда перенесеніе названій Кавказскихъ и даже Каспійскихъ воротъ на проходы чрезъ Паропамисъ (Индѣйскій Кавказъ) и хребетъ Эльбурсъ, на южномъ берегу Каспія. Это смѣшеніе именъ,

при маломъ знаніи географіи, весьма естественно произвело путаницу во многихъ важныхъ вопросахъ исторіи, а также могло породить сказку объ основаніи Дербента Адександромъ В. Арріанъ, наряду съ извѣстіемъ, что Александръ близъ Паропамиса основалъ Александрію, говоритъ, что «существуетъ преданіе, что Александръ побывалъ и по ту сторону Кавказа». И вотъ фактъ постройки города и преданіе о походѣ сливаются *), и, какъ замѣтилъ Байергъ еще въ XVIII в., «сея вещи преданіе осталось, но наразно развлачено тщеславіемъ народовъ», гордящихся началомъ своей исторіи, связанный съ именемъ героя.

Выросшая такимъ образомъ на почвѣ смѣшенія различныхъ мѣстностей, обязаннаго своимъ происхожденіемъ географическому невѣжеству, легенда о построеніи дербентской стѣны Александромъ В. пріобрѣтаетъ, скоро какъ бы поддержку со стороны религіи. Неизвѣстная ни грекамъ, ни римлянамъ, стѣна эта получаетъ широкую славу въ сочиненіяхъ восточныхъ авторовъ подъ именемъ стѣны Яджуджа и Маджуджа, т. е. Гога и Магога.

Магогъ нѣсколько разъ упоминается въ Библии. Бытіе, гл. X, ст. 2, Магогомъ называетъ второго сына Іафета, что подтверждаетъ и I Паралипоменонъ, I, 5. Въ книгѣ пророка Іезекииля, гл. 38, 1 слѣд., читаемъ: «И было ко мнѣ слово Господне: сынъ человѣческой! обрати лицо свое къ Гогу въ землѣ Магогъ, князю Роша, Мешеха и Оувала, и изреки на него пророчество и скажи: такъ говоритъ Господь Богъ: вотъ Я – на тебя, Гогъ, князь Роша, Мешеха и Оувала! И поверну тебя... и выведу тебя и все войско твое... отъ предѣловъ сѣвера, со всѣми отрядами его, многіе народы съ тобою... Готовься и снаряжайся, ты и всѣ полчища твои, собравшіяся къ тебѣ,—и будь ихъ вождемъ. Послѣ многихъ дней ты понадобишься; въ послѣдніе годы ты придешь въ землю... и поднимешься какъ буря, пойдешь какъ туча, чтобы покрыть землю» и т. д.; у того же пророка, гл. 39, ст. 1 слѣд.: «Ты же, сынъ человѣческой, изреки пророчество на Гога и скажи: такъ говоритъ Господь Богъ: вотъ Я – на тебя, Гогъ, князь Роша, Мешеха и Оувала! И поверну тебя и выведу тебя отъ краевъ сѣвера и приведу тебя на горы Израилевы... Падешь ты на горахъ Израилевыхъ... и пощлю огонь на землю Магогъ» и т. д. Наконецъ

*) У нѣкоторыхъ писателей встрѣчаемъ названіе Дербента – малая Александрія.

въ Апокалипсисѣ, 20, 7–9, читаемъ: «Когда же окончится 1000 лѣтъ, сатана будетъ освобожденъ изъ темницы своей и выйдетъ оболщать народы, находящіеся на четырехъ углахъ земли, Гога и Магога, и собирать ихъ на брань; число ихъ, какъ песокъ морской. И вышди на широту земли, и окружили станъ святыхъ и городъ возлюбленный. И ниспалъ огонь съ неба отъ Бога и пожралъ ихъ.» Иосифъ Флавій (I в. по Р. Х.), въ сочиненіи своемъ Иудейскія древности, дополняетъ сказаніе Библии тѣмъ, что сынъ Іафета Магогъ населилъ названныхъ по его имени магоговъ, которыхъ эллины называютъ скиѳами; подъ послѣдними же, какъ извѣстно, греки разумѣли различные народы, жившіе на сѣверѣ отъ Кавказа, частью неизвѣстные, частью баснословные. Св. Иеронимъ, въ Комментаріи на Іезекіиля, говоритъ, что въ его время евреи думали, что подъ Гогами и Магогами подразумѣваются скиѳы, живущіе по ту сторону Кавказа и около Капійскаго моря. На полушаріи XII вѣка, хранящемся въ Британскомъ музеѣ, Гогы и Магогы показаны на западномъ берегу Каспія. Такимъ образомъ поэтическое представленіе Библии о грядущемъ предъ свѣтопредставленіемъ бѣдствіи со стороны какого то народа было приурочено къ тѣмъ странамъ сѣвера, которыя были неизвѣстны народамъ древности. Мракъ, окутывавшій ихъ, начиная отъ Геродота, началъ разсѣиваться лишь нѣсколько столѣтій послѣ Р. Х., да и то не вполне.

Изъ Библии сказаніе о Гогѣ и Магогѣ, или, по арабскому произношенію, Яджуджъ и Маджуджъ, перешло и въ Коранъ. Въ сурѣ 21, ст. 95–97, читаемъ: «Какъ скоро зачатіе было на какой либо городъ, мы погубляли его, потому что они не обратились бы дотолѣ, покуда не явится Яджуджъ и Маджудаъ, докуда они со всѣхъ холмовъ не устремятся. Приблизится вѣрное обѣтованіе, и тогда взоры невѣровавшихъ, отъ изумленія ихъ, будутъ смотрѣть неподвижно: «Горе намъ! мы были безпечны въ отношеніи сего; въ самомъ дѣлѣ мы быди злочестивы». *) Въ сурѣ 18, ст. 82–99, къ этому

*) Это мѣсто въ переводѣ (французскомъ) Казимірскаго читаемъ такъ: Анаѳема будетъ тяготѣть надъ городомъ, который мы разрушили; его народы не обратятся до тѣхъ поръ, пока пройдетъ.будетъ Яджуджу и Маджуджу; тогда они быстро сойдутъ съ каждой веры. Тогда исполненіе истиннаго обѣтованія будетъ готовы осуществиться, и взоры невѣрныхъ будутъ обращены съ оцѣпеніемъ. Горе намъ!, скажутъ они, мы не заботились о часѣ и мы были нечестивы.

сказанію о Гогѣ и Магогѣ, имѣющихъ предъ кончиною міра опустошить землю, присоединяется и указаніе на преданіе о Зюлькарнаинѣ, «владѣтель двухъ роговъ» или «двурогомъ»: «Тебя спрашиваютъ о Зюлькарнаинѣ, скажи: я прочитаю вамъ повѣсть о немъ. Мы дали ему могущество на землѣ и доставили ему способъ къ всему. Онъ далъ ему способъ идти, покуда онъ не достигъ до запада солнца. Онъ увидѣлъ, что оно западаетъ въ грязный источникъ. Близъ него онъ нашелъ народъ. Мы сказали: Зюлькарнаинъ! либо накажи его, либо окажи ему добро! Онъ сказалъ: кто дѣлаетъ зло, того мы накажемъ; и послѣ того, когда возвращень будетъ онъ къ Господу своему, Онъ накажетъ его жестокою казнью. Но кто повѣруетъ и будетъ дѣлать добро, тому наградой будетъ прекраснѣйшее: Мы скажемъ ему тѣ изъ нашихъ повелѣній, которыя легки. Послѣ того онъ далъ ему способъ идти, покуда онъ не достигъ до востока солнца. Онъ увидѣлъ, что оно восходитъ надъ однимъ народомъ, которому Мы не сдѣлали никакого покрова въ защиту отъ солнца. Такъ это было; Мы даемъ теперь свѣдѣніе о томъ, что было съ нимъ. Послѣ того, Онъ далъ ему способъ идти, покуда онъ не достигъ промежутка между двумя стѣнами. Онъ увидѣлъ, что при нихъ былъ народъ, едва понимавшій какую либо рѣчь. Онъ сказалъ: Зюлькарнаинъ! Яджуджъ и Маджуджъ причиняютъ бѣды на этой землѣ; не представитъ ли какую плату тебѣ на то, чтобы ты поставилъ стѣну между нами и ними? Онъ сказалъ: могущество, какое далъ мнѣ Господь мой, есть наилучшая для меня плата; вы же только ревностно помогайте мнѣ: поставлю преграду между вами и ими. Носите ко мнѣ столько кусковъ желѣза, чтобы ими заравнять промежутокъ между скатами этихъ горъ. Онъ сказалъ: раздувайте столько, чтобы это сдѣлалось раскаленнымъ. Онъ сказалъ: несите ко мнѣ расправленной мѣди и лейте на него. И они (Я. и М.) не могли взлѣсть на нее (стѣну) и не могли пробить ее. Онъ сказалъ: это милость Господа моего!» Духовное сочиненіе «Пята извѣстій» даетъ комментарий къ словомъ Корана о стѣнѣ Александра. Въ гл. XIX: «о появленіи Яджуджъ и Маджуджъ» оно говоритъ: «Есть преданіе, будто Яджуджъ и Маджуджъ были два брата и сыновья Сима бенъ Нуха; жилища ихъ находились позади стѣны Искандера и число ихъ неизвѣстно. Можетъ быть, Всевышній Господь каждому изъ нихъ до 1000 соизво-

ляль имѣть; во время Искандера число ихъ было тоже самое. Въ области, которую занимали, они взрывали землю и разрушали, а людей убивали. Когда свирѣпство и зло, наносимое ими народу, сдѣлалось непомѣрно, Искандеръ Зулькарнаинъ построилъ стѣну изъ желѣза, позади которой они и остались; такимъ образомъ онъ прекратилъ зло, причиняемое ими. Есть еще извѣстіе отъ пророка, что Яджуджъ и Маджуджъ были всегда закрыты тою стѣною такъ, что свѣта солнечнаго не видали.» По Мирхонду, Яджуджъ и Маджуджъ были сыновья Яфеса бенъ Нуха; число ихъ было конечно, но собственно они дѣлились на два племени: малорослые и великаны; ростъ послѣднихъ превышалъ 100 локтей. Уши ихъ были длинны, какъ коверъ; такъ что однимъ ухомъ они накрывались, а другое постилали подъ себя. Ни слонъ, ни носорогъ не могли имъ противиться. Покойниковъ своихъ они съѣдали; области же, чрезъ которыя проходили, опустошали до тла. Такимъ образомъ комментаторы священной книги, давая волю своей восточной фантазіи, все болѣе и болѣе разрисовываютъ чудовищными образами таинственныхъ варваровъ, которымъ суждено наводнить землю при концѣ міра. Они помѣщаютъ Гога и Магога по ту сторону знаменитой стѣны, на сѣверѣ Азіи: слѣдуя ихъ авторитету, всѣ арабскіе географы упоминаютъ объ этомъ баснословномъ народѣ въ описаніи V климата, обнимавшаго, по географическимъ понятіямъ арабовъ, самую сѣверную полосу земли. Сначала думали, что Гогъ и Магогъ были позади Кавказа, но, по мѣрѣ расширенія географическихъ познаній, ихъ отдаляли къ Туманному морю (Сѣв. Ледов. океану). Въ то, время, какъ одни географы, ограничиваются извѣстіемъ, что «на границѣ страны хазаръ находится стѣна Яджуджа и Маджуджъ», другіе даютъ подробное описаніе ея. Основою для послѣднихъ послужилъ ибнъ-Хордадбэ (X в.), передающій о ней подробный разсказъ Селама Тарджумана (переводчика), посланнаго халифомъ Васикомъ (842–847) описать стѣну; по разказу этому, называемому Шпренгеромъ «безсовѣстною фальсификаціей», стѣна находилась около Урала. Фантастическое описаніе Селама, по обычаю арабскихъ писателей, повторяется многими изъ нихъ, съ сокращеніями или добавленіями; такіе историки, какъ Табари (X в.), даютъ описаніе знаменитой, но не существовавшей, стѣны. Основою подобныхъ

баснословныхъ разсказовъ, послужили, надо думать, тѣ стѣны и укрѣпленія, которыя дѣйствительно строились въ древности въ удобныхъ мѣстахъ, т. е. большею частью въ горныхъ проходахъ и ущельяхъ, чтобы удержать нашествія сосѣднихъ народовъ, преимущественно кочевниковъ. О такихъ стѣнахъ въ Кавказскихъ горахъ говорятъ классическіе авторы. Хотя размѣры ихъ не были столь громадны, какъ стѣны, описываемой арабами, но все таки эти сооруженія были достаточно грандіозны для тѣхъ отдаленныхъ временъ, чтобы поразить воображеніе и заставить говорить о себѣ, конечно, съ преувеличеніями. А такъ какъ народное воображеніе приписывало обыкновенно знаменитымъ героямъ сооруженіе памятниковъ, которыхъ происхождение не было извѣстно, то и пришли къ заключенію, что и эти укрѣпленія воздвигнуты всесвѣтнымъ героемъ, македонскимъ завоевателемъ.

Существуетъ, впрочемъ, другая-версія о баснословномъ основателѣ дербентскихъ стѣнъ; по мѣстному лѣтописцу Мирзѣ Хедиру Визирову, цидатель города (Нарынъ-кале) построена за 733 лѣтъ до Р. Х. по повелѣнію царя персидскаго – Кеянскаго, т. е. изъ миѳической династіи Каянидовъ, Лехрасибъ-шаха: (Лохраспа), современника Соломона, для удержанія набѣговъ хазаровъ на Азербейджанъ, «а потомъ чрезъ 270 лѣтъ правнукъ его, Бегмень, сынъ Исфандіара, приказалъ провести отъ ; крѣпости къ морскому берегу стѣну, за которою поселилъ выселенныя изъ Персіи семейства, обязавъ ихъ помогать гарнизону Нарынъ-кале противъ сѣверныхъ варваровъ. Каянидская династія, по Фирдуси, есть вторая династія, царствовавшая въ Персіи; первая есть династія пишдадійская. Какъ та, такъ и другая, принадлежатъ къ области баснословія, смѣшаннаго съ исторіею, и придавать какое либо значеніе повѣствованію Визирова, конечно, нельзя.

Но кто же этотъ Александръ или, вѣрнѣе, Искандеръ Зулькарнаинъ, которому приписывается основаніе дербентскихъ стѣнъ? Какъ мы видѣли, въ Коранѣ говорится только о Зулькарнаинѣ, т. е. Двурогомъ. Въ немъ нѣкоторые арабскіе авторы видятъ какого то завоевателя Искандера, болѣе древняго, чѣмъ Александръ В., но о которомъ имѣются весьма смутныя понятія въ восточномъ баснословіи. Знаменитый арабскій писатель, Масуди, этотъ Геродотъ Востока, не говорящій ничего о походахъ Александра В. на Кав-

казь, замѣчаеть, что о тождествѣ его съ Зюлькарнаиномъ мнѣнія не согласны; одни признають это, другіе отрицають; о происхожденіи самого эпитета «Двурогій» Масуди приводитъ различныя мнѣнія. Но толковники Корана опредѣленно говорятъ, что подъ именемъ Зюлькарнаина разумѣется Искандеръ, царь Персіи и Рума (Греціи); такое мнѣніе они, между прочимъ, основываютъ на слѣдующемъ: у Александра на коронѣ было два рога; у него на головѣ съ обѣихъ сторонъ были завернуты 2 косы на подобіе роговъ; у него на головѣ было 2 рога, которые были похожи на 2 завитка волосъ, почему онъ первый сталъ носить на головѣ чалму. Такимъ образомъ рога на головѣ героя играютъ «видную роль въ объясненіи его прозванія. Откуда же взялись эти рога? Вопросъ рѣшается просто и объясняется путешествіемъ Александра В. въ Ливійскій оазисъ къ храму Аммона. Египетскій богъ солнца, Аммонъ-Ра, считался богомъ плодородія и изображался или съ бараньей головой или же въ видѣ барана, и въ честь его въ оазисѣ Сива былъ воздвигнутъ храмъ съ знаменитымъ въ древности оракуломъ. Греки Аммона отождествляли съ своимъ верховнымъ богомъ Зевсомъ, котораго также иногда изображали съ бараньими рогами, загнутыми внизъ къ ушамъ. Покоривъ Египетъ, Александръ пошелъ къ святилищу Аммона, къ чему главнымъ образомъ побуждали политическія соображенія; онъ хотѣлъ принести жертву почитаемому въ странѣ божеству и тѣмъ сильнѣе привязать къ себѣ всю страну, обладанію которой онъ придавалъ большое значеніе; есть извѣстія, что и самъ Александръ считалъ себя сыномъ Зевса, и что, посѣщая храмъ, онъ желалъ увѣриться въ своемъ происхожденіи. Жрецы Аммона привѣтствовали его, какъ сына своего бога; эта честь, оказанная молодому властелину, не представляла ничего необыкновеннаго въ глазахъ египтянъ, изстари смотрѣвшихъ на своихъ царей, какъ на боговъ. Признанный сыномъ Аммона–Зевса, Александръ, изъ политическихъ видовъ, желая устроить свою власть по восточнымъ понятіямъ, сталъ проявлять свое божественное происхожденіе и, между прочимъ, во время пировъ надѣвалъ на себя плащъ Аммона, обувь и рога его, какъ богъ. Неудивительно, что изображеніе его на монетахъ (см. прилаг. рис.) украшено рогами Аммона, и что прозваніе Двурогаго стало присоединяться къ его имени и позднѣе даже замѣнило

его въ сказаніяхъ восточныхъ народовъ, облекшихъ легендою жизнь и подвиги македонскаго героя. Дербентскія стѣны, дѣйствительно, по своей грандіозности могущія поразить воображеніе и прославленныя во всей Азіи, были связаны съ именемъ принявшаго легендарный характеръ историческаго лица, на самомъ дѣлѣ никакого отношенія къ нимъ не имѣвшаго.

Исторія г. Дербента такимъ образомъ не восходитъ до Александра В., но исторія мѣстности, на которой стоитъ городъ, можетъ быть начата съ глубокой древности. Это зависитъ отъ значенія мѣстности, на которой впоследствии возникъ городъ, игравшій видную роль въ исторіи Кавказа.

Прикаспійская низменность, гдѣ вдоль моря идетъ наиболѣе удобный путь изъ Азіи въ Европу, и ключъ къ которой составляетъ Дербентъ, имѣетъ первостепенное значеніе въ исторіи не одного Кавказа. Хотя приходится отказать отъ мнѣнія, что Кавказъ былъ путемъ переселенія народовъ, которые находили въ немъ лишь убѣжище, тѣмъ не менѣе побережье Каспійскаго моря испытало наиболѣе нашествій и передвиженій различныхъ племенъ. Сюда переселялись цѣлые народы изъ Ирана и прорывались толпы варваровъ, тѣснимыхъ на сѣверѣ и югѣ. Естественныя ворота изъ Азіи въ Европу, образованная равниною на сѣверѣ отъ Каспія до Урала; въ теченіе долгихъ вѣковъ были дорогою различныхъ кочевыхъ ордъ, части которыхъ поддавались и на югъ, въ прикаспійскую равнину. Равнина эта, вездѣ удобная для сообщенія, изобильная водою, лѣсомъ и пастбищами, всегда, представляла удобный путь для движенія цѣлыхъ массъ войскъ въ обходъ Кавказскаго хребта, а потому она служила театромъ борьбы между народами сѣвера и народами юга. Здѣсь персы и арабы воевали съ хазарами, по ней нѣсколько разъ прошли монгольскія орды, войска турокъ, крымскіе татары, полчища персидскаго Александра—Надира! По ней же начались и первыя дѣйствія русскихъ войскъ, для дѣйствій въ горахъ. Эта же равнина долгое время служила единственнымъ торговымъ путемъ въ Закавказье, по которому производился обмѣнъ произведеній между Европою и Азіею. Отъ почти всѣхъ народовъ, проходившихъ по этому пространству въ разныя времена, оставались части на постоянное жительство; персидское правительство не разъ переселяло сюда, ради военныхъ цѣлей, жителей внутрен-

ней Персіи; поэтому и население этого края представляет также замѣчательное разнообразіе, хотя значительное большинство принадлежит къ тюркской вѣтви и господствующій языкъ также тюркскій. При такомъ значеніи прикаспійскаго побережья Кавказа извѣстія о немъ встрѣчаются довольно часто у древнихъ писателей, западныхъ и восточныхъ, но, при неясности и недостаточности географическихъ познаній, не отличаются точностью и достовѣрностью, даже часто противорѣчатъ другъ другу.

Доисторическій періодъ Каспійскаго побережья, какъ, впрочемъ, и всего Кавказа, до сихъ поръ не служилъ еще предметомъ систематическаго изученія, почему и не можетъ быть освѣщенъ достаточно полно. Можно думать, что Кавказъ былъ заселенъ сравнительно поздно, и что на немъ не находится типичныхъ слѣдовъ каменнаго вѣка, да и бронзовый періодъ представленъ довольно бѣдно. Д. Н. Анучинъ высказываетъ мнѣніе, что отсутствіе находокъ каменныхъ орудій и повѣрій о громовой стрѣлѣ невольно возбуждаетъ сомнѣніе въ древности въ Дагестанѣ человѣческой культуры и позволяетъ высказать предположеніе, что восточный Кавказъ и въ частности Дагестанъ былъ заселенъ уже сравнительно поздно, именно въ металлическую эпоху, и народами, имѣвшими уже домашнихъ животныхъ. Большая часть кургановъ, распространенныхъ въ значительномъ числѣ на примыкающихъ къ горамъ Кавказа плоскостямъ, относится уже къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ могильники сѣвернаго Кавказа. Происхожденіе ихъ должно быть приписано различнымъ народамъ, судя по тому, что способы насыпки кургановъ и содержаніе ихъ различны.

Мѣстность къ сѣверу отъ Дербента очень богата курганами, видъ, форма и расположеніе которыхъ очень разнообразны. Въ ближайшемъ разстояніи отъ города находятся: Карауль-тапа, большой курганъ; Башмакъ-тапа, Алимъ-тапа, Курчи-тапа, средніе курганы (отъ 4 до 6 аршинъ высоты); остальные, около десяти, малые (около сажени высоты). Всѣ эти курганы лежатъ на выходѣ изъ за Дербента на Дагестанъ, на главной дорогѣ, по которой движется всякій, прошедшій чрезъ «Ворота воротъ». Преданія о нихъ относятся въ двумъ-тремъ послѣднимъ столѣтіямъ, между тѣмъ какъ эти курганы нѣмые свидѣтели глубокой древности. Къ югу

отъ Дербента мѣстность бѣднѣ курганами, между которыми выдѣляются Довшанъ-тапа и курганы на Палась-сыртѣ. Изслѣдованіе этихъ кургановъ, произведенное гг. Руссовымъ и Цилосани, дало довольно бѣдный результатъ. Но между этими курганами встрѣтились очень интересные въ томъ смыслѣ, что дали возможность опредѣлить эпоху иранскаго вліянія въ этой мѣстности.

Между курганами нашлись два главныхъ типа, различаемые способомъ погребенія. Внѣшній видъ былъ, впрочемъ, у нихъ одинаковъ, и раскопки производились въ обоихъ случаяхъ обыкновеннымъ способомъ, вырываніемъ сверху колодца, почти до материка. Здѣсь неизмѣнно оказывались слѣды четырехугольника, пространство котораго было весьма легко опредѣлить, потому что въ остальныхъ частяхъ кургана былъ твердый грунтъ, а этотъ четырехугольникъ состоялъ изъ насыпной земли. Въ этомъ четырехугольникѣ встрѣчались иногда сдѣланныя изъ того же грунта 2–3 ступеньки или было положено 2–3 камня, и затѣмъ этимъ пространствомъ открывался путь къ овальной гробницѣ. Эта гробница была покрыта правильнымъ сводомъ, обнимающимъ всю ея величину, и была видимо устроена слѣдующ. образомъ. Углубленіе, назначаемое для самой могилы, опускалось до болѣе твердой почвы, тутъ почва была вынута, и пространство засыпано рѣчнымъ пескомъ. На этомъ пескѣ находился слой иловатой или зеленоватой глины, которая не встрѣчается въ горахъ, а только въ низкихъ мѣстахъ по теченію рѣкъ. На этомъ слоѣ были положены камни въ извѣстномъ порядкѣ, т. е. систематически и довольно симметрично. Напр., въ одной сторонѣ лежалъ камень, смазанный глиною, и на немъ кусокъ черепа. На противоположной сторонѣ было положено симметрично нѣсколько камней и на нихъ уложены 3–4 позвонка; противъ нихъ остальные позвонки были положены на такихъ же камняхъ, смазанныхъ этою же глиною. Такой способъ погребенія называется разчлененіемъ, потому, что тутъ, несомнѣнно, части тѣла намѣренно были положены въ такомъ симметрическомъ безпорядкѣ. Случайности здѣсь быть не могло, ибо подъ каждою костью была особая подстилка. Слѣдовъ антропофагіи не оказалось. Весьма любопытна оказалась одна могила; какъ только былъ снятъ камень, которымъ обыкновенно закладывался входъ въ могилу, то позади этого камня была найдена

задняя часть человѣческаго черепа. Передняя часть этого же черепа, совершенно правильно отдѣленная въ родѣ чаши, была расположена на камнѣ въ другомъ мѣстѣ. Въ этой могилѣ со слѣдами разчлененія трупа была найдены нѣкоторыя, не особенно, впрочемъ, характеристическія вещи. Между такими гробницами, съ обрядомъ разчлененнаго погребенія, находились курганы другого рода. Раскапывая ихъ, нападали сперва на такой же четырехугольный спускъ, изъ котораго полуовальный входъ велъ въ гробницу съ овальнымъ сводомъ. Но способъ погребенія въ этихъ гробницахъ былъ совершенно иной. Костякъ здѣсь лежалъ совершенно правильно на спинѣ, направленіемъ на западъ, и съ нѣкоторыми при немъ вещами. Такъ какъ курганы обоихъ типовъ находились смежно одни возлѣ другихъ, въ перемежку, то несомнѣнно, что, несмотря на различіе обрядовъ погребенія, они принадлежали одному и тому народу. При отсутствіи въ древнѣйшія времена вѣротерпимости, немислимо допустить погребеніе на одномъ мѣстѣ людей различной народности и религіи. Слѣдовательно, имѣя рядомъ эти 2 способа, слѣдуетъ искать, нельзя ли по возможности, хотя бы приблизительно, опредѣлить народность этихъ могилъ. Древнія священныя книги иранцевъ Зороастра даютъ намъ разгадку подобныхъ погребеній. Въ нихъ мы находимъ, что Землѣ непріятнѣ всего, «когда въ ней погребаютъ много умершихъ собакъ и умершихъ людей», и когда воздвигаютъ въ ней во множествѣ дакхмы, на которыхъ кладутъ умершихъ людей, а доставляетъ Землѣ величайшее наслажденіе, «кто преимущественно выгребаетъ тамъ, гдѣ умершіе собаки и люди были погребены, кто по преимуществу до основанія будетъ уничтожать дакхмы, на которыхъ умершіе люди кладутся», т. е. кто помогаетъ избѣгнуть всякое оскверненіе земли. Далѣе, въ перечисленіи разныхъ случаевъ, когда не происходитъ никакого оскверненія земли, говорится: «никакой трупъ, который разнесенъ будетъ собаками, птицами, волками, вѣтрами или мухами, не можетъ осквернить человѣка»; умершаго зимою человѣка должно выставить на воздухъ, пока не прилетятъ птицы. Покойникъ долженъ быть съѣдаемъ птицами и собаками. Такимъ образомъ обязанность всякаго послѣдователя религіи Зороастра было избѣгать оскверненія земли, каковымъ считалось погребеніе труповъ. Для избѣженія сего, персы не до-

пускали соприкосновенія труповъ съ священной для нихъ землею, и съ этою цѣлью строили особыя башни (дакхма), въ которыхъ трупы выставались: на съѣденіе птицамъ и только, когда всѣ мягкія и другія части трупа были съѣдены птицами и сверхъ того, когда кости окончательно очищены дождевою водою, тогда только очищенныя кости могли быть погребены въ землѣ, въ нарочно заготовленныхъ могилахъ, называемыхъ ката, для длины и ширины которыхъ была принята величина человѣческаго тѣла, и гдѣ кости должны были покоиться на камняхъ. Все это встрѣчается и въ дербентскихъ могилахъ съ обрядомъ разчлененія. Но какъ объяснить могилы съ цѣлыми тѣлами? Объясненіе находимъ въ словахъ Геродота и Страбона, что персы покрывали свои трупы воскомъ; слѣдов. и эти могилы принадлежатъ послѣдователямъ Зороастра. Къ какому же народу принадлежали эти послѣдователи? Зороастрово ученіе возникло между иранцами во время пребыванія ихъ въ Бактріанѣ, откуда послѣдователи его заняли Мидію, Сузіану и Персію, а за 2400 л. до Р. Х. даже покорили Вавилонъ. Занявши Мидію, иранцы нашли большую часть страны занятою туранцами, подъ вліяніемъ которыхъ законъ Зороастра подвергся сильнымъ измѣненіямъ, доходящимъ до допущенія сожженія труповъ. Между тѣмъ въ дербентскихъ могилахъ замѣтно точное и дословное исполненіе священныхъ законовъ. На этомъ основаніи эти могилы должны принадлежать тому времени, когда маздеизмъ существовалъ въ извѣстной чистотѣ, безъ явной примѣси чуждыхъ элементовъ. Такая эпоха скорѣе всего совпадаетъ съ воцареніемъ Кира (559 г. до Р. Х.), положившаго конецъ Мидійской имперіи, и когда иранскій элементъ получилъ перевѣсъ. Какъ прежняя Мидійская имперія, такъ и Персидская, съ сѣвера граничили оъ землею Урарти, подъ которою разумѣли Закавказье. Страбонъ, описывая границы Аріаны, указываетъ на сѣверѣ Каспійскія ворота, какъ на крайній предѣлъ, до котораго Аріана простиралась на сѣвер. Такая естественная граница не можетъ, впрочемъ, считаться непроходимою при переселеніи народовъ, потому что курганы, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ отъ Дербента, встрѣчаются съ однимъ и тѣмъ же обрядомъ разчлененія. И тѣ и другія могилы принадлежали племенамъ мидійскимъ, такъ, какъ Мидія ближе граничила съ Урарти, чѣмъ Персія. Одинаковое погребеніе во

всѣхъ этихъ курганахъ ясно доказываетъ строгое исполненіе законовъ Зороастра, и дѣйствительно при Кирѣ и его преемникахъ Закавказье находилось въ тѣсной связи съ Персидскою монархіею. При Даріи XXIII сатрапія занимала страну на югѣ отъ Дербента, отъ западнаго берега Каспія и далѣе на западъ до озера Урміи. По этимъ соображеніямъ, можно предположить, что дербентскія могилы могутъ относиться къ VI или V ст. до Р. Х.; можетъ быть къ той эпохѣ, когда мидійцы, въ VII в. до Р. Х., подчинили себѣ Урарти и всѣ смежныя съ этою областью страны Кавказа. Такимъ образомъ остроумное и изящное изслѣдованіе графа А. С. Уварова вводитъ насъ въ древнѣйшій періодъ исторіи мѣстности нашего города и указываетъ на древность иранскаго вліянія въ ней.

Обращаясь къ классическимъ писателямъ, мы находимъ у нихъ слѣдующія извѣстія о той же мѣстности. Въ отрывкахъ древнѣйшаго греческаго географа Гекатея Милетскаго, жившаго въ концѣ VI в. до Р. Х., встрѣчается первое извѣстіе о Каспійскихъ воротахъ, до которыхъ доходила Мидія. Положеніе этихъ воротъ можетъ подавать поводъ къ недоумѣніямъ; нельзя быть увѣреннымъ, что названіе это обозначаетъ именно Дербентскій проходъ, но извѣстіе это важно потому, что обнаруживаетъ значительное протяженіе Мидіи въ глубокой древности вглубь восточнаго Закавказья. Отецъ исторіи, Геродотъ († ок. 425 до Р. Х.) говоритъ, что до Кавказскаго хребта простирается владычество персовъ, а страны къ сѣверу отъ Кавказа и не думаютъ о нихъ; онъ же повѣствуетъ, что при Киаксарѣ, царѣ Мидійскомъ (625 – 595 г. до Р. Х.) скиѣ сдѣлали вторженіе въ Азію, гдѣ господствовали 28 лѣтъ, послѣ чего вернулись назадъ; въ Азію они шли по верхней, гораздо болѣе длинной дорогѣ, имѣя по правую руку Кавказскія горы, слѣдов. шли по прибрежію. Это—извѣстіе о древнѣйшемъ нашествіи или походѣ чрезъ мѣстность Дербента или Каспійскія ворота. Страбонъ († ок. 23 г. по Р. Х.) въ своей Географіи сообщаетъ: «Живутъ албанцы между иверами и Каспійскимъ моремъ, на востокъ примыкая къ морю, а на западѣ гранича съ иверами; изъ остальныхъ сторонъ сѣверная ограждается Кавказскими горами (онѣ высятся надъ равнинами и ближайшія къ морю называются Керавнскими), а южную образуетъ прилегающая Арменія. Въ возвышенностяхъ надъ Албаніей живутъ амазонки, между которыми и албанцами живутъ гели и

леги. Царица амазонок Эалистрия отправилась на встречу Александра Великого от Каспийских ворот». Таким образом Албания, описанная Страбоном, занимала то самое пространство, какое впоследствии занимал Ширван в обширном смысле, т. е. нынешнюю Бакинскую губ. с частью Елисаветпольской и южной частью Дагестана. Каспийские ворота, составлявшие границу Ариана, по смыслу слов Страбона, был Дербентский проход. Благодаря войнам Помпея с Митридатом, сведения древних о Кавказе расширяется, и в «Географическом руководстве» Птолемея (II в. по Р. Х.) находим более подробное описание положения Албании. С юга азиатская Сарматия, говорит он, ограничивается пограничной чертой Колхиды, Иберии и Албании, идущей отсюда до Гирканского или Каспийского моря. На границе с Иберией находятся Сарматские ворота (77° – 47°), и затем предель вдоль Албании до Гирканского моря, где устье р. Соаны под 86° – 47° . С востока азиатская Сарматия граничит частью Гирканского моря, в которой, за устьем р. Соаны, находятся: устье р. Алонта под $86^{\circ}30'$ – $47^{\circ}40'$, устье р. Удона под 87° – $42^{\circ}20'$, устье р. Ра – $87^{\circ}37'$ – $48^{\circ}50'$, и далее Скивией. Вдоль Каспийского моря живут уды, олонды, исонды и герры. Албания граничит с севером описанной частью Сарматии, с запада – Иберией по указанной линии, с юга – Великой Арменией, идущей от границы с Иберией до Гирканского моря к устью р. Кира ($79^{\circ}40'$ – $44^{\circ}30'$) с востока частью Гирканского моря, простирающегося отсюда до р. Соаны, по след. описанию: за устьем р. Соаны: город Телэва (85° – $46^{\circ}40'$), устье р. Герра ($84^{\circ}30'$ – $46^{\circ}30'$), город Гелда (83° – $46^{\circ}30'$), устье р. Кэсия ($82^{\circ}30'$ – 40°), город Албана ($81^{\circ}40'$ – $45^{\circ}50'$), устье р. Албана ($80^{\circ}30'$ – $45^{\circ}30'$), город Гэтара ($79^{\circ}30'$ – 45°), за которым находится устье р. Кира ($79^{\circ}40'$ – $44^{\circ}30'$). Кроме того Албанские ворота лежат под 80° – 42° ш.). Если р. Соану принять, как это делают многие ученые, за р. Сулак, то Албания простиралась на юг от нея на протяжении всей равнины, по которой течет Кура, т. е. весь Ширван и Кахетия; Албана в таком случае лежала около того места, где ныне Дербент. Так ее и обозначают такие авторитеты по исторической географии, как Кипперт и Шпруннер. Таким образом из слов Птолемея мы можем заключить, что уже в древности около Албанских или Каспийских ворот, т. е. Дерб-

бентскаго прохода, существовало поселеніе, но судьба его неизвѣстна. По словамъ Евсевія († 340 по Р. Х.), албанцы жили за воротами каспіановъ. По словамъ Тацита († ок. 117 г. по Р. Х.), при Тиверіи, иверы впустили сарматовъ противъ армянъ Каспійской дорогой; единственный проходъ, остававшійся между моремъ и концемъ Албанскихъ горъ, былъ непроходимъ въ лѣтнее время, потому что при дуновеніи пассатовъ наполняются водою разливы, а зимою вѣтеръ (австръ) катитъ волны назадъ, и, когда море уйдетъ внутрь, береговья отмели обнажаются; у него же упоминаются Каспійскія ворота. Иосифъ Флавій (I в. по Р. Х.) рассказываетъ, что аланы, желая напасть на Мидію, вошли въ переговоры съ царемъ Гирканскимъ, владѣвшимъ проходомъ, который Александръ В. нѣкогда заперъ желѣзными воротами, и чрезъ нихъ проникли въ Арменію; по его же словамъ, скибы прошли чрезъ Каспійскія ворота. Плиній († 79 по Р. Х.) отличаетъ Кавказскія ворота (Дарьяль) отъ Каспійскихъ. Вообще, изучая извѣстія греческихъ и латинскихъ писателей, въ которыхъ выражаются; географическія понятія древности, нельзя не прійти къ заключенію, что Европа ознакомилась съ Чернымъ, Азовскимъ и Каспійскимъ морями и странами, ихъ окружавшими, лишь сравнительно поздно, послѣ Р. Х., и еще въ IV в., по словамъ Амміана Марцелина, римляне совсѣмъ не были знакомы съ нѣкоторыми странами и племенами Закавказья. Изъ рассказовъ греческихъ и римскихъ писателей можно только вывести заключеніе, что въ степяхъ прикаспійскихъ, прилегающихъ къ сѣверному Кавказу, жили кочевые и полукочевые народы, а собственно на Кавказѣ осѣдлые, имѣвшіе города, укрѣпленія, деревни, но яснаго понятія объ этихъ народахъ классики не даютъ; поэтому то извѣстія ихъ до сихъ поръ служатъ предметомъ научнаго изслѣдованія, дающаго въ результатъ лишь болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы. Даже болѣе поздніе писатели армянскіе, арабскіе, грузинскіе, оставившіе довольно многочисленныя свидѣтельства о Кавказѣ и его народахъ, на столько неясны и противорѣчивы, что изъ ихъ извѣстій нельзя составить никакого яснаго представленія объ этомъ краѣ.

Изъ извѣстій древнихъ писателей мы можемъ заключить лишь одно, что мѣстность, занимаемая Дербентомъ, была извѣстна подъ именемъ Албанскихъ или Каспійскихъ воротъ, представляющихъ

узкій проходъ между горами и моремъ; у армянскихъ писателей проходъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ Чога, Чола, Чуръ и пр. Впрочемъ, нѣкоторые писатели различаютъ эти проходы; такъ Прокопій говоритъ: «одинъ проходъ чрезъ Кавказскія горы называется Цуръ, другой—Каспійскія ворота». Проходъ этотъ въ глубокой древности, какъ мы видѣли, находился во владѣннн мидянъ, потомъ перешелъ къ персамъ; можетъ быть, онъ, какъ вообще горные проходы, былъ укрѣпленъ стѣнами и башнями, при господствѣ персидскихъ царей, въ очень отдаленную эпоху противъ вторженія скиѳовъ; но слишкомъ смѣло утверждать, какъ это дѣлаетъ Е. Марковъ, что «несомнѣнно, въ VII в. до Р. Х., въ эпоху нашествія скиѳовъ на Персію, Дербентскія или Каспійскія ворота были уже выстроены». Послѣ паденія персидской монархіи страна эта перешла подъ власть Селевкидовъ, а послѣ нихъ, по словамъ Юсифа Флавія, Каспійскій проходъ былъ во власти царя Гирканскаго.

При неопредѣленности и сбивчивости географическихъ названій у древнихъ писателей, конечно, не представляется возможнымъ прослѣдить судьбы мѣстности Дербента во всей полнотѣ. Поэтому приходится ограничиваться отрывочными свѣдѣніями, сообщаемыми историками и географами въ связи съ исторіею народовъ, обитавшихъ главнымъ образомъ на сѣверѣ Кавказа, походы и нашествія которыхъ на Закавказье даютъ случаи упоминать о Дербентскомъ проходѣ.

Въ I в. по Р. Х. впервые появляется въ исторіи имя аланъ, которые занимали всѣ степи на сѣверѣ отъ Кавказскаго хребта и почти всѣ главныя горныя ущелья до южнаго Дагестана. По разсказу Юсифа Флавія, они въ 72 г. по Р. Х. вторглись въ Арменію и Мидію чрезъ Каспійскій проходъ. По грузинской лѣтописи, цари Грузіи, Азоркъ и Армазель (87–103 г. по Р. Х.), воюя съ царемъ Арменіи, призвали аланъ и лековъ, которые прошли чрезъ Каспійскія ворота, но были разбиты. Вѣроятно, объ этомъ же походѣ говоритъ Моисей Хоренскій, разсказывая, что при армянскомъ царѣ Арташесѣ аланы, соединившись съ горцами, огромными толпами распространились по Арменіи.

Съ III в. Р. Х. на сѣверѣ Кавказа и на берегахъ Каспія начинается возвышаться царство хазаровъ. По господствующему въ наукѣ

взгляду, хазары были народомъ, смѣшаннымъ изъ разныхъ племенъ, что очень естественно на границѣ Азіи и Европы, на перепутьѣ народовъ; вѣроятно, это были преимущественно турецкія и финскія племена. Византійцы и арабы часто называютъ ихъ турками; первые прибавляютъ эпитетъ восточные. Память объ ихъ могущественномъ государствѣ надолго пережила его существованіе; у Марино Сануто (ок. 1321 г.) все кипчакское царство называется Газаріею, а у нѣкоторыхъ географовъ Крымъ, входившій въ составъ хазарскаго царства, назывался Газаріей еще до XVI в. Въ исторіи Дербента хазары играютъ видную роль; вслѣдствіе борьбы съ ними персовъ онъ получаетъ начало, и темныя сказанія о проходѣ замѣняются повѣствованіями объ укрѣпленіи и городѣ, получившемъ свое настоящее имя, но еще болѣе извѣстнымъ у восточныхъ писателей подъ названіемъ Бабъ-эль-Абвабъ, т. е. Ворота воротъ. До него простиралась южная граница хазарскаго царства; въ извѣстномъ письмѣ хазарскаго царя Юсифа (960 г.) къ еврейскому визирю халифа Кордовскаго, рабби Хисдаи ибнъ Шапрутъ, говорится, что граница Хазаріи съ южной стороны доходитъ до воротъ Бабъ-эль-Абвабъ. Жители послѣдняго страдали отъ хазаръ, и самый городъ былъ яблокомъ раздора между сосѣдями, хазарами и персами, не разъ мѣняя властителя. Персидскіе гарнизоны у желѣзныхъ воротъ Дербента по облакамъ пыли догадывались, что безпокойныя орды степныхъ сосѣдей-кочевниковъ снова собираются произвести нападеніе на цвѣтущія провинціи Персіи, не разъ испытавшія на себѣ ужасъ ихъ нашествій. Позднѣе персовъ замѣнили арабы, борьба съ которыми хазаръ за обладаніе Дербентомъ также упорна.

Въ грузинскихъ лѣтописяхъ, вообще отличающихся баснословіемъ о древнихъ временахъ, повѣствуется, что въ 2302 г. отъ сотворенія міра хазары, вторгнувшись въ тѣснины Дербента и Дарьяла, опустошили Грузію и Арменію, на жителей ихъ наложили дань и на возвратномъ пути увлекли за собою все народонаселеніе цѣлыхъ областей; конечно, значенія для исторіи хазаръ это извѣстіе не имѣетъ, такъ какъ имъ приписано вѣроятнѣе всего нашествіе скиѳовъ на Азію, о которомъ говоритъ Геродотъ. Не болѣе историческаго значенія имѣетъ дальнѣйшій рассказъ грузинской хроники: хазары нападали на Грузію чрезъ Морскія ворота, пока

персидскій царь Афридунъ (Феридунъ, царь изъ баснословной династїи Пищдадійцевъ) приказалъ своему эриставу Ардону (Ардомъ) идти на нихъ. Ардомъ вошелъ въ страну хазаръ, взялъ всѣ города и замки, убилъ всѣхъ найденныхъ имъ хазаръ и построилъ при Морскихъ воротахъ (Згвись-кари) городъ, названный имъ Дарубандъ, т. е. запертыя ворота.

Первое достовѣрное извѣстіе о хазарахъ находимъ у армянскаго историка V в. Моисея Хоренскаго. Онъ рассказываетъ, что въ послѣднее время правленія армянскаго царя Вахарши (Валарсака) хазары съ спутниками своими базами прорвались чрезъ ворота Чоръ (Дербентъ) подъ предводительствомъ царя своего Венасена и проникли за р. Куру. Здѣсь они были встрѣчены многочисленными войсками подъ начальствомъ Вахарши, который разбилъ ихъ и гналъ обратно до Чорскихъ воротъ; но здѣсь хазары, соединившись, снова вступили въ битву и убили Вахаршу (198 г.), Сынъ и наслѣдникъ его, Хосровъ, рѣшившись отомстить за смерть отца, съ большимъ войскомъ прошелъ Чорскія ворота, вторгнулся въ землю хазаръ, побѣдилъ ихъ, взялъ съ каждой сотни по одному заложнику и въ знакъ своего владычества оставилъ памятникъ на греческомъ языкѣ. Ворота Чоръ остались во власти армянскаго царя, и Хосровъ пропустилъ чрезъ нихъ своихъ союзниковъ – гуннскія племена, призванныя имъ противъ персовъ. Пораженіе, нанесенное Хосровомъ хазарамъ, вѣроятно, сильно ослабило ихъ, потому что въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія армянскіе историки не говорятъ о нихъ. Но при Тиридатѣ II (259–314 г.) хазары снова вторглись въ Арменію, гдѣ были разбиты Тиридатомъ, гнавшимъ ихъ за Чорскія ворота и взявшимъ съ нихъ заложниковъ. Но это не помогло: въ 350 г. хазары въ числѣ до 30000 снова вторглись чрезъ Чорскія ворота въ Арменію и поселились въ предѣлахъ албанскихъ, откуда ихъ могли изгнать армяне чрезъ 4 года лишь при помощи персидскаго царя Сапора II (Шапуха, 309–380).

Къ IV в. относятся историческія извѣстія о христіанствѣ въ странахъ дербентскихъ. По преданію, передаваемому преимущественно армянскими историками, апостоль Варѳоломей проповѣдывалъ въ Албаніи, т. е. и въ южномъ Дагестанѣ. По тому же преданію, св. Елисей (Егише), ученикъ св. Фаддея, посвященный въ епископы св. Іаковомъ, братомъ Господнимъ, пришелъ въ

Агованію (Албанію) для проповѣди христіанства, заходивъ къ маскутамъ, т. е. въ нагорный Дагестанъ, и проповѣдывалъ въ Чога, т. е. дербентской округѣ; онъ былъ побитъ камнями въ долину Аргунъ или Зергуни (Кабалинскій участокъ Нухинскаго уѣзда). Очевидно, что св. Елисей обратилъ въ христіанство нѣсколько отдѣльных семействъ въ разныхъ мѣстахъ; выраженіе Моисея Каганкатваци, что Египше заходилъ и къ маскутамъ, не доказываетъ, конечно, что христіанство распространилось между дагестанскими горцами. Въ IV в., когда христіанство утвердилось въ Грузіи и Арменіи, оно, по словамъ историковъ этихъ странъ, появилось и около Дербента. Моисей Хоренскій говоритъ, что св. Нина проповѣдывала до воротъ алановъ и отъ каспійцевъ до предѣловъ маскутовъ, терминъ, подъ которымъ разумѣлись жители нагорнаго Дагестана. По разсказу того же автора и другихъ армянскихъ историковъ правители сѣверо-восточныхъ странъ пришли и сказали царю Тердату (Тиридату), что жители этихъ странъ хотятъ принять христіанство и просятъ послать имъ епископа изъ рода св. Григорія. Былъ посланъ св. Григорисъ (Григорій младшій), внукъ св. Просвѣтителя, который былъ назначенъ епископомъ въ страну агуанковъ по сосѣдству мессагетовъ. Онъ прибылъ въ городъ Цри (Чора) и основалъ тамъ церковь. Потомъ онъ прибылъ въ лагерь-царя мессагетовъ, Санесана, который приказалъ привязать его къ Хвосту лошади и пустить ее по берегу моря (342 г.); это произошло на Ватніанской (Ватнійской) равнинѣ, которая, по преданію, находилась въ 30 верстахъ къ югу отъ Дербента близъ сел. Молла-Халиль, гдѣ стоитъ часовня во имя Григориса; дербентскіе армяне разъ въ годъ ходятъ туда на поклоненіе, и сами мусульмане чтутъ это мѣсто за святыню. До 1796 г., по словамъ Лазарева, въ Молла-Халиль жили армяне, которые въ этомъ году вмѣстѣ съ обществомъ мушкурскихъ армянъ въ числѣ 1600 дымовъ переселились въ Кизлярскій уѣздъ. Указаніе мѣста мученической кончины св. Григориса какъ бы подтверждается разсказомъ Моисея Каганкатваци, что въ VI в. князь агванскій Вазаръ-Трдатъ на пути къ гуннамъ прибылъ на мѣсто кончины св. Григориса, а чрезъ нѣсколько дней достигъ воротъ Чога, недалеко отъ Дарбанда. По одному списку Дербентъ-наме, дербентцы въ 355 г. приняли христіанство отъ какого то Нееманъ-шаха. Всѣ эти извѣстія доказываютъ, что въ

IV в. христианство изъ Арменіи проникло и въ страну около Дербента, но едва ли приняло обширныя размѣры и пустило глубокіе корни. Моисей Каганкатвази сообщаетъ, что послѣ кончины св. Григориса, католикоса агванскаго, народъ странъ восточныхъ впалъ снова въ идолопоклонство. Одинъ изъ вардапетовъ распространилъ христианство въ странѣ агвановъ и въ ущельѣ Чога. Когда же страна подпала подѣ власть хазаровъ, патріаршій престолъ изъ г. Чога перенесли въ столицу Партавъ (VI в.). Въ VII в. на шестомъ вселенскомъ соборѣ (656 г.) католикосу Мцхетскому были подчинены страны до моря Дербентскаго, отъ Дербента до границъ Осетіи, что, впрочемъ, не доказываетъ еще существованія здѣсь епархіи. По словамъ Моисея Каганкатвази, «Меслима въ 180 г. х. вторично выстроилъ Дербандъ во имя таджиковъ, но не разрушилъ восточнаго патріаршаго двора, который еще и до сихъ поръ существуетъ въ немъ» (т. е. въ X в.). По росписямъ Льва Премудраго (887–911) показываются въ западныхъ прикаспійскихъ странахъ двѣ епархіи православныхъ митрополитовъ. Императоры Константинъ V (912–959) и Романъ I (919–944), отправляя золотую буллу къ католикосамъ Арменіи, Иверіи и Албаніи, а также къ владѣтелямъ христіанскихъ народовъ въ Азіи, адресовали ее къ «архонтамъ Азіи, гдѣ Каспійскія ворота». Всѣ эти извѣстія, вѣроятно, относятся къ епархіямъ *in partibus intidelium*.

Въ IV в. нахлынули изъ за Волги ужасныя гунны и въ бурномъ стремленіи своемъ поглотили и хазаръ, а по смерти Аттилы они были покорены сарагурами, урогами и оногурами (462 г.). Потомъ побѣдители и побѣжденные отправились вмѣстѣ войною на Персію, двинулись къ Каспійскимъ воротамъ, но, встрѣтивъ тамъ персидскій гарнизонъ, другою дорогою прошли въ Грузію, опустошили ее и простирали свои набѣги до Арменіи. Такъ передаютъ византійцы; по словамъ же армянскаго историка Егише, гунны въ 454 г. въ царствованіе персидскаго шаха Іездигерда II (Язкерта, 438–457) взяли и разрушили проходъ Чора, гдѣ Іездигердъ съ большими издержками построилъ крѣпость, вторглись въ Персію и опустошили ее. Почти къ тому же времени относятся загадочныя извѣстія Егише, что марцпанъ (марз–граница, пай – хранить, слѣдов. хранитель границъ, начальникъ пограничной провинціи) Чоры, Себухтъ, прошелъ съ цѣлью разрушить церкви агвановъ, въ

началъ царствованія Маркіана (450–457), и грузинской хроники, что въ войнѣ грековъ съ персами при Вахтангѣ Гургасланѣ (446–499) палъ царь дарубандскій. Не указываютъ ли эти извѣстія на принадлежность Каспійскихъ воротъ Персіи и на существованіе здѣсь уже въ V вѣкѣ персидскаго укрѣпленія? Около 466 г. по извѣстіямъ византійцевъ, царь гуннскій, т. е. хазарскій, Амбазукъ, осадилъ Каспійскія ворота и взялъ ихъ. Дѣйствительно, освободившись отъ власти гунновъ, хазары начали быстро усиливать свое могущество, такъ что въ VI ст. владѣнія ихъ на югъ отъ Кавказскихъ горъ простирались уже до рѣки Аракса, а въ первой половинѣ этого вѣка они простирали свои набѣги до Малой Азіи. Тогда для воспрепятствованія имъ еще далѣе простирать свои набѣги, персидскій царь Кобадъ послалъ противъ нихъ 12000 войска, которое овладѣло странами между Курою и Араксомъ. Завоевавъ потомъ страну къ сѣверу (Ширванъ), Кобадъ на сѣверныхъ ея границахъ велѣлъ построить огромный валъ, въ которомъ было 300 башенъ, отъ моря до вратъ Аланскихъ (Каспійскихъ). Кобадъ требовалъ отъ византійскаго императора 5500 кендинаріевъ (142265 т. р.), чтобы заплатить хранителю воротъ, но получилъ отказъ, почему опустошилъ Месопотамію. Потомъ, по построеніи дербентскихъ укрѣпленій, этотъ валъ перестали поддерживать. Сынъ Кобада, Хозрой Нуширванъ, построеніемъ крѣпости и города Дербента завершилъ дѣло своего отца – обезопасеніе сѣверныхъ границъ Персіи отъ хазаровъ. Объ этомъ событіи, отъ котораго собственно начинается исторія города Дербента, будетъ изложено ниже подробно. Въ царствованіе сына Нуширвана, Гормузда, когда Персія подверглась нападенію турокъ на востокъ и Византіи на западъ, хазары, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, прорвались чрезъ Дербентъ и вторгнулись въ Персію (578 г.). Въ 626 г. императоръ Византіи Ираклій вступилъ въ союзъ съ хазарами противъ Персіи; хазарское войско, подъ начальствомъ Зибиля (Зигибеля), направляясь въ Персію, обложило Дербентъ и взяло его. У армянскаго писателя X в., Моисея Каганкатваци, находимъ слѣдующее картинное описаніе участи, постигшей молодой городъ: «При приближеніи всемірнаго бича, который предстоялъ намъ всѣмъ, прежде всего волны колеблющагося моря ударили въ нее (Чога) и разрушили, до основанія. Видя страшную опасность со стороны безобразной,

гносной, широколицой, безъ рѣсничной толпы, которая въ образѣ женщинъ съ распущенными волосами устремилась на нихъ, содроганіе овладѣло жителями; особенно при видѣ меткихъ и сильныхъ стрѣлковъ, которые какъ бы сильнымъ градомъ одожили ихъ, и, какъ хищные волки, потерявшіе стыдъ, бросились на нихъ и безпощадно перерѣзали ихъ на улицахъ и площадяхъ города. Глазъ ихъ не щадилъ, ни прекрасныхъ, ни милыхъ, ни молодыхъ изъ мужчинъ или женщинъ; не оставлялъ въ покоѣ даже негодныхъ, безвредныхъ, изувѣченныхъ и старыхъ; они не жалобились, и сердце ихъ не сжималось при видѣ мальчиковъ, обнимавшихъ зарѣзанныхъ матерей; напротивъ, они доили изъ груди ихъ кровь, какъ молоко. Какъ огонь проникаетъ горящій тростникъ, такъ входили они въ одни двери и выходили въ другія, оставивъ тамъ дѣянія хищныхъ птицъ и звѣрей; тогда только волны двинулись на насъ». Прорвавшись такимъ образомъ черезъ Дербентъ, хазары вторгнулись въ глубь Персіи и, опустошая все, проникли въ Адербейджанъ, откуда съ приближеніемъ зимы вернулись домой опять чрезъ Дербентъ. Объ этомъ походѣ говоритъ и русская лѣтопись, называя хазаръ бѣлыми уграми: «Сіи бо угры почаша быти при Иракліи царѣ, иже ходиша на Хоздроя царя Перскаго». Въ 654 г. хазары снова сдѣлали набѣгъ на Арменію, а въ 658 г. на Албанію и Иверію. Но въ то время, какъ хазары торжествовали надъ ослабѣвшими уже сассанидскими государями, новый грозный врагъ ихъ зарождался въ Азіи. Въ Аравіи совершался въ то время великій переворотъ, слѣдствія котораго не замедлили обнаружиться и для отдаленныхъ обитателей странъ прикаспійскихъ. Воспламенныя фанатизмомъ арабы готовы были, по слову пророка, завоевать цѣлый міръ, оружіе ихъ гремѣло въ передней Азіи, и въ халифатство Омара (634–644) они проникли въ Ширванъ. Съ этихъ поръ начинается упорная борьба хазаровъ съ арабами, сломившая ихъ силы въ Закавказьѣ и отдавшая Дербентъ подъ владычество послѣднихъ. Объ этой борьбѣ, центромъ которой является нашъ городъ, рѣчь впереди, теперь бросимъ взглядъ на дальнѣйшую судьбу хазарскаго царства.

Несмотря на побѣду арабовъ и на переходъ Дербента окончательно въ ихъ руки, хазары еще нѣсколько разъ въ VIII в. прорываются въ Закавказье: въ 710 г. каганъ ихъ съ 80000 челов. сдѣлалъ

набѣгъ на Авганію чрезъ Дербентъ, въ 728 г. они учинили нашествие на Арменію и воротились съ богатою добычею, въ 764 г. вторглись въ Грузію чрезъ Дербентъ, ворвались въ Тифлисъ и производили оттуда страшныя опустошенія; войско, высланное противъ нихъ халифомъ Аль-Мансуромъ, было разбито. Наконецъ, въ 799 году, подъ предводительствомъ самого кагана, въ числѣ 100000 человекъ, чрезъ Дербентъ отправились въ Арменію, совершили тамъ неслыханныя жестокости и увели множество плѣнныхъ; но наконецъ полководецъ Іезидъ, посланный халифомъ Гарунъ-аль-Рашидомъ, успѣлъ изгнать ихъ изъ земель мусульманскихъ. Этимъ окончилась кровопролитная, почти двухвѣковая борьба двухъ воинственныхъ народовъ Европы и Азіи; арабы побѣдили и остались спокойными обладателями Закавказья, и съ этихъ не упоминается уже болѣе объ ихъ войнахъ съ хазарами. Последніе обратили оружіе свое на сосѣдей съ сѣвера и запада; ихъ дѣятельность, также разрушительная, переносится на сѣверъ отъ Кавказа. Начавшаяся скоро борьба ихъ съ Кіевскимъ княжествомъ подтачиваетъ ихъ силы, и въ XI в. ихъ государство исчезаетъ съ лица земли.

Обратимся теперь къ важнѣйшему для насъ въ исторіи хазаръ факту – основанію Дербента, предварительно ознакомившись съ литературнымъ памятникомъ, посвященнымъ исторіи сего города. Въ соотвѣтствіи тому значенію въ мусульманскомъ мірѣ, какимъ пользовался Дербентъ, исторія его излагается въ отдѣльномъ сочиненіи, представляющемъ единственную извѣстную спеціальную исторію одной изъ мѣстностей Закавказья. *) Впрочемъ, въ этой «исторіи Дербента», Дербентъ-наме, значительная часть отведена и всему Дагестану съ конца V до начала X в. Главное содержаніе книги – исторія водворенія ислама въ Дагестанъ, почему книга пользуется широкою популярностію среди мѣстныхъ мусульманскихъ ученыхъ и грамотеевъ.

Въ европейской наукѣ Дербентъ-наме сдѣлалась извѣстною въ

*) Въ засѣданіи восточной комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго общества 23 марта 1891 г. была представлена рукопись изъ Амуха, частью на арабскомъ языкѣ, гдѣ арабскій текстъ рассказываетъ о происхожденіи г. Дербента и др. По мнѣнію ориенталиста г. Аттая, легенда эта можетъ служить дополненіемъ къ Дербентъ-наме.

началъ XVIII вѣкѣ: экземпляръ ея поднесъ въ 1722 г. Петру Великому наибъ города; императоръ передалъ его для храненія въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Впервые ознакомилъ ученыхъ съ содержаніемъ ея извѣстный академикъ XVIII в. Байеръ, сообщившій о ней свѣдѣнія и приведшій изъ нея извлеченія въ своемъ трудѣ: *De muro Caucaseo*, появившемся въ первомъ изданіи С.-Петербургской Академіи Наукъ: *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae? tomus primus ad annum 1726. Petropoli. 1728, pag. 425–463*. Русскій переводъ этой статьи Байера, сдѣланный Иоанномъ Ильинскимъ Ярославцемъ, подъ заглавіемъ: «О стѣнѣ Кавказской, чего издатель есть *Θ. З. Байеръ*», напечатанъ въ изданіи той же академіи: «Краткое описаніе комментаріевъ Академіи Наукъ. Часть первая на 1726 годъ». Въ то же время рукописи Дербентъ-наме стали попадаться въ библіотекахъ Берлина и Парижа. Карамзинъ (III т., примѣч. 292) говоритъ о рукописи, найденной имъ въ бумагахъ академика Миллера подъ заглавіемъ: «Извѣстіе о городѣ Дербентѣ», переведенной съ арабскаго языка въ Кизлярѣ въ 1758 г. стараніемъ генералъ-майора и кизлярскаго оберъ-коменданта фонъ-Фраундорфа; приведенныя изъ этой рукописи выдержки доказываютъ, что это одна изъ версій Дербентъ-наме. Въ концѣ XVIII в. появилось сочиненіе врача Якова Рейнегтса, игравшаго нѣкоторую роль въ дѣлахъ Закавказья этого столѣтія, изданное послѣ его смерти подъ заглавіемъ: «*Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. 1796–1797*», въ которомъ (въ I томѣ) онъ даетъ свѣдѣнія объ исторіи Дербента, причемъ пользуется Дербентъ-наме, рукопись которой передалъ въ университетскую библіотеку въ Гейдельбергъ. Болѣе широкому знакомству съ Дербентъ-наме способствовалъ извѣстный ориенталистъ, путешествовавшій и по Кавказу, Юлій Клапротъ, напечатавшій въ пользующемся большею извѣстностью въ ученомъ мірѣ изданіи *Journal Asiatique*, 1829, I, 439–467, статью: *Extrait du Derbend-Namêh ou de l'histoire de Derbend*, въ которой представилъ въ переводѣ съ тюркскаго по рукописи Королевской библіотеки въ Берлинѣ обширныя извлеченія изъ Дербентъ-наме. Вѣроятно, подъ влияніемъ этого труда, въ этомъ же году «Тифлисскія Вѣдомости» (1829 г., № 44) объявили о скоромъ выходѣ въ свѣтъ тюркскаго перевода Дербентъ-наме вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ; издателями этого

труда газета называла майора Аббасъ Кули Бакиханова и одного изъ нашихъ офицеровъ, вѣроятно, топографа М. Сараджева, который въ томъ же году снялъ въ Тифлисѣ копию съ рукописи Дербентъ-наме, хранящуюся нынѣ въ С.-Петербургской Публичной библиотекѣ. Это предпріятіе не осуществилось, и только въ «Тифлисскихъ вѣдомостяхъ», 1829 г., № 45, напечатаны два отрывка изъ Дербентъ-наме въ русскомъ переводѣ: одинъ о Нуширванѣ и о постройкѣ Кавказской стѣны, другой о переселеніи Кубадомъ людей въ Дербентъ. Въ 1839 г. уроженецъ Дербента, профессоръ Казанскаго университета, Каземъ-бекъ получилъ тюркскую рукопись Дербентъ-наме отъ Мирзы Керима, секретаря (мирзы) Ибрагимъ бека Карчагскаго, и въ 1851 г. издалъ ее съ переводомъ, съ примѣчаніями и съ приложеніями отрывковъ изъ арабскихъ авторовъ (также съ переводомъ) въ «Memoires presentes a l'Academie Imperiale des Sciences de St. Petersbourg par drivers savants et lus dans ses assemblees», VI, 439–711, подъ заглавіемъ: «Derbend-Nâneh Translated from a select turkish version und published with the texts and with Notes», ибо русскій профессоръ напечаталъ въ изданіи русской академіи переводъ и примѣчанія на англійскомъ языкѣ. Въ газетѣ «Кавказъ», 1852 г., № 23, въ фельетонѣ напечатано обѣщаніе редакціи помѣстить въ томъ же году «извлеченіе изъ Дербентъ-наме, сдѣланное на русскомъ языкѣ г. Илличевскимъ», но обѣщаніе такъ и осталось обѣщаніемъ. Наконецъ, въ 1898 г. въ Тифлисѣ появился полный переводъ Дербентъ-наме на русскій языкъ подъ заглавіемъ: «Къ древней исторіи восточнаго Кавказа. Тарихи Дербентъ-наме (съ 9. приложеніями). Переводъ съ языковъ: тюркскаго, арабскаго, персидскаго и французскаго, подъ редакціей М.Алиханова-Аварскаго». Переводъ Дербентъ-наме по версіи Султана Элисуйскаго сдѣланъ съ азербейджанскаго г. Велибековымъ; г. Алиханову принадлежитъ общая редакція перевода текста и приложеній (изъ изданія Каземъ-бека) и обширныя примѣчанія. Отзывы объ этомъ изданіи сдѣланы Е. Г. Вейденбаумомъ въ газетѣ «Кавказъ», 1898 г., № 284, и г. Хахановымъ въ журналѣ «Этнографическое обозрѣніе», 1898 г.

По наиболѣе распространенному мнѣнію, авторомъ Дербентъ-наме былъ Магометъ Аваби Акраси (или Актаси), житель селенія Эндери (Андрей) въ Терской области, о чемъ впервые печатно за-

явилъ Байеръ; тоже повторяютъ Клапротъ, Бесъ въ своемъ путешествіи по Кавказу и др. Ему было поручено однимъ изъ крымскихъ хановъ, бывшихъ въ Дагестанѣ въ XVI в., рассмотретьъ персидскіе и арабскіе письменные памятники и составить на джагатайскомъ нарѣчій тюркского языка исторію Дагестана. Подтвержденіемъ этого сказанія является, по мнѣнію г. Алиханова, то обстоятельство, что население одного изъ четырехъ кварталовъ аула Эндери, называющееся Бораханъ-аульцами, считается выходцами изъ Крыма. Кази-Гирей, братъ крымскаго хана Магометъ-Гирея, поручившій составленіе компиляціи Аваби, естественно, могъ желать, чтобы она была составлена на болѣе понятномъ для него крымскомъ нарѣчій, что могъ выполнить только одинъ изъ ученыхъ Бараханъ-аула. Авторомъ новой Дербентъ-наме или продолженія первоначальной академикъ Дорнъ называетъ мирзу Керима. Такимъ образомъ Дербентъ-наме есть историческая компиляція, составленная изъ разновременныхъ рукописей нѣсколькихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ сочиненій восточныхъ писателей, слитыхъ вмѣстѣ, конечно, подъ сильнымъ вліяніемъ составителя.

Нѣкоторыя извѣстія Дербентъ-наме не встрѣчаются у другихъ восточныхъ историковъ, которые подтверждаютъ, другія извѣстія первой; можно думать, что во многихъ случаяхъ Магометъ Аваби увлекался собственною фантазією и собственнымъ краснорѣчіемъ. На какомъ языкѣ была составлена первоначально Дербентъ-наме въ точности неизвѣстно; дербентскіе ученые склоны думать, что Магометъ Аваби составилъ ее на арабскомъ языкѣ, съ котораго она переведена потомъ на адербейджанскій. Соймоновъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что въ 1724 г. наибъ Дербента, въ доказательство постройки стѣнъ города Александромъ В., «объявилъ книгу на старинномъ арапскомъ языкѣ, писанную на пергаментѣ», которую отдалъ, по просьбѣ генерала Матюшкина, Соймонову; послѣдній взялъ книгу съ собою въ Гильянь, гдѣ она была переведена на русскій языкъ. Не Дербентъ-ли-наме была эта книга? Въ настоящее время почти всѣ списки книги на адербейджанскомъ языкѣ, иногда съ сильною примѣсью фарсійскаго. Точно также въ точности неизвѣстно, какимъ именно временемъ оканчивается Дербентъ-наме. По нѣкоторымъ спискамъ, она кончается 320 г. хиджры (932

по Р. Х.), по другимъ – 420 (1029); существуетъ продолженіе, доводящее повѣствованіе до XVIII в. Редакція Клапрота оканчивается обзоромъ, весьма общимъ, бѣдствій въ Дербентѣ послѣ 320 г. (932 г.), послѣ чего слѣдуетъ нѣсколько строкъ о мученикахъ, погребенныхъ въ Кырхлярѣ. Редакція Каземъ-бека оканчивается 180 г. х. (786 г.) рассказомъ о пребываніи Гарунъ-аль-Рашида въ Дербентѣ. Редакція г. Алиханова оканчивается также, какъ и редакція Каземъ-бека. Вообще въ различныхъ спискахъ, которые встрѣчаются въ довольно большомъ числѣ, редакціи очень различны, и едва ли въ большинствѣ случаевъ не зависятъ отъ степени грамотности, искусства и образованія переписчика. Собственно говоря, Дербентъ-наме представляетъ собраніе отрывочныхъ рассказовъ о разныхъ событіяхъ въ Дагестанѣ и Дербентѣ, едва связанныхъ между собою; продолженіе ея въ позднѣйшее время не имѣетъ между собою никакой связи и состоитъ изъ отдѣльныхъ клочковъ и отрывковъ, не имѣющихъ отношенія къ Дербенту. Рассказъ часто принимаетъ сказочный характеръ; въ уста героевъ вкладываются рѣчи; цвѣтистость и вычурность восточныхъ авторовъ свойственны и Дербентъ-наме. Неточности хронологіи, даже въ важнѣйшихъ датахъ, запутанность въ изложеніи событій, любовь къ чудесному и преувеличеніямъ, отсутствіе критики, характеризуютъ и Дербентъ-наме, подобно большинству восточныхъ историковъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить общую всѣмъ восточнымъ авторамъ, трудность разобратся въ собственныхъ именахъ, зависящую отъ свойствъ арабскаго алфавита, откуда проистекаетъ разнообразіе прописанія собственныхъ именъ и названій. Въ Дербентъ-наме нельзя также не замѣтить вліянія системы такъ называемаго иснада, т. е. передачи. Передача историческихъ событій получила уже въ началѣ ислама, вслѣдствіе развившейся въ то время науки преданій, опредѣленную форму, которая состояла въ томъ, что сообщавшій другому какое либо событіе ссылался обыкновенно на то лицо, которое было очевидцемъ его, и такимъ образомъ гарантировалъ достовѣрность передаваемаго событія. Тотъ, въ свою очередь, при дальнѣйшемъ сообщеніи, ссылался на того, отъ кого онъ слышалъ; такой способъ передачи и назывался иснадомъ. Но такъ какъ съ теченіемъ времени масса подобныхъ преданій съ неразрывной цѣпью передатчиковъ накоплялась все болѣе и болѣе, то

явилась необходимость для предохраненія ихъ отъ утраты или искаженія передать ихъ письму, что дало началу исторіи. Но долгое еще время прежній способъ передачи историческихъ и другихъ свѣдѣній продолжалъ существовать, такъ что ученые Востока сообщали устно написанныя сочиненія своихъ предшественниковъ, упоминая имена передатчиковъ и употребляя выраженія въ родѣ: сказалъ, рассказывалъ и т. д. Этотъ способъ передачи отразился на историческихъ сочиненіяхъ, напр. Табари, въ томъ смыслѣ, что они представляютъ большею частью собраніе различныхъ, часто противорѣчивыхъ, преданій объ одномъ и томъ же событіи. Отсюда также безцеремонное обращеніе большей части восточныхъ компиляторовъ съ хронологіей; такъ писатель XI в. Аль-Бекри, разъ назвавши въ началѣ статьи Масуди, писателя начала X в., выписываетъ далѣе изъ него безъ дальнѣйшихъ оговорокъ; напр. Масуди говоритъ, что въ Бабъ-эль-Абвабъ властвуетъ «нынѣ», т. е. въ его время, мусульманинъ Магометъ-ибнъ-Зейдъ, а Аль-Бекри, повторяя это извѣстіе съ словомъ «нынѣ», и не думаетъ обратить вниманіе читателя на то, что это «нынѣ» относится не къ его времени, а ко временамъ Масуди, т. е. болѣе 100 лѣтъ назадъ.

Возвратимся ко времени основанія Дербента, т. е. ко времени династїи Сассанидовъ, господствовавшей въ Персіи послѣ распада монархіи Александра Великаго, въ предѣлахъ Азербейджана. Азербейджанъ теперь составляетъ пограничную область Персіи, что приблизительно соотвѣтствуетъ этнографическимъ границамъ распространенія иранскаго племени въ древности; но культурному вліянію иранцевъ, иногда и политической власти Персіи, подчинялись также сосѣднія Арменія, Албанія (у мусульманъ-Арранъ), Иверія (Грузія) и нынѣшній Дагестанъ съ знаменитымъ проходомъ. Азербейджанъ въ древности составлялъ сѣверо-западную часть Мидїи; самостоятельное значеніе онъ получилъ только послѣ Александра Македонскаго, когда здѣсь утвердился персъ Атропатъ, посланный Александромъ въ Мидїю въ 328 г. въ качествѣ сатрапа. Атропату удалось основать здѣсь небольшое государство, получившее его имя (у грековъ Атропатена, у армянъ Атрпатаканъ, отсюда Азербейджанъ); это небольшое владѣніе замѣчательно, какъ первое проявленіе реакціи иранскаго элемента противъ греческаго завоеванія и вторженія греческой культуры.

Сассаниды принуждены были постепенно направить свое внимание на проходы въ Кавказскихъ горахъ, болѣе всего на проходъ Каспійскій, чрезъ который главнымъ образомъ вторгались въ Иранъ аланскія и гуннскія полчища, такъ какъ кавказскіе горцы не всегда могли или хотѣли помѣшать имъ пройти. Потерпѣвъ неудачу со стороны Византіи, персидскіе государи съ тѣмъ большею энергіею распространяли свою власть на востокъ до самыхъ Кавказскихъ проходовъ, ибо въ самомъ дѣлѣ владѣніе этими воротами для вторженія сѣверныхъ варваровъ являлось вопросомъ жизни и смерти для ихъ страны. Пока персидскія войска владѣли горными проходами, до тѣхъ поръ чрезъ горы могли переходить, въ самомъ худшемъ случаѣ, какъ нибудь случайно въ качествѣ наемниковъ, небольшіе отряды изъ жившихъ на сѣверѣ Кавказа кочевыхъ ордъ. Но какъ только въ минуты слабости ключъ отъ этихъ воротъ выскалзывалъ изъ рукъ великихъ царей, пламя деревень и стоны народа напоминали имъ очень скоро объ ихъ обязанностяхъ. Шапуръ (Сапоръ) II (309–380) первый изъ Сассанидовъ значительно распространилъ владѣнія Персіи на сѣверъ, особенно въ концѣ своего царствованія, такъ что ко второй половинѣ IV ст. относятся первыя заселенія Закавказскаго края переселенцами изъ Персіи. Важнымъ дѣломъ его преемника, Іездигерда II (442–459) было то, что онъ овладѣлъ Дербентскимъ проходомъ и заперъ его укрѣпленіями; по словамъ преданія, Іездигердъ нашель стѣну, построенную Александромъ Великимъ, и началъ ее достраивать изъ мѣдныхъ и свинцовыхъ плитъ, но не окончилъ; по одной редакціи Дербентъ-наме, Іездигердъ освободилъ отъ песка южную часть города. Во всякомъ случаѣ, укрѣпленія Іездигерда, если и были возведены имъ, то были необширны, такъ какъ, по свидѣтельству Моисея Хоренскаго, въ V в. стояла въ Дербентѣ только башня у моря. Перозъ († 484) требовалъ даже отъ византійскаго правительства участія въ поддержаніи укрѣпленій въ горныхъ проходахъ, такъ какъ, по его мнѣнію, запереть Кавказъ было выгодно обоимъ народамъ. Въ V в. грузинскіе лѣтописи говорятъ о персидскомъ правителѣ прохода.

Кобаду I (491–531), овладѣвшему окончательно Иверіей, Дербентъ-наме приписываетъ основаніе Дербента, хотя, какъ увидимъ, большинство восточныхъ авторовъ приписываетъ это его

сыну. Объ этомъ Дербентъ-наме повѣствуетъ такъ *). Между Кобадъ-шахомъ и каганомъ хазаръ издавна происходили непрерывныя столкновения и войны. Чтобы положить имъ конецъ, Кобадъ вознамѣрился жениться на дочери своего противника, и съ этою цѣлью написалъ и отправилъ съ особымъ посольствомъ надлежащія письма, которыя были доставлены хазарскому царю съ подобающими почестями. Узнавъ содержаніе писемъ и выслушавъ пословъ, каганъ-шахъ благосклонно принялъ предложеніе, изъявилъ согласіе породниться съ бывшимъ своимъ противникомъ и измѣнилъ прежнія къ нему отношенія на дружественныя. Удовлетворенные этимъ успѣхомъ, послы вернулись къ своему государю съ радостною вѣстью. Спустя нѣкоторое время Кобадъ-шахъ приготовился къ свадебнымъ празднествамъ и отправилъ къ каганъ-шаху 3000 людей съ подарками, заключавшимися въ 100 верблюжьихъ вьюкахъ съ серебромъ, въ 50 такихъ же вьюкахъ золота и въ 300 вьюкахъ съ золотой парчей, съ шелковыми и другими тканями. Узнавъ объ этомъ, каганъ выслалъ на встрѣчу конницу въ 5000 своихъ почетныхъ людей, которые торжественно доставили прибывшихъ къ своему государю. Послѣ этого каганъ-шахъ заготовилъ приданое и отправилъ свою дочь на верблюдѣ, подъ драгоцѣннымъ балдахиномъ, съ 500 вьюками драгоцѣнностей, парчи, шелковыхъ и другихъ тканей, съ 50 прислужницами и съ такимъ же количествомъ невольниковъ. Когда, совершая переходъ за переходомъ, свадебный поѣздъ этотъ достигъ предѣловъ Кобадъ-шаха, послѣдній въ свою очередь выслалъ на встрѣчу 2000 конныхъ людей изъ числа своихъ приближенныхъ и почетныхъ людей. Торжественно и съ большими почестями дочь каганъ-шаха была доставлена такимъ образомъ въ столицу Медаинъ (Ктезифонъ, столица Сассанидовъ) и водворена здѣсь во дворцѣ и въ гаремѣ Кобадъ-шаха. Событіе этой совершилось къ общей радости обѣихъ сторонъ. По истеченіи нѣкотораго времени Кобадъ-шахъ отправилъ къ кагану новое посольство, доставившее ему письмо такого содержанія: «Благодареніе Господу міровъ за установленіе между нами дружбы и родства, которыя поставили насъ въ отно-

*) Приводимъ разсказъ по редакціи г. Алиханова, какъ болѣе подробной въ отношеніи стиля и болѣе потому передающей характеръ всего сочиненія. Подробностей о встрѣчахъ, подаркахъ и т. п. въ редакціяхъ Каземъ-бека и Клапрота нѣтъ.

шеніе отца и сына! Надѣюсь, что послѣ этого ничто не вселитъ между нами недоразумѣнія и вражды. Тѣмъ не менѣе просьба моя заключается въ томъ, чтобы вы изъявили согласіе на постройку крѣпости на берегу моря, у оконечности стѣны, возведенной Искандеромъ Зюлькарнаиномъ, которая бы служила пограничнымъ пунктомъ между нашими государствами, и затѣмъ, чтобы подданнымъ моимъ было предоставлено право безпрепятственнаго посѣщенія вашихъ владѣній, равно какъ и вашимъ относительно моихъ предѣловъ». Порадованный этимъ письмомъ каганъ отвѣтилъ такъ: «О мой сынъ, Кобадъ-шахъ! Согласенъ, чтобы рядомъ со стѣною Искандера была возведена крѣпость, которая, будучи заселена вашими людьми, и принадлежа вамъ, служила бы пограничнымъ пунктомъ между нами и государями Ирана». Съ этимъ письмомъ послы вернулись къ Кобадъ-шаху, который, будучи обрадованъ имъ, приказалъ визирямъ собрать всѣхъ инженеровъ и архитекторовъ. Ихъ оказалось 300. Собралъ сверхъ того 6000 искусныхъ мастеровъ и рабочихъ изъ своихъ подданныхъ, онъ отправилъ ихъ съ 10000 воиновъ въ сторону стѣны Искандера съ приказомъ возвести тамъ значительный городъ, а по окончаніи донести ему. Рассказываютъ, что желаніе возвести городъ и именно въ этомъ пунктѣ зародилось у Кобада-шаха вслѣдствіе того, что ему было извѣстно преданіе, по которому Искандеръ Зюлькарнаинъ провелъ тамъ стѣну, по указанію явившагося ему Джебраила.*) Вельможи, послѣ большихъ приготовленій, прибыли къ указанному мѣсту и, приступивъ къ рытью фундамента, наткнулись въ древнюю каменную стѣну, которая начиналась въ Хазарскомъ (Каспійскомъ) морѣ на разстояніи мензиля **) отъ берега и тянулась затѣмъ до нынѣшнихъ османскихъ владѣній у Чернаго моря. Стѣна эта, занесенная пескомъ и мусоромъ, была, по повелѣнію Кобадъ-шаха, въ теченіе долгаго времени раскопана и исправлена въ поврежденныхъ мѣстахъ многочисленными воинами и рабочими; она же въ предѣлахъ Табасарана была снаб-

*) По редакціи Клапрота, арханг. Гавріиль указалъ стѣну Александра Кобаду, что болѣе соотвѣтствуетъ всему разсказу.

**) Или агачъ, фарсахъ, немногимъ болѣе географической мили, въ градусъ $22\frac{1}{2}$ агача. Фарсахъ, путевая мѣра у арабовъ, равнялась 3 арабскимъ милямъ или 5–6 верстѣ; день пути у арабовъ равнялся 5–7 фарсахамъ, т. е. 30–40 верстамъ.

жена, въ необходимыхъ мѣстахъ, желѣзными воротами. Когда стѣна эта была приведена въ надлежащее состояніе, послѣдовало приказаніе, чтобы южнѣе ея было сооружена и другая. Въ теченіе 7 мѣсяцевъ *) городъ былъ оконченъ и снабженъ желѣзными воротами и названъ Бабъ-уль-Дербентомъ. Послѣ этого главнокомандующій вмѣстѣ съ главнымъ строителемъ донесли Кобадѣ, что съ помощью Бога и по милости государя, рядомъ со стѣною Искандера, возведенъ городъ, названный Бабъ-эль-Абвабъ – Дербентомъ. Историки добавляютъ, что, по повелѣнію Кобадъ-шаха, въ Дербентъ были водворены 3000 семействъ, переселенныя изъ Ирана, изъ племени самого государя, и что, сверхъ того, туда же были отправлены 3000 всадниковъ, для постояннаго несенія караульной службы. Успокоившись относительно всѣхъ этихъ дѣлъ, Кобадъ возвратилъ къ отцу дочь каганъ-шаха, проведя съ него лишь одну ночь, а по другимъ свѣдѣніямъ – совершенно цѣломудренною, изъ опасенія, чтобы возможное отъ этого брака потомство не дало, право повелителямъ Хазаріи претендовать на персидское наслѣдство, что могло повести къ раздорамъ и войнамъ между этими государствами. Дочь кагана достигла столицы своего отца въ то время, когда онъ, пируя съ своими вельможами, былъ въ очень веселомъ настроеніи. Узнавъ о случившемся съ дочерью, онъ пожалѣлъ о своей оплошности и, въ порывѣ гнѣва, прикусилъ свой палець. Послѣ этого, между обоими государствами возобновились прежнія враждебныя отношенія». Въ войнѣ, описанной съ эпическими подробностями, персы остались побѣдителями, и Кобадъ вернулся изъ земли хазаръ съ огромною добычею въ Дербентъ, откуда, оставивъ 5000 гарнизона, возвратился въ Иранъ. Спустя нѣкоторое время, когда Нуширванъ, сынъ Кобада, достигъ совершеннаго возраста, Кобадъ съ нимъ прибылъ въ Дербентъ. Получивъ согласіе отца, Нуширванъ построилъ вокругъ Дербента цѣлый рядъ укрѣпленій, въ томъ числѣ Ширванъ (Шемаху), и поселилъ здѣсь выходцевъ изъ Персіи. Изъ арабскихъ историковъ, Белазори († 892) говоритъ, что, завоевавъ Ширванъ, Кобадъ велѣлъ поставить на сѣверныхъ предѣлахъ этой области отъ моря до вратъ Аланскихъ огромный валъ, въ которомъ было 300 укрѣплен-

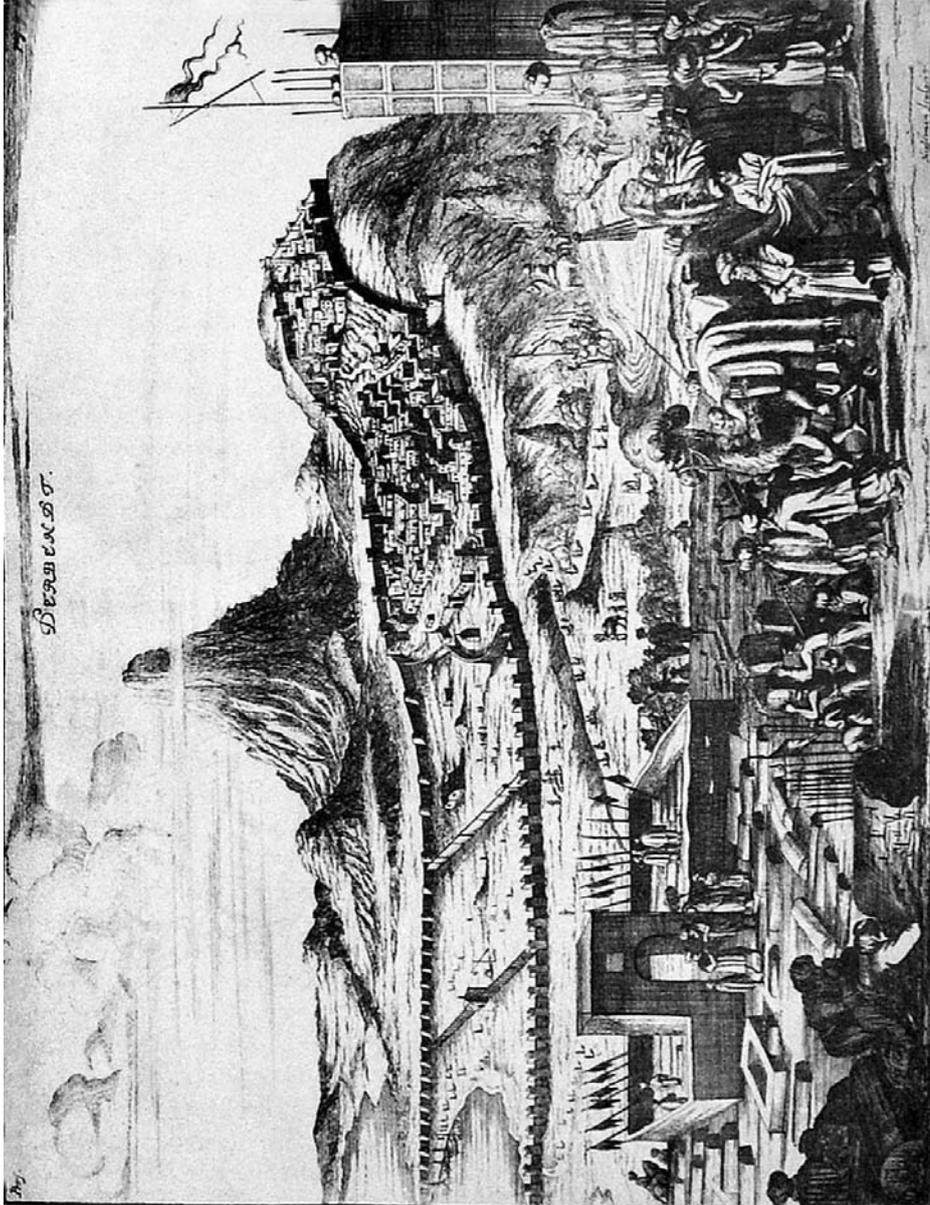
*) По редакціи Клапрота, 7 лѣтъ, что, конечно, болѣе вѣроятно.

ныхъ мѣсть, но, по построеніи дербентской стѣны, валъ этотъ пересталъ поддерживаться.

Кобадѣ наследовалъ сынъ его Хозровъ I (Хозроу): Ануширванъ (531 –579), славнѣйшій изъ Сассанидовъ, на что указываютъ его прозвища: Ануширванъ, собственно Аношакъ-руванъ, т. е. съ благословенной (безсмертной) душой, и Дадглярь, т. е. правосудный. При немъ государство этой династіи достигло апогея внѣшняго блеска. Заключивъ миръ съ Византіею, онъ включилъ въ мирныя условія гарантіи уплаты византійскимъ правительствомъ денегъ на содержаніе укрѣпленія Кавказскихъ проходовъ, которое онъ началъ въ крупномъ масштабѣ. Почти по единогласному свидѣтельству восточныхъ авторовъ, Ануширванъ построилъ городъ Дербентъ и стѣны его, тогда какъ Дербентъ-наме приписываетъ ему лишь окончаніе дѣла: по разнымъ редакціямъ ея, онъ окончилъ постройку города и окончательно укрѣпилъ его около 542 г., причемъ онъ возобновилъ пришедшія въ ветхость при Кобадѣ крѣпость и крѣпостныя стѣны, построилъ ихъ изъ тесанаго камня и увеличилъ населеніе города переселеніемъ жителей Персіи, преимущественно изъ Хорасана. Стѣны города и молъ онъ выдвинулъ въ море на одну милю, въ цидатели – Нарынъ-кале – построилъ разныя зданія. Остальные пограничныя пункты Дагестана Ануширванъ заселилъ своимъ племенемъ и далъ имъ правителя изъ своего рода. «Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, заканчиваетъ Дербентъ-наме разсказъ объ основаніи города, Дербентъ былъ обезпеченъ отъ покушенія хазаръ, и хотя пограничныя столкновенія съ этими невѣрными происходили по прежнему, но овладѣть городомъ они уже не были въ силахъ». Безопасности этихъ пограничныхъ мѣсть способствовали колоніи, которыя Сассаниды выводили изъ Ирана. Потомками этихъ людей, поселенныхъ въ городѣ и за стѣною для защиты отъ хазаръ и другихъ варваровъ, могутъ быть признаны жители 7 селеній окрестностей Дербента (Джалганъ, Митаги, Кемахъ, Задіанъ, Бельгади и Гимейды, у самой стѣны, на южной ея сторонѣ, и Рукаль, въ 3 верстахъ отъ нея, тоже къ югу), извѣстные подъ общимъ именемъ татъ и сохранившіе татское нарѣчіе персидскаго языка.

Такимъ образомъ Дербентъ-наме построеніе Дербента и стѣны приписываетъ Кобадѣ и Ануширвану, что возможно понимать въ

томъ смыслѣ, какъ у Белазори, т. е. что отецъ построилъ валъ и началъ дѣло укрѣпленія, а сынъ построилъ постоянныя укрѣпленія и окончилъ дѣло огражденія. Но большинство мусульманскихъ авторовъ основаніе Дербента признаетъ дѣломъ одного Ануширвана, не упоминая объ отцѣ; лишь не многіе говорятъ о Кобадѣ. Армянскіе историки почти единогласно свидѣтельствуемъ, что, для огражденія Персіи отъ хазаровъ, Ануширванъ построилъ Дербентъ и этимъ заперъ I проходъ Джора (Чора, Чога). Упомянутый выше Белазори въ своей «Книгѣ побѣдъ» рассказываетъ, какъ Ануширванъ построилъ Дербентъ или Ворота воротъ (Бабъ-эль-Абвабъ). Онъ только что заключилъ миръ съ турками (т. е. хазарами) и, чтобы укрѣпить его, женился на дочери ихъ царя. Узнавъ же, что послѣдній соглашается на бракъ съ его собственной дочерью, онъ послалъ къ нему дочь одной изъ своихъ родственницъ, которую онъ удочерилъ и воспиталъ въ своемъ дворцѣ, выдавая ее за свою дочь. Каганъ, не подозрѣвая обмана, отослалъ свою дочь къ Ануширвану, съ которымъ имѣлъ свиданіе въ городѣ Берзильи, гдѣ они давали другъ другу празднества и проявляли большую дружбу. Однажды Ануширванъ приказалъ ночью поджечь лагерь турокъ. На другой день каганъ принесъ ему жалобу на этотъ враждебный поступокъ. Ануширванъ сдѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ, а чрезъ нѣсколько дней снова повторилъ свой приказъ о поджогѣ турецкаго лагеря. Каганъ снова жаловался, на этотъ разъ Ануширванъ извинился и успокоилъ его. Потомъ Ануширванъ велѣлъ ночью подбросить горючія вещества въ персидскій лагерь, состоявшій изъ камышевыхъ шалашей, и когда наступилъ день, сталъ жаловаться кагану: «Ваши люди посѣщаютъ мой лагерь; я могу подозрѣвать только ихъ». Каганъ клялся, что онъ ничего не знаетъ. Тогда Ануширванъ сказалъ: «Братъ мой, мои и ваши войска недовольны нашимъ мирнымъ договоромъ, который лишаетъ ихъ военной славы и добычи. Я боюсь, что они успѣютъ поссорить насъ; тогда какую пользу извлечемъ мы изъ нашего примиренія, скрѣпленнаго двойнымъ союзомъ? Нужно для избѣжанія разрыва, чтобы вы согласились на то, чтобы я воздвигъ стѣну, которая раздѣляла бы наши государства. Я поставлю въ ней ворота, чрезъ которыя никто не пройдетъ безъ нашего позволенія». Каганъ согласился и вернулся въ свою страну. Тогда Ану-

Гор. Дербентъ въ XVII вѣкѣ.

ширванъ приказалъ построить стѣну, въ которой былъ оставленъ проходъ, запертый желѣзными воротами, и поручилъ охрану этого мѣста 100 всадникамъ, тогда какъ раньше было нужно 50000 человекъ, чтобы защищать проходъ. Знаменитый писатель X вѣка, Масуди, подтверждаетъ, что Ануширванъ былъ женатъ на дочери кагана, Факимъ, отъ которой имѣлъ сына Гормузда, наслѣдовавшаго ему, и что онъ построилъ Бабъ-эль-Абвabъ, находящійся во главѣ одного изъ проходовъ Кавказскихъ горъ, на пунктѣ, отдѣляющемъ горы и Хазарское море. Онъ же построилъ знаменитую стѣну, которая съ одной стороны вдается въ море почти на 1 милю берега, а съ другой возвышается на обрывистыхъ вершинахъ горъ и спускается въ ихъ глубокія ущелья, на длину 40 фарсаховъ, и достигаетъ укрѣпленнаго мѣста, называемаго Табарестанъ. На разстояніи почти 3 миль, смотря по важности мѣста, въ которыя они вели, онъ построилъ желѣзныя ворота, около которыхъ онъ поселилъ, внутри стѣны, племя, на которое была возложена охрана воротъ и стѣны. О постройкѣ стѣны въ морѣ Масуди говоритъ: Ануширванъ, призванный въ страну эль-Бабъ и на Кавказъ набѣгами сосѣднихъ царей, построилъ на Каспійскомъ морѣ, при помощи надутыхъ бурдюковъ, стѣну изъ скалъ, которую укрѣпилъ желѣзомъ и свинцомъ. Эти бурдюки погружались въ воду по мѣрѣ того, какъ воздвигалась постройка; когда они остановились на днѣ, и стѣна поднялась выше уровня воды, водолазы, вооруженные ножами, прорѣзали бурдюки; стѣна, войдя глубоко въ полводную почву, достигла тогда высоты берега. Она существуетъ и теперь (т. е. въ 943–948 гг., когда написана книга Масуди), и вся часть этой стѣны, основанія которой погружены въ море, называется цѣпь (ель-каидъ), ибо она останавливаетъ непріятельскіе корабли, которые бы старались пристать къ этому берегу. Ануширванъ, замѣчаетъ Масуди, по постройкѣ стѣны, вель долгія войны съ царями хазаръ, и предполагаютъ, что онъ построилъ стѣну съ цѣлью подчинить народы, живущіе въ этой странѣ.

Такимъ образомъ нѣтъ сомнѣнія, что Хосрою Ануширвану городъ Дербентъ обязанъ своимъ построениемъ, начатокъ котораго, можетъ быть, положилъ отецъ его. Во всякомъ случаѣ со времени Ануширвана мы можемъ смѣло говорить о городѣ Дербентъ и объ его «дивныхъ стѣнахъ, для построения которыхъ, говоритъ Моисей

Каганкатвази, цари персидскіе изнурили страну нашу, собирая архитекторовъ и изыскивая разные матеріалы для построения великаго зданія, которое соорудили между горой Кавказомъ и великимъ моремъ восточнымъ».

Нѣкоторые изъ изслѣдователей исторіи Кавказа отвергаютъ, что Ануширванъ былъ строителемъ Дербента, такъ какъ строителямъ его стѣнъ сводъ былъ неизвѣстенъ, тогда какъ при Сассанидахъ сводъ примѣнялся повсюду. По замѣчанію ориенталиста и знатока Кавказа, Ханькова, памятниковъ зодчества до мусульманской эпохи въ восточной части Закавказскаго края, кромѣ дербентской стѣны, нѣтъ. Причины этого нужно искать въ дикости страны до завоеванія ея Сассанидами, въ недолговременности нахождения ея подъ властью царей этой династіи и въ удаленіи ея отъ ихъ столицы. Со всѣмъ тѣмъ, внимательнаго разбора способа постройки дербентской стѣны и сличенія ея съ постройками мусульманскими уже достаточно, чтобы убѣдиться, что даже способъ кладки камней при постройкахъ, внесенный сюда арабами, совершенно отличенъ отъ того, коимъ руководствовались зодчіе древней Персіи сассанидской эпохи. Послѣдніе искали только прочности, оттого зданія ихъ массивнѣе. Обыкновенно два большіе камня раздѣлены узкою плитою и самые камни, даже обшивавшіе лицевую сторону зданія, обдѣланы очень небрежно, и всѣ клались часто вовсе безъ цемента, а держались одною тяжестью. Въ арабскомъ же способѣ кладки камни обтесывались глаже, и наружная поверхность ихъ представляетъ болѣе или менѣе длинный прямоугольникъ почти одинаковой величины; по крайней мѣрѣ въ томъ ряду камней. Изрѣдка только видно, что два ряда широкихъ камней раздѣляются однимъ рядомъ болѣе узкихъ, и камни постоянно связывались цементомъ.

Обезопасивъ сѣверную границу своего государства дербентскими твердынями, Ануширванъ далъ этому краю прочное административное устройство. По словамъ одного арабскаго писателя, Кесра, воздвигнувъ дербентскую стѣну, называемую Бабъ-эль-Аббабъ, присвоилъ гарнизону его наслѣдственныя земли и ихъ вождямъ титулъ царей: вепря (Багранъ), льва (Ширванъ), слона (Филанъ), ворона (Аланъ), смотря по изображеніямъ, вышитымъ на ихъ парадномъ платьѣ; пятый былъ названъ царемъ золотаго

трона (Сериръ), подъ которымъ нѣкоторые разумѣютъ правителя Дербента, получившаго, будто бы, въ виду важности города, право возсѣдать на золотомъ тронѣ. Оставляя въ сторонѣ подобные рассказы арабскихъ авторовъ о государяхъ и правителяхъ различныхъ воротъ (Бабъ), поставленныхъ Ануширваномъ, такъ какъ разобратъся въ нихъ едва ли возможно, остановимся на историческомъ фактѣ – началѣ Ширвана, названіе котораго вошло въ употребленіе въ половинѣ VI в. Ануширванъ назначилъ перваго правителя Ширвана (ширваншаха), который тогда заключалъ въ себѣ нынѣшніе: Шемахинскій, Нухинскій, Кубинскій, Бакинскій уѣзды и часть южнаго Дагестана, кончая Дербентомъ. Поставивъ ширваншахомъ одного изъ своихъ родственниковъ, Ануширванъ предоставилъ ему власть гражданскую и военную, главнымъ образомъ охрану границъ, подъ верховною властью персидскихъ царей. По смерти Ануширвана, какъ мы видѣли, хазары овладѣли Дербентомъ, но потомъ персы снова возвратили его, и онъ находился въ ихъ власти, когда появились новые дѣятели въ борьбѣ съ хазарами, арабы.

Кавказъ есть одна изъ первыхъ странъ, внѣ Аравійскаго полуострова, куда былъ введенъ исламъ. Новая религія проникла въ долины и горы Кавказскаго перешейка не посредствомъ побѣдоноснаго оружія честолюбиваго государя, но она была принесена ревностными фанатиками, глубоко убѣжденными въ абсолютной истинѣ своего вѣрованія. Древняя религія Зороастра, ослабленная борьбою съ христіанствомъ Арменіи, была безсильна остановить успѣхи новой вѣры, и уже въ I в. хиджры арабы владѣли Ширваномъ и Дербентомъ. Они покорили: Кавказъ не столько силою оружія, сколько могущественною иммиграціею распространеніемъ вѣры, языка и пр. Дербентъ, будучи самымъ сѣвернымъ городомъ Закавказья, принадлежавшимъ арабамъ, имѣлъ какъ бы религіозное значеніе, какъ граница между вѣрующими и невѣрными, и потому назывался великими вратами вѣрующихъ. Со стороны этихъ вратъ, какъ гласило восточное преданіе, придетъ гибель для азіатскихъ мусульманъ. Дербентъ или Бабъ-эль-Абвабъ (Эль-Бабъ) встрѣчается на монетахъ халифскихъ, ширваншахскихъ, джучидскихъ и персидскихъ, начиная съ 120 г. (738). Около Дербента сосредоточивается борьба между ара-

бами и хазарами. У Якута находимъ стихотвореніе, въ которомъ живо изображена дѣятельная и полная военныхъ перипетій жизнь защитниковъ Дербента, этого сѣвернаго оплота ислама: «Пусть всякій, кто спроситъ извѣстій обо мнѣ, знаетъ, что по истинѣ я нахожусь въ странѣ, откуда покой убѣжалъ, въ турецкомъ городѣ съ воротами, жители котораго опустошаютъ окрестныя селенія. Мы отражаемъ ихъ орды далеко отъ нашихъ имѣній и мы ихъ истребляемъ въ послѣднюю ночь луны. Какъ только мы увидимъ пыль, мы замыкаемъ, противясь непріятелю, всѣ проходы. Ихъ горы, цѣпь Кавказа, снабжаютъ насъ пшеницею, и наши жилища сдѣлались сосѣдними съ ихними. Какъ только распространяется пламя войны, мы нападаемъ на непріятеля на каждой тропинкѣ, чтобы овладѣть его добычею. Ежедневно, верхомъ на нашихъ скакунахъ, мы сражаемся. Благородные бѣгуны, верблюды, не могли бы ихъ настигнуть». Время Велида I (705–715), при которомъ арабы прочно утверждаются въ Дербентѣ, самая блестящая эпоха омайядскаго халифата. При немъ мусульманское міровое государство достигло своихъ наибольшихъ размѣровъ и своего наибольшаго блеска. При Хишамѣ († 743) изъ горныхъ областей, расположенныхъ къ югу отъ Кавказа, образовалась важная военная провинція, въ которой не прекращалась борьба. Слѣды господства арабовъ сохранились на Кавказѣ вообще и въ Дербентѣ въ частности до нашего времени. Не говоря уже о религіи, слѣды ихъ пребыванія находимъ въ мѣрахъ и вѣсахъ названіяхъ поселеній и мѣстностей, памятникахъ и т. п. Чтобы яснѣе представить себѣ вліяніе, какое могли оказать арабы и на жителей Дербента, ознакомимся въ главныхъ чертахъ съ образомъ дѣйствій ихъ при покореніи странъ. Терпимость, которую пророкъ Магометъ желалъ видѣть примѣнною къ христіанамъ и іудеямъ, легкость перехода въ исламъ посредствомъ простаго произнесенія формулы вѣрованія, также какъ забота о государственныхъ финансахъ, по большей части устранили массовыя истребленія населенія покоренныхъ земель. Поголовный налогъ, который должны были платить ино-вѣрцы, составлялъ главный источникъ государственныхъ доходовъ. Демократическій складъ арабскаго характера повсюду помѣшалъ возникновенію латифундій или благопріятствовалъ исчезновенію крупнаго землевладѣнія и появленію здороваго крестъ-

янства. Рабство существовало въ столь легкой формѣ, и число вольноотпущенниковъ было столь велико, что это развитіе крестьянства не было нисколько задержано существованіемъ рабства. Такимъ образомъ эпоха первыхъ халифовъ была для большей части покоренныхъ странъ новымъ періодомъ процвѣтанія. Старыя приспособленія для орошенія, необходимое предварительное условіе мелкаго крестьянскаго хозяйства на востокъ, были во многихъ мѣстахъ восстановлены, многія уже потерянные для культуры страны вновь заселены. Постоянныхъ войскъ у арабовъ почти не существовало. Завоеванныя страны обезпечивались военными колоніями, ибо обыкновенно войска, завоевавшія извѣстную страну для ислама, оставались въ ней въ качествѣ колонистовъ, и ополченіе, состоявшее изъ всего ихъ мужескаго населенія, способнаго носить оружіе, находилось въ распоряженіи намѣстника. Военное искусство арабовъ въ первое время было врядъ ли развито, но все таки его было достаточно, чтобы побѣдить истощенныхъ персовъ. Главная масса арабскихъ войскъ состояла изъ пѣхотинцевъ или фздоковъ на верблюдахъ, которые сражались большею частью пѣшими. Ядро войскъ образовывали съ ногъ до головы вооруженные всадники въ стальныхъ шлемахъ и кольчугахъ, съ копьями и саблями, но большая часть воиновъ была вооружена, въ особенности въ началѣ, гораздо несовершеннѣе, и самой желательной добычей для нихъ было оружіе побѣжденныхъ. Стрѣлки изъ лука составляли довольно существенную часть войска. Тактика была очень проста; какъ правило, выдвигался центръ съ двумя крыльями, и, кромѣ того, иногда оставлялся резервъ; обходныя движенія и засады примѣнялись, но чаще битвы состояли изъ хаоса отдѣльных стычекъ, и часто геройскій подвигъ одного храбреца рѣшалъ побѣду. Осадному искусству арабы скоро научились отъ византійцевъ и употребляли метательныя машины, осыпавшія осажденное укрѣпленіе камнями, и другія приспособленія.

По преданію, передаваемому Дербентъ-наме, на этотъ городъ обратилъ вниманіе уже самъ пророкъ Магометъ. Въ его время, повѣствуетъ эта лѣтопись, хазары овладѣли Дербентомъ и начали нападать на послѣдователей ислама вмѣстѣ съ персами и греками. Тогда пророкъ, собравъ 4000 отборныхъ воиновъ, отправилъ ихъ подъ начальствомъ лучшихъ своихъ вождей противъ Греціи и ха-

зарь. Они достигли Дербента, одолѣли хазарь и донесли о томъ пророку, который отправилъ повелѣніе обратить все населеніе города въ исламъ. Исполнивъ это, предводители войска ислама передали скоро управление Дербентомъ прежнему властителю, а сами возвратились въ Аравію. Пророкъ, выслушавъ ихъ донесеніе, выразилъ ту мысль, что городъ Дербентъ есть ключъ ко всѣмъ городамъ, и что съ обладаніемъ имъ сопряжены огромныя преимущества, ибо съ нимъ связана безопасность Фарса и Адербейджана, которые не могутъ пользоваться спокойствіемъ, пока Дербентъ находится въ рукахъ невѣрныхъ. Очевидно, въ этой легендѣ о походѣ въ Дербентъ при Магометѣ выразилось мнѣніе о значеніи этого города, и какъ бы желаніе борьбу за него съ невѣрными освятить его авторитетомъ. Дѣйствительно, уже второй халифъ Омаръ (634–644), покорившій Персію, послалъ въ 638 г. сильное войско, завоевавшее Адербейджанъ, Арменію и Ширванъ. Впрочемъ власть арабовъ въ Арменіи, куда они относили и Дербентъ, утвердилась не ранѣе, какъ при его преемникѣ Османѣ (644–656). Въ его царствованіе произошла первая экспедиція арабовъ на Дербентъ, окончившаяся неудачею, которую, впрочемъ, Дербентъ-наме относитъ ко времени Муавіи. По извѣстію Ибнъ-Ассама и нѣкоторыхъ другихъ, Османъ послалъ въ Арменію войско подъ начальствомъ Хабиба бенъ Масламаха. Хазары, аланы и абхазы, соединясь вмѣстѣ, напали на него, вслѣдствіе чего онъ просилъ у халифа помощи. Присланный къ нему на помощь Селманъ (Сулейманъ), взявъ Дербентъ и выйдя изъ него въ страну хазаръ погибъ съ 4000 войска на р. Баланджаръ (651 – 52). Табари рассказываетъ нѣчто иное. По его словамъ, Османъ послалъ въ Адербейджанъ Бекира бенъ Абдуллаха, на помощь которому изъ Басры послалъ Сурракаха бенъ Амру и изъ Джерраха Хабиба бенъ Масламаха. Бывшій въ войскѣ Сурракаха, Абдурахманъ (Бекиръ) бенъ Рабіяхъ отдѣлился отъ войска съ передовымъ отрядомъ. Тогдашній князь Дербента Шахріархъ (Шехризаръ, Шехризадъ) вышелъ къ нему на встрѣчу, заключилъ съ нимъ миръ на условіи платить ежегодную дань и сказалъ: «у меня два врага, хазары и руссы, послѣдніе враги всего свѣта», почему вмѣсто уплаты дани предложилъ оборонять страну отъ нихъ и сражаться съ ними. Всѣ дербентцы также не платили ни податей, ни дани, но за то обязывались держать невѣрныхъ въ

отдаленіи отъ мусульманъ и вести собственными средствами съ ними войну. Сурракахъ и умеръ въ Дербентѣ. Омаръ, узнавъ объ этомъ, послалъ приказаніе Абдурахману оставаться въ Дербентѣ, откуда онъ предпринималъ удачные походы на хазаръ, и гдѣ умеръ, обративъ жителей въ исламъ. Дербентъ-наме рассказываетъ экспедицію Сельмана слѣд. образомъ. «Историки сообщаютъ, что въ 41 г. хиджры (661–662 г.а) при халифахъ изъ династіи Омайядовъ, было получено извѣстіе, что каганъ-чинъ, собравъ 300000 храбрую армію изъ хазарскаго племени и покоривъ всѣ земли, пограничныя съ Дагестаномъ, подошелъ къ стѣнѣ (Кавказской) съ цѣлью овладѣть Дербентомъ. Тогда, по повелѣнію халифа того времени (Муавіи), Ибрагимъ, Салманъ и Рабіятуль Бахли *), съ 4000 отборныхъ воиновъ выступили на помощь Дербенту, съ твердою рѣшимостью отстоять этотъ городъ. Въ странахъ Азербейджана, чрезъ который лежалъ ихъ путь, они силою оружія обратили всѣхъ его жителей и затѣмъ подошли къ Дербенту и заняли его безъ сопротивленія, такъ какъ хазары, занимавшіе Нарынъ-калу (цитадель этого города), отступили, въ виду приближенія арабовъ, въ крѣпость Гумри, нынѣшній Кая-кентъ. По той же причинѣ думалъ объ отступленіи и каганъ. Но его вельможи и приближенные нашли недостойнымъ такой образъ дѣйствія, и онъ, оставшись волею неволею, расположился лагеремъ на берегу Дарвахъ-чая. Съ другой стороны Ибрагимъ, Салманъ и Рабіятуль Бахли вышли изъ Дербента и также расположились съ своими войсками на равнинѣ Аби-Эйнъ **). Каганъ слышалъ о боевыхъ качествахъ арабовъ, что они считаютъ смерть на войнѣ обрѣтеніемъ рая и потому всегда предпочитаютъ ее бѣгству. Въ виду этого однажды онъ сказалъ своимъ приближеннымъ: «О мои визиры и вельможи! Говорятъ, что на арабское племя не дѣйствуютъ

*) Такъ въ переводѣ г. Алиханова, который приводится, какъ наиболее подробный съ эпическими чертами. Въ редакціи Казембека: Ибрагимъ и Салманъ-л-Бахили; въ редакціи Клапрота—Ибрагимъ, Сельманъ и Рабіятуль-Бахли. Такимъ образомъ по нѣкоторымъ спискамъ у мусульманъ было 2 вождя: Ибрагимъ и Салманъ, по другимъ 3: Ибрагимъ, Салманъ и Бахли. У нѣкоторыхъ арабскихъ авторовъ—Салманъ или Сулейманъ бенъ Рабіа Аль Бахили, что Клапротъ и Березинъ признаютъ болѣе вѣрнымъ.

**) Аби-Эйнъ, «чистая вода», или Аваинъ, группа источниковъ и садовъ къ сѣверу отъ Дербента.

копья и сабли, что только поэтому эти воины рѣшились выйти изъ своей далекой страны на войну съ нами. Подобаеть ли намъ бороться съ ними?» Послѣ того, какъ слова эти разнеслись по хазарскому стану, одинъ изъ этихъ невѣрныхъ подкрался къ мусульманину, купавшемуся въ морѣ, оставивъ на берегу свое платье и оружіе, и, убивъ его стрѣлою, принесъ къ кагану отрубленную голову. Онъ сказалъ при этомъ: «Вотъ, повелитель, голова одного изъ арабовъ, которыхъ, по вашимъ словамъ, не беретъ никакое оружіе. Его, купавшагося въ морѣ, сразила моя стрѣла, а сабля довершила остальное». — «Совершенное тобою не есть плодъ храбрости, отвѣтилъ на это каганъ. Ты не могъ бы убить араба, елибъ онъ былъ при оружіи».

Какъ только это *) стало извѣстнымъ мусульманамъ, Ибрагимъ, Салманъ и Рабіятуль-Бахли построили свои войска и двинулись вслѣдъ за знаменами. Каганъ также выстроилъ свою армію. Богатыри обѣихъ сторонъ выступили тогда впередъ и завязали битву, прекратившуюся только съ наступленіемъ вечера, и въ которой 20000 хазаръ заслужили вѣчное проклятiе и переселились въ адъ, а 200 мусульманъ испили шербетъ блаженной смерти шахидовъ (павшихъ за вѣру). Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня богатыри обѣихъ сторонъ снова сразились на боевомъ полѣ и бились копьями и мечами, пока солнце не скрылось за горизонтомъ. Храбрые мусульмане поражали враговъ, то налетая на нихъ, то обращаясь въ мнимое бѣгство. Хазары лишились въ этотъ день 10000 своихъ воиновъ, а къ ночи обѣ стороны вернулись въ свои лагеря. На третiй день, когда взошедшее солнце озарило всю окрестность, воины ислама, какъ разъяренные львы, «кинулись на вражескій станъ и бились съ такимъ остервенѣніемъ, что надъ кровью, окрасившею равнину, мѣстами плавали отрубленные головы, и кони едва могли двигаться между грудями валявшихся тѣлъ. Въ этотъ день арабы навели такой ужасъ на хазаръ, что передъ каждымъ изъ нихъ обращались въ бѣгство цѣлыя сотни этихъ невѣрныхъ. Сражались опять до поздняго вечера и значительная часть хазаръ снова подверглась истребленію или была захвачена въ плѣнъ, а остальные бѣжали въ свой лагерь. На разсвѣтъ четвертаго дня

*) Объ убiеніе араба говорятъ Табари и др.

арабы построились снова и устремились на хазарь съ такимъ самоотверженіемъ и внушительностью, что послѣдніе, несмотря на свою многочисленность, обратились въ бѣгство, не дождавшись столкновенія. Преслѣдуя ихъ по пятамъ и поражая или захватывая настигнутыхъ, мусульмане на этотъ разъ ворвались за окопы своихъ противниковъ, гдѣ и расположились для ночлега. На пятый день бой завязался на берегу Дарвахъ-чая. Передъ началомъ его, каганъ обратился къ своимъ войскамъ съ такими словами: «Богатыри мои! Сражайтесь мужественно и не бѣгите подобно женщинамъ». Однако, деморализованные воины его, хотя и двинулись впередъ, но нерѣшительно. Съ помощью Бога, арабы въ этотъ день снова поручили Малику (хранителю ада) 20000 невѣрныхъ, а 500 человекъ изъ среды ихъ самихъ испили шербетъ праведныхъ и выпустили въ рай свои души. Сильно опечаленный такимъ исходомъ сраженія каганъ обратился къ своимъ воинамъ съ рѣчью: «Я слышалъ, сказалъ онъ, что по храбрости арабы не имѣютъ себѣ равныхъ, а потому и не хотѣлъ воевать съ ними. Но вы настояли на этомъ, и въ результатъ погибло столько воиновъ и неизвѣстна сколько ихъ еще ожидаетъ та же участь!». Свое обращеніе каганъ заключилъ такъ: «Неужели у васъ нѣтъ ни совѣсти, ни мужество, что рѣшаетесь на позорное бѣгство передъ нашими врагами! Побѣда дается только тѣмъ, которые принимаютъ единодушное и твердое рѣшеніе вырвать ее во что бы то ни стало. Вамъ необходимо поступить такъ. Если же и въ этотъ разъ кто либо повернетъ лицо отъ врага и обратится въ бѣгство, то вес родъ его я сотру съ лица земли!» Послѣ такого предупрежденія наступилъ шестой день боя. Едва онъ озарился свѣтомъ, какъ уже праведные Салманъ и Рабіятуль Бахли построили свои войска и поручили ихъ начальству Абу-Саида; а сами затѣмъ, съ 40-водушевленными богатырями, съ обнаженными саблями въ рукахъ, оглашая небо возгласами: Аллаху-акбаръ! (великъ Богъ) и продолжая ихъ салаватомъ (молитвеннымъ призывомъ Божьяго благослоенія на пророка), первыми, подобно разъяреннымъ лвамъ, ринулись съ праваго крыла на воинство кагана. Кидаясь затѣмъ то на правый, то на лѣвый фланги хазарь, эти священные мужи бились съ такимъ самоотверженіемъ, что, со времени Адама и до дней послѣдняго пророка, міръ не только не видѣлъ такого подвига ни со

стороны Рустама-Зала, Сохраба, Афросіяба и другихъ богатырей или многочисленныхъ войскъ, но и не увидитъ ничего подобнаго до дня воздаянія. Въ этотъ день эти 40 богатырей отправили въ адъ 6000 невѣрныхъ и сами, вмѣстѣ съ Салманомъ и Рабіятуль Бахли, испили шербетъ праведныхъ мучениковъ за вѣру и выпустили свои души въ лоно вѣчнаго блаженства. Теперь они покоятся возлѣ Дербента, на особомъ кладбищѣ, называемомъ по числу этихъ шахидовъ, Кырхляръ (сороковикъ). Остальное видимо Богу... Проклятый каганъ уже не могъ болѣе держаться и обратился въ такое бѣгство, что до достиженія крѣпости ни одинъ изъ его невѣрныхъ не могъ повернуться, чтобы пустить въ ходъ свои стрѣлы. Эта крѣпость кагана находилась на горѣ, возвышающейся надъ Гумричаемъ, откуда открывается видъ на море. Теперь она называется Кая-кентомъ. Увидѣвъ здѣсь, что мусульмане уже прекратили преслѣдованіе, каганъ горько упрекалъ своихъ воиновъ въ малодушіи, проявленномъ въ новомъ бѣгствѣ. Затѣмъ онъ прибавилъ: «Мнѣ нуженъ храбрецъ, который бы принесъ вѣрное извѣстіе о мусульманскомъ войскѣ». Трое вызвались исполнить это порученіе и, прибывъ на поле битвы, увидѣли, что многіе изъ мусульманъ пали смертію праведныхъ, а остальные возвратились. Когда посланные привезли это извѣстіе проклятый каганъ также посѣтилъ мѣсто сраженія и при видѣ огромной массы тѣлъ его воиновъ и предводителей, покрывавшихъ собою боевое поле, тяжело вздохнулъ и прослезился. Послѣ этого, выдѣливъ и отправивъ 5000 воиновъ для охраны Дербентской стороны, съ остальными войсками каганъ удалился сначала въ крѣпость Анджи, находившуюся ниже Тарху, на берегу моря, а затѣмъ еще далѣе – въ Ихранъ. Историки рассказываютъ, что послѣ этого событія на Анди и его окрестности обрушился жестокой голодъ, отъ котораго умерло много народа. Астрологи и ученые узрѣли тогда въ книгахъ и объявили, что бѣдствіе не прекратится и ни капля благодатнаго дождя не достигнетъ земли до тѣхъ поръ, пока не будутъ похоронены тѣла павшихъ въ бою шахидовъ. Вслѣдствіе этого Анджи, собравшись старъ и младъ, прибыло на мѣсто сраженія и увидѣло, что сіяніе окружаетъ тѣла шахидовъ и поднимается къ небу. Будучи поражены этимъ, невѣрные похоронили ихъ согласно правиламъ ислама. Преданіе гласитъ затѣмъ, что тѣла благочестивыхъ Салмана и Ра-

біятуль-Бахли – да сподобатся они одобренія Аллаха! – были въ особыхъ гробахъ перевезены населеніемъ Анджи къ себѣ и преданы землѣ по мусульманскимъ обрядамъ, причемъ были устроены поминки и розданы щедрыя милостыни. Послѣ этого собравшійся народъ, поднявъ руки къ небу, молился о прекращеніи бѣдствія изъ милости къ шахидамъ. Господь услышалъ ихъ мольбы: полилъ благодатный дождь, къ населенію Анджи вернулось его прежнее благосостояніе, а процвѣтаніе этого значительнаго города благотворно отразилось и на прилегающія къ нему страны». Такимъ образомъ каганъ послѣ побѣды, которую Дербентъ-наме, по своему правовѣренному духу, считаетъ поражениемъ, остался повелителемъ всей страны. Авторъ X в., Хамадани, говоритъ: «Турки обитали въ городѣ аль-Бабъ, и съ ними сражался Салманъ ибнъ-Рабія; онъ и его товарищи, а ихъ было 4000, были убиты за вѣру. Сказалъ Абдурахманъ Бахиліецъ, прославляя Салмана ибнъ-Рабія и могилу его за р. Беленджеромъ у Бабъ-эль-Аббаба: «у насъ есть двѣ могилы: могила въ Беленджерѣ и могила въ Синистанѣ. О, дивныя могилы! Что касается до того, кто похороненъ въ могилѣ въ Синѣ, то завоеванія его обширны, а при помощи второй могилы испрашивается ниспосланіе дождя». Якутъ (†1229 г.) говоритъ о томъ же подробнѣе: «Завоеваніе эль-Баба произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ: Селманъ, сынъ Ребіаха Бахили, напалъ на эту страну въ халифатство Омара; онъ дошелъ до 2 замковъ и до Беленджеръ. По другую сторону р. Беленджеръ онъ встрѣтилъ армію кагана; Селманъ и его товарищи, въ числѣ 4000, погибли въ этой битвѣ. Поэтъ Абрахманъ бенъ Джеманехъ эль-Бахили прославилъ въ слѣд. стихахъ (размѣра тавиль) двухъ героевъ своего племени: «У насъ есть двѣ гробницы, одна въ Беленджерѣ, другая на порогѣ Китая. Чудныя гробницы! Воинъ, почивающій въ Китаѣ, далеко простеръ свои завоеванія; заслуги второго доставляютъ странѣ обильный дождь!». Вотъ на что намекаетъ поэтъ: турки и хазары, убивъ Селмана и его воиновъ, зажгли большой огонь на полѣ битвы и погребли мертвыхъ, но тѣло Селмана положили въ гробъ и выставили въ храмѣ. Во время засухъ, они выносили этотъ гробъ, открывали его и такимъ образомъ получали дождь для своихъ полей. Я читалъ въ другомъ мѣстѣ (вѣроятно, у Табари), что Муса-эль-Ашари, взявъ Испаганъ при

халифъ Омаръ въ 19 г. послалъ Соракаха бенъ Амру, прозваннаго Дгунъ-нунъ, къ городу эль-Бабъ съ арміею, авангардъ который былъ подъ начальствомъ Абдурахмана, сына Ребіаха. Городъ былъ взятъ послѣ отчаяннаго сопротивленія».

Прочное единеніе всѣхъ силъ ислама въ однѣхъ рукахъ дало возможность основателю Омайядской династіи, Муавіи I (661–680), и его преемникамъ двинуть большинство свободнаго войска вдаль на завоеванія. Халифъ Абдалъ-Меликъ (685–705) разбивъ войско хазаръ у самого Дербента, овладѣлъ всею сѣвѣрною частью Дагестана и принудилъ его жителей принять исламъ. Дербентъ снова очутился въ рукахъ арабовъ. Въ началѣ 1849 г., при рытіи фундамента для церкви, было найдено въ землѣ значительное количество монетъ, изъ которыхъ самая старинная была мѣдная монета именно Абдалъ-Мелика, прямое доказательство, что власть арабовъ въ Дербентѣ едва ли утвердилась прочно ранѣе этого халифа. Характернымъ также въ этомъ отношеніи является находка въ началѣ 1890-хъ годовъ арабскаго вѣса (находится въ музеѣ графини П. С. Уваровой). Онъ имѣетъ форму копѣечной монеты, но вчетверо толще. На лицевой сторонѣ надпись: сирійскій мискаль. Этотъ вѣсъ, сдѣланный изъ обожженной глины, представляетъ собою сирійскій мискаль времени Омайядовъ, у которыхъ единицею вѣса считалось зерно (грань); двѣ хаббы составляли тассужъ, 2 тассужа=киратъ, 2 кирата=даникъ, а 6 даниковъ=1 диргемъ, $1\frac{3}{7}$ диргема=1 мискаль (русскій золотникъ); $4\frac{1}{2}$ мискаля составляли астаръ, $1\frac{2}{3}$ астара=укіе, 12 укіе=ратль, въ ратлѣ 2 уккы, а 2 ратля=мана, 100 ратловъ и 50 манъ=1 кинтаръ, самая крупная единица вѣса. Вѣсъ разсматриваемаго мискаля $\frac{4}{5}$ золотника (4, 3 грам.). Утвержденію арабскаго владычества послѣ Абдалъ-Мелика способствовала дѣятельность халифа Язида I (680–683), выведшаго въ Дагестанъ колоніи изъ Сиріи и Месопотаміи и построившаго тамъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ укрѣпленія.

Въ правленіе халифа Велида I (705–715), сына Абдалъ-Мелика, война съ хазарами возобновилась. Халифъ, получивъ извѣстіе въ 94 г. х. (712–713 *), что хазары завладѣли Дербентомъ и разоряютъ

*) Въ спискахъ Дербентъ-наме Казембека и Алиханова говорится въ 64 г. хеджры, т. е. 663–84 г., но въ этомъ году царствовалъ Мерванъ, въ текстѣ же Дербентъ-наме говорится о Велидѣ, вступившемъ на престолъ въ 86 г. т. е. 705, поэтому Казембекъ правъ,

земли мусульманъ, приказалъ своему брату Масламъ *) собрать изъ племень Сиріи 40000 воиновъ, выступить къ Дербенту, овладѣть имъ и расположиться въ немъ. Маслама дошелъ до р. Рубаса и здѣсь сталъ лагеремъ. Цитадель Нарынъ-кала была занята 3000 хазарскаго гарнизона. Арабы, переправившись чрезъ Рубасъ, обложили Дербентъ, но хазары держались упорно 3 мѣсяца, хотя были совершенно отрѣзаны. Потерявъ надежду на овладѣніе городомъ, Маслама хотѣлъ уже снять осаду, когда ночью къ нему явился одинъ изъ гражданъ и предложилъ за часть добычи отъ хазаръ помочь овладѣть крѣпостью. Маслама согласился и приказалъ Абдулъ бенъ Гатаму бенъ Бахли съ 6000 воиновъ вступить въ городъ, по указанію перебѣжчика. Послѣдній провелъ отрядъ ночью въ Нарынъ-калу, раскопавъ тайный подземный проходъ, находившійся въ сторонѣ Дарваха. Хазары узнали объ этомъ только на разсвѣтѣ. Завязался жестокой бой среди крѣпости, и въ то же время, по траншеямъ, доведеннымъ до самыхъ стѣнъ, подошелъ съ войсками Маслама и проникъ въ крѣпость. Тогда всѣ хазары были перебиты или взяты въ плѣнъ, а ихъ имущество раздѣлено между воинами и перебѣжцкомъ. Послѣ этого Маслама на совѣщаніи съ вождями войска сказалъ: «Если мы возвратимся на родину, оставивъ въ этой крѣпости гарнизонъ, то хазары снова атакуютъ брошенныхъ здѣсь на произволь судьбы воиновъ. Благоразумнѣе будетъ поэтому вовсе уйти отсюда, разрушивъ предварительно башни и стѣны цитадели». Абдулъ-Азисъ Бахили нашелъ это неблагоразумнымъ, ибо послѣ ухода арабовъ хазары снова явятся сюда и, возобновивъ крѣпость въ еще болѣе неприступномъ видѣ, будутъ по прежнему разорять Азербейджанъ. Несмотря на это справедливое возраженіе, Маслама, если вѣрить Дербентъ-наме, приказалъ разрушить крѣпостныя стѣны и башни и, назначивъ Абдулъ-Азиза правителемъ Ширвана, возвратился въ Сирію. По рассказамъ нѣкоторыхъ армянскихъ историковъ,

когда въ этомъ мѣстѣ ставитъ вмѣсто 74–94 г., хотя прѣбавляетъ знакъ вопроса. Вообще трудно разобратъ хронологию Дербентъ-наме и другихъ арабскихъ авторовъ.

*) Варіанты этого имени въ разныхъ спискахъ Дербентъ-наме: Абу-Муслимъ Муслимъ, Муслеме; мы слѣдуемъ Бревину. Очевидно, братъ Велида смѣшивается съ Абу Муслимомъ Мервскимъ (Хорасанскимъ) свергнувшимъ въ 132 х. (750) Мервана II съ престола, и котораго преданіе дѣлаетъ вождемъ арабскихъ завоевателей Кавказа. Абу-Муслимъ никогда не былъ здѣсь.

когда арабы, по приказанію Масламы, приступили къ разрушенію крѣпостныхъ стѣнъ, то нашли огромный камень, лежавшій въ основаніи ихъ, на которомъ была начертана надпись слѣдующаго содержания: «Маркіанъ, самодержавный императоръ, построилъ городъ и твердыню эту, истративъ на это много талантовъ и сокровищъ своихъ. Впослѣдствіе сыны Исмаила разрушаютъ ихъ и возобновятъ на свои сокровища». Прочитавъ эту надпись, Маслама приказалъ возстановить стѣну. Вслѣдъ за симъ хазары снова явились къ Дербенту, возобновили и еще болѣе укрѣпили его и стали дѣлать набѣги на земли ислама. Узнавъ объ этомъ, Маслама «предпринялъ новый походъ съ 40000 войскомъ. Овладевъ и на этотъ разъ Дербентомъ, онъ усилилъ его стѣны и башни, построилъ въ немъ новыя зданія для жилья и складовъ, оставивъ въ немъ гарнизонъ въ 5000 отборнаго войска, а самъ возвратился въ Сирію.

При халифѣ Язидѣ II (720–724) хазары осадили Дербентъ и съ мечемъ и огнемъ проникли въ Азербейджанъ; тогда халифъ назначилъ намѣстникомъ въ Арменію Джерраха бенъ Абдулу и приказалъ ему идти на помощь войскамъ, находившимся въ Дербентѣ. Джеррахъ съ 6000 войскомъ вступилъ въ Дербентъ чрезъ южныя ворота, вышелъ изъ него Кырхлярскими и расположился въ саду Абъ-аинъ, откуда послалъ всадниковъ въ Каракайтагъ и Табасаранъ для покоренія жителей. На берегахъ р. Дарваха хазары были разбиты, и Джеррахъ съ добычею возвратился въ Дербентъ, гдѣ оставилъ войско и самъ вернулся въ Сирію. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, онъ построилъ въ Дербентѣ 7 новыхъ мечетей и 7 желѣзныхъ воротъ и укрѣпилъ городъ. Халифъ Хишамъ (724–743), вступивъ на престоль, утвердилъ Джерраха правителемъ Арменіи и обѣщалъ прислать помощь противъ хазаръ, на которыхъ приказалъ идти. Въ битвѣ съ хазарами Джеррахъ былъ убитъ (730). Хишамъ вмѣсто него отправилъ изъ Сиріи бенъ Амру Эльгареши, который разбилъ хазаръ въ Азербейджанѣ, преслѣдовалъ ихъ до Ширвана, гдѣ остановился въ ожиданіи приказаній Хишама, который между тѣмъ вмѣсто него правителемъ Арменіи снова назначилъ Масламу (734 г.). Покоривъ Ширванъ, Маслама двинулся къ Дербенту, въ которомъ въ его время находилось 1000 воиновъ, оставленныхъ тамъ каганомъ. Маслама ихъ не тронулъ,

а отправился далѣе въ страну хазаръ, гдѣ, недалеко отъ Дербента, произошла битва, въ которой онъ остался побѣдителемъ. Возвратясь съ большею добычею въ Дербентъ, охраняемый 1000 хазарскихъ воиновъ, онъ окружилъ его. Черезъ нѣсколько дней, когда оказались тщетными всѣ попытки взять крѣпость или склонить къ сдачѣ, Маслама уже хотѣлъ снять блокаду, какъ в другъ къ нему явился одинъ изъ горныхъ жителей и сказалъ: «О повелитель, вернешь ли ты жену мою, сына и дочь, если я передамъ тебѣ крѣпость?» Послѣ утвердительнаго отвѣта, бѣглець потребовалъ для выполненія своего плана сотню барановъ и овецъ. Получивъ требуемое, горецъ пошелъ къ источнику, снабжавшему городъ водою, и велѣлъ копать землю, пока не дойдутъ до воды; это было исполнено. Тогда онъ приказалъ пригнать на это мѣсто стадо барановъ и зарѣзать ихъ. Кровь потекла въ воду, а оттуда въ пруды и колодцы городскіе; когда же горецъ былъ увѣренъ, что кровяная вода достигла города, онъ велѣлъ воду источника отвести въ рѣку. По утру хазары увидѣли, что всѣ ихъ пруды наполнились кровью, и не пришла еще ночь, какъ вода начала гнить, и весь городъ почувствовалъ жажду. Горецъ опять явился къ Масламѣ съ совѣтомъ приблизиться къ городу, ибо жители страдаютъ жаждою, принуждены будутъ бѣжать, и ночью оставятъ городъ. Маслама послѣдовалъ совѣту, и дѣйствительно, при наступленіи ночи, хазары отворили ворота, вышли всѣ изъ города и убѣжали; арабы заняли его. Овладевъ городомъ, Маслама приступилъ къ устройству его. Онъ возстановилъ водоснабженіе и всѣ разрушенныя части стѣнъ и укрѣпленій камнями, взятыми изъ зданія, построеннаго еще Ануширваномъ и называвшагося Михренджъ; городъ былъ также обстроенъ. Нарынъ-калу онъ укрѣпилъ сильнѣе, перестроилъ имѣвшееся въ немъ зданіе, кромѣ того построилъ арсеналъ, хлѣбныя и нефтяныя магазины; по Табари, Маслама построилъ хлѣбныя магазины и арсеналы въ четырехъ концахъ города. Въ гавани онъ устроилъ цѣпь, замыкавшую входъ, и продолжилъ молъ на 105 локтей въ море. Собравъ подати съ покоренныхъ имъ жителей Дагестана, онъ пополнилъ собранными запасами амбары, чтобы въ случаѣ нужды выдавать населенію Дербента и войску. Городъ онъ раздѣлилъ на 7 кварталовъ (магаловъ), построилъ въ каждомъ по мечети, которыя, по именамъ преобладавшихъ въ каждой

части племень, получили названія: первая—Хазари, II—Филистини, III—Дамашкъ, IV—Хемсъ, V—Кейсари, VI—Джезире, VII—Мусули. По словамъ Табари, Маслама раздѣлилъ городъ на 4 квартала, изъ которыхъ одинъ отдалъ выходцамъ изъ Сиріи, II—племени Хемсъ, III—выходцамъ изъ Дамаска и IV—арабамъ Джезире. Кромѣ того онъ построилъ большую сборную мечеть (джума-мечеть) для совершенія общаго богослуженія по пятницамъ. Въ городской стѣнѣ онъ устроилъ 6 окованныхъ желѣзомъ воротъ, названныхъ: Бабуль-Мухаджиръ (т. е. ворота бѣглецовъ, позднѣе Джарчи-капу), Б.-Джихадъ (ворота свящ. войны, п. Кырхляръ-к.), Б.-Гемсъ (п. Енги-к.), Б.-Сагиръ (п. Туркменъ-к.) и Б.-Алкаме (п. Нарынъ-к.). Были еще небольшія ворота, называемыя Баби-кучукъ, обращенныя къ морю, служившія на случай тайнаго прохода партіи людей или животныхъ. Вообще Маслама возобновилъ укрѣпленія вокругъ Дербента, перестроилъ его и заселилъ, переведя въ него колонію изъ 14000 сирійцевъ, которымъ онъ отдалъ городъ, почему горожане требуютъ отъ каждаго новаго правителя раздачу денегъ, прежде чѣмъ позволить войти въ городъ (Белазори); по другимъ извѣстіямъ, онъ перевелъ 24000 арабскихъ семействъ изъ земель Шама (Сиріи) и Месопотаміи. Приведя въ порядокъ дѣла Дербента, Маслама покорилъ Дагестанъ, поставилъ въ немъ правителей (шамхала, уцмія и пр.) и обратилъ почти всѣ его селенія въ исламъ. Возвратясь въ Дербентъ, онъ приказалъ, чтобы отнынѣ, если хазары нападутъ на него, всѣ сосѣдніе правители должны являться на помощь. Направлявшихся въ Дербентъ хазарскихъ купцовъ онъ приказалъ останавливать на разстояніи фарсаха отъ города и удалять по окончаніи торговыхъ дѣлъ, а съ дербентскихъ торговцевъ, отправлявшихся съ товаромъ въ Хазарію, брать усиленныя пошлины, чтобы прекратить подобныя сношенія. Прибывающихъ изъ Хазаріи пословъ онъ приказалъ вводить въ городъ не иначе, какъ съ завязанными глазами, и также провожать ихъ обратно до ихъ предѣловъ, чтобы лишить ихъ возможности что либо высмотрѣть. Подати, которыми онъ обложилъ жителей Дагестана, онъ приказалъ доставлять ежегодно правителю Дербента. Рядомъ съ правителемъ, соединявшимъ гражданскую и военную власть, стоялъ судья (кадій), для помощи ему въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ Маслама окончательно обстроилъ

Дербентъ и затѣмъ всѣхъ переселенцевъ, всѣхъ оставшихся аборигеновъ страны, всѣ установленныя имъ власти организовалъ въ правильную іерархію, имѣвшую одну цѣль – содѣйствовать всѣми мѣрами, согласованными въ довольно замѣчательной гармоніи, охранѣ и оборонѣ Дербентскаго прохода.

Предпринявъ новый походъ на хазаръ, Маслама потерпѣлъ неудачу, почему впалъ въ немилость при дворѣ халифа и долженъ былъ уйти изъ Дербента. По словамъ одного путешественника XII в., когда Маслама собирался уѣхать, табасаранцы представляли ему опасность сосѣдства съ ними арабскихъ выходцевъ, поселенныхъ имъ. Тогда Маслама вынулъ свой мечъ и сказалъ: «Я оставляю мой мечъ между вами и ими; пока это оружіе останется здѣсь, никто не осмѣлится возстать». Тогда въ скалѣ было сдѣлано углубленіе и въ немъ помѣстили мечъ Масламы. Онъ еще тамъ (XII в.) и служить предметомъ поклоненія; сюда зимою приходятъ богомольцы въ темныхъ одеждахъ; но во время жатвы это мѣсто можно посѣщать только въ бѣлой одеждѣ, ибо въ противномъ случаѣ, по общему вѣрованію, въ странѣ произойдетъ наводненіе, которое разрушитъ жатву и плоды. Объ этомъ Закарья Казвини († 1283) рассказываетъ такъ: «За городомъ (Дербентомъ) находился холмъ, на немъ мечеть, въ нишѣ главнаго алтаря котораго былъ мечъ, какъ говорятъ, Масламы бенъ Абдаль-Мелика бенъ Мервана, къ которому люди приходятъ на поклоненіе. Паломничество совершалось только въ бѣлыхъ одеждахъ, ибо если кто нибудь прійдетъ въ цвѣтныхъ, то наступятъ ливни и вѣтры, и все, находящееся вокругъ холма, погибнетъ. Поэтому на холмѣ находятся караульные, которые не допускаютъ до него одѣтыхъ въ цвѣтныя одежды. Вблизи этого холма есть источникъ, къ которому люди приходятъ каждую пятницу ночью на молитву, и въ которомъ они въ извѣстное время въ началѣ ночи замѣчаютъ сіяніе, такъ что имъ становятся видны камень и песокъ. Этотъ источникъ называется источникомъ возмездія». Послѣ Масламы въ 736 г. правителемъ былъ назначенъ Асадъ бенъ Джиррахъ бенъ Селманъ. Онъ привелъ съ собою 4000 храбрыхъ воиновъ и вступилъ въ городъ чрезъ ворота Джихадъ, какъ главныя. Жители Дербента были освобождены имъ отъ налога подушнаго, поземельнаго, почтоваго, отъ сбора на празднества и за право охоты, за что на нихъ была воз-

ложена военная служба по охранѣ города. Асадъ устранилъ злоупотребленія, вкравшіяся въ управленіи, и приказалъ особенно не допускать въ крѣпость ни одного изъ невѣрныхъ, стремившихся туда подъ предлогомъ торговли. Въ 738 г. правителемъ Арменіи, Азербейджана и Месопотаміи былъ назначенъ дядя халифа Гишама, Мерванъ. Онъ пытался внести войну съ хазарами во внутрь ихъ царства, но самыя арабскія извѣстія объ этомъ походѣ противорѣчивы. По свидѣтельству Вардапета Гевонда, Мерванъ уничтожилъ всякія притѣсненія и насилія. Онъ наказывалъ смертью на висѣлицѣ воровъ, разбойниковъ и прочихъ враговъ безопасности, приказывая предварительно отрубить осужденнымъ окончности рукъ и ногъ. Наложивъ подушную дань деньгами и натурою на жителей окрестныхъ странъ, онъ собиралъ ее въ Дербентъ для раздачи войскамъ. Табасаранцевъ сверхъ того онъ обязалъ выставлять по очереди рабочихъ: для очистки городскихъ улицъ отъ снѣга, грязи и всякихъ нечистотъ, а жителей Кюри, Ахтовъ и Мискинджи – для исправленія городскихъ стѣнъ. Мерванъ, устроившій также водопроводъ въ Дербентъ, покинулъ свой постъ, чтобы вступить на престолъ халифата, на которомъ онъ и погибъ въ 750 г., уступивъ мѣсто Аббасидамъ.

Основатель этой династіи весьма благосклонно отнесся къ жителямъ Дербента и къ его гарнизону. Халифъ Мансуръ (754–755), вступивъ на престолъ, назначилъ правителемъ Дербента Язида бенъ Асада. Послѣ его пріѣзда, большое хазарское войско перешло границы и осадило городъ. Однажды ночью хазары, подойдя къ крѣпости, приставили къ стѣнѣ деревянные срубы и пни, чтобы по нимъ перелѣзть въ городъ. Узнавъ объ этомъ, воины съ башенъ и стѣнъ облили ихъ зажженною нефтью. Благодаря этому, хазары не могли взять крѣпость и удалились. Халифъ, потребовавъ къ себѣ Язида, спросилъ его; «О сынъ Асада! Какъ обезпечить мусульманъ Дербента отъ хазарскихъ покушеній?»; отвѣтъ Язида былъ: «Укрѣпленія, окружающія Дербентъ, лежатъ въ развалинахъ. Если возобновить ихъ и снабдить населеніемъ окрестные пункты, то хазары будутъ безопасны для Дербента». Такъ и было поступлено, гарнизоны возобновленныхъ и новыхъ укрѣпленій усилены 7000 воиновъ съ семействами изъ Шама и Мосула; въ Дербентъ Язидъ размѣстилъ регулярную оплачиваемую конную стражу. Въ его

время Дербентъ продолжалъ процвѣтать, ибо невѣрные не смѣли туда проникнуть, и слава города гремѣла по всему свѣту. Подати взимались по установленному порядку, беззаконія и притѣсненія были тамъ неизвѣстны. Халифъ Махди (775–785) приказалъ воздвигнуть въ городѣ большое зданіе для ссыпки получаемого въ видѣ дани зерна и потомъ раздавать его нуждающимся. Дербентъ продолжалъ процвѣтать, ибо его правители были люди справедливые и честные. Такъ продолжалось до назначенія въ 776–7 г. правителемъ города Джеуна, сына Неджма. Вступивъ въ городъ и найдя его укрѣпленія достаточно прочными, Джеунъ, вопреки повелѣніямъ халифа, сталъ править крайне произвольно. Онъ поступалъ, какъ тиранъ, и предавался увеселеніямъ, недозволеннымъ шаріатомъ, совершенно пренебрегалъ нуждами народа и совершилъ много несправедливостей. Такой образъ дѣйствій правителя сталъ приводить Дербентъ къ упадку; жители начали его покидать и разсѣялись по Ширвану. Джеунъ особенно жестоко поступилъ съ нѣкимъ Узъ-бекомъ; свидѣтели также доказали, что онъ дѣйствовалъ заодно съ хазарами. Когда вѣсть о всѣхъ беззаконіяхъ Джеуна достигла до халифа, онъ приказалъ арестовать его и въ цѣпяхъ направить въ Бердаа, а правителемъ назначилъ Ребія ель-Багили. Въ 789–90 г. халифъ Гарунъ-аль-Рашидъ (786–809) отправилъ съ 12000 войска въ Дербентъ Хазима бенъ-Чархи, приказавъ ему возобновить сосѣднія укрѣпленія; Хазима исполнилъ это и произвелъ поправку городскихъ бастіоновъ и стѣнъ. Онъ приказалъ арестовать всѣхъ сторонниковъ Джеуна и отправить въ цѣпяхъ къ халифу; нѣкоторые были казнены. Недовольствуясь возстановленіемъ порядка въ Дербентѣ чрезъ намѣстника, Гарунъ самъ пріѣхалъ въ этотъ городъ. Онъ возвелъ на р. Рубасъ укрѣпленія и приказалъ запрудить ее и провести ея воду по окрестностямъ Дербента, чѣмъ обводнилъ большое пространство степи, превративъ ее въ плодородный оазисъ. Разрушивъ; часть крѣпостныхъ стѣнъ и исправивъ остальную, онъ приказалъ развести сады, огороды и виноградники, снабдивъ ихъ водою чрезъ водопроводы, устроилъ на послѣднихъ мельницы, доходы съ которыхъ пожертвовалъ въ пользу бѣдныхъ города. Гарунъ обстроилъ и украсилъ городъ, населилъ его новыми выходцами; въ каждомъ городскомъ кварталѣ онъ построилъ житницы и мечети. Онъ оставался, по преданію, 7

лѣтъ въ Дербентѣ и когда рѣшился вернуться въ Багдадъ, то созвалъ всѣхъ жителей города и далъ имъ доказательство своей благосклонности, назначивъ правителемъ города Сакса (Гафса) бенъ Омара, предоставивъ имъ свергнуть его, если онъ будетъ притѣснять ихъ. Если извѣстіе Дербентъ-наме о 7 лѣтнемъ пребываніи Гаруна въ Дербентѣ вѣрно, то, конечно, городъ много выигралъ отъ пребыванія пышнаго двора халифскаго. По одному извѣстію, въ каменной гробницѣ у Кырхлярскихъ воротъ погребенъ сынъ Гаруна, а, по другому, противъ воротъ Джихадъ погребены дѣти его. При немъ было послѣднее вторженіе хазаръ чрезъ Дербентъ въ землю ислама, о которомъ говорятъ арабскіе лѣтописцы (799 г.).

Въ 889 г. халифъ Мутамидъ (870–892) пожаловалъ жителямъ Дербента доходы съ нефтяныхъ и соляныхъ источниковъ въ Баку, назначивъ управляющимъ ими Могамета бенъ Уммара, который ежегодно собиралъ съ нихъ доходы и раздавалъ воинамъ. Въ 903 х. (290 г.), по словамъ Дербентъ-наме, было послѣднее нападеніе хазаръ на городъ; они подошли и обложили его, но всѣ усилія ихъ взять оказались тщетными. Кончилось тѣмъ, что съ одной стороны войска пограничныя, а съ другой – гарнизонъ города, двинулись одновременно на хазаръ и обратили ихъ въ бѣгство. Въ томъ же году дербентцы снова очутились во власти дурного правителя, Би Шутура, присвоившаго себѣ всѣ доходы, коими пользовались они отъ источниковъ и сосѣднихъ селеній. Это заставило ихъ взяться за разныя ремесла и торговлю. Нравы ихъ пошатнулись, и между ними начался развратъ. Окрестные жители перестали свозить дань въ Дербентъ, который упалъ. Жители его обѣднѣли, не хотѣли уже заниматься воинскимъ искусствомъ и начали разъѣзжаться въ чужія страны для торговли. Въ городѣ происходили смуты и власть халифовъ упала, какъ можно заключить изъ извѣстія Масуди, что въ 943 г. въ Ширванѣ царствуетъ мусульманинъ Магометъ бенъ Язидъ, происходящій отъ Баграмъ Гура, отъ котораго происходитъ и глава Серировъ. Магометъ бенъ Язидъ овладѣлъ городомъ Бабъ-эль-Аббабомъ по смерти своего тестя Абдала бенъ Гишама, потомка одного ансара (множ. отъ нассеръ, защитники, покровители, эпитетъ мединцевъ), имѣвшаго свое царство отъ предковъ; его семейство утвердилось въ этихъ странахъ, когда Маслама бенъ Абдул-Меликъ и другіе мусульманскіе эмиры овла-

дѣли ими въ первое время ислама. Къ внутреннимъ нестроеніямъ присоединились въ началѣ X в. бѣдствія отъ враговъ, замѣнившихъ хазарь; если не самъ Дербентъ, то его окрестности страдали отъ набѣговъ руссовъ. Въ 912–913 они грабили берега Гиляна и Ширвана; въ 943–44 г. они вторглись сухимъ путемъ въ Дагестанъ, но не могли проложить себѣ дорогу чрезъ Дербентъ и пошли моремъ; въ городѣ, весьма бойкомъ въ то время складочномъ мѣстѣ, они могли безъ особаго труда найти или построить корабли. Въ 968–69 руссы берегомъ Каспія достигли Семендера (Тарки), разгромили и разграбили его, и могли доходить и до Дербента. Долго послѣ этого на востокъ съ ужасомъ и страхомъ вспоминали о нашествіи свирѣпаго, неукротимаго народа руссовъ.

Начавшійся въ X в. упадокъ халифата, конечно, не могъ не отразиться на судьбахъ Дербента; Дербентъ-наме говоритъ: «Въ 320 (932 г.) въ мусульманскихъ государствахъ начались споры и междоусобія, вслѣдствіе чего въ Дагестанѣ появились беззаконія, смуты и интриги. При этомъ окрестные города и села возмутились и возстали противъ Дербента. Каждый изъ правителей Дербента стремился къ самостоятельности, почему и вели между собою войны; При такихъ обстоятельствахъ, чуть не каждые 5 дней Дербентъ переходитъ изъ рукъ въ руки: властелинами и хозяевами его попеременно дѣлались то ханы, то султаны». Дѣйствительно, Дербентъ подвергся общей участи многосложной и обширной арабской имперіи: онъ переходилъ отъ династїи къ династїи, которыя владѣли на сѣверѣ Персіи. Въ мусульманскомъ мірѣ наступаетъ смутная эпоха, династїи чередуются, какъ въ калейдоскопѣ, области переходятъ отъ одной къ другой, и прослѣдить судьбу какой либо мѣстности очень затруднительно. Извѣстія о Дербентѣ становятся очень скудными и отрывочными, такъ что о судьбахъ его можно собрать лишь отдѣльные факты, въ связи съ общей исторїей Азіей. Но прежде, чѣмъ перейти къ изложенію событій исторїи Дербента во время, наступившее за упадкомъ халифата, думаемъ не излишне будетъ, чтобы лучше и правильнѣе оцѣнить характеръ и значеніе извѣстій восточныхъ писателей о Дербентѣ, привести ихъ цѣликомъ изъ сочиненій наиболѣе извѣстныхъ авторовъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Ахмедъ ибнъ Абу Якубъ ибнъ Джафаръ аль Якубїй до 873 г.

странствовалъ по Востоку, былъ въ Арменіи, сочиненіе свое «Китабъ-аль-Булданъ» (книга царствъ) написалъ въ 891 г., умеръ послѣ 904 г.: Арменія раздѣляется на 3 части: часть II: города Бердаа, Байлаканъ, Кабала и Бабъ-ул-Абвабъ, часть III: города Джурзанъ, Тифлисъ и городъ, извѣстный подъ именемъ Месджиду-Дзулькарнаинъ. Арменія была завоевана въ правленіе Османа. Завоевалъ ее Сулейманъ (Сальманъ) ибнъ-Рабія Бахиліецъ въ 24 х., т. е. 644 г.

Абу Абдулла Магометъ аль-Джейгани († 956 г.) написалъ «книгу путей и государствъ», дошедшую до насъ въ передачѣ и сокращеніи Абу Бекра Ахмедъ ибнъ-Магометъ ибнъ Исхакъ аль-Хамаданія или аль-Факиха, автора «Китабъ-уль-Булданъ» (книга о странахъ), написанной въ 902–903 г. и дошедшей до насъ въ сокращеніи нѣкоего аш-Шейзари: Территорія Арменіи – отъ Бердаа до Бабъ-уль-Абваба. Кубазъ Старшій основалъ Бабъ-уль-Абвабъ и обстроилъ его замками. Называется онъ уль-Абвабъ потому, что расположенъ при выходѣ изъ горнаго ущелья. Состоитъ онъ изъ 360 замковъ, тянущихся до Бабъ-Аланъ; изъ нихъ 110 замковъ во владѣніи мусульманъ до земель Табарсеранъ, а остальные находятся въ земляхъ Филанъ и Сахибъ-ас-Сериръ до Бабъ-Аланъ. Къ I Арменіи принадлежатъ: Байлаканъ, Кабала и Ширванъ. Арменія II: Джурзанъ, Сугдабиль, Бабъ-Фейрузъ-Кубазъ и Лакзы. Кубазъ также основалъ, городъ Байлаканъ и города Бердаа и Кабала; онъ построилъ кирпичную стѣну, а вдоль стѣны основалъ 360 городовъ. Они были разрушены послѣ постройки Бабъ-уль-Абваба. Послѣ него царствовалъ Хосрой Ануширванъ. Этотъ послѣдній основалъ Шабиранъ, Маскатъ и Керкерэ; потомъ онъ построилъ городъ Бабъ-уль-Абвабъ; называется онъ Абвабомъ потому, что выстроены надъ дорогами въ горахъ. Построилъ онъ также стѣну между собою и хазарами, шириною въ 300 локтей изъ камня и свинцу такъ, что довелъ ее до вершины горы, а потомъ продолжилъ ее конецъ въ море и сдѣлалъ въ стѣнѣ желѣзные ворота. Такимъ образомъ для охраны ея (той мѣстности) было достаточно 100 человекъ, между тѣмъ какъ прежде онъ нуждался для охраны ея въ 50000 человекъ. По персидскимъ извѣстіямъ Ануширванъ, какъ только покончилъ съ укрѣпленіемъ пограничнаго мѣста Беленджеря и основательно устроилъ молъ въ морѣ и укрѣпилъ его, предался великой радости и приказалъ устроить для себя на молѣ

тронъ изъ золота; потомъ поднялся на него, воздалъ хвалу Богу и прославилъ Его и сказалъ: «О, ты, Господь господствующихъ! ты внушилъ мнѣ укрѣпление этого пограничнаго мѣста и укрощение этимъ способомъ враговъ. Слава Тебѣ; вознагради меня хорошо и верни меня изъ моего отсутствія на родину». Потомъ онъ сталъ на колѣни и поклонился, а затѣмъ легъ на свой коверъ и вздремнулъ. Въ это время поднялось изъ моря нѣчто выходящее, что закрыло величиною своею горизонтъ; вмѣстѣ съ нимъ поднялось облако и затмило свѣтъ; опустилось оно около мола, а всадники бросились къ своимъ лукамъ. Царь проснулся отъ страха и спросилъ: «Что съ вами случилось? Тѣ ему сказали. А онъ имъ сказалъ: «Спрячьте ваше оружіе. Великій и могущественный Господь не могъ внушить мнѣ удалиться изъ родины моей на 12 лѣтъ для возведенія укрѣпленія этой границы на пользу рабамъ Господа и для успокоенія обитателей земли его, чтобы потомъ отдать власть надо мною какому то морскому чудовищу.» Всадники удалились, а это нѣчто, поднявшееся изъ моря, направилось къ молу, забралось на него, а затѣмъ сказало: «О, царь! Я одинъ изъ обитателей этого моря. Видѣлъ я эту границу укрѣпленной семь разъ и вновь разрушенной семь разъ, и открылъ Господь великій и могущественный намъ, обществу морскихъ обитателей, что пошлетъ онъ царя, время котораго совпадаетъ съ твоимъ временемъ, и видъ котораго совпадаетъ съ твоимъ видомъ, для укрѣпленія этой границы и укрѣпитъ ее этотъ царь на вѣки. Ты этотъ царь, и да наградитъ тебя Господь строицею и да поможетъ во всякомъ добромъ дѣлѣ; да продлитъ Онъ жизнь твою и да успокоитъ въ день величайшаго страха (день страшнаго суда) страхъ твой». Сказавъ, это морское чудовище нырнуло въ море. Ахмедъ ибнъ Вадыхъ испаганецъ (аль-Якубій), сообщилъ, что Бабъ-уль-Абвабъ стѣна, которую приказалъ выстроить Ануширванъ, и что одинъ ея конецъ вдается въ море, а противоположный морю конецъ выведенъ до такого мѣста, гдѣ ничего не подѣлаешь противъ нея, и тянется она на 7 фарсаховъ до лѣсистой и обрывистой горы, чрезъ которую не пройдеши. Построена она изъ четырехугольнаго тесанаго камня; одинъ изъ этихъ камней не поднимутъ 50 человекъ; эти камни поставлены одинъ на другой и пришиты другъ къ другу желѣзными болтами. На протяженіи этихъ 7 фарсаховъ устроено 7 прохо-

довъ, у каждаго изъ этихъ проходовъ городъ, и живутъ въ нихъ (городахъ) персидскіе воины, называемые сіасикинами (сіасиджійцами; у Дорна аснабески). Далѣ онъ рассказываетъ, что жители Арменіи должны были доставлять жалованье для караульныхъ этой стѣны и воротъ; надъ каждымъ проходомъ привѣшены ворота, и ширина стѣны на вершинѣ ея такова, что по ней проѣдетъ 20 всадниковъ (въ рядъ), не тѣснясь. Въ городъ Бабъ надъ воротами Баб-ул-Джигадъ (ворота войны за вѣру) на стѣнѣ двѣ колонны; на каждой колоннѣ изображеніе льва изъ бѣлаго камня. Ниже ихъ два камня, а на нихъ изображенія двухъ львовъ (львиць). Близъ воротъ изображеніе человѣка изъ камня; между ногами его статуя лисицы, а въ пасти ея гроздь винограда. Въ сторонѣ отъ города водоемъ, извѣстный подъ названіемъ «водоемъ Месруфъ» (въ другихъ спискахъ: суровый, грубый, изверженный). Въ него ведетъ лѣстница, по которой спускаются въ водоемъ, когда воды мало; по бокамъ лѣстницы два льва изъ камня, а надъ однимъ изъ нихъ каменная статуя человѣка. Надъ домомъ правителя (у Дорна: около воротъ правленія) изображеніе двухъ львовъ также изъ камня, выступающее изъ стѣны. Жители Баба говорятъ, что это талисманы стѣны. За городомъ Бабъ царства Сура и Лакъ, царство Аланъ, царство Филанъ, царство Маскатъ, Сахибъ-ас-Сериръ и городъ Семендеръ. Подать Арменіи 2330985 диргемовъ.»

Имамъ Абдуль Гасанъ Али ибнъ Гусейнъ аль-Масуди, умершій въ 956 г., много путешествовалъ, былъ на Каспійскомъ морѣ, между 945–947 г. написалъ свое знаменитое сочиненіе «Муруджъ альдзегебъ и Маадинъ иль Джевгери» (Золотые луга и рудникъ драгоценныхъ камней). Съ нѣкоторыми его извѣстіями мы уже знакомы. Въ главѣ XVII (Горы Ель-Кабхъ и пр.) онъ сообщаетъ: «Кабхъ есть великая горная цѣпь, заключающая на своемъ обширномъ протяженіи значительное число царствъ и племенъ; тамъ насчитываютъ не менѣе 72 народовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ своего главу и свой языкъ. Эти горы прорѣзаны ущельями и долинами; во главѣ одного изъ этихъ проходовъ находится городъ Бабъ-эль-Аббабъ, построенный Хозроемъ Ануширваномъ, на пунктѣ, господствующемъ надъ страной между горами и моремъ Хазарскимъ. Этотъ же государь построилъ знаменитую стѣну, которая,

съ одной стороны, простирается въ море почти на одну милю отъ берега, а съ другой возвышается на обрывистыхъ вершинахъ горъ и опускается въ ихъ глубокія ущелья, на длину 40 фарсаховъ, и достигаетъ укрѣпленнаго мѣста, называемаго Таберестанъ. На разстояніи почти 3 миль однѣ отъ другихъ, смотря по важности дороги, на которыя онѣ открывались, онѣ построилъ желѣзныя ворота, около которыхъ онѣ поселилъ, внутри ограды, племя, на которое была возложена охрана воротъ и стѣны. Эта стѣна должна была представлять непреодолимую преграду нападеніямъ сосѣднихъ племенъ Кабха, какъ то хазарь, алановъ, турокъ, Серирь и другихъ невѣрныхъ народцевъ. Когда Ануширванъ окончилъ постройку Бабъ-эль-Авбаба и стѣны, онѣ здѣсь поселилъ племена съ ихъ вождями, каждому изъ которыхъ онѣ опредѣлилъ рангъ, титулъ и отдѣльную территорію. Между князьями, признанными въ этомъ званіи Ануширваномъ, въ странахъ, сосѣднихъ съ мусульманскими областями, къ сторонѣ Бердаа, былъ одинъ, по имени Ширванъ, каковое имя прилагалось и къ царству, которымъ онѣ управлялъ, принявшій титулъ Ширваншаха; съ этихъ поръ всѣ его преемники назывались ширванами. Теперь (т. е. въ 332 г. х.=943 г.) это царство простирается почти на мѣсяць пути, ибо его владѣтели свладѣли нѣсколькими областями, которыя Ануширванъ имъ не давалъ, и присоединили ихъ къ своимъ владѣніямъ. Жители Бабъ-эль-Авбаба много терпятъ отъ сосѣдства княжества, называемаго Джиданъ, находящагося подъ властью царя хазарскаго, котораго столица была нѣкогда въ городѣ Семендеръ, въ 8 дняхъ пути отъ Бабъ-эль-Авбаба. Между царствомъ Джиданъ и Бабъ-эль-Авбабомъ живутъ мусульмане, родомъ арабы, говорящіе правильно только по арабски; они живутъ въ глубинѣ долинъ, въ лѣсахъ; большія рѣки прорѣзываютъ ихъ селенія. Они живутъ въ этихъ странахъ съ тѣхъ поръ, какъ арабы бедуины овладѣли ими. Живя въ сосѣдствѣ царства Джиданъ, они могли сохранить свою независимость, благодаря естественнымъ твердынямъ, каковыми являются ихъ лѣса и рѣки; сверхъ того они живутъ только въ разстояніи 3 миль отъ Бабъ-эль-Авбабъ, жители котораго оказали бы имъ помощь въ случаѣ необходимости. Мы могли бы еще многое сказать о Бабъ-эль-Авбабѣ; напр., описать великолѣпныя каменные постройки, зависящія отъ города и воздвигнутыя въ мѣстѣ, на-

зывается Маскать, Кесрою, сыномъ Кобада, сыномъ Фируза, и отцемъ Кесра – Енуширвана».

Абу Аліи Ахмедъ ибнъ Омаръ ибнъ Рустэ (ибнъ Даста), писалъ въ началѣ X вѣка, сочиненіе его «Китабъ ал-алакан-нефиса» (Книга драгоценныхъ камней): «Море Табаристанское или Джурджанское, тоже море Баба. Округа Арменіи: городъ Бабъ-вал-Абвабъ. Если отправишься налѣво изъ царства Сериръ, то ѣдешь по лугамъ и горамъ въ теченіе трехъ дней. Затѣмъ пріѣзжаешь къ царю алановъ. Царь алановъ самъ христіанинъ, но простые жители его государства невѣрные, поклоняющіеся идоламъ. Послѣ того идешь десять дней между рѣками и лѣсами, пока придешь въ крѣпость, называемую Бабъ-аланъ. Она находится на вершинѣ горы. У подошвы горы дорога, но кругомъ высокія горы. Каменную стѣну этой крѣпости охраняютъ ежедневно 1000 человекъ изъ жителей, которые день и ночь ее караулятъ. Стѣна идетъ и въ море на три мили».

Абуль Касимъ Убейдула ибнъ Абдулла ибнъ Хордадбэ, умершій около 912–913 г., написалъ около 885–886 г. «Китабъ аль Месаликъ валъ Мемаликъ» (Книга путей и царствъ), по своему служебному положенію имѣлъ доступъ къ халифскимъ архвамъ и черпалъ свои свѣдѣнія изъ официальныхъ источниковъ: «Отъ Бердаа до Бабъ-ул-Абваба 15 переходовъ. Арменія I... Ширванъ. Арменія II... Бабъ-фейрузъ-кубабъ и ал-лакзы. Кубадъ построилъ города Байлаканъ, Бердаа, Кабала и выстроилъ кирпичную стѣну. Ануширванъ основалъ города Шабиранъ, Керкера и Бабъ-ул-Абвабъ. А Абвабъ (ворота) это 360 замковъ или укрѣпленій въ горныхъ ущельяхъ. Онъ основалъ также Беленджеръ и Семендеръ и построилъ въ землѣ Джурзанъ городъ Сугдабиль; тамъ же онъ построилъ свой замокъ и назвалъ его Бабъ-фейрузъ-кубадъ. Къ Арменіи принадлежитъ и городъ Бабъ-ул-Абвабъ. Это собственно выходъ изъ ущелій, образуемыхъ горами Кабхъ, защищенныхъ укрѣпленіями, изъ которыхъ выдающіяся: Баб-Сулъ, Баб-ал-Ланъ, Баб-аш-Шабиранъ, Баб-Лазика, Баб-Барика, Баб-Самсахи, Баб-Сахиб-ас-Сериръ, Баб-Филанъ-шахъ, Баб-Карунанъ, Баб-Табарсеранъ-шахъ, Баб-Лиранъ-шахъ, Баб-Либанъ-шахъ и Бабъ-Ануширванъ. Города Семендеръ лежитъ за Бабомъ и вся страна за нимъ во власти хазаръ. Хараджъ Арменіи 4000000 диргемовъ. За Бабомъ

находятся царства Суварь, ал-Лакзъ, Алань, Филань и Маскатъ, царство Сахиб-ас-Серира и городъ Семендеръ. Кто направляется изъ земель хазарь и аллановъ, для тѣхъ мѣсто ожиданія Баб-ул-Абвабъ. Хосрою сообщаютъ о нихъ письмомъ, и они ожидаютъ, пока прійдетъ приказъ его относительно нихъ».

Абдуль Фараджъ Кудама († 948 г.), авторъ «книги о податяхъ» (Китабъ-аль-хараджъ), написанной около 928 г.: «Отъ Бердаа до Баб-ул-Абваба 15 переходовъ. Ануширванъ ибн Кубадъ, вступивъ на престолъ, основалъ города Шабиранъ, Маскатъ и Бабъ и ал-Абвабъ (ворота) въ Арменіи; они названы Абвабъ, потому что построены надъ дорогами въ горахъ. Всѣ эти мѣста онъ населилъ отрядами изъ своего войска, по имени сіясаджійцы. Потомъ, боясь набѣговъ хазарь, написалъ царю ихъ, прося у него мира, дружбы и заключенія оборонительнаго союза, и посватался за его дочь, чтобы скрѣпить этимъ дружбу съ царемъ хазарь; и вообще Ануширванъ выказалъ сильное желаніе еще большаго родства съ хазарцемъ, и послалъ ему одну дѣвицу, находившуюся въ его дворцѣ и удочеренную одною изъ его супругъ, которую и выдалъ за свою дочь. Хазарецъ препроводилъ свою дочь къ Ануширвану. Послѣ этого Ануширванъ отправился къ хазарцу и они встрѣтились на мѣстѣ, извѣстномъ подъ именемъ ал-Баршалія; пировали они нѣсколько дней и сдружились между собою, выказывая взаимно нѣжность и чувствуя одинъ другого. Затѣмъ Ануширванъ приказалъ нѣкоторымъ изъ своихъ довѣренныхъ и приближенныхъ напасть внезапно на край лагеря хазарскаго царя и поджечь его. Съ наступленіемъ утра хазарецъ жаловался Ануширвану на это, а тотъ отнѣкивался, говоря, что ему ничего неизвѣстно по этому дѣлу. По прошествіи нѣсколькихъ ночей Ануширванъ отдалъ приказаніе своимъ друзьямъ сноза совершить то, что они сдѣлали раньше. Когда это было исполнено, то хазарецъ въ гнѣвѣ на ихъ поступокъ началъ громко выражать свое неудовольствіе, пока Ануширванъ не успокоилъ его и не извинился передъ нимъ. Хазарскій царь принялъ извиненіе и успокоился. Потомъ Ануширванъ отдалъ приказъ подбросить огонь въ одномъ изъ краевъ своего лагеря; огонь попалъ на сарай, выстроенные изъ сѣна и хвороста. На утро Ануширванъ сталъ громко выражать хазарцу свое неудовольствіе и заявилъ ему: «Твои люди чуть было не разнесли

и не разрушили мой лагерь. Ты подозрѣвалъ меня, а теперь я, въ свою очередь; имѣю право подозрѣвать тебя». Тутъ хазарець поклялся ему, что ничего не вѣдаетъ о случившемся. Ануширванъ сказалъ ему: «О братъ мой! Какъ видишь, твое и мое войска не одобряютъ нашего мира, такъ какъ онъ является помѣхой ихъ походамъ и набѣгамъ, которые прежде мы предпринимали другъ на друга. Я опасуюсь, какъ бы они не произвели мятежа, который разрознить сердца наши послѣ нашей искренней и чистой любви, такъ что мы обратимся къ прежней враждѣ послѣ заключенія родства и дружбы; было бы справедливо, если бы ты разрѣшилъ мнѣ построить между тобой и мной стѣну. Мы сдѣлаемъ въ ней ворота и ни одинъ человѣкъ не войдетъ къ намъ отъ тебя вопреки нашему желанію; да и къ тебѣ отъ насъ явится только тотъ, кого пожелаешь». Хазарець далъ на это благопріятный отвѣтъ и удалился во свояси, а Ануширванъ принялся за постройку стѣны и отстроилъ ее между моремъ и горами, выведя ее въ вышину на 300 локтей, изъ каменныхъ глыбъ и свинцу. Затѣмъ онъ приказалъ возить камни на судахъ и бросать ихъ въ морѣ, пока не подыметъ насыпь надъ поверхностью воды, на этой насыпи онъ продолжалъ постройку стѣны и вогналъ стѣну въ море на три мили. Окончивъ постройку стѣны, онъ повѣсилъ въ проходѣ желѣзные ворота, и приставилъ къ нимъ 100 конныхъ стражниковъ, тогда какъ раньше ему нужно было назначать туда 500000 войска; выстроилъ онъ также тамъ подвижную башню. Хазарскому царю говорили послѣ этого: «Онъ обманулъ тебя, отдавъ за тебя не дочь свою и укрѣпившись отъ тебя». Но хазарець уже ничего не могъ подѣлать противъ хитрости Ануширвана. Съ этого времени прекратились набѣги хазаръ на Арменію, тогда какъ прежде хазарцы постоянно нападали на нее».

Абу Исхакъ Ибрагимъ ибнъ Магометъ ал-Фарисій ал-Истахри, писавшій около 930 г., авторъ сочиненія «Китабу месаликъ ил металикъ» (книга путей царствъ), которое представляетъ изъ себя изданіе трудовъ Абу Зейда Ахмеда Ибнъ Сахля ал-Балхій († 934), дополненное самимъ Истахри: «Городъ Баб-ул-Абвабъ лежитъ при морѣ, а въ центрѣ его рейдъ для судовъ. Между рейдомъ и моремъ выстроено параллельно берегу моря двѣ стѣны; проходъ для судовъ тѣсенъ, а входъ сдѣланъ извилистымъ, и въ устьѣ порта про-

тянута цѣпь, такъ что не можетъ судно ни выйти, ни войти иначе, какъ съ разрѣшенія. Эти двѣ стѣны изъ камней и свинцу (переводъ Дорна: по обоимъ берегамъ морской бухты провели два вала до мѣста, гдѣ входъ кораблей стѣсненъ, и чрезъ эту морскую стрѣлку (косу), протянута цѣпь, такъ что только одинъ корабль можетъ по ихъ (дербентцевъ) приказанію входить и выходить). Бабъ-ул-Абвабъ лежитъ на Табасаранскомъ морѣ. Городъ этотъ больше Ардебиля, и тамъ много посѣвовъ и процвѣтаетъ земледѣліе, но мало плодовъ, не считая того, что привозятъ сюда изъ окрестныхъ странъ. Вокругъ этого города по направленію къ горамъ много укрѣпленій изъ камня и валъ изъ глины, такъ что чрезъ эту гору невозможно доступъ къ городу ни одному невѣрному. Часть этого вала, сооруженная изъ камня, простирается въ море на протяженіе шести башенъ, такъ что ни одинъ корабль не можетъ приблизиться къ городскому валу. Эти укрѣпленія дѣло рукъ Нуширвана Справедливаго. Этотъ Дербентъ большой извѣстный городъ. Вокругъ него много враговъ, говорящихъ на различныхъ языкахъ. Въ сторонѣ отъ города большая гора, называемая ел-Дгибъ. На нее сносятъ ежегодно много дровъ и зажигаютъ много огней, когда опасаются враговъ со стороны Азербейжана, Арменіи и Аррана. Случается часто, что морская вода доходитъ до городскаго вала. Цари Персіи смотрѣли всегда на охраненіе этого города, какъ на дѣло, близкое ихъ сердцу, приписывали ему большое значеніе и тщательно охраняли его отъ враговъ. Они назначили сюда для охраны города народъ, называемый табарсеранъ. Этотъ городъ есть складочное мѣсто для хазаровъ, Серира, Табаристана, Грузіи, Дейлема и другихъ странъ. Изъ Бабъ-ал-Абваба вывозятся полотняныя одежды, и не выдѣлывается полотняныхъ одеждъ въ Арринѣ, Арменіи и Азербейжанѣ нигдѣ, кромѣ этихъ мѣстъ (и по всему Аррану и Азербейджану развозятъ хлопчато-бумажныя ткани). Тамъ же произростаетъ шафранъ. Въ Бабъ-ул-Абвабѣ встрѣчаются рабы изъ разныхъ странъ невѣрныхъ. Тифлисъ – городъ меньше Бабъ-ул-Абваба по величинѣ. Границы Аррана отъ Бабъ-ул-Абваба до Тифлиса. На горахъ Бабъ-ул-Абваба крѣпости, построенныя Хосроями; въ крѣпостяхъ этихъ живетъ народъ, приставленный для охраненія этихъ дорогъ, по которымъ ходятъ хазары въ земли исламскія. Такихъ крѣпостей 14, и живутъ въ нихъ

люди изъ Мосула, Діяръ-Рабія и Сиріи. Онѣ извѣстны подѣ именемъ этихъ же племень, и арабскій языкъ сохраняется изъ рода въ родъ. Надъ ними нѣтъ никакого начальника, и они наблюдаютъ за Бабомъ. У хазаръ есть еще городъ Семендеръ; на пространствѣ между нимъ и Бабъ-ул-Абвабомъ находятся многочисленныя сады, принадлежащія Семендеру; и говорятъ, что они содержатъ въ себѣ приблизительно около 4000 виноградныхъ лозъ, доходя до предѣловъ Серира, и главную часть плодовъ въ этихъ садахъ составляетъ виноградъ (въ другой редакціи: такимъ образомъ отъ Дербента до Серира сады и цвѣтники этого города; говорятъ, что онѣ имѣетъ сорокъ (четыре) тысячъ воздѣланныхъ садовъ). Отъ Семендера до Бабъ-ул-Абваба 4 дня пути. Между царствомъ Сериръ и Бабъ-ул-Абвабомъ 3 дня пути».

Имамъ Абдуль Касимъ Магометъ Ибнъ-Хаукаль, путешествовалъ между 943–973 г., былъ на Кавказѣ, написалъ около 976 г. «Китабъ эль Мессаликъ вель Мемаликъ» (книга путей и государствъ): Въ странѣ хазаръ есть городъ, именуемый Асмидъ, который имѣетъ столько огородовъ и садовъ, что вся страна отъ Дербента до Серира покрыта садами и плантаціями, принадлежащими сему городу. Говорятъ, что число оныхъ превышаетъ 40 тысячъ, и многіе изъ нихъ производятъ виноградъ. Мѣха привозятъ (съ Волги) въ Дербентъ. Въ этомъ городѣ производится обширная торговля рабами, приводимыми сюда изъ сосѣднихъ странъ, населенныхъ невѣрными. Отъ Семендера до Дербента 4 дня пути.

Абу Убейдулла Абдуль ал Бекри († 1094) даетъ интересное описаніе страны Ас-Серира (въ книгѣ «Путей и странъ» (Ал-масаликъ валь мамаликъ), иными смѣшиваемой съ Дербентомъ. «Ты идешь изъ страны хазаръ 12 фарсаховъ по степи, пока не дойдешь до высокой горы. Ты поднимаешься на нее и идешь по ней 3 дня, пока не дойдешь до крѣпости царя Серира. Она лежитъ на вершинѣ горы, и ее окружаетъ стѣна. У царя золотой тронъ, прежде принадлежавшій царямъ Персіи. И владѣетъ ихъ царь 20000 ущельями, въ которыхъ живутъ различнаго рода люди, поклоняющіеся черепу. И на лѣвой сторонѣ крѣпости царя Серира есть дорога, ведущая путешественника по горамъ и лугамъ послѣ 3 дней въ страны царя Алаковъ. Онѣ христіанинъ, а большинство жителей его государства поклоняются идоламъ». Извѣстія Аль-Бекри, ни-

когда не выѣзжавшаго изъ родной его страны – Испаніи, интересны именно, какъ дальній отголосокъ исключительно литературныхъ сказаній.

Абу Абдулла Магометъ ад-Эдризи окончилъ около 1154 г. свое сочиненіе: «Услажденіе желающаго странствовать по странамъ свѣта». Бабъ-эл-Абвабъ есть значительный городъ на берегахъ Хазарскаго моря. Въ центрѣ города портъ для судовъ, и при входѣ въ портъ находятся постройки, похожія на двѣ стѣны (молы), которыя его закрываютъ съ обѣихъ сторонъ. Этотъ входъ въ портъ запертъ при помощи цѣпи, мѣшающей проникнуть въ него и выйти изъ него безъ разрѣшенія начальника порта. Оба мола сдѣланы изъ очень твердыхъ камней, скрѣпленныхъ влитымъ между ними расплавленнымъ оловомъ. Городъ великъ и его сады многочисленны, но производятъ мало фруктовъ, которые принуждены привозить сюда. Стѣны Дербента построены изъ камня, кирпича и глины чрезвычайно прочно. Царь Нуширванъ построилъ его и 360 замковъ при входѣ въ ущелья горы Кабхъ. Онъ укрѣпилъ окрестности Бабъ-эл-Абваба, со стороны хазаръ, также и Беленджеръ. Этотъ городъ есть средоточіе торговли Хазарскаго моря, и тронъ могущества для другихъ частей Табаристана и Джорджана. Здѣсь во множествѣ производятся льняныя ткани, которыя жители носятъ внизу платья, и которыя вывозятся въ Ранъ, Арменію и Азербейджанъ. Марена здѣсь превосходнаго качества и вывозится даже въ Индію.

Шигабуддинъ Абу Абдулла Якутъ ал-Хатави, умершій въ 1229 г., написалъ около 1218 г. знаменитѣйшій у арабовъ географическій словарь «Меджемъ-ел-Булданъ» (указатель странъ въ алфавитномъ порядкѣ), «Бабъ-эл-Абвабъ, ворота воротъ. Говорятъ также эл-Бабъ безъ добавленія и съ членомъ эл-Бабъ вель-Абвабъ. Это имя города Дербента или Дербентъ-Ширвана. Вотъ что сообщаетъ Истахри: Бабъ-эл-Абвабъ есть городъ, вдающійся въ Каспійское море, и посреди котораго есть портъ; на двухъ длинныхъ косахъ (языкахъ) земли, образующихъ входъ въ этотъ портъ, построены двѣ заставы (барьеры), чтобъ сдѣлать входъ въ него узкимъ и извилистымъ. Двѣ очень длинныя цѣпи запираютъ входъ въ этотъ рейдъ, такъ что суда могутъ входить или выходить только съ разрѣшенія; ибо эти заставы сдѣланы изъ каменныхъ глыбъ, со-

единенныхъ свинцомъ. Бабъ-эль-Абвабъ расположенъ на Табарестанскомъ морѣ; онъ болѣе великъ, чѣмъ Ардебиль, ибо имѣетъ въ длину и ширину около 2 миль; воздѣльваніе зерновыхъ хлѣбовъ очень распространено, но плоды рѣдки, почему ихъ привозятъ изъ сосѣднихъ странъ. Надъ городомъ есть каменная стѣна, простирающаяся по длинѣ горы; чрезъ нее невозможно проникнуть въ мусульманскія страны по причинѣ трудности дорогъ и узкихъ тропинокъ, ведущихъ туда. Кромѣ того, часть этой горы вдается въ морѣ въ видѣ возвышенія и препятствуетъ кораблямъ приближаться; она очень прочно выстроена и покоится на огромномъ фундаментѣ; ее построилъ Ануширванъ. Этотъ городъ одна изъ важнѣйшихъ границъ ислама, ибо она окружена врагами различныхъ племенъ, говорящихъ различными языками и составляющими значительное населеніе. Съ одной стороны города находится высокая гора, называемая волкъ (Дзыбъ), на которой ежегодно запасаютъ много дровъ, которые зажигаютъ въ случаѣ нужды, чтобы предупредить жителей Азербейджана, Аррана и Арменіи о приближеніи врага. Воды моря иногда доходятъ до стѣнъ города. Говорятъ, что на этой длинной горѣ, на которой построена стѣна, живетъ 70 племенъ, говорящихъ различными нарѣчіями, непонятными сосѣдямъ. Древніе Хосрои не упускали никогда изъ виду этой стѣны и не пренебрегали ничѣмъ, чтобы сдѣлать ее неприступною, по причинѣ ея опаснаго сосѣдства. Они поручали ея охрану персидскимъ войскамъ, испытанной вѣрности, которымъ они отдавали въ собственность всю территорію, которую они могли обрабатывать, чтобы такимъ образомъ увеличить средства этой страны и защитить ее отъ турецкихъ племенъ и другихъ невѣрныхъ. Между гарнизонами границы было племя, называемое Табарестанами, и въ ихъ сосѣдствѣ Филанъ, потомъ лекзы, страшные силою и числомъ, Лиранъ, Ширванъ и т. д. Каждое изъ этихъ племенъ имѣло для охраны извѣстную мѣстность; эти племена состояли изъ многочисленныхъ войскъ пѣхоты и конницы, и отличались храбростью». Бабъ-эл-Абвабъ главный портъ этого моря, гдѣ сходятся народы хазаровъ, Серира, Силана, Джандака, Курджи, Зергерана и т. д., которые приходятъ съ сѣвера. Сюда также приходятъ изъ Джорджаж, Табарестана, Дейлехма и Джебаля. Здѣсь фабрикують льняныя матеріи, ибо ленъ

ростеть только въ окрестностяхъ города, и неизвѣстенъ жителямъ Аррана, Азербейджана и Арменіи, здѣсь также растетъ шафранъ и разнаго рода зерновыя растенія. Отъ Итиля, города хазаровъ, до Бабъ-эл-Абваба считаютъ 12 дней пути; отъ Семендера до эл-Баба – 4 дня, отъ эл-Баба до царства Сериръ – 3 дня. Въ сочиненіи Абу Бекра Ахмеда бенъ Магомета эл-Гамадани читаемъ: Подъ именемъ Бабъ-эл-Абвабъ разумѣютъ входы въ горныя ущелья Кабха, гдѣ находятся многочисленныя крѣпости; также называютъ другіе проходы, какъ то Бабъ-Сулъ, Бабъ еш-Щаберанъ и т. д. Вотъ, по Абдуль-Аббасу Тузкому, каково было начало крѣпости Бабъ-эл-Абвабъ: «Когда хазары возмутились въ царствованіе Мансура, этотъ послѣдній спросилъ насъ, извѣстно ли намъ, при какихъ обстоятельствахъ была построена стѣна Бабъ-эл-Абваба Ануширваномъ; такъ какъ мы не знали, онъ сказалъ: хазары овладѣли царствомъ персидскимъ до Гамадана и Мосула. Ануширванъ, вступивъ на престоль, послалъ къ нимъ пословъ и просилъ руки дочери ихъ царя, предлагая ему руку своей дочери, чтобы этимъ двойнымъ союзомъ укрѣпить ихъ союзъ противъ общихъ враговъ. Когда это предложеніе было принято, Ануширванъ избралъ одну изъ своихъ прекраснѣйшихъ рабынь и послалъ ее подъ видомъ своей дочери царю хазарскому, которому онъ сдѣлалъ, по обычаю, великолѣпныя подарки. Каганъ тогда отдалъ ему свою дочь. Ануширванъ предложилъ свиданіе, чтобы укрѣпить дружбу между ними. Было избрано удобное мѣсто, и оба государя жили тамъ нѣкоторое время. Однажды Ануширванъ приказалъ одному изъ своихъ вождей избрать 300 человекъ лучшихъ солдатъ и воспользоваться сномъ хазаръ, чтобы напасть на ихъ лагерь, ограбить, поджечь его и потомъ тайно возвратиться въ персидскій лагерь. Этотъ приказъ былъ исполненъ, а на другой день каганъ потребовалъ объясненія у своего союзника. Хозрой притворился, что ничего не знаетъ, пригласилъ кагана назначить слѣдствіе. Оно ничего не открыло, и чрезъ нѣсколько дней персіяне снова сдѣлали 3 нападенія. Наконецъ разсерженный каганъ отдалъ такія же приказанія одному изъ своихъ вождей, который напалъ на персидскій лагерь. На другой день Ануширванъ съ негодованіемъ говорилъ объ этомъ кагану, который ограничился замѣчаніемъ: ты слишкомъ скоро раздражился, когда твоя армія испытала только одинъ разъ

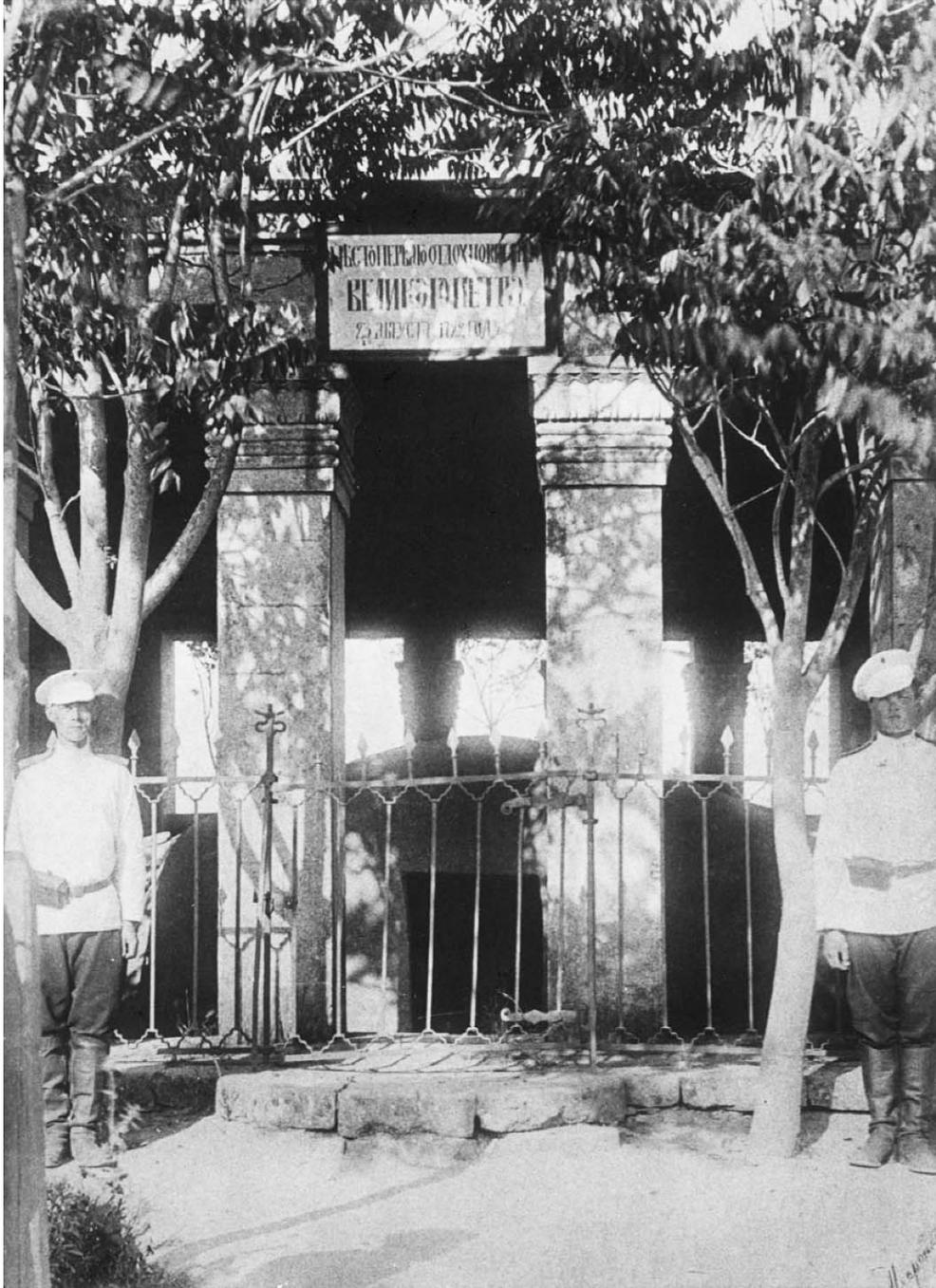
то, что моя терпѣла 3 раза. Тогда Ануширванъ ему сказалъ: Эти враждебныя дѣйствія должны быть приписаны злоумышленникамъ, которые хотятъ уничтожить нашъ союзъ; но я имѣю нѣчто предложить тебѣ, что, если ты согласишь, будетъ намъ очень полезно. Что такое? спросилъ каганъ. Дозволь мнѣ возвести между нашими государствами стѣну и укрѣпленныя ворота, чтобы никто не могъ проходить безъ нашего, разрѣшенія. Каганъ одобрилъ это и возвратился въ свое государство. Ануширванъ остался на мѣстѣ и построилъ стѣну изъ камня (скаль) и свинца длиною 300 локтей, вышиною до вершинъ горъ, и выдвинулъ ее въ море. Говорятъ, что для сего онъ приказалъ надуть бурдюки, на которыхъ онъ укрѣпилъ основаніе стѣны; бурдюкѣ погружались по мѣрѣ того, какъ постройка росла, и, когда они достигли дна, стѣна на морѣ равнялась по размѣрамъ и высотѣ той, которая была на сушѣ. Царь потомъ приказалъ устроить въ стѣнѣ желѣзныя ворота, охрану которыхъ онъ поручилъ 100 человекъ, тогда какъ раньше для сего нужно было 100000 человекъ. Окончивъ это дѣло, онъ велѣлъ поставить свой тронъ на плотинѣ, воздвигнутой въ морѣ, и, преклонивъ колѣна, возблагодарилъ Бога за то, что онъ дозволилъ ему окончить это предпріятіе; потомъ онъ возсѣлъ на тронъ, говоря: «теперь я могу отдохнуть». Вотъ описаніе этой стѣны другого автора: Такъ какъ извнутри страны нѣсколько дорогъ ведутъ на берегъ моря, то Ануширванъ довелъ стѣну до мѣста, гдѣ проходъ невозможенъ. Она построена изъ тесанаго камня, геометрически правильно расколотаго, и изъ которыхъ самый малый не менѣе 50 футовъ вышины; камни соединены одинъ съ другимъ желѣзными скобами и связаны оловомъ; длина ея 7 фарсаховъ. Онъ провелъ 7 дорогъ; надъ каждой изъ дорогъ господствуетъ городъ, въ которомъ онъ поставилъ персидскій гарнизонъ, называемый еншастегинъ. Говорятъ, что на воротахъ, называемыхъ воротами свящ. войны (Бабъ-эл-Джигадъ), есть 2 каменные колонны, надъ которыми левъ; внизу находится 2 камня, на которыхъ изображены 2 львицы. Въ сосѣдствѣ съ этими воротами видна статуя, изображающая человекъ, въ ногахъ у котораго лисица, держащая въ пасти виноградную кисть. Вблизи города есть цистерны изъ тесанаго камня со ступеньками, чтобы спускаться, когда воды мало; съ каждой стороны этой лѣстницы видны 2 льва изъ камня, которые,

какъ говорятъ, служатъ талисманами, чтобы защищать городъ. Уроженцы эл-Баба: Зогеиръ бенъ Найинъ; Ибрагимъ бенъ Джафаръ; Гасанъ бенъ Ибрагимъ; Гелаль бенъ Абдала. Сверхъ того, въ Фаисалѣ читаемъ имена Зогеира бенъ Магомета эл-Баби, Магомета бенъ Гишама и Абдуль Гасана Габиба бенъ Фехдъ эл-Баби».

Закарья бенъ Магометъ эл-Казвини († 1283), въ сочиненіи «Чудеса сотворенныхъ и диковинки существующихъ вещей». Бабъ-эл-Абвабъ – дивный городъ, выстроенный на берегу Хазарскаго моря, омывающаго его стѣны. Въ длину онъ простирается приблизительно на двѣ трети мили, а ширина его равна полету стрѣлы. Онъ имѣетъ желѣзные ворота и много башень. У каждой башни стоитъ мечеть для жителей и для тѣхъ, кто занимается наукою о вѣрѣ. На стѣнѣ находятся караульные, охраняющіе его отъ врага. Его выстроилъ Ануширванъ Кезра Добрый. Это одно изъ важныхъ пограничныхъ мѣстъ по множеству враговъ изъ различныхъ народовъ, окружающихъ его. Въ сторонѣ отъ города стоитъ крутая гора, называемая эл-Дгибъ, на вершину которой ежегодно сносится много дровъ, чтобы развести огонь, когда нужно предупредить жителей Аррана, Адербейджана и Арменіи о приходѣ врага. Абдуль Аббасъ Тузскій рассказываетъ (какъ у Якута). Послѣ ухода кагана въ свое государство, Ануширванъ остался и началъ возводить стѣну изъ камня и свинца. Онъ придалъ ей ширину въ 300 локтей и такую высоту, что поднялъ ее до вершины горъ. Затѣмъ онъ повелъ ее въ море. Онъ приказалъ, говорятъ, надуть кожаные мѣха и на нихъ строить, такъ что они легли на твердое дно. Затѣмъ поднялъ онъ сооруженіе настолько, пока оно не сравнялось съ стоявшимъ на сушѣ въ ширинѣ и въ высотѣ; онъ заложилъ одинъ его конецъ въ морѣ и укрѣпилъ его. Онъ провелъ стѣну на 7 миль впередъ до поросшей лѣсомъ мѣстности. Это крутая гора, на которую нельзя войти. Онъ строилъ изъ обтесанныхъ камней, изъ которыхъ наименьшій несли 50 человѣкъ, и укрѣплялъ ихъ свинцомъ и скобами. Онъ проложилъ на этихъ 7 миляхъ 7 дорогъ и у каждой дороги – городъ, и въ каждомъ городѣ помѣстилъ 100 готовыхъ къ бою персіянъ для охраны его, между тѣмъ какъ раньше ему требовалось для того 100000 человѣкъ. Затѣмъ поставилъ онъ свой тронъ на валъ, воздвигнутый имъ въ морѣ, и палъ ницъ, чтобы возблагодарить Бога за то, что Онъ свершилъ его рукою и обезпечилъ

его противъ нападеній турокъ. Потомъ легъ онъ на спину и сказалъ: «Теперь я спокоенъ». Городъ Бабъ-эл-Абвабъ одинъ изъ этихъ городовъ, персіяне называютъ его Дербентомъ. Въ немъ находятся магическія изображенія – талисманы, чтобы удерживать турокъ, ибо полчища ихъ не переставали вторгаться съ этой стороны въ предѣлы Ирана. Между ними было изображеніе двухъ львовъ на стѣнѣ воротъ свящ. войны на двухъ каменныхъ столбахъ, подставками которыхъ были 3 камня; на каждомъ изъ нихъ было изображеніе двухъ львицъ. Вблизи воротъ находилось изображеніе мужчины и между ногами его изображеніе лисицы съ виноградною кистью во рту, вѣроятно, для того, чтобы удержать лисицъ отъ жителямскихъ виноградниковъ. Рядомъ съ городомъ находился прудъ съ лѣстницами, по которымъ спускались въ прудъ, когда воды въ немъ было мало. По обѣимъ сторонамъ лѣстницы были изображенія двухъ львовъ изъ камня, о которыхъ говорили, что они служили талисманомъ для стѣнъ, и что пока они остаются, никакая обида отъ турокъ не постигнетъ городъ.

Оимаддединъ Абульфедъ Измаилъ бенъ Нассеръ, князь Гаматскій, род. 1273, умеръ 26 октября 1331 г., знаменитый авторъ «Теквима ул-Будданъ», географическихъ таблицъ. (Азизи говоритъ: Бабъ-эл-Абвабъ есть городъ, лежащій на берегу моря. Въ срединѣ города портъ, сообщающійся съ моремъ. Двѣ плотины, построенныя на берегу моря, выдвигаются одна противъ другой, оставляя только узкій проходъ для судовъ. При входѣ въ этотъ проходъ протягивается цѣпь, такъ что ни одинъ корабль не можетъ ни войти, ни выйти безъ разрѣшенія. Обѣ плотины состоятъ изъ каменныхъ глыбъ, скрѣпленныхъ свинцомъ. На верху отъ города каменная стѣна, начинающаяся на горѣ, не представляетъ прохода въ мусульманскія страны, расположенныя на югъ; столь мною приложили старанія разрушить тропинки, которыя вели изъ страны невѣрныхъ въ области мусульманъ, что сообщеніе сдѣлалось труднымъ. Стѣна вдается въ самое море, въ видѣ острія, и препятствуетъ кораблямъ приближаться къ берегу. Эта стѣна построена прочнымъ образомъ и покоится на хорошемъ фундаментѣ. Постройка ея восходитъ къ царствованію Хозроя Ануширвана. Ворота-воротъ: одно изъ сильнѣйшихъ передовыхъ укрѣпленій ислама. На горѣ, возвышающейся рядомъ, ежегодно собираютъ

Землянка Петра Великого въ г. Дербентъ

лѣсь, чтобы зажигать его въ случаѣ опасности. По данному сигналу жители Азербейджана, Арменіи и Аррана приготавливаются къ защитѣ. Волны моря нѣсколько разъ разрушали стѣны города. Хозрои поняли значеніе этой цѣпи горъ и поручили защиту ихъ лицамъ, выведеннымъ изъ персидскихъ провинцій и безусловно преданнымъ имъ. Чтобы заинтересовать этихъ лицъ въ процвѣтаніи страны и въ поддержкѣ власти персіянъ, они отдали имъ всѣ земли, которыя они могли обрабатывать. Между колоніями, которыя они водворили въ странѣ, можно назвать: табарестиновъ, филановъ, лекзовъ, ширвановъ. Каждому изъ этихъ племенъ было поручено защищать, землю, которую оно занимало. Арменія дѣлится на три части; изъ нихъ третья обнимаетъ Бердаа, столицу Аррана, Байлаканъ и Бабъ-эл-Абвабъ. У Ибнъ-Гаукала читаемъ: г. Бабъ-эл-Абвабъ по протяженію менѣе Ардебиля. У жителей его много обработанныхъ полей, но мало плодовъ, исключая тѣхъ, которые доставляются изъ окрестностей. Это описаніе было точно, но теперь дѣло обстоитъ такъ, какъ показано въ нашихъ таблицахъ. Ибнъ-Гаукаль прибавляетъ: Бабъ-эл-Абвабъ есть портъ хазаръ, страны Сариръ и другихъ окрестныхъ невѣрныхъ странъ. Это также портъ Джорджана, Дейлема и Табаристана. Въ трехъ послѣднихъ странахъ встрѣчаются только тѣ хлопчато-бумажныя одежды, которыя ввезены чрезъ этотъ портъ. Шафранъ растетъ въ Бабъ-эл-Абвабъ. Туда привозятъ рабовъ всякаго рода. Въ Азизи читаемъ: городъ Бабъ-аль-Абвабъ, т. е. городъ, находящійся въ мѣстѣ, называемомъ желѣзныя ворота, городъ старинный, гдѣ существуютъ развалины. Онъ составляетъ границу между Персією и царствомъ хазаръ. Существуетъ много мѣстъ, носящихъ имя Бабъ. Таблицы: 33° Бабъ-аль-Абвабъ, ворота воротъ или Дербентъ, по Ибнъ Саиду 75° долг. и 45° шир.; по Атвалю, 75° долг. и 43° шир., по Кануну—66° долг. и 41° шир. Въ V или VI климатѣ. Въ странѣ хазаръ, или, по Ибнъ-Гаукалу, въ Арранѣ. Читаемъ въ Мошарикъ: Бабъ-эл-Абвабъ есть городъ, находящійся вблизи Дербента (прохода) Ширванскаго (здѣсь я замѣчу, что въ наше время не находится городъ въ этомъ мѣстѣ, носящій это имя, но только желѣзныя ворота). Одинъ путешественникъ говоритъ, что желѣзныя ворота маленькій городъ или скорѣе селеніе, расположенное на берегу Хазарскаго моря, и обозначающій какъ бы границу

между сѣверными татарами, называемыми домомъ (улусомъ) Берекея, и южными, называемыми домомъ Гулагу. Онъ прибавляетъ, что этотъ небольшой городъ на берегу моря заключаетъ въ себѣ мало домовъ въ хорошемъ состояніи. Другой путешественникъ увѣряетъ, что Дербентъ есть имя, которое въ наше время даютъ маленькому городу на берегу Хазарскаго моря, между моремъ и горою, на сѣверъ отъ Воротъ воротъ».

Хамдула бенъ Абукеръ эль-Мустафа эл-Казвини († 1349) въ «Наслажденіи сердець». Баб-эль-Абвабъ. По арабски называютъ его Сериромъ персидскимъ и Дербентомъ и Филянномъ, а правителя его Филянъ-шахомъ, по тюркски – желѣзными воротами. Онъ лежитъ въ пятомъ климатѣ; долгота его отъ Счастливыхъ острововъ 84, 44, и широта отъ экватора 43, 48. Построилъ его Лехраспъ Кіянидскій, а внукъ его Исфендіаръ бенъ Киштасфъ бенъ Лехраспъ окончательно устроилъ; этотъ городъ похожъ на Тифлисъ. Во время Кобадъ бенъ Фируза пришелъ въ разрушеніе, и построили ему стѣны изъ нежженнаго кирпича; Ануширванъ правосудный возобновилъ его населенность и построилъ огромную стѣну изъ камня и извести. Стѣны его соединялись съ крѣпостной стѣной. Съ одной стороны онѣ доходили до Каспійскаго моря, такъ что около полумили и въ самомъ морѣ шли стѣны, а съ другою доходили до горы Кабха, такъ что не оставалось прохода. Нѣкоторые называютъ его барьеромъ Гога и Магога, но это извѣстіе неосновательно: это постройка Ануширвана. Онъ на верху стѣны и въ башняхъ города устроилъ много мѣстъ для стражей, которыхъ взялъ изъ Мосула и Діарбекира для отраженія хазаровъ; да кромѣ того онъ построилъ 14 цитаделей, изъ которыхъ, инныя еще и теперь существуютъ, а стражи говорятъ по арабски. Климатъ Дербента теплый, хлѣбъ родится хорошаго качества, прекрасные луга пшеницы, вода и кормъ для скота тамъ находятся въ множествѣ; большею частью родится тамъ крупа».

Абу Гасанъ Сеидъ Али эл-Джурджани († 1476); «Въ Дербентѣ хазировъ большія горы между послѣдователями ислама и невѣрными. Кезра Ануширванъ построилъ въ тѣхъ горахъ замки, куда послалъ людей изъ Мосула, Сиріи и Дижара и мѣсячныхъ наемниковъ изъ арабовъ для наблюденія надъ дорогами невѣрныхъ, чтобы послѣдніе не могли бы оттуда пройти. Ихъ родъ остался, и

они говорятъ по арабски. Бабъ-эл-Абвабъ есть величественное строеніе, которое называютъ также Дербентомъ Хазарскимъ. Съ одной стороны лежитъ гора, которую называютъ горою Фихъ, съ другой стороны море, именно озера Абесгунъ. Двойная, стѣна города тянется отъ горы и простирается въ море. Стѣны эти изъ камня; та, которая въ морѣ, состоитъ изъ литаго свинцу и достигаетъ поверхности воды, откуда она выведена изъ камня. Чѣмъ болѣе стѣна эта входитъ въ море, тѣмъ становится уже и почти сходится съ другой, такъ что промежутокъ между ними ничтоженъ. Корабль, съ какой бы стороны онъ ни пришелъ, проходитъ между обѣими стѣнами до приближенія къ гостиному двору города. Цѣпь повѣшена на обѣихъ сторонахъ гостиного двора и по обѣ стороны стѣны, т. е. отъ одной стѣны до другой, такъ что корабли безъ вѣдома и разрѣшенія жителей города не могутъ ни входить, ни выходить».

Аминъ-Ахмедъ-эль-Рази, писавшій книгу: «Семь климатовъ» въ 1601 г. «Ширванъ. Въ прежнія времена это было названіе одного города, но теперь оно обнимаетъ нѣсколько городовъ и есть названіе области, ибо: Ширванская область простирается отъ р. Куры до Дербента-Бабъ-эль-Абваба. Ануширванъ выстроилъ Бабъ-эль-Абвабъ по слѣд. поводу. Хазары постоянно дѣлали набѣги до Мосула и Гамадана и грабили. Когда Ануширванъ сталъ царствовать, то послалъ къ хазарскому царю и просилъ руку его дочери; миръ былъ заключенъ, но оба союзника хотѣли провести другъ друга. Ануширванъ помѣстилъ часть своего войска въ засаду, чтобы напасть на хазаровъ. Царь ихъ отправилъ посольство къ нему съ жалобою. Ануширванъ притворился, что ничего не знаетъ, и сказалъ: Это дѣло мнѣ неизвѣстно; должно быть нарушители порядка хотятъ возбудить между нами споры и раздоры; поэтому, кажется, будетъ полезно провести между нашими царствами стѣну и валъ, чтобы они были раздѣлены. Каганъ согласился на это, и Ануширванъ выстроилъ Бабъ-эль-Абвабъ изъ крѣпкаго камня, приладилъ желѣзныя ворота и помѣстилъ тамъ войско, чтобы охранять ихъ».

Съ халифа Мамуна (IX в.) начинается періодъ персидскаго возрожденія. Возникли различныя персидскія династіи, находившіяся только въ номинальной зависимости отъ халифовъ. Установленіе династіи Саманидовъ (875–999) dokonчило распаде-

ніе імперіи халифовъ. Въ то время Ширванъ, извѣстный еще въ сассанидскую эпоху въ качествѣ вассальнаго владѣнія съ особой династіей ширваншаховъ, пріобрѣтаетъ — первенство въ юго-восточномъ Закавказьѣ. Арабы, завоевавъ въ VIII в. Ширванъ вмѣстѣ съ остальною Персією, оставили здѣсь старую династію. Вѣка полтора спустя возникла вмѣсто нея — династія арабскихъ намѣстниковъ Мазидидовъ (самостоятельно 861–1067), подъ власть которой и перешелъ Дербентъ; городомъ, какъ мы видеѣли выше, овладѣлъ Магометъ бенъ Язидъ, начало правленія котораго въ Ширванѣ относится къ 944 году. Но и Ширванъ испыталъ судьбу общую съ халифатомъ. Нашествіе тюрковъ — сельджуковъ составляетъ эпоху въ мусульманской исторіи. Подъ ихъ ударами пало и царство Саманидовъ; ихъ предводитель Тогруль (1037) подчинилъ Персію; Алпъ-Арсланъ (1063–72) сдѣлался повелителемъ всего Ирана и началъ подчиненіе Кавказа нашествіемъ на Грузію; его сынъ Малекъ-Шахъ (1072–1092) завоевалъ Арменію и Грузію. Вмѣстѣ съ тѣмъ сельджуки утвердили власть свою и надъ Ширваномъ, слѣдов. надъ Дербентомъ. Къ этому времени относится извѣстіе о томъ, что въ 1038 году въ Дербентѣ сталъ гахимомъ Абдуль-Меликъ бенъ-Мансуръ, который оставался имъ до 1064 г., когда одинъ изъ потомковъ Джеуна произвелъ переворотъ въ порядкахъ Дербента. При отсутствіи другихъ данныхъ, трудно рѣшить какого рода переворотъ разумѣется здѣсь; идетъ ли рѣчь о смѣнѣ правителей, еще поставленныхъ арабскими халифами, власть которыхъ на Кавказѣ была окончательно парализована нашествіемъ сельджуковъ, или же объ образованіи особой династіи? Во всякомъ случаѣ мы знаемъ, при сельджукахъ нѣкоторыя провинціи на берегу Каспійскаго моря на половину сохранили самостоятельность подъ властью мелкихъ государей Гиляна и Ширвана.

Династію сельджуковъ постигла участь, обычная на Востокѣ. Ихъ імперія была военною імперією; армією, составлявшей опору династіи, начальствовали тюркскіе рабы. При каждомъ сельджукскомъ султанѣ была свита мамлюковъ, занимавшихъ высшія должности при дворѣ и въ лагерѣ; въ награду за усердную службу ихъ нерѣдко отпускали на волю. Неизбѣжнымъ результатомъ такой системы было то, что изнѣженные господа постепенно

должны были уступить мѣсто свое мужественнымъ рабамъ. Когда сельджукскіе султаны ослабѣли и ихъ имперія распалась на части, ихъ мамлюки, прежде сражавшіеся за нихъ, сдѣлались опекунами или атабегами ихъ юныхъ наслѣдниковъ (отъ тур. *atta* = господинъ, опекунъ, *beg* = государь, т. е. опекунъ государя); скоро они, пользуясь слабостью послѣднихъ монарховъ сельджуковъ и смутами, сопровождавшими ихъ паденіе, вышли изъ зависимаго положенія и стали пользоваться всѣми преимуществами власти и упрочили свое господство надъ нѣсколькими изъ лучшихъ провинцій государства. Такимъ образомъ въ XII в. въ Азербейджанѣ и смежныхъ странахъ сельджуковъ смѣнили династіи, основанныя сельджукскими намѣстниками или атабегами. Между атабегскими династіями для исторіи Дербента имѣетъ значеніе династія азербейджанскихъ атабеговъ или пехливанидовъ (1136–1225), основанная кипчакскимъ мамлюкомъ Шемс-ед-динъ Ильдегизомъ (1136–1172) и упроченная его сыномъ Магометомъ Пехлеванъ Джаханомъ (1172–1186). Пехливаниды овладѣли, кромѣ Азербейджана и Аррана Арменией и вассальнымъ персидскимъ шахствомъ Ширваномъ. Дербентъ слѣдов. вмѣстѣ съ послѣднимъ вводилъ въ составъ владѣній атабеговъ, династія которыхъ въ XIII в. должна была уступить мѣсто монголамъ. Памятникомъ господства ихъ была находка въ Дербентѣ въ 1851 г. болѣе пуда мѣдной монеты азербейджанскихъ атабеговъ. Къ этой же эпохѣ, относится, попытка царей Грузіи утвердиться въ Дербентѣ и на берегахъ Каспія. По грузинскимъ лѣтописямъ, царь Давидъ II Возобновитель (1089–1125) раздвинулъ восточные предѣлы своего государства до береговъ Каспія и взялъ Дербентъ (1121 г.). Съ этимъ походомъ связанъ извѣстный памятникъ, хранящійся въ Гелатскомъ монастырѣ около Кутаиса, основанномъ Давидомъ, и гдѣ его могила. Это такъ называемыя Гелатскія или Дербентскія ворота, будто бы снятыя Давидомъ съ воротъ Дербента. Въ 1650 г. посоль царя Алексѣя Михайловича въ Имеретію, Толочановъ, видѣлъ въ Гелати оба створа желѣзныхъ воротъ, которые, какъ ему сказали, были нѣкогда взяты въ Дербентъ Давидомъ. Въ настоящее время отъ воротъ сохранилась только одна половина (створъ), грубо, но массивно сбита изъ гигантскихъ брусевъ и покрытая толстыми желѣзными листами, на которыхъ выпуклая кувфическая надпись: «Во имя Бога, всеми-

лосерднаго и всеблагого. Эти ворота сдѣлать приказалъ владыка, эмиръ и сеидъ, славный Шавиръ бенъ-эл-Фазль. (господство котораго да поддержитъ Аллахъ), подъ присмотромъ мудраго Абуль Фереджа Магомета ибнъ Абдуллы (которому да даруетъ Аллахъ. постоянную удачу.). Ихъ изготовилъ Ибра (гимъ) ибнъ Османъ-ибнъ Анквейга, кузнецъ, въ 455 г.». (т. е. 1063 г.). Этотъ Шавиръ былъ арабскій эмиръ въ Товинѣ изъ династїи бенъ-Шеддадъ, правившей (951–1076 г.) въ Арранѣ (Карабагъ); о немъ неизвѣстно, чтобы онъ когда либо владѣлъ Дербентомъ. Такимъ образомъ легенда о происхожденїи этихъ воротъ изъ Дербента не имѣетъ историческаго основанїя тѣмъ болѣе что, по Киракосу и другимъ армянскимъ писателямъ, Дмитрїй, сынъ и преемникъ Давида (1125–1154), увезъ ворота Ганжи въ свою страну послѣ землетрясенїя 1138 г., и одна грузинская надпись въ Гелати гласитъ: «Царь Дмитрїй увезъ это ворота въ 13-й годъ своего царствованїя». При томъ относительно взятїя Дербента Давидомъ можетъ возникнуть сомнѣнїе, такъ какъ ни въ одномъ мѣстѣ длинной біографїи этого царя не говорится, что онъ доводилъ до Дербента, не говоря уже о завоеванїи его, но даже походы. Поводомъ къ возникновенїю такого преданїя могли послужить слѣдующїя событїя, о которыхъ повѣствуютъ мусульманскїе писатели Алатырь и Хаддунъ. «Въ 517 г. (1123) вредъ, наносимый грузинами мусульманскимъ странамъ, усилился, что было очень тягостно населенїю, особенно жителямъ Дербента, въ Ширванѣ. Большое число ихъ и депутаты отъ Ширвана отправились къ (сельджукскому) султану Махмуду, жаловались на бѣдствїе отъ грузинъ и увѣдомили, что они не въ состоянїи защищать свою страну. Султанъ пошелъ на непрїятеля. Грузины уже прибыли къ Шемахъ, султанъ сталъ лагеремъ въ одномъ саду въ этой мѣстности. Грузины напали на него. Визирь Шемсъ-эль-Мулькъ Отманъ, сынъ Низама эль-Мулька, посовѣтовалъ султану отступить. Когда жители Ширвана узнали объ этомъ, они пошли къ султану и сказали ему: «Мы будемъ сражаться, пока ты будешь около насъ; но если ты насъ покинешь, души мусульманъ утратятъ мужество и погибнутъ». Султанъ внялъ имъ и остался въ лагерѣ. Армія провела ночь въ большемъ страхѣ, хотя она рѣшилась сражаться. Но Богъ послалъ радость; Онъ вселилъ раздоръ между грузинами и кипчаками. Они, послѣ битвы между собою, разошлись.

Такимъ образомъ Богъ избавилъ мусульманъ отъ битвы. Султанъ пробылъ нѣсколько времени въ Ширванѣ, потомъ возвратился въ Гамаданъ.» Полубаснословная грузинская лѣтопись приписываетъ Тамарѣ (1184–1211) господство отъ моря Понта до моря Гургана, отъ Спера до Дербеша, по сю и по ту сторону Кавказскихъ горъ, до Хазаріи и Скиѳіи, и называетъ Дербентъ восточнымъ оплотомъ царства Тамары. Болѣе достовѣрныя извѣстія говорятъ лишь о походѣ Тамары къ границамъ Ширвана, гдѣ ширваншахъ подносилъ ей великіе дары.

Находясь подъ верховною властью ширваншаховъ, Дербентъ, можно думать, пользовался извѣстною самостоятельностью въ управленіи. Абу Гамидъ Андалузи († 1169) властителемъ Дербента называетъ эмира Сайфуддина Магомета ибнъ Халифе-ель-Сулами. Дѣятельность Абдуль Музафера Манучера Ахистана бенъ Кезрана, ширваншаха XII в., также какъ бы указываетъ на это. По словамъ грузинской лѣтописи, «Агсартанъ (Ахистанъ), царь Мовакама и Ширвана и побережья отъ Дербента до Хихала, относившійся къ царю Георгію (III, 1156–1184), какъ сынъ, обезпокоиваемый дербентскими хазарами (подъ хазарами грузинскія лѣтописи разумѣютъ вообще турецкія племена), пожаловался Георгію. Георгій дошелъ до Дербента, опустошилъ страну Мускуръ, взялъ г. Шабуранъ и отдалъ его ширваншаху». Мусульманскія извѣстія объ Ахистанѣ не подтверждаютъ грузинскую лѣтопись. По писателю XII в. Хакани († 1199), русскіе ходили въ Ширванъ въ 1135–1193 г.; вѣроятно это были бродники, и Ахистанъ выказалъ въ этихъ обстоятельствахъ военныя доблести; восхваляя его, Хакани говоритъ: «Ты сдѣлалъ изъ Дербента адъ и заставилъ возгласы раздаваться до Шабрана; ужасъ распространилъ въ Дербентѣ и въ Руси; сабля его нашла себѣ помощь у неба для завоеванія Дербента и Шабрана».

Какъ сказано выше, власть атабеговъ падаетъ подъ ударами монголовъ. Вся почти Азія и часть Европы въ XIII в. склоняются подъ ихъ игомъ; Кавказъ, а съ нимъ Дербентъ, раздѣляютъ общую участь. Послѣдній, состоя подъ властью династій, поставленныхъ монголами, благодаря своему положенію, служитъ ареною передвиженій войскъ и ордъ, столь частыхъ и губительныхъ у монголо-татаръ. Поэтому краткій очеркъ способа веденія войны и вообще управленія у монголовъ можетъ дать намъ нѣкоторое понятіе о

положеніи Дербента и его жителей въ эту эпоху. Главная сила монгольскаго войска состояла въ конницѣ. Большая армія монголовъ всегда охранялась арьергардомъ и боковыми отрядами, а также высылался авангардъ на 2 дня пути. Армія эта двигалась очень скоро, ибо лошади сами по себѣ не знали усталости, да вдобавокъ всадникъ все время имѣлъ возможность мѣнять коня, для чего каждый обязанъ былъ имѣть не болѣе, не менѣе, какъ 18 лошадей, почему подобное войско и представляло изъ себя нестройную, дикую орду, пожиравшую всѣ запасы фуража и способную вытоптать громадныя площади посѣвовъ, чѣмъ особенно были страшны татарскіе набѣги для осѣдлыхъ жителей. Питаясь обыкновенно въ походѣ сгущеннымъ молокомъ, монголы имѣли возможность быстро переходить огромныя пространства. Къ этой невзыскательности въ пищѣ надо прибавить еще ихъ неутомимость. Всадники зачастую оставались по 2 сутокъ на коняхъ и въ этомъ положеніи спали. Кромѣ конницы существовала и пѣхота, изъ которой ставились гарнизоны въ покоренныхъ городахъ. Оружіе татарскаго воина состояло изъ лука, желѣзной палицы и иногда копья; доспѣхи приготавливались изъ толстой буйволиной кожи, высушенной на огнѣ. Съ дѣтства прекрасный стрѣлокъ, храбрый въ бою, жестокій по природѣ, выносливый, терпѣливый, мужественный и слѣпо покорный своимъ вождямъ, таковъ былъ татарскій воинъ; ужасы, сопровождавшіе походы подобныхъ войскъ, слишкомъ извѣстны, чтобы на нихъ останавливаться. Прежде чѣмъ напасть на городъ, который они считали труднымъ взять, монголы опустошали всю страну вокругъ, чтобы лишить гарнизонъ средствъ продовольствія. Обложивъ городъ, они старались причинять гарнизону потери, вовлекая его въ засаду; нѣсколько ихъ отрядовъ гарцовали подъ самыми стѣнами города, чтобы вовлечь гарнизонъ и жителей въ вылазку и, погубивъ такимъ образомъ храбрѣйшихъ, ослабить защиту. Монголы окружали осажденную крѣпость линіей окоповъ и валовъ. Тысячи плѣнныхъ, приведенныхъ на эти укрѣпленія, употреблялись на самыя трудныя и опасныя работы, и, если осажденные не склонялись на лживыя обѣщанія и страшныя угрозы, которыя каждый день они дѣлали въ изобиліи, въ то время какъ засыпали рвы и катапульты разрушали стѣны, тогда плѣнные должны были идти на

приступъ. Штурмы, не прерываемые ни днемъ, ни ночью смѣнными войсками, не давали отдыха осажденнымъ и скоро совершенно истощали ихъ силы. Чингизъ-ханъ нашель въ Китаѣ и Персіи инженеровъ для постройки военныхъ машинъ. Они употребляли греческій огонь и отводили рѣки, чтобы затопить города. Иногда проникали въ городъ подземными ходами. Чтобы овладѣть городомъ внезапно, они снимали осаду, удалялись на большое разстояніе и, оставивъ тяжести, возвращались назадъ съ величайшею быстротою. Монголы рѣдко бросали осаду города; если онъ по своему положенію былъ неприступенъ, то они держали его въ осадѣ иногда цѣлыя годы. Ничто не могло спасти отъ разрушенія значительный городъ; подчинялись ли жители добровольно, выходили ли они на встрѣчу монголамъ умолять о пощадѣ, они были одинаково избиваемы. Во время своихъ походовъ монголы ежегодно отдыхали нѣсколько мѣсяцевъ, главнымъ образомъ, чтобы дать поправиться лошадямъ; но предварительно они опустошали всѣ окрестности на большемъ разстояніи, чтобы быть болѣе въ безопасности. Изъ вышесказаннаго достаточно видно, какія бѣдствія приходилось испытывать Дербенту во время неоднократныхъ переходовъ чрезъ него татарскихъ полчищъ, а также при переходѣ его изъ рукъ одного хана въ руки другого. Оставшіеся въ живыхъ и не уведенные въ плѣнъ, жители покоренныхъ странъ были облагаемы тяжелыми податями и налогами: данью десятинною, тамгою, пошлиною, поплужнымъ, ямомъ, подводами, кормомъ пословъ, царицъ, дѣтей и коней ханскихъ, мытомъ, мостовщиною, рекрутствомъ, сборомъ на рать, ловитвою ханскою, запросами, дарами, натуральными повинностями по сооруженію и охранѣ крѣпкихъ мѣсть, доходами, поминками. Тягость всѣхъ этихъ податей увеличивалась злоупотребленіями ханскихъ чиновниковъ при проѣздѣ, переписи населенія, взиманіи ихъ и т. п. Монголы, утвердившіеся при Чингизъ-ханѣ въ восточномъ Кавказѣ, установили рядъ военныхъ правителей, правившихъ во имя великаго хана, не отнимая совершенно власти у туземныхъ правителей. Съ этого времени эти страны оставались провинціями монгольскаго царства въ Персіи. Здѣсь утвердилась монгольская династія ильхановъ, т. е. подчиненныхъ хановъ, получившихъ начало (1256 г.) при третьемъ преемникѣ Чингизъ-

хана, великомъ ханѣ (каанѣ) Мункэ въ лицѣ Хулагу, сына Тулуя, младшаго сына Чингизъ-хана; титуломъ ильхановъ выражалась ихъ зависимость отъ каановъ, которую они всегда признавали безъ всякаго ущерба для себя. Династія ильхановъ въ Персіи продолжалась до 1349 г. когда они были уничтожены Тимуромъ. Въ составъ владѣній ильхановъ вошелъ и Ширванъ, а вмѣсто съ нимъ и Дербентъ. Съ конца XIII в. власть хулагуидовъ прочно утвердилась въ Персіи и ихъ господство было слабо оспариваемо на Кавказѣ. Атабеки исчезли, но ширваншахы, признавъ власть наслѣдниковъ халифовъ, сохранили почти независимую власть. Они тѣмъ болѣе могли это сдѣлать, что уже съ ильхана Абу Сеида начинается упадокъ монгольскаго могущества въ Персіи, и послѣ его смерти (1335 г.) ильханы были только подставными владѣтелями, а на первомъ планѣ стояли эмиры.

Перечислимъ теперь тѣ событія XIII в., въ которыхъ принималъ участіе Дербентъ. Во время войны съ Магометомъ, султаномъ Ховарезма или юго-западнаго Туркестана, Чингизъ-ханъ отрядилъ двухъ своихъ лучшихъ полководцевъ. Джебе-Нойона и Субудая Бегадура съ нѣсколькими десятками тысячъ конницы (по Хондемиру – 30000). Преслѣдуя Магомета, они далеко углубились на западъ, разнося повсюду ужасъ и опустошеніе, по уставамъ Ясы, предавая смерти жителей всѣхъ городовъ, чрезъ которые проходили съ своими губительными полчищами. Разсѣявъ горестъ и бѣдствіе въ Хорассанѣ, они вошли въ Азербейджанъ. По смерти Магомета (1221 г.), они получили отъ Чингизъ-хана подкрѣпленіе и разрѣшеніе идти изъ Азербейджана далѣе на сѣверъ, чтобы воевать страны, лежащія между Каспіемъ и Ураломъ. Разгромивъ Грузію, они двинулись на Ширванъ. Атиръ (Асиръ), умершій въ 1233 г., оставилъ въ сочиненіи Камиль-етъ-Таварихъ (полнѣйшая изъ лѣтописей) самыя подробныя свѣдѣнія о первомъ появленіи татаръ на Кавказѣ, современномъ ему. Когда татары вернулись изъ Грузіи, рассказываетъ онъ, они пошли на Дербентъ ширванскій и осадили Шемаху. Окончивъ съ нею, они хотѣли пройти чрезъ Дербентъ, но не могли и послали къ ширваншаху, дербентскому государю, чтобы онъ прислалъ къ нимъ посла для заключенія мира. Онъ послалъ 10 человекъ изъ лучшихъ своихъ вельможъ. И взяли одного изъ нихъ и убили, а остальнымъ сказали: Если вы укажете

намъ дорогу, по которой намъ пройти, то вамъ пощада, а если не сдѣлаете этого, то убьемъ васъ. И послы сказали имъ: Этогъ Дербентъ рѣшительно не имѣеть дороги, но есть въ немъ мѣсто, которое удобнѣе всѣхъ его дорогъ. И такъ они пошли съ ними по этому пути и прошли по нему и оставили Дербентъ позади (1222 г.). По словамъ Киракоса Гандзакеци († 1272), татары по мѣстамъ неприступнымъ перешли Кавказскія горы, заваливая пропасти деревьями, камнями, бросая туда свой багажъ, даже лошадей и военные снаряды *). Выйдя изъ горъ Кавказскихъ, монголы вступили въ землю кыпчаковъ (половцевъ; подъ именемъ кыпчакъ у восточныхъ историковъ подразумѣваются различныя турецкія племена), и здѣсь произошла знаменитая битва на Калкъ (31 мая 1223 г.). Когда татары овладѣли землею кыпчаковъ, продолжаетъ Атиръ, кыпчаки раздѣлились; одна часть пошла на Русь, другая разсѣялась въ горахъ, а большая часть собралась и пошла въ Дербентъ ширванскій и послала къ владѣтелю его, по имени Решиду, сказать: Татары овладѣли нашею странною, ограбили наше имѣніе, и мы отправились къ тебѣ, чтобы оставаться въ странѣ твоей, мы рабы тебѣ, завоеваемъ тебѣ города, и ты нашъ царь. Но онъ отклонилъ ихъ предложеніе, потому что боялся ихъ. Они снова отправили къ нему посольство: Мы закладываемъ тебѣ нашихъ дѣтей и женъ въ томъ, что будемъ повиноваться и служить тебѣ, и покорствоваться твоему правленію; но онъ не согласился на то, чего требовали. Они просили, чтобы онъ далъ имъ право закупать съѣстные припасы въ его городѣ, — они будутъ входить по 10 человекъ; когда же купятъ, что имъ нужно, оставятъ его землю. Онъ согласился на это. И такъ они стали входить порознь, покупать, что нужно, и выходить. Потомъ одинъ изъ вельможъ кыпчаковъ убѣдилъ Решида, что кыпчаки его враги; Решидъ далъ ему войско, съ которымъ онъ напалъ на кыпчаковъ, убилъ часть ихъ и часть ограбилъ. И не тронулись кыпчаки, но сказали: мы рабы царя ширваншаха Решида; а если бы не это, мы сразились бы съ его войскомъ. Когда этотъ кыпчакскій предводитель и войско возвратились къ Решиду цѣлы и невредимы, онъ обрадовался имъ. Потомъ кып-

*) Карамзинъ (III, 141) невѣрно говоритъ, что послѣ взятія Шемахи монголы хотѣли пройти кратчайшимъ путемъ къ Дербенту, но, обманутые путеводителями, зашли въ тѣсныя ущелья.

чаки оставили то мѣсто и шли 3 дня, и сказалъ тотъ кыпчакъ Решиду: Я прошу войска, чтобы преслѣдовать ихъ. И онъ приказалъ дать ему войска, сколько онъ хотѣлъ, и пошелъ по слѣдамъ ихъ, напалъ на ихъ задніе отряды и взялъ добычу. И пришла къ нему большая толпа кыпчакъ, мужчинъ и женщинъ, съ плачемъ, остригши волосы, и съ ними гробъ; они окружили гробъ и плакали около него и сказали: Твой другъ такой то умеръ; онъ завѣщалъ, чтобы мы принесли его къ тебѣ, чтобы ты похоронилъ его, гдѣ хочешь, и мы были бы у тебя. И такъ онъ взялъ его съ собою и тѣхъ, кои плакали, возвратился къ Решиду и извѣстилъ его, что умеръ другъ его, котораго привезъ съ собою, и что онъ просилъ своихъ людей, чтобы были у него въ службѣ. Онъ велѣлъ, чтобы мы вошли въ городъ, и поселилъ ихъ въ немъ. И ходили эти люди вмѣстѣ съ предводителемъ, садились на коня, когда онъ садился, и поднялись съ нимъ въ крѣпость Решида, сидѣли у него и пили съ нимъ, они и женщины и понравилась Решиду жена того человѣка, о которомъ сказали, что умеръ, но это была хитрость, чтобы войти въ городъ; а тотъ, смерть кого объявили, былъ съ ними въ бесѣдѣ, но Решидъ не зналъ его, и онъ былъ изъ самыхъ главныхъ предводителей кыпчаковъ. И оставались такъ нѣсколько дней, каждый день приходило по нѣсколько человѣкъ порознь; и собралось ихъ въ крѣпости много, и хотѣли схватить Решида и овладѣть его странюю, но онъ угадалъ это и вышелъ чрезъ потайную дверь въ крѣпости, бѣжалъ и ушелъ въ Ширванъ; а кыпчаки овладѣли крѣпостью и сказали жителямъ города: Мы для васъ лучше Решида, и призвали къ себѣ остальныхъ своихъ товарищей, взяли все оружіе, какое было въ городѣ, завладѣли имѣніемъ, какое было у Решида въ крѣпости, и уѣхали изъ крѣпости, направившись къ Кыблѣ (Кабалѣ), которая принадлежала грузинамъ, напали на нее и осадили ее. Решидъ, услышавъ объ оставленіи ими крѣпости, возвратился въ нее, овладѣлъ ею и убилъ бывшихъ въ ней кыпчаковъ, и не знали объ этомъ кыпчаки, находившіеся подъ Кыблею. Они послали нѣсколько человѣкъ къ крѣпости, Решидъ убилъ и этихъ, и дошла вѣсть о томъ къ кыпчакамъ, и возвратились къ Дербенту, но ужъ не стало у нихъ охоты взять крѣпость. Послѣ этого кыпчаки опустошали Ширванъ и Ганджи, пока всѣ не поднялись на нихъ, и совсѣмъ уничтожили ихъ посредствомъ грабежа, убій-

ства и плѣна, такъ что рабъ изъ нихъ продавался въ Дербентѣ ширванскомъ по самой низкой цѣнѣ.

Бѣдствія, постигшія Дербентъ отъ татаръ и половцевъ въ 1222–23 г., скоро снова настигли ихъ, ибо около 1227 г., по словамъ Ибнъ-Халдуна, Джемаль-Эддинъ, султанъ татарскій, послалъ пословъ къ государю Дербента, тогда малолѣтнему, и къ его атабеку (опекуну) Аль-Асаду. Атабекъ явился къ султану, который наградилъ его халатомъ и далъ ему владѣнія, также какъ царю, его питомцу, съ условіемъ, что они отдадутъ ему Дербентъ. Джемаль-Эддинъ послѣ этого отослалъ въ Дербентъ атабека съ арміею. Несави добавляетъ, что на помощь къ Джемаль-Эддину пошли къ Дербенту кыпчаки въ числѣ 50000 палатокъ, но не могли перейти его и расположились въ его окрестностяхъ. Когда эмиры покинули султана, они схватили Аль-Асада и отправили отряды грабить окрестности города. Аль-Асадъ хитростью освободился отъ нихъ, такъ что они не успѣли въ своемъ намѣреніи овладѣть Дербентомъ. Въ томъ же 1227 г. Экэ, Джебэ и Субудай, по смерти Чингизъ-хана, по словамъ Рашидъ Эддина, прошли въ землю Иранскую и возвратились чрезъ Дербентъ. Въ 1235–38 г. монголы подчинили себѣ Кавказскія страны, а весною 1239 г. Кукдай, по словамъ Рашида, завоевалъ Дербентъ и окрестныя страны на сѣверъ отъ города, названнаго монголами Тамуръ-кагалга или желѣзные ворота. По извѣстію Васафа, владѣнія сыновей Джучи, старшаго сына Чингизъ-хана, владѣтелей Кипчака, простирались до пограничныхъ ущелій Дербента; позади Дербента были зимнія квартиры ихъ войскъ, откуда они дѣлали наѣзды до Аррана; Батый, сынъ Джучи, господствовалъ надъ Осетію, Хазаріею и Русью до Дербентскаго моря. Въ 1251 г. Мункэ (Мангу), великій ханъ, назначилъ правителемъ Персіи Аргуна, которому были подчинены Адербейджанъ, Грузія, Арменія и др. земли. Тогда же въ Персіи былъ введенъ ежегодный налогъ отъ 1 до 7 динаровъ на содержаніе милиціи, почтовыхъ станцій и т. п. Подать со скота, называемая купчуръ, была опредѣлена въ 1 голову со 100, съ владѣльцевъ менѣе 100 головъ ничего не брали. Какъ собирались подати татарскими чиновниками, видно изъ разсказа одного армянскаго историка о дѣйствіяхъ ихъ въ 1254–55 г. въ Арменіи, Грузіи, Агованіи и другихъ окрестныхъ областяхъ: «они стали

вписывать въ реестры всѣхъ, начиная съ десятилѣтнихъ, исключая женщинъ. Требуя налоговъ сверхъ силъ и доведя этимъ людей до нищеты, они стали мучить и терзать ихъ тисками; скрывавшихся ловили и убивали. У тѣхъ, кто не могъ заплатить, брали дѣтей, такъ какъ ихъ сопровождали мусульмане-персіяне».

Именно къ царствованію Мункэ относится самое древнее описаніе Дербента, оставленное путешественникомъ, посѣтившимъ его. Голландскій монахъ Рубруквисъ (Руисброкъ), посланный въ 1253 г. французскимъ королемъ Людвигомъ IX къ хану Мункэ, говоритъ (въ 50 гл.), что въ Кавказскихъ горахъ живутъ аланы, всегда сопротивлявшіеся татарамъ. На равнинѣ, которая простирается между аланами и татарами, находится мѣсто, называемое Желѣзными Воротами (Дербентомъ), которыя только въ 2 дняхъ пути отъ аланъ, и тамъ, гдѣ равнина начинаетъ суживаться между Каспійскимъ моремъ и горами, живутъ сарацинскіе народы, называемые лезгами, которые также воюютъ съ татарами, такъ что нужно было, чтобы татары, живущіе у подошвы Аланскихъ горъ, дали посольству 20 человекъ для охраны до Желѣзныхъ воротъ. «На завтра, говоритъ Рубруквисъ, мы прибыли къ Желѣзнымъ воротамъ, городу, построенному Александромъ Великимъ, и котораго восточную оконечность составляетъ морской берегъ. Мѣстность, на которой построенъ городъ, представляетъ небольшую равнину, стѣсненную между моремъ и горами; вдоль этой равнины городъ простирается до высокихъ горъ, обхватывающихъ его съ запада, такъ что проходъ имѣется лишь тутъ, ибо ни чрезъ горы наверху города нѣтъ возможности пройти, такъ какъ ихъ недосыгаемая высота обрывисты, ни внизу, по причинѣ моря. Такимъ образомъ нужно проходить чрезъ средину города, гдѣ есть желѣзныя ворота, давшія имя городу. Онъ имѣетъ болѣе мили длины, и на верху горы находится сильно укрѣпленный замокъ. Ширина же города равняется разстоянію, на которое можно бросить камень. Его стѣны очень толсты, безъ рва, но имѣютъ нѣсколько башенъ, прочно построенныхъ изъ хорошо отесанныхъ большихъ камней; только татары разрушили верхнюю часть этихъ башенъ и зубцы стѣнъ, уравнивая башни со стѣнами. Страна вокругъ города кажется земнымъ раемъ, по причинѣ красоты и плодородія». Въ 1254 г. Гетумъ, царь Малой Арменіи, проѣхалъ чрезъ Дербентъ,

отправляясь на поклоненію хану. Знаменитый путешественник XIII в. Марко Поло (1271–92) Также говорит о Дербентъ: «Георгіана есть именно та страна, куда Александръ Великій, направляясь на сѣверъ, не могъ никакъ проникнуть, потому, что съ одной стороны ея находится море, а съ другой высокія горы и непроходимыя лѣса; полоса же между моремъ и горами до того узка, что нѣтъ никакой возможности проѣхать по ней; такой путь начинается уже за 4 мили не доѣзжая до мѣста, защищая такимъ образомъ доступъ въ нее, такъ что весьма незначительное число людей можетъ защитить ее отъ непріятеля. Александръ В., которому не удалась его попытка, велѣлъ воздвигнуть у этого прохода стѣну и укрѣпилъ ее башнями, чтобы люди, жившіе по ту сторону, не могли причинить ему никакого вреда. Этотъ проходъ, вслѣдствіе его необыкновенной крѣпости, назывался впослѣдствіе желѣзными воротами».

Между династіею Хулагу и ханами Золотой орды начинается въ скорости рядъ войнъ, въ которыхъ Дербенту приходится играть видную, но, конечно, бѣдственную роль. При первомъ ильханѣ Хулагу его третій сынъ Яшмутъ управлялъ пограничною областію Персіи. Въ 1260 г. кыпчакскій ханъ Беркай послалъ съ 30000 войско Ногай, который, пройдя Дербентъ, расположился лагеремъ предъ Шемахою. Хулагу собралъ всѣ войска Персіи для похода противъ Ногай и тронулся съ ними въ половинѣ мая 1262 г. Ногай былъ при Шабуранѣ обращенъ въ бѣгство, и 20 ноября 1262 г. Хулагу выступилъ изъ Шемахи противъ Дербента. 7 декабря войско его стояло подъ стѣнами послѣдняго, и послѣ трехдневнаго боя крѣпость была взята, а 8 дней спустя Ногай былъ окончательно разбитъ. Углубившись во внутрь владѣній Беркай, войско Хулагу потерпѣло пораженіе на Терекѣ. Поэтому, когда весною 1263 г. Хулагу вернулся въ Персію, Беркай снова овладѣлъ Дербентомъ и держался въ немъ. Преемникъ Хулагу, Абага (1265–1282), вступивъ на престоль, поручилъ своему брату Яшмуту съ хорошо вооруженнымъ войскомъ охрану всей сѣверной границы противъ Дербента и Ширвана, и противъ Дербента приказалъ воздвигнуть на сушѣ стѣну, названную ситабъ, чтобы защищать страну отъ нашествій. Но въ томъ же 1265 г. Ногай, по приказу Беркай, чтобы отмстить за пораженіе, нанесенное ему при Хулагу, напалъ изъ Дербента на

Яшмута и перешелъ Куру. На берегахъ р. Аксу произошла битва (19 іюля 1265 г.). Уронъ съ обѣихъ сторонъ былъ великъ; Ногай, пораженный стрѣлою въ глазъ, бѣжалъ въ Ширванъ. Перейдя опять Куру, Яшмутъ узналъ, что Беркай приближается со стороны Дербента съ войскомъ въ 300000 человекъ; поэтому разрушилъ всѣ мосты, такъ что Беркай, промѣшкавъ бесполезно на берегу Куры 2 недѣли, вернулся въ Тифлисъ, но на дорогѣ умеръ; тогда его войска удалились къ Дербенту. Въ 1270 г. Абага, собирая свои силы противъ Борака Аслана, хана джагатайскаго, потребовалъ у Яшмута, чтобы онъ оставилъ 40000 монголовъ и мусульманъ для защиты границы противъ Дербента, а съ 10000 избранныхъ воиновъ соединился съ нимъ. Въ томъ же году Борака прошелъ чрезъ Дербентъ во время похода на Персію. Въ апрѣлѣ 1288 г. Ногай, полководецъ царя кыпчаковъ, снова выступилъ съ 5000 всадниковъ изъ Дербента, ограбилъ всѣхъ купцовъ окрестностей. 6 мая ильханъ Аргунъ (1284–129) выступилъ противъ Дербента, перешелъ Куру и остановился въ Шемахѣ. Передовой отрядъ, высланный имъ, возвратился чрезъ нѣсколько дней съ вѣстью, что враги ушли назадъ въ Дербентъ. Въ 1289 г. войска Менгу-Тимура, хана Золотой орды, прошли чрезъ Дербентъ походомъ на земли Аргуна. Послѣдній собралъ войска и 27 апрѣля прибылъ въ Шабранъ, но уже 19 числа его авангардъ сразился съ врагомъ на берегахъ р. Кара-су; войска кыпчаковъ удалились назадъ въ Дербентъ; въ этомъ походѣ въ ихъ войскѣ участвовалъ князь Ѳеодоръ Ростисл. Ярославскій *). Ильханъ Гасанъ Махмудъ (1295–1304) для защиты границъ своего государства, образуемыхъ горами и ущельями, поставилъ здѣсь персидскія войска, получавшія жалованье и удѣлы; они составили роты въ 100 ч. и корпуса въ 1000 ч. пѣхоты и конницы, которыхъ смѣняли каждые 3 мѣсяца. Можно думать, что Дербентъ служилъ иногда резиденціей хановъ Золотой орды, постоянно перекочевывавшей съ мѣста на мѣсто, судя по извѣстію лѣтописи, что въ 1319 г. Тверскій великій князь Михаилъ Ярославовичъ погибъ «у бол-

*) Въ грузинскихъ лѣтописяхъ встрѣчаемъ непонятное извѣстіе, что при царѣ Дмитріи II († 1289) жители Дербента возстали противъ Аргуна, который пошелъ на нихъ и повелъ Дмитрія; когда они прибыли въ Дербентъ, жители удалились въ сильно укрѣпленный замокъ Аникъ, который былъ взятъ Дмитріемъ приступомъ и сожженъ.

вана мѣдянаго, у златяя главы у Темирева, у богатыревы могилы, за Терекомъ, подъ великими горами подъ Яскими и Черкасскими у града Тетякова на р. Сиванцѣ, близъ Вратъ Желѣзныхъ».

Въ началѣ XIV в, Дербентъ принадлежалъ ильханамъ, какъ можно заключить изъ извѣстій о войнѣ Узбека, хана Золотой орды, съ ильханомъ Абу-Сеидомъ. Въ 1318 г. Узбекъ, пройдя Кыпчака «съ тяжелыми безконечными войсками, съ готовыми къ бою конями, съ сіящими мечами, каждый человекъ въ сопровожденіи 3 подручныхъ коней, опустошилъ, подобно быстрому потоку и пылающему яростью льву, мѣстность вокругъ Дербента». Эмиръ Терентай, которому Абу-Сеидъ поручилъ охрану крѣпости, бѣжалъ, и Узбекъ овладѣлъ Дербентомъ; на Курѣ Узбекъ былъ разбитъ Абу-Сеидомъ и ушелъ назадъ. Въ 1325 г. Чопанъ, полководецъ Абу-Сеида, въ виду мести за вторженіе Узбека, перешелъ Дербентъ съ сильною арміею, грабя и опустошая все на своемъ пути, до береговъ Терека, откуда и вернулся съ большею добычею и массою плѣнныхъ. Черезъ десять лѣтъ Узбекъ снова изъ Дербента пошелъ на Персію, въ Ширванъ, куда на встрѣчу ему выступилъ Абу-Сеидъ, но внезапно умеръ. Преемникъ его Арпа-ханъ заставилъ врага уйти въ Дербентъ. На Каталанской картѣ 1375 г. послѣдній названъ *custodia Husbeci*, изъ чего можно заключить, что онъ снова подпалъ подъ власть хановъ Золотой орды. Подъ 1346 г. лѣтописи упоминаютъ о моровой язвѣ, «моръ силенъ зѣло надъ восточною страною». Въ 1356 г. Джанибекъ, ханъ Золотой орды, вторгся чрезъ Дербентъ въ Азербейджанъ и чрезъ него вернулся же назадъ, оставивъ въ Иранѣ сына своего Берди-бека. Чрезъ нѣсколько времени Берди-бекъ, получивъ извѣстіе о смертельной болѣзни отца, возвратился чрезъ Дербентъ.

Смутами, сопровождавшими смерть Абу-Сеида (1335 г.) и ознаменовавшими начало упадка господства ильхановъ, воспользовались различныя мелкіе владѣтели, между прочимъ ширваншахи. Третья династія ихъ свергнута въ 1382 г. собственными подданными, и на престолъ возводится Шейхъ Ибрагимъ Дербенти, основатель четвертой династіи ширваншаховъ (1382–1550 г.), династіи дербентской, признававшей вассальную; зависимость отъ династій, властвовавшихъ въ Персіи. Тамерланъ поручаетъ Шейхъ Ибрагиму управление Ширваномъ и Дербентомъ, приказываетъ

ему возобновить укрѣпленія послѣдняго, пострадавшаго во время походовъ татаръ, и охранять городъ. О починкахъ Ибрагимомъ стѣнъ и башенъ свидѣтельствовали сохранившіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣнныя надписи. Сверхъ исправленія стѣнъ, Ибрагимъ построилъ въ городѣ 3 мечети. По разсказу Шерефеддина, Ибрагимъ умѣлъ заслужить расположеніе Тимура поднесеніемъ ему 9 даровъ: 9 сабель и пр. и 8 рабовъ. На вопросъ грознаго завоевателя, почему рабовъ только 8, Ибрагимъ отвѣтилъ, что 9-й онъ самъ. «Эта щедрость, прибавляетъ историкъ, понравилась владыкѣ, и въ награду рабъ остался господиномъ Ширвана». Соперникомъ Тамерлана выступилъ Тохтамышъ, ханъ Золотой орды, и Дербентъ снова становится ареною походовъ. Тамерланъ, разбившій въ первомъ походѣ Тохтамыша при Урь-Тепе 18 іюня 1391 г., снова идетъ на него въ 1395 г. изъ Багдада въ Арменію и Грузію, откуда чрезъ Дербентъ проходитъ въ страны Тохтамыша, наноситъ ему страшное пораженіе близъ Терека и чрезъ Дербентъ же возвращается въ Персію. Въ повѣсти о Тамерланѣ (Темирѣ Аксакѣ), входящей въ составъ II Софійской лѣтописи, въ числѣ покоренныхъ имъ земель значится «Темиръ-капи—Желѣзныя Ворота». Также Никоновская лѣтопись перечисляетъ завоеванія Тамерлана слѣдующимъ образомъ: «Ширванъ, Шамахія, Темиръ-Баты, рекше Желѣзныя Врата». Въ началѣ XV в., по словамъ грузинской лѣтописи, царь Александръ I (1413—1442 г.) въ 1437 г. вступилъ въ Карабагъ, покорилъ Ганджу, Ширванъ и Дербентъ и наложилъ на нихъ дань. Конечно, господство грузинъ въ Дербентѣ было кратковременно, ибо въ теченіе того же вѣка встрѣчаемъ извѣстія, что онъ входилъ въ составъ владѣній ширваншаха.

XV вѣкъ довольно обилень путешественниками, описавшими Дербентъ. Итальянецъ Юсафатъ Барбаро, совершившій въ 1436 г. путешествіе въ Тану, гдѣ онъ пробылъ 16 лѣтъ, говоритъ объ азовскомъ (танскомъ) купцѣ Джіовани да Валле, что онъ до 1437 года ѣздилъ съ нѣкоторыми венеціанцами въ Дербентъ на Каспійскомъ морѣ, гдѣ построилъ фусту (небольшое гребное судно, употреблявшееся преимущественно корсарамъ), по приглашенію тамошняго государя и, къ общему удивленію, грабилъ съ нею всѣ суда, идущія изъ Стравы (Астрабада). Это свидѣтельство интересно тѣмъ, что показываетъ, что отъ нѣкоторыхъ дербентскихъ владѣ-

телей не укрывалась причина ихъ слабости, въ виду отсутствія у нихъ флота. Въ 1471 г. Барбаро былъ отправленъ Венеціанскою республикою посломъ къ персидскому государю въ Азербейджанъ изъ династїи Акъ-коюнлы (или туркменовъ Бѣлаго Барана), Узунъ-Гасану (1466–1478), при дворѣ котораго онъ оставался до 1479 г.; онъ посѣтилъ и Дербентъ, о которомъ говоритъ, что онъ построенъ Александромъ В. на морѣ Баху, въ милѣ отъ горы, что въ немъ есть замокъ и 2 стѣны до воды, и что ширина города отъ однѣхъ воротъ до другихъ 2–2¹/₂ мили.

Около того же времени начались сношенія Московскаго государства съ ширваншахами. Въ 1466 г. былъ въ Москвѣ у великаго князя Ивана III отъ владѣтеля Шемахи, ширваншаха Ферухъ Есара, посолье Асаръ Бегъ; это вызвало наше посольство въ Шемаху Василія Тюкина съ товарищами; мы знаемъ объ этихъ посольствахъ только то, что государь Московскій и ширваншахъ обмѣнялись подарками, но, конечно, дѣло шло не объ однихъ подаркахъ. Этимъ посольствомъ воспользовались тверскіе купцы и вмѣстѣ съ шемахинскимъ посломъ отправились въ Шемаху Волгой, везя свои товары на судахъ. Въ числѣ ихъ былъ купчина Аѳонасій Никитинъ; онъ путешествовалъ съ 1466 по 1472 г., когда вернулся въ Россію, побывавъ и въ Индіи. Записки свои, названныя имъ «Хожденіе за три моря», Никитинъ начинаетъ такъ-: «Господи Іисусе Христе! помилуй мя раба Своего, грѣшнаго Аѳонасыя Никитина сына. Се написахъ грѣшное свое хожденіе за три моря: первое море Дербентское или дорія Хвалитьская, второе море Индійское, дорія Гундустанская, третье море Черное, дорія Стамбольское». Выйдя изъ Астрахани, «пошли есмь къ Дербенти двѣми суды: въ одномъ суднѣ посоль, а русаковъ насъ 10 головами, а въ другомъ 6 москвичъ да 6 тверичъ; и встала фуртовина (непогода, буря) на морѣ, да судно меньшее разбило о берегъ, и пришли Кайтаки да людей поймали всѣхъ. И пришли есмь въ Дербентъ, и ту Василій (Папинъ) по здорову пришелъ, а мы пограблены; и билъ есмь челомъ Василію Папину да послу ширваншину, что есмь съ намъ пришли, чтобы ся печаловалъ о людехъ, что ихъ поймали подъ Тархы Кайтаки. И Асамбекъ печаловался и ѣздилъ на гору къ Ширваншѣ-Бѣгу. И Ширванша-Бѣгъ того часа послалъ къ шурина своему Аلیلъ-Бѣгу, Кайтаческому князю, что судно ся мое разбило подъ

Тархы, и твои люди пришедъ людей поимали, а товаръ ихъ пограбили; и ты бы, мене дѣля, люди ко мнѣ прислалъ, и товаръ ихъ собралъ, занеже тѣ люди посланы на мое имя; а что тебѣ будетъ надобѣ, и ты ко мнѣ пришли, и я тобѣ своему брату, за то не стою. И Алиль-Бѣгъ того числа отослалъ людей всѣхъ въ Дербентъ добровольно, а изъ Дербента послали ихъ къ Ширвани, въ орду его Койтуль; а мы поѣхали къ Ширванѣ въ Койтуль, и били есмь ему челомъ, чтобъ насъ пожаловалъ, чѣмъ дойти до Руси, и онъ намъ не далъ ничего. Ано насъ много, и мы заплакавъ да разошлись кой куды: у кого что есть на Руси, и той пошелъ на Русь, а кой долженъ, и той пошелъ куда его очи понесли; а иные остались въ Шамахѣ, а иные пошли работать къ Бакѣ». Извѣстіе Никитина интересно по указанію на отношенія Ширванши-Бѣга, т. е. надо думать, правителя Дербента, къ уцмію; да и самое указаніе на Ширванцу-Бѣга заслуживаетъ вниманія. Такимъ образомъ первая, извѣстная по памятникамъ, попытка русскихъ купцовъ завести торговыя сношенія съ Шемахою, т. е. и съ Дербентомъ, окончилась неудачно. Во всякомъ случаѣ Дербентъ становится важнымъ проѣзжимъ пунктомъ не только для торговыхъ сношеній, но и для дипломатическихъ.

Въ 1475 г. мы впервые находимъ московскаго посла Марка въ Тавризѣ у Узунъ Асана вмѣстѣ съ венеціанскими послами І. Барбаро и Амвросіемъ Контарини. Контарини возвращался сухимъ путемъ чрезъ Ширванъ. 6 ноября 1475 г. выѣхалъ онъ изъ Шемахи въ г. Дербентъ, лежащій на границѣ Татаріи и принадлежащій Сивансѣ (т. е. ширваншаху). «12 числа прибылъ я въ этотъ городъ, а какъ для достиженія россійскихъ владѣній надлежало намъ переѣзжать чрезъ всею татарскую стень, то мы и рѣшились, по совѣту людей опытныхъ, зимовать тутъ, дабы въ апрѣлѣ мѣсяцѣ переплыть въ Цитраханъ чрезъ Бакинское море. Дербентъ лежитъ на самомъ берегу Бакинскаго или Каспійскаго моря, построень, какъ увѣряють, еще Александромъ Великимъ и называется Желѣзными Вратами; ибо изъ Татаріи нельзя проѣхать въ Мидію и Персію иначе, какъ чрезъ этотъ городъ, по причинѣ глубокаго ущелья, простирающагося отъ него вплоть до самой Черкесіи. Онъ окруженъ крѣпкими, толстыми стѣнами, но такъ не многолюдень, что едва ли шестая часть всего пространства, находящагося подъ

горою, по направленію къ цитадели, населена; со стороны же моря всѣ почти зданія разрушены. Въ Дербентѣ находится множество гробницъ, и онѣ изобилуютъ всякаго рода жизненными припасами, плодами и виномъ. Бакинское море весьма пространно и не имѣетъ вовсе разливовъ. Жители ловятъ въ немъ множество осетровъ и бѣлугъ; другой же рыбы ловить не умѣютъ. Между прочимъ водится тамъ одна рыба, совершенно похожая на собаку, съ головою, ногами и хвостомъ, и еще другая, въ полтора локтя длиною, толстая и гладкая, у которой вовсе не видно головы. Изъ нее добываютъ жиръ, употребляемый вмѣсто масла для освѣщенія и для натиранія верблюдовъ. Этотъ жиръ развозятъ въ большомъ количествѣ по всѣмъ окрестнымъ землямъ. Въ Дербентѣ пробыли мы съ 12 ноября по день отплытія нашего, т. е. по 6 апрѣля, и должны отдать полную справедливость тамошнимъ жителямъ, которые показали мнѣ предобрыми людьми, ибо во все время нашего у нихъ пребыванія не причинили намъ ни малѣйшаго оскорбленія. На вопросъ: кто мы таковы?, отвѣчали мы просто: христіане, и этого отвѣта было для нихъ достаточно. Одежда, которую я носилъ въ Дербентѣ, состояла изъ изорваннаго, подбитаго овчинами полукафтаны, изъ верхней шубы, также весьма ношенной, и изъ бараньей шапки. Въ этомъ одѣяніи расхаживалъ я по городу и по рынку и не рѣдко самъ носилъ домой купленную мною провизию. Иногда, однако, прохожіе, глядя на меня, останавливались и говорили между собою: «этотъ челоуѣкъ, повидимому, не рожденъ для того, чтобы самому таскать припасы». Впрочемъ жители обходились съ нами весьма хорошо. Тѣмъ временемъ Маркъ условился съ однимъ хозяиномъ судовъ въ Дербентѣ о переѣздѣ нашемъ въ Цитрахань. Нужно замѣтить, что тамошнія суда на зиму вытаскиваются на берегъ; потому что въ это время года плаванье по морю невозможно. Они имѣютъ совершенно форму рыбы и носятъ даже это названіе, ибо узки въ кормѣ и въ носу, а на бокахъ очень выпуклы. Ихъ сколачиваютъ деревянными гвоздями и смолятъ весьма крѣпко; для управленія же имѣютъ они двѣ мачты и большой шестъ, служащій имъ вмѣсто руля. Каспійскіе мореходы плаваютъ на авось, безъ-компаса, наблюдая теченіе звѣздъ и вообще держатся береговъ, отъ которыхъ никогда не удаляются на большое разстояніе. Въ дурную погоду они прибѣгаютъ къ пару-

самъ; иногда же употребляютъ и весла, которыми, равно какъ и рулемъ, управляютъ весьма дурно. Несмотря на это, твердо увѣрены, что въ цѣломъ мѣрѣ нѣтъ мореходцевъ лучше ихъ. На суднѣ насъ было тридцать пять человѣкъ, включая въ то число хозяина и шесть матросовъ; прочіе же пассажиры состояли почти всѣ изъ купцовъ, ѣхавшихъ въ Цитрахань съ сарачинскимъ пшеномъ, шелковыми тканями и другими мелкими товарами; для промѣна оныхъ русскимъ и татарамъ на мѣха и иные предметы, требуемые въ Дербентѣ».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дербентъ отъ XVI в. до присоединенія къ Россіи.

(Персія въ XVI в. Война съ Турціей. Переговоры съ Россією объ уступкѣ Дербента. Англичане въ Дербентѣ въ XVI в. Аббасъ Великій. Дербентскіе правители XVII в. и сношенія съ Россією. Котовъ. Олеарій. Стрюйсъ. Событія въ Дербентѣ въ XVII в. Петръ Великій и походъ его въ Дербентъ. Дѣла въ Персіи. Брюинъ. Бель. Соимоновъ. Дербентъ до возвращенія Персіи. Брюсъ. Герберъ. Шахъ Надиръ. Фетъ-Али-ханъ. Русскіе правители Кавказа. Гмелинъ. Экспедиція Медема. Шихъ-Али-ханъ. Походъ Зубова. Описанія Дербента Буткова и Бакуниной. Событія отъ 1796 по 1806 г. Присоединеніе Дербента. Хань).

XVI вѣкъ въ исторіи Персіи является важною эпохою, и съ этого времени Дербентъ входитъ въ самыя тѣсныя отношенія къ ней. Когда пришло въ упадокъ могущество персидскихъ монголовъ, цѣлый рядъ выдающихся военачальниковъ и областныхъ правителей въ Персіи достигъ независимости. Самыми могущественными изъ нихъ были Джелаиры, владѣвшіе Иракомъ и Азербейджаномъ; въ послѣдней области ихъ преемниками были туркмены Бѣлаго и Чернаго Барановъ (Кара и Акъ Коюнлы). Тимуръ между 1384 и 1393 г. прошелъ чрезъ всю персію, и въ теченіе столѣтія часть ея оставалась во владѣніи его потомковъ. Въ началѣ XVI в. Сефевидъ, шахъ Исмаиль, подчинилъ своей власти всѣ владѣнія Тимуридовъ, туркменовъ и болѣе значительныхъ династій, и скоро присоединилъ къ себѣ Хорасанъ. Такъ образовалось современное намъ государство Персидскихъ шаховъ. Сефевиды приписывали себѣ арабское происхожденіе, такъ какъ называли себя потомками XII имама Мусы Казама. Отецъ Исмаила, Хайдеръ,

вступилъ въ борьбу съ Узунъ-Хасаномъ, главою туркменовъ Бълаго Барана. Исмаиль I (1502–1524) завоевалъ Ширванъ и разбилъ туркменъ при Шаруръ (1502). Сдѣлавъ своей резиденціей Тавризь, онъ приступилъ къ завоеванію остальной Персіи, въ которой окончательно утвердилъ ученіе шиі. Съ этого времени связь Ширвана съ Персіей дѣлается тѣснѣе, чѣмъ когда либо, и владѣльцы Дагестана остаются подвластными ей. Въ 1509 г. Исмаиль осадилъ Дербентъ и принудилъ его правителя Яръ Ахмедъ Агу, не хотѣвшаго признавать его власти, сдаться; переселилъ въ городъ 500 семействъ поколѣнія Руміевъ изъ Тавриза; управление городомъ онъ отдалъ Мансуръ беку съ титуломъ султана. Вообще въ Персіи титулъ хана давался губернаторамъ провинцій, а титулъ султана, низшімъ противъ ханскаго, давали начальникамъ войскъ. Съ этихъ поръ начинается персидское владычество въ Дербентъ, жители котораго сдѣлались шиитами. При наслѣдникѣ Исмаила I, Тахмаспъ I (1524–1576), Ширванъ въ 1546 г. возсталъ противъ Персіи; въ 1547 г. ширваншахъ Элькасъ-Мирза стоялъ въ Дербентъ и дважды посылалъ отсюда войска противъ шаха въ Ширванъ; когда же самъ шахъ двинулся на Ширванъ, то Элькасъ-Мирза бѣжалъ въ горы. Дербентъ держался еще нѣкоторое время во власти его приверженцевъ, но наконецъ былъ взятъ войсками шаха и опять поступилъ подъ владычество Персіи. При Тахмаспъ I 400 семействъ изъ племени Гурчیانъ были переселены въ Дербентъ. Тахмаспъ началъ, главнымъ образомъ по религіознымъ причинамъ, рядъ войнъ съ Турціей. Султанъ Сулейманъ (1520–66), предпринимая четвертый походъ на Персію, отправилъ изъ Каффы на Ширванъ потомка ширваншаховъ Казима съ войскомъ, которое прошло мимо Дербента (1553 г.). Въ 1577 г. снова началась длинная война между шахомъ Магометомъ Мирзою Худабенде (т. е. рабъ Божій, 1578–1587) и султаномъ Мурадомъ II. Сераскиръ турецкій Мустафа паша началъ удачно военныя дѣйствія противъ Грузіи и завоевалъ (1578 г.) Ширванъ, который былъ отданъ въ управление Уздемиру Османъ пашѣ съ жалованьемъ въ 2 мил ; правителю Ширвана было оставлено 60 пушекъ съ 180 зарядными ящиками и 3000 янычаръ. Доходы Ширвана, доставлявшіе шахамъ 25200000 аспровъ отъ десятины съ лѣсовъ, соли, риса, нефти, были поручены въ управление особымъ чиновникамъ для сбора въ пользу султана. Провин-

ція Ширванъ была раздѣлена на 14 санджаковъ, провинція Дербента на 7. Жители Дербента, послѣ казни мятежника Паданъ-Халифа, смирились и просили турецкаго правителя, которымъ и былъ назначенъ Уздемиръ Османъ паша (1578 г.), оставленный и правителемъ Ширвана. Устроивъ все это, Мустафа паша съ войскомъ провелъ зиму 1578 г. въ Эрзерумѣ. Въ это время персы собрали 4 арміи, одну изъ которыхъ Османъ паша разбилъ на Курѣ. Успѣху его способствовалъ братъ крымскаго хана Магометъ-Гирей, Адиль-Гирей, посланный, по приказанію султана, изъ Крыма чрезъ Дербентъ въ Ширванъ. Но другая персидская армія, подъ начальствомъ сына Худабенда, Гамзы Мирзы, съ его матерью, которая держала бразды правленія за своего почти слѣпаго супруга шаха, шла изъ Ширвана къ Арешу, и подъ стѣнами послѣдняго беглербегъ Карса, Каймазь-бекъ, погибъ съ большею частью своей арміи. Уздемиръ Османъ паша былъ осажденъ въ Шемахѣ въ продолженіе 3 дней; Адиль-Гирей, спѣшившій къ нему на помощь, былъ взятъ въ плѣнъ персіянами. Османъ паша принужденъ былъ покинуть Шемаху и бросился къ Дербенту, чтобы провести тамъ зиму (1579 г.); сюда персіяне не отважились приступить, зная что это мѣсто, за недостаткомъ хорошей артилеріи, не иначе, какъ голодомъ, къ сдачѣ принудить можно. Такимъ образомъ дербентцы должны были содержать турецкій гарнизонъ со всѣмъ штабомъ паши. По словамъ Гербера, турки весь городъ опустошили и нижнюю часть, въ которой жили одни греки, совсѣмъ разорили. Дѣйствительно, грузинскій посоль въ Москву въ 1586 г. говоритъ, что Дербентъ не крѣпокъ и безлюденъ. Опасаясь осады города, Османъ паша часто осматривалъ каналы, снабжавшіе городъ прѣсною водою, и велѣлъ исправить пришедшія въ худое состояніе. Какашъ де Залонкемени, проѣзжавшій чрезъ Дербентъ изъ Персіи въ 1602 г., говоритъ, что жители Дербента, при турецкомъ владычествѣ, наносили много вреда москвитянамъ и персіянамъ, или грабя ихъ суда, выброшенные на берегъ, или занимаясь морскими разбоями; онъ же говоритъ, будто Гамза Мирза, сынъ Худабенда, овладѣлъ городомъ и разрушилъ его. Между тѣмъ Адиль-Гирей, будучи въ плѣну, пріобрѣлъ расположеніе матери и сестры шаха и вступилъ съ послѣднею въ связь, что было всѣмъ извѣстно. Курруджи (преторіанцы Персіи) возмутились по поводу оскорбленія

шахскаго гарема и убили виновныхъ на глазахъ шаха. Послѣдній, собравъ куруджи на смотръ, призывалъ ихъ потомъ по одиночкѣ, какъ бы для полученія награды, въ дворецъ, гдѣ ихъ убивали. Такъ было убито 2700 ч., остальные разбѣжались. Тогда Магометъ-Гирей, крымскій ханъ, по приказу султана и желая отомстить за смерть брата, покинулъ въ іюль 1579 г. Бахчисарай съ 10000 татаръ и чрезъ мѣсяць явился къ Дербенту. Османъ паша принялъ его самымъ дружественнымъ образомъ. Азовскому беку, приведшему авангардъ, онъ далъ титулъ капуданъ-паши Каспійскаго моря съ жалованіемъ 80000 аспровъ. Соединенныя войска Османа и хана грабили страну до Шемахи, но Османъ не могъ принудить хана провести зиму въ Дагестанъ. Ханъ оставилъ своего брата Газигирея и приказалъ войску своему идти назадъ. Въ 1581-82 г. военныя дѣйствія турокъ противъ персіанъ ограничивались Грузіей. Османъ паша все это время находился въ Дербентѣ, откуда просилъ у султана подкрѣпленій. Въ августъ 1582 г. въ Каффѣ собралась значительная армія подъ начальствомъ Джафаръ паши и отправилась чрезъ сѣверный Кавказъ къ Дербенту. Послѣ 80 дневнаго похода армія достигла его и была радостно привѣтствована Османъ пашею; она еще недѣлю провела въ палаткахъ, потомъ для зимовки была помѣщена въ деревянныхъ шалашахъ, крытыхъ камышемъ. Скопленіе въ городѣ и его окрестностяхъ большаго числа людей вызвало сильное поднятіе цѣнъ на предметы первой потребности; хлѣбъ стоилъ необыкновенно дорого: 2¹/₂ ф. до 200 аспровъ; рожь тоже; люди и скотъ питались рисомъ. Въ самомъ началѣ весны 1583 г. персіане стали наступать на турокъ и разбили ихъ около Низабада (апрѣль 1583 г.). Четыре дня спустя Османъ съ своею арміею выступилъ изъ Дербента противъ персіанъ. Въ теченіе 3 дней онъ стоялъ лагеремъ передъ городомъ, дѣлая смотръ войскамъ, и четырьмя переходами достигъ Самура. 9 мая началась здѣсь битва, окончившаяся совершеннымъ пораженіемъ персіанъ. Османъ пошелъ на Шемаху и Баку и, взявъ ихъ, возвратился въ Дербентъ. Здѣсь каймаканомъ Дагестана онъ поставилъ Джафаръ пашу, который, по его уходѣ, привелъ страну въ порядокъ и устроилъ ее мирными путями и справедливостью лучше, чѣмъ при Османѣ. Послѣдній 21 октября выступилъ назадъ въ Турцію чрезъ сѣверный Кавказъ. Послѣ этого война продолжалась

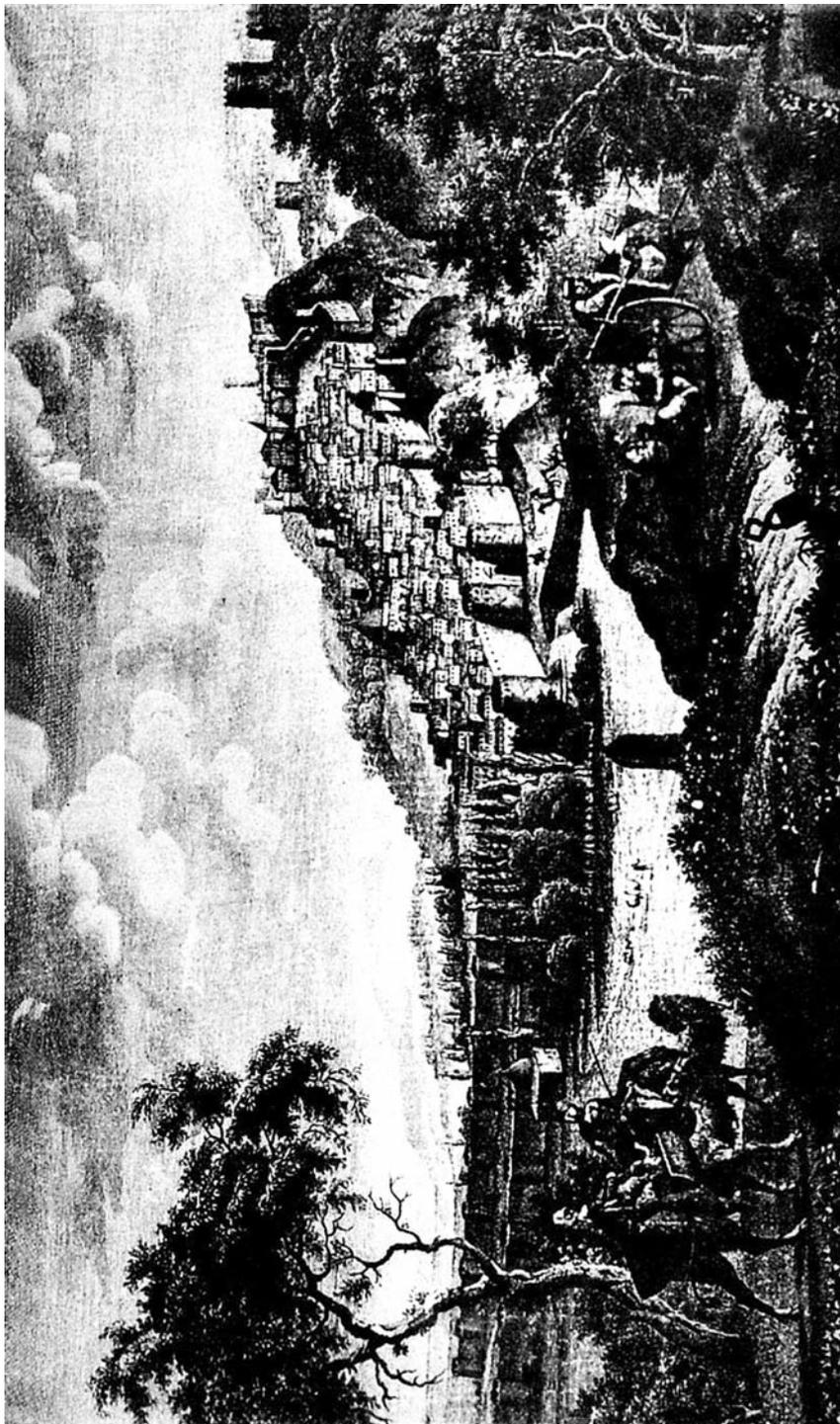
еще нѣсколько лѣтъ, не касаясь Дербента, большею частью неудачно для Персіи, пока 21 марта 1590 г. шахомъ Аббасомъ не былъ заключенъ миръ, по которому Ширванъ остался во власти турокъ и образовалъ особую область (губернаторство) наряду съ Дагестаномъ. Во время этихъ военныхъ дѣйствій, въ 1586 г., «турского рать 40000 идетъ изъ Черкасы въ Дербень», чѣмъ снова вызывается нужда въ продовольствіи: въ 1587–88 г. царь грузинскій Александръ отказалъ въ пропускѣ запасовъ въ Дербентъ. Въ 1600 г. война Персіи съ Турціей возобновилась. Въ 1603 г. шахъ Аббасъ разбилъ турокъ при Багядѣ, послѣ чего турки потеряли Тавризъ; отсюда Аббасъ пошелъ на Нахичеванъ и Эриванъ, потомъ овладѣлъ Шемахою и Ширваномъ. Турки были такимъ образомъ изгнаны изъ прикаспійскаго края, и Ширванъ и Дербентъ снова сдѣлались персидскими областями. Наконецъ въ 1614 г. мирный договоръ закончилъ войну Персіи съ Турціей, которая отказалась отъ всѣхъ завоеваній своихъ. Долголѣтняя война съ Турціей, тягостная для Персіи, привела ее къ болѣе тѣснымъ отношеніямъ съ Московскимъ государствомъ.

Завоеваніе Казани и Астрахани повлекло за собою непосредственныя сношенія Москвы съ Кавказомъ. Утвержденіе на берегахъ Волги открыло Московскому государству цѣлый міръ мелкихъ владѣній въ Прикавказьѣ; князья ихъ ссорились между собою, терпѣли отъ крымцевъ, и потому, какъ скоро увидѣли у себя въ сосѣдствѣ могущественное государство, бросились къ нему съ просьбами о союзѣ, о свободной торговли въ Астрахани, нѣкоторыя съ предложеніемъ подданства, и такимъ образомъ незамѣтно, волею–неволею, затягивали Московское государство все далѣе на востокъ, къ Кавказу и за него. Все среднее теченіе Волги, сдѣлавшейся русской рѣкой послѣ покоренія Казани, давало теперь полный просторъ русскому поступательному движенію на Востокъ, существовавшему искони. Интересы трехъ государствъ: Россіи, Персіи и Турціи, сталкивались на Кавказѣ, среди варварскаго, раздробленнаго населенія, части котораго находились въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ. Россія, призываемая на помощь единовѣрнымъ населеніемъ Грузіи, должна была вступить въ ближайшее соприкосновеніе съ мусульманскимъ Востокомъ.

Уже въ маѣ 1557 г. изъ Астрахани доносили, что изъ многихъ зе-

мель ссылались, изъ Шевкаль, Шемахи, Дербени и Иргача «о братствѣ и любви», а чрезъ 2 мѣсяца уже доносили о приходѣ многихъ гостей изъ Шемахи, Дербени со всякими товары. Дербентцы пребывали не только въ Астрахани. Въ 1593–94 г. въ Казани жилъ дербентецъ Улага, сынъ Ибрагима, съ женою и дѣтьми. Когда посоль шаха Аббаса просилъ отпустить Улагу вмѣстѣ съ нимъ въ Персію, ему отвѣтили, что Улага посланъ для государева великаго дѣла съ окольничимъ и воеводою княземъ А.И.Хворостининымъ въ походъ на шевкала для того, что тамошніе мѣста и людей знаетъ; когда же вернется, то, если захочетъ, будетъ отпушенъ. Сношенія съ Дербентомъ бывали и враждебныя; сообщеніе съ нимъ было далеко не безопасно. Въ 1584 г. царь Ѳедоръ отправилъ посла къ турецкому султану; посоль долженъ былъ, между прочимъ, сказать «Мы знаемъ, что вы жалуетесь на разбои Терскихъ казаковъ, мѣшающихъ сообщенію между Константинополемъ и Дербентомъ, гдѣ нынѣ султанъ властвуетъ». Въ грамотахъ присланныхъ въ Москву въ 1588 г., окуцкій мурза Шихъ писалъ, что еще до разоренія Терскаго города служилъ царю вмѣстѣ съ окуцкимъ мурзою Ушаромъ, и «твое государево имя выславляли и къ Турскому и къ Крымскому не приставалъи тѣхъ, которые имъ прямили, воевалъ вмѣстѣ съ казаками, въ Желѣзныхъ Воротѣхъ много нужи терпѣлъ и саблею за тебя доводилъ, вмѣстѣ съ 500 казаками взяли г. Индили и еще другихъ 7 городовъ». Въ октябрѣ 1593 г. султанъ турецкій жаловался на грабежи казаковъ: «да на морѣ близко Дербени на Кузлумскомъ города поставляли, и подъ нашимъ въ счастѣ пребывающемъ, подъ Дербенью нѣсколько времени стоятъ и въ Дербень и въ иные мѣста, которые ходятъ туда и сюда и тѣмъ людямъ шкоду чинятъ и побиваютъ, то намъ подлинно вѣдомо».

Неудачи въ войнѣ съ Турціей заставили шаха обратиться къ Москвѣ; въ 1586 г. онъ прислалъ къ Ѳедору Ивановичу посольство съ предложеніемъ союза; въ грамотѣ шахъ писалъ: «чтобы государь былъ съ нимъ въ дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ, какъ были отцы и дѣды и прадѣды». А гонецъ шаховъ въ рѣчи говорилъ «по несчастію шахову недругъ его Турскій салтанъ города Дербень, Шамаху, Баку и иные города поималъ. И государь бы похотѣлъ съ нимъ быти въ дружбѣ и въ любви, и въ докончанье и въ соединенье и стоялъ бы противъ всѣхъ недрузей за одинъ и на вопчего бы не-

Видъ гор. Дербента въ 1796 году.

друга на Турсково салтана далъ въ помочь своихъ ратныхъ людей съ вогненнымъ боемъ, а ему было царскаго величества споможеніемъ тѣ города назадъ достать, а, доставъ, города Дербень да Баку государю поступится». Отправляя въ 1588 г. къ Германскому императору Рудольфу посла Луку Магнуса, царь велѣлъ сказать: «Персидцкій король проситъ у государя, царя и великаго князя на Турскаго помочи, ратныхъ людей съ вогненнымъ боемъ, и съ тѣми государевыми людьями, и съ своею съ великою силою хочетъ итти на Турского подлѣ моря Хвалимскаго къ тѣмъ городамъ, которые поималъ у него Турской салтанъ, къ Шемахъ, да къ Бакъ, а оттуда подъ славной городъ Дербень, который стоитъ межи горъ подлѣ моря Хвалимскаго, и доставъ тѣ города, хочетъ ихъ поступится государю, его царскому величеству». Преемникъ Худабенда, Аббасъ I Великій (1587–1628) продолжалъ переговоры съ московскимъ правительствомъ въ томъ же смыслѣ. Скоро послѣ своей вступленія на престолъ Персіи, Аббасъ, «со свойственнымъ, по выраженію Броссе, персіанамъ высококомѣрнымъ великодушіемъ», послалъ въ Москву посольство сообщить царю, что онъ уступаетъ ему не только Дербентъ и Баку, но и всю Ширванскую землю, если нашимъ усерднымъ содѣйствіемъ турки будутъ выгѣснены оттуда. Московское правительство было не прочь отъ союза, далее послало проектъ договорной грамоты; Аббасъ не разъ подтверждалъ свое обѣщаніе, но успѣхи, скоро одержанные имъ въ войнѣ съ Турціей, а также слабость Россіи въ то время, сдѣлали переговоры эти безплодными, и Дербентъ остался за Персією. Можно думать, что въ самомъ Дербентѣ, утомленномъ бѣдствіями отъ войнъ, существовала партія, желавшая присоединенія къ Россіи: въ 1597–99 гг. «выходили и съ турскихъ городовъ изъ Дербени изъ Шамахи русскіе полоненики въ Казбинъ городъ и говорили людьямъ посла Тюфякина, что армяня и бусурманя въ тѣхъ во всѣхъ городахъ жилецкіе люди говорятъ и жадаютъ всѣ, чтобъ имъ быти за великимъ государемъ нашимъ». Московское правительство, во время господства турокъ въ Дербентѣ, старалось съ своей стороны поддерживать хорошія отяошенія съ жителями города. Въ іюлѣ 1594 г. царь писалъ султану: «А вашего государства городамъ Дербени и Шемакъ и Бакъ и инымъ городамъ, которые ты, братъ нашъ, поималъ у Кизылбашскаго шаха, и людьямъ вашимъ тѣсноты и

убытка и задоровъ чинить не велѣно. А велѣно съ твоими брата нашего людьми, которые живутъ въ Дербени и въ иныхъ городахъ, жить въ любви и въ мирѣ и въ покоѣ».

Включеніе Астраханскаго царства въ составъ Россіи имѣло важныя послѣдствія и для торговли съ Востокомъ, преимущественно съ Персіей. На торговлю съ нею въ тотъ вѣкъ смотрѣли и на западѣ Европы, какъ на путь въ Индію чрезъ Россію. Эта надежда привела въ Россію предприимчивыхъ англичанъ. Въ 1552 г. въ Лондонѣ основалась компанія для открытія новаго пути въ Китай и Индію чрезъ сѣверныя страны, и въ слѣдующемъ году экспедиція компаніи начала торговлю съ Россіей чрезъ Бѣлое море. Въ 1557 г. явился къ царю одинъ изъ членовъ компаніи, Антоній Дженкинсонъ, предложившій открыть торговую дорогу Россіи въ Китай чрезъ Бухару. Въ 1558–59 г. Дженкинсонъ совершилъ свое первое плаванье по Каспію, изслѣдовавъ восточный его берегъ; онъ вывезъ убѣжденіе, что торговля въ этихъ странахъ невозможна, но въ то же время развѣдалъ о томъ, какъ завести торговлю съ Персіей. Поэтому въ 1561 г. Дженкинсонъ вторично отправился въ Россію и получилъ отъ царя позволеніе ѣхать въ Персію. 15 іюля 1562 г. онъ отплылъ изъ Астрахани и 4 августа прибылъ къ Дербенту. Дженкинсонъ сообщаетъ, что городъ лежитъ подъ 41° сѣв. шир.; это древній городъ, съ замкомъ внутри, построенный изъ бѣлаго камня, много похожаго на европейскій; стѣны его высокія и толстыя; онъ построенъ Александромъ Великимъ одновременно съ стѣною, которая шла отсюда до Тифлиса, но теперь разрушена; холмъ, на которомъ стоитъ городъ, называется Кастапе. Городъ находится подъ властью персидскаго шаха. 6 августа англичане сухимъ путемъ отправились въ Шемаху. Послѣ Дженкинсона было отправлено еще 5 транспортовъ съ англійскими товарами на Каспій; но убіеніе приказчиковъ, частое разграбленіе товаровъ, невѣрность уплаты въ этой торговлѣ, представлявшей опасности и на сухомъ пути и на морѣ, имѣли послѣдствіемъ совершенное ея прекращеніе въ 1581 году. Послѣднее плаванье совершилъ Вильямъ Барроу въ 1579–81 г. Отправившись изъ Астрахани 1 мая 1580 г., онъ въ концѣ мая сталъ на якорь у береговъ Ширвана, откуда сухимъ путемъ отправился въ Баку. Турецкій паша въ Баку далъ имъ конвой въ Дербентъ. Въ послѣднемъ паша принялъ ихъ очень ми-

лостиво; они просили у него позволенія торговать въ той странѣ свободно, но онъ имъ совѣтовалъ, по случаю войны, провести свое судно въ Дербентъ, гдѣ имъ удобнѣе будетъ продавать товары, и напротивъ того другіе себѣ закупать могутъ, въ чемъ онъ самъ наблюдать хочетъ; англичане исполнили совѣтъ паши. По словамъ Барроу, высота полюса въ Дербентѣ примѣчена по разнымъ наблюденіямъ $41^{\circ}52'$, а склоненіе магнитной стрѣлки 11° К W. Онъ мѣрилъ стѣны въ Дербентѣ, которыя оказались 9 футъ толщины, 28–30 ф. высоты. Гдѣ стѣны смыкались моремъ, тамъ считали они отъ стѣны до стѣны 160 геометрическихъ шаговъ или 800 футовъ. 22 сентября судно англичанъ прибыло въ Дербентъ и прямо передъ городомъ на $4\frac{1}{2}$ саж. глубины стало на якорѣ. Товары были перевезены въ садъ паши. Тамъ принуждены были англичане заплатить первую пошлину, отъ чего они при персидскомъ владычествѣ были освобождены. Брали у нихъ съ 25 штукъ по 1, т. е. по 4%. Потомъ выбралъ паша для себя, что было угодно, за что хотя онъ и платилъ шелкомъ сырцомъ, однако не такъ щедро, чтобы англичане были тѣмъ довольны. Вскорѣ оказалось, что не всѣ товары можно распродать въ Дербентѣ, почему часть ихъ отправлена въ Баку (на 1000 ф. с.). Въ мартѣ 1581 г. англичане вернулись въ Астрахань. Отказъ англичанъ продолжать торговлю на Каспій усилилъ торговлю русскихъ. Джилъзъ Флетчеръ, посоль Елисаветы въ Москву (1588), въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «О государствѣ русскомъ» (1591 г.), говоритъ: «Главные города въ Мидіи, гдѣ русскіе производятъ торговлю, суть: Дербентъ (построенный по словамъ тамошнихъ жителей, Александромъ Великимъ) и Шемаха, гдѣ находится складочное мѣсто шелка-сырца. На основаніи послѣдней грамоты, данной царемъ въ мою бытность, торговля съ Дербентомъ и Шемахою для вывоза отсюда шелка-сырца и другихъ произведеній этого края, равно какъ съ Персіею и Бухаріею, внизъ по р. Волгѣ и чрезъ Каспійское море, дозволена, какъ англійскимъ, такъ и русскимъ купцамъ».

Съ 1587 г. престоль Персіи занималъ Аббасъ I, какъ мы видѣли, окончившій войну съ Турціей возвращеніемъ и Дербента. Въ послѣднее время турецкаго владычества въ немъ, городъ находился въ довольно печальномъ положеніи: грузинскіе послы въ Москвѣ въ 1604 г. говорили, что городъ не довольно укрѣпленъ и имѣеть

очень малое населеніе. Въ 1606 г. Дербентъ былъ еще занятъ турками и имѣлъ гарнизонъ отъ 200 до 300 человѣкъ, большею частью туземцевъ. Когда въ этомъ году Баку сдался персіанамъ, дербентцы, хотя большею частью состояли въ турецкой службѣ, склонились на сторону Персіи. Главнымъ сторонникомъ ея былъ сынъ Шуадшаха Магомета Дербенти, отецъ котораго за услуги въ Ширванѣ состоялъ въ особой милости у шаха Тахмаспа. Въ то же время къ шаху Аббасу, стоявшему лагеремъ у Ганджи, прибылъ уцмій Каракайтакскій, вѣрный другъ Персіи. Аббасъ принялъ его очень милостиво и пожаловалъ ему Дербентъ. Жители послѣдняго послали къ уцмію и просили его прійти къ нимъ на помощь. Онъ появился съ 200 или 300 человѣкъ кайтагцевъ предъ городомъ, жители котораго открыто взяли сторону шаха, открыли ворота и впустили его. Гасанъ-Керъ, турецкій паша, предводитель турокъ, заперся въ цитадели съ 60–70 турками. Сынъ Шуадшаха Дербенти съ другими дербентцами и людьми уцмія поѣхали къ шаху, который принялъ ихъ милостиво и щедро наградилъ за оказанную услугу. Съ жителей Дербента были сложены недоимки, и шахъ даровалъ уцмію жалованную грамоту, въ которой онъ поощрялъ его къ дальнѣйшей службѣ Персіи и рекомендовалъ ему особенно заботиться о подвластныхъ. Для начальствованія въ Дербентѣ и для взятія Нарынъ-кале былъ назначенъ Минучеръ бекъ, а въ помощь ему были даны другіе начальники, какъ то Шахъ Насиръ бекъ Тевакуллу Джагатай, Шахъ Кули Султанъ Миръ Баятъ, Ниматулла Султанъ Мирсуфи и другіе. Возвратясь отъ шаха, они принялись за работы для взятія Нарынъ-кале; они провели рвы и ходы подъ башнею и валомъ и поставили осажденныхъ въ затруднительное положеніе. Гасанъ паша, понимая невозможность удержаться въ цитадели, послалъ сказать начальникамъ города, что если ему будетъ положительно обѣщана милость шаха, а равно и полная безопасность его самому и его людямъ, то онъ сдастъ замокъ и отправится къ шаху. Начальники города донесли объ этомъ предложеніи шаху, который прислалъ именной указъ, обѣщавшій Гасанъ пашѣ все, что онъ просилъ, и предписывавшій препроводить его самого къ шаху. Керъ-Гасанъ сдалъ замокъ. Получивъ въ свое владѣніе Дербентъ, Аббасъ произвелъ въ немъ цѣлый рядъ работъ съ цѣлью улучшить его оборону. Онъ выгналъ изъ города сунни-

товъ и поставилъ въ немъ сильный гарнизонъ изъ кизылбашевъ, какъ называли персидскихъ солдатъ, чтобы они держали въ повиновеніи живущихъ въ окрестностяхъ суннитовъ. Управление Дербентомъ онъ поручилъ Чрагъ-Султану Устаджглю, помощникомъ его былъ назначенъ Шахъ Назиръ бекъ. Зюльфикаръ хану были поручены работы по возобновленію стѣнъ города въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ обрушились, башенъ и вала и насыпкѣ проходовъ и рвовъ. Около этого времени, какъ рассказывали, однажды отправился караванъ изъ степи въ Ширванъ. Такъ какъ онъ прибылъ къ Дербенту ночью, то расположился на отдыхъ на сѣверной его сторонѣ, чтобы утромъ, когда будутъ открыты ворота, продолжать путь. Однако, когда утромъ привратники отперли ворота, каравана не было видно, и такъ какъ другого пути не было, то было очевидно, что онъ долженъ былъ пройти чрезъ простирающееся вплоть до города море, и что слѣдов. послѣднее, вслѣдствіе прибою ли волнъ, прилива или отлива, становится мелче и позволяетъ переходить въ бродъ, Аббасъ, узнавъ объ этомъ случаѣ и желая сдѣлать изъ Дербента одинъ изъ оплотовъ своего государства, поручилъ Канберъ беку Силихдарбаши Бійуклу соорудить на берегу моря большую башню въ концѣ того пространства моря, которое становится мельче, и соединить эту башню съ городскими стѣнами, чтобы такимъ образомъ сдѣлать невозможнымъ проходъ по морю. Аббасъ далъ ему достаточное число мастеровъ, которые выстроили на берегу моря большую башню и соединили ее съ городскими стѣнами. При постройкѣ этой башни рабочіе нашли на мѣстѣ, гдѣ послѣ искусственнаго отвода воды складывалась земля для новой башни, остатки какого то стараго зданія изъ камня, кирпича и желѣзныхъ скобъ. Исправивъ и мѣстами снова выстроивъ городскія стѣны, Аббасъ построилъ 2 стѣны и поперекъ города: одну въ срединѣ, а другую въ нижней его части. Всѣ эти работы производились мастерами, переселенными изъ Ирана. Сверхъ того Аббасъ переселилъ въ Дербентъ 400 семействъ Баятскаго племени подъ начальствомъ Фергатъ бека. Политика утвержденія власти посредствомъ переселенія племенъ внутренней Персіи была вообще свойственна шахамъ; такъ, Аббасъ же водворилъ въ Ганджѣ часть племени Каджаровъ. По распоряженію Аббаса, была проведена изъ горныхъ источниковъ въ средину города вода, устроены боль-

шой резервуаръ и 7 фонтановъ. Аббасу I, этому неутомимому строителю дорогъ и каравансараевъ въ Персіи, заботившемуся объ улучшеніи путей сообщенія и облегченіи торговли, принадлежить и на Кавказѣ большинство каравансараевъ, мостовъ и фонтановъ, хотя нужно замѣтить, что на Кавказѣ онъ не создалъ никакого новаго пути сообщенія.

Со времени Аббаса Великаго власть Персіи прочно укрѣпилась въ прикаспійскомъ краѣ, и прибрежный Дагестанъ съ Дербентомъ признаетъ надъ собою верховную власть персидскихъ шаховъ до присоединенія къ Россіи. Для управленія народомъ шахи назначали беглеръ-бековъ или губернаторовъ съ полною властью. Подъ ихъ начальствомъ находились другіе управляющіе, именовавшіеся по степени власти: управлявшіе округами и городами – ханами, султанами и меликами, управлявшіе небольшою частью изъ одной или нѣсколькихъ деревень – юзбашами. Персидскіе государи старались поддержать древніе роды и вообще высшее сословіе, безъ особой надобности не лишая ихъ должностей. Такимъ образомъ правители Дербента находились въ тѣсной зависимости отъ персидскаго двора; если иногда они выходили изъ повиновенія шахамъ и на короткое время становились самостоятельными, то тоже самое дѣлали и правители провинцій коренной Персіи, что происходило отъ слабости, шаткости и вообще дурной организаціи правительственнаго персидскаго механизма. Но вліяніе Персіи въ этихъ владѣніяхъ было рѣшительное. Здѣсь во всемъ брали образецъ съ Персіи; правительственныя учрежденія, общественный строй, цивилизація, нравы были персидскіе.

Въ XVII в. изъ правителей Дербента извѣстны Феррухъ-ханъ (до 1634–35 г.), Сіявушъ Султанъ и Шахъ Верди бекъ Устаджлю. Свѣдѣнія о нихъ и вообще о дербентскихъ дѣлахъ находимъ, хотя и въ отрывочномъ видѣ, въ актахъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Персіей, а также у нѣкоторыхъ путешественниковъ. Со времени шаха Аббаса I въ нашихъ дипломатическихъ документахъ Дербентъ именуется шаховъ городъ, а шахамъ придается титулъ: «персидской и ширванской земли начальникъ.» 9 июня 1614 г. астраханскіе воеводы писали: «Шахъ Аббасова величества дербеньской земли воеводѣ Магометъ Усейнъ Султану съ любовью поклонъ» и, извѣщая о восшествіи Михаила на престоль, о

водвореніи спокойствія въ Астрахани, о посольствѣ, отправленномъ царемъ къ шаху, о приглашеніи торговыхъ людей въ Астрахань, оканчивали: «И тебѣ бы шахъ Аббасова величества дербеньскіе земли воеводѣ отписать о томъ шахъ Аббасова величества отчины въ города, и ведѣти торговымъ людямъ ѣхати въ Астрахань со всякими товары, безо всякого опасенія, по прежнему, какъ было при прежнихъ великихъ російскихъ государяхъ». Грамоту эту отвозилъ боярскій сынъ Семень Шушеринъ, который, возвратясь, показалъ: «пріѣхавъ въ Дербень грамоту дербеньскому воеводѣ Магометъ Усейнъ Салтанову отдалъ; Салтанъ обѣщаль написать шаху и въ его города, Баку и др. Какъ Шушеринъ пріѣхаль въ Дербень, и дербеньской воевода Магометъ Усейнъ Салтанъ велѣлъ ему дати дворъ и кормъ поденній, а въ третей день велѣлъ ему быти къ себѣ въ городъ (въ цитадель). И какъ онъ пришелъ въ городъ, и ево, Семена, велѣлъ дьяку своему Хозе Веле беку встрѣтить передъ полатою. И какъ онъ шель въ полату и воевода противъ его всталъ. И какъ онъ, Семень, по наказной памяти про твое государево имя и здравіе сказываль, и воевода Магометъ Усейнъ Солтанъ твое государево имя и здоровье слушалъ, по своей мусульманской вѣрѣ, ставъ на колѣнкахъ, и выслушавъ твое царское величество обрадовался, а сказалъ, что они про твое царское величество давно о томъ, по своей, по бусурманской вѣрѣ, Бога молять, чтобы твоя государева царская рука возвысилась и землѣ бѣ твоей государевѣ далъ Богъ утверженіе и одиначество». Въ 1614 г. царь Михайлъ послалъ къ шаху пословъ Ивана Брехова и толмача Степана Афанасьева. Посольство получило въ Таркахъ конвой отъ брата шамхала. «И какъ они будутъ блиско шахова города Дербени, версть за пять, и поѣхали съ вѣстью напередъ въ Дербень, давъ два узденя. И дербентской Мамедъ Усейнъ салтанъ выслалъ противу ихъ голову стрѣльцаго Авали бека, съ нимъ человекъ со сто конныхъ людей, и онъ ихъ встрѣтилъ отъ города за полверсты. И октября въ 6 день съѣхался съ ними, учаль ихъ спрашивать: откуда де вы ѣдете и исъ которова города? И они говорили: ѣдемъ де мы съ Москвы, послалъ насъ государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с, къ брату своему, къ государю вашему, къ шахову в., о великихъ дѣлехъ. И онъ съ ними поѣхаль въ городъ и проводилъ ихъ до подворья, и гдѣ имъ стояти. И указаль имъ сына

боярсково, тому де у васъ велѣль салтанъ быти безотступно; что де вамъ надобно, и вы де приказывайте къ солтану съ нимъ.... И въ тотъ же день пришелъ къ нимъ приставъ ихъ съ кормомъ. А говорилъ имъ: велѣль де мнѣ вамъ говорить Маметъ Усейнъ салтанъ, чтобъ де вамъ съ нимъ видѣтца самимъ. И они говорили: будетъ салтанъ поволитъ, и мы съ нимъ видимся. И октября въ 7 день прислалъ салтанъ лошади, и они къ нему поѣхали. И какъ они пріѣхали въ верхней городъ, въ воротехъ поставлено человекъ съ 40 турошниковъ; а какъ пріѣхали къ салтану, а на дворѣ у него стоятъ человекъ съ 100 въ нарядномъ платьѣ безъ ружья.... И они пошли къ себѣ, и салтанъ ихъ началъ унимать; и они у него отпросились. И салтанъ за ними прислалъ съ столомъ на подворье. И октября въ 8 день отпустили ихъ изъ Дербени въ Шамаху». Въ 1615 г. царь послалъ въ Персію гонцами съ грамотою къ Аббасу сына боярскаго Григорія Шахматова да терского города толмача Ермолу. Пріѣхали они въ Дербень 26 мая. «И на завтрее де того, маія въ 27 день дербентской салтанъ позвалъ ихъ къ себѣ, и они де къ нему ходили, и пришедъ, говорили они ему по государеву наказу, что они посланы отъ великаго государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. къ брату его великаго государя, къ Аббасъ шахову в., съ его царскаго величества съ любовною грамотою о ихъ государскихъ о вопчихъ о великихъ дѣлахъ, и онъ бы, салтанъ, ихъ отпустилъ къ шаху, гдѣ нынѣ шахъ; не задержавъ, и подводы подъ нихъ, и кормъ, и пристава имъ, и провожатыхъ далъ. И салтанъ де имъ сказалъ: что де спешись, кабы де ѣдете съ смутными грамотами, ино де отпустятъ. А они де ему говорили: что онъ такое затѣйное слово говоритъ, что они ѣдутъ съ смутными грамотами? спешать они для того, чтобъ тѣ дѣла, о чемъ царское величество писалъ къ брату своему, къ шахъ Аббасову в., были вѣдомы вскоре, а въ его бѣ задержанъ въ томъ ихъ государскимъ вопчимъ великимъ дѣламъ какіе порухи не было. И салтанъ де имъ говорилъ, что онъ къ шаху отпустить, и держалъ ихъ въ Дербени пять день. А маія же въ 31 день дербенской салтанъ ихъ изъ Дербени отпустилъ, и пристава имъ далъ, а лошади далъ подъ нихъ свои; а кормъ велѣль имати его деревнямъ». Шахматовъ дорогою слышалъ, что шахъ собирается походомъ на грузинскаго царя Теймураза: «А въ Шемахѣ де и въ Дербени добрѣ крепятся и запасы запасають, а блюдутца

приходу грузинскаго Теймураза царя, а говорятъ въ Шемахѣ и въ Дербени: только де шахъ къ жимъ самъ не придетъ, и имъ отъ Теймураза быть всѣмъ повоеваннымъ». Въ 1618 г. воеводою въ Дербентѣ находимъ Бейгурду салтана или Берхардара салтана; въ этомъ году царское посольство къ шаху моремъ прибыло 18 августа «въ шаховѣ землѣ къ деревнѣ Низовѣ, а та деревня за помѣщики», которые на требованіе подводъ отвѣчали: «у насъ де подъ пословъ подводы, что съ насъ доведетца, готовы, а деревня Низова дербенскова уѣзда, и мы деи пошлемъ въ Дербень къ воеводѣ Бѣйгурда салтану, чтобы Бѣйгурда салтанъ прислалъ, а велѣлъ подводы и кормы собрати съ околныхъ деревень, а имъ деи деревнею одною пословъ не поднати и подводъ столко не собрати, и корму одною деревнею пословъ не прокормити. И августа въ 20 день изъ Дербени воевода Бѣйгурда салтанъ прислалъ дербенскихъ Усеинъ бека да Осанъ бека, а велѣлъ тотчасъ подводы собратъ и кормъ посламъ давати». Въ томъ же году шахъ увѣдомилъ Астраханскихъ воеводоу, «что послалъ есми нынѣ стольника нашего Хальбъ бека въ городъ Дербень для городской подѣлки», и проситъ оказывать ему помощь, если онъ обратится къ нимъ или самъ пріѣдетъ въ Астрахань, конечно, для закупки матеріаловъ для «городской подѣлки». Въ 1620 г. Берхардаръ салтанъ просилъ Терскаго воеводу, чтобы съ дербентскихъ купцовъ пошлины не брать; кажется, это не было исполнено. Въ 1623 г. пословъ царскихъ къ шаху, при проѣздѣ назадъ сухимъ путемъ изъ Персіи, не доѣзжая Дербени за полторы версты встрѣтилъ дербенской юзбаши, а съ нимъ бековъ человекъ со сто, да пѣшихъ людей человекъ съ пятьдесятъ. И ѣхали съ ними беки до двора, при выѣздѣ ихъ изъ города, Байгурда салтанъ провожалъ ихъ версты съ три самъ, а съ нимъ бековъ человекъ съ триста. Въ 1620 г. дербентскій султанъ Берхардаръ общалъ, что шахъ Аббасъ хочетъ пріѣхать въ Дербентъ. Въ 1629 г. былъ въ Астрахани гонецъ Аллаберды, котораго прислалъ дербенской Форукъ салтанъ, т. е. Феррухъ ханъ; въ 1641 г. въ Астрахани былъ гонецъ отъ дербентскаго Байрамъ салтана, который упоминается и въ 1646 г.

Въ 1623 г. Дербентъ посѣтилъ московскій купчина, гость Ѳедотъ Аѳанасьевъ Котовъ съ 7 товарищами, оставившій записки: «О ходу въ персидское царство и изъ Персиды въ Турскую землю и въ

Индію и въ Урмузъ». Изъ Астрахани моремъ онъ приплыль къ Дербенту, который такъ описываетъ: «А Дербень городъ каменный бѣлый, бывалъ крѣпокъ, только не люденъ, а стоитъ концемъ на горы, а другимъ концемъ въ морѣ, а длиною въ горы болши 3 верстъ, а поперегъ городъ перегороженъ каменными стѣнами въ 2 мѣстахъ, ино станеть 3 города; и сказываютъ, что еще того города море взяло башень съ 30, а теперъ башня въ водѣ велика и крѣпка, и отъ того города Дербеня стѣна была каменная чрезъ горы въ Черное море въ Турскую землю, а посады всѣ въ городѣ, а за городомъ башни отводныя каменныя. И отъ того города Дербеня подле море въ верхъ огорожена стоячими плитами каменными и тутъ лежатъ 40 человѣкъ, а басурманя сказываютъ и армяня, что тѣ русскіе 40 мученикъ святыя; а русскіе люди, кто ни ѣздятъ мимо, ходятъ къ нимъ прощатся, а иные и молебны поютъ 40 мученикамъ, а лежатъ по своимъ гробницамъ, и на нихъ по великому камню бѣлому, а рѣзана надпись, и никто тое надписи прочеть не умѣеть, ни бусурмане, ни армяня, ни турки, а надпись рѣзь велика, и тутъ надъ ними выросло 3 деревца». Котовъ прибавляетъ, что если стругъ съ товарами прибѣтъ къ берегу, то въ Дербентѣ берутъ съ торговыхъ людей пошлины.

Скоро послѣ наивнаго купчины, вѣрящаго въ 40 мучениковъ, Дербентъ посѣтилъ знаменитый ученый путешественникъ Адамъ Олеарій, оставившій описаніе города, а также давшій его видъ, послужившіе источниками почти для всѣхъ позднѣйшихъ писателей, говорящихъ о Дербентѣ. Герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій, Фридрихъ, желая завести прямую сухопутную торговлю съ Персіей, особенно шелкомъ, отправилъ въ 1633 г. пословъ, при которыхъ Олеарій былъ секретаремъ, къ царю Михаилу для испрошенія разрѣшенія на это. Посольство вернулось въ Готторгъ въ 1635 г. Тогда Фридрихъ отправилъ второе посольство въ Москву и Персію, въ которомъ Олеарій былъ не только секретаремъ, но и совѣтникомъ. Посольство, вступивъ 15 октября 1636 г. въ Каспійское море, должно было вслѣдствіе бури миновать Дербентъ, плыть далѣе вдоль персидскаго берега и искать пристанища въ 10 миляхъ за Дербентомъ у персидской деревни Ніазабатъ, которую «у насъ» называли Низовой. Здѣсь корабль посольства бросилъ якорь 13 ноября. Противъ Дербента и за нимъ болѣе чѣмъ на 6

миль тянется исключительно скалистый грунтъ, такъ что нельзя бросить якорь; и у самаго Дербента нѣтъ безопасной гавани, гдѣ бы можно было пристать и оставаться на долгое время въ безопасности. 15 ноября произошло крушеніе корабля посольства, которое должно было продолжать путь въ Шемаху сухимъ путемъ. «Тамѣстность, гдѣ мы выбросились на берегъ, называлась Мюскюръ; это была область и часть провинціи Ширвана или Старой Мидіи. Она простирается отъ Дербента вдоль Каспійскаго моря до Гиляна, заключаетъ въ себѣ 200 деревень и находится подъ управленіемъ дербентскаго султана или намѣстника Шахеверди-султана. Въ Шемахѣ жилъ ханъ или генераль-губернаторъ всей ширванской провинціи». 22 декабря двинулись изъ Нізабата. Въ Персіи посольство оставалось до конца 1637г.; 20 декабря с. г. оно покинуло Испаганъ и чрезъ Шемаху прибыло въ Дербентъ 7 апрѣля 1638 г. Здѣсь нѣсколько кизылбашей выѣхали къ посольству на встрѣчу и приняли его. Намѣстникъ Шахеверди султанъ не явился съ ними, такъ какъ, по ихъ словамъ, изъ за несогласія, возникшаго между нимъ и солдатами, онъ не смѣлъ выѣхать изъ замка. Описанію Дербента Олеарій посвящаетъ гл. 10 книги VI: «О городѣ Дербентѣ и о томъ, что здѣсь можно видѣть достопримѣчательнаго. Что касается города Дербента, то персы полагаютъ его подъ 85° долготы; ширину я опредѣлилъ здѣсь въ 41°50. Онъ тянется своими постройками въ длину съ З. на В. на полмили, а въ ширину съ С. къ Ю. отъ, однихъ воротъ до другихъ всего на 450 шаговъ. Онъ простирается отъ горъ до моря, такъ что волны иногда бьютъ высоко о стѣны, а то и ударяютъ въ нихъ сверху. Городъ этотъ такимъ образомъ замыкаетъ путь, идущій между моремъ и непроходимыми горами, и является здѣсь какъ бы ключемъ и «желѣзными воротами персидскаго царства. Никто не можетъ пройти въ этой мѣстности, не заходя въ этотъ городъ. Какъ не только о томъ сообщаютъ всѣ писатели, но какъ жители и теперь еще сообщаютъ, городъ построенъ Искандеромъ или Александромъ Великимъ. Имъ воздвигнуты, однако, лишь замокъ и одна стѣна, а именно южная, между тѣмъ какъ другая по сю сторону, къ сѣверу, была, по словамъ жителей, построена ихъ древнимъ достохвальнымъ царемъ Науширваномъ. Обѣ стѣны одинаково высоки и широки и сложены изъ мощныхъ квадратныхъ камней, объемомъ въ 4 и 6

кубических футовъ. На стѣнѣ Александра надъ воротами на длинномъ камнѣ были высѣчены 3 строки по сирійски, а въ другомъ мѣстѣ была арабская надпись и еще чуждыя письма, довольно неясныя вслѣдствіе древности. Я весьма точно срисовалъ городъ, чтобы его здѣсь воспроизвести. Въ немъ различаются три части. Высшая изъ нихъ, — это — замокъ на горѣ. Здѣсь живетъ намѣстникъ; эта часть была вооружена пушками и 500 солдатъ изъ двухъ племенъ: аюрумлу и койдурша. Средняя часть населена персами; позади она сильно опустошена, а именно собственнымъ же ихъ царемъ Эмиръ-Хемзе, сыномъ Худабенда, когда онъ вновь отнялъ ее у турки Мустафы, которому жители добровольно передались. Нижняя часть, длиною въ 2000 простыхъ шаговъ, совершенно лишена домовъ и имѣетъ лишь не много садовъ и пашень. Какъ они говорятъ, она была населена греками, вслѣдствіе чего и по сію пору именуется Шахеръ-Юнанъ — городомъ грековъ. Обѣ стѣны стоятъ на скалахъ, такъ какъ и все побережье у Дербента исключительно скалистое, такъ что корабельщикамъ здѣсь останавливаться неудобно и опасно. Повыше города чрезъ горы, лѣсистыя здѣсь, построена была стѣна толщиною въ три фута, которая, какъ говорятъ, тянулась на 50 миль въ сторону Понта. Въ иныхъ мѣстахъ она вся была скрыта, въ другихъ стояли еще остатки ея высотой съ колѣно или даже въ ростъ человѣка. Нужно удивляться, сколько труда пошло на обработку камней и на складываніе этой стѣны, а также городскихъ стѣнъ, которыя столь широки, что по нимъ можно ѣхать въ телегѣ. Помимо стѣнъ въ верхней части города были устроены на холмахъ еще многіе внѣшніе оплоты и особыя укрѣпленія. Изъ нихъ два ближайшія къ городу еще сохранили тотъ видъ, въ которомъ они построены, и заняты гарнизономъ изъ солдатъ; они возведены въ видѣ четырехугольниковъ, съ очень высокими стѣнами. Кромѣ того вокругъ города на холмахъ расположены построенные изъ дерева и досокъ сторожевые дома или караулки. Съ нихъ можно наблюдать окрестность и издали замѣтить подходящаго врага; въ данное время они были заняты стражею. Въ городѣ Дербентѣ нѣтъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые писатели, христіанъ, здѣсь живутъ лишь магометане и іудеи, писавшіе себя изъ колѣна Веніаминова. Здѣсь нѣтъ особой торговой дѣятельности, если не считать того, что татары достав-

ляютъ сюда много краденыхъ дѣтей, а также взрослыхъ турокъ и русскихъ для продажи; ихъ затѣмъ перепродаютъ въ Персію. Солдаты въ городѣ, а также и нѣкоторые изъ горожанъ, были люди отчаянные и дерзкіе, о которыхъ нельзя сказать добраго слова. Казалось, какъ будто они нарочно хотѣли насъ ввязать въ драку точно все еще со временъ Нізабата у нихъ сохранилась злоба. По этому 8 с. м. послы послѣ богослуженія произнесли слѣдующее увѣщаніе къ свитѣ: «необходимо тихо и мирно оставаться въ своихъ помѣщеніяхъ и подѣ страхомъ строжайшаго наказанія не вдаваться въ ссоры съ кизылбашами или горожанами, а еще того менѣе оскорблять ихъ. Если же, противъ ожиданія, окажется, что кто либо завяжетъ ссору съ персомъ, то пусть другіе ему не помогаютъ. Лучше пусть пострадаетъ одинъ, чѣмъ подвергнется опасности вся свита, какъ это было съ индійцами при прибытіи нашемъ въ Испанію. На здѣшнихъ жителей, какъ указалъ мехмандаръ и какъ и сами въ достаточной мѣрѣ могли замѣтить, нельзя было положиться». Среди остальныхъ достопримѣчательностей этого мѣста по ту сторону города расположено было мѣсто погребенія Джюмджума, о которомъ персы рассказывали слѣд. истинную басню, записанную поэтомъ Фезули. Рассказываютъ, что Исса (такъ персы и турки называютъ Господа Христа), проходя однажды этимъ мѣстомъ, увидѣлъ здѣсь черепъ мертвеца. Такъ какъ онъ желалъ узнать, что это былъ за человѣкъ, то онъ попросилъ Бога оживить его. Богъ услышалъ молитву Иссы (онъ много значилъ у Бога) и оживилъ человѣка. Исса спросилъ, кто онъ такой. Тотъ отвѣчалъ: «Я былъ Джюмджуме, богатый царь этихъ земель. У меня былъ пышный дворъ и всего было вволю; соли ежедневно уходило въ пищу – грузъ сорока верблюдовъ. У меня было 40000 поваровъ, 40000 музыкантовъ, 40000 мальчиковъ съ жемчужинами въ ушахъ, и столько же другихъ слугъ». (Когда мусульмане желаютъ назвать большую цифру, они, по примѣру своего Магомета, обыкновенно пользуются цифрой 40). Потомъ Джюмджуме спросилъ: А ты кто и какова твоя вѣра? Христосъ отвѣчалъ: «Я Исса и владѣю единою спасающею религіею». Джюмджуме сказалъ: «Въ такомъ случаѣ и я приму твою религію». Но въ то же время онъ попросилъ Иссу, что бы тотъ снова позволилъ ему умереть, такъ какъ, оставшись безъ страны и людей, какъ того легко было ожидать, онъ не хотѣлъ

болѣе жить. Послѣ этого Исса вновь позволилъ ему умереть, и онъ здѣсь похороненъ. На этой гробницѣ» недалеко отъ стѣны, стоитъ большое старое дерево и сложена изъ камня въ 5 локтей вышиною и въ 8 локтей діаметромъ площадка, въ родѣ сцены, къ которой ведутъ ступени. По сую сторону Дербента мы застали чрезвычайно много надгробныхъ и могильныхъ плитъ; ихъ было нѣсколько тысячъ штукъ; они были длиною болѣе человѣческаго роста, закруглены въ родѣ полуцилиндровъ, и выдолблены, такъ что можно было лежать въ нихъ; на нихъ были высѣчены ,арабскія и сирійскія письма. Объ этихъ могилахъ жители рассказывали слѣд. исторію. Жилъ будто бы въ древнія времена, однако уже послѣ Магомета, въ Индіи царь по имени Кассанъ, по происхожденію изъ націи «Окусь», живущей за Эльбурсомъ въ Табессерани, гдѣ теперь много іудеевъ. У него была ожесточенная борьба съ дагестанскими татарами, которыхъ они зовутъ лезги, въ этомъ самомъ мѣстѣ. Онъ побѣдилъ ихъ, убивъ нѣсколько тысячъ человѣкъ; могилы наиболѣе знаменитыхъ изъ убитыхъ онъ велѣлъ выложить могильными плитами такого рода и такой формы. Среди другихъ мѣстъ погребенія еще особое, окруженное стѣною, находилось въ сторону моря. Здѣсь лежали рядомъ сорокъ, подобныхъ огромныхъ надгробныхъ плитъ и были водружены многіе флаги. Персы называютъ это мѣсто погребенія – джилтенанъ, а турки и татары – керхлеръ. Здѣсь, какъ говорятъ, погребены 40 князей, святыхъ мужей, погибшихъ въ той же битвѣ; персы и татары ежедневно приходятъ сюда молиться. Прежде здѣсь учреждена была выдача богатой милостыни. Теперь же это мѣсто стережется лишь однимъ старикомъ, живущимъ здѣсь; онъ самъ живетъ милостынею отъ тѣхъ, кто приходитъ для посѣщенія могилъ. Царь Кассанъ, умершій позже своею смертію, похороненъ у Тавриза при р. Аджи («горькая вода»). Тамъ и теперь можно видѣть его гробницу. Мѣсто погребенія его супруги царицы Бурлэ показываютъ у крѣпости Уруми. Говорятъ, что могила въ 40 футъ длиною. Жители утверждаютъ, что эта прежняя нація отличалась людьми гораздо болѣе высокими и сильными, чѣмъ нынѣшніе. 13 апрѣля сюда прибыли 50 татаръ, мужчинъ и женщинъ. На слѣдующій день, 10 зилхаджэ, когда праздновалось жертвоприношеніе Авраама, они пришли къ керхлеру, чтобы по своему обычаю принести жертву.

Они шли другъ за другомъ, цѣловали надгробныя плиты, держали руки надъ ними и молились». 12 апрѣля посольство, которому султанъ ничего не доставлялъ, собралось въ путь, но 13-го, когда хотѣло уходить, султанъ велѣлъ запереть предъ нимъ ворота и объяснилъ, что онъ не можетъ выпустить ихъ безъ конвоя, ибо узналъ, что Осминъ (уцмій) хочетъ напасть на посольство, конвой же въ этотъ день не можетъ быть снаряженъ. По просьбѣ посольства, султанъ разрѣшилъ имъ выйти изъ города, когда оно обѣщалось подождать внѣ города до слѣдующаго дня, когда конвой будетъ готовъ. Послѣ этого ворота отворили, посольство прошло четверть мили за городомъ и расположилось рядомъ съ виноградникомъ, гдѣ небольшая рѣка образуетъ границу между персидскими и дагестанскими татарами. «Здѣсь мы встрѣтили гробницы еще двухъ мусульманскихъ святыхъ: одна изъ нихъ – Пиръ-Мухара – была въ полѣ, другая – Имамъ-Курхуда въ горѣ. Про Курхуда говорятъ, что онъ былъ другомъ Магомета, всегда держался у ногъ его, учился у него и прожилъ послѣ его смерти еще 300 лѣтъ. Онъ направился, какъ говорятъ, къ царю Кассанцу, игралъ передъ нимъ на лютнѣ и пѣлъ пѣсни, въ которыхъ убѣждалъ царя къ войнѣ съ лезгинами. Когда онъ предпринялъ обращеніе лезгинъ или дагестанскихъ татаръ, бывшихъ язычниками, и открыто сталъ среди нихъ проповѣдовать, они убили его. Его могила представляетъ большую пещеру, высѣченную въ скалистой горѣ. Гробъ его былъ сколоченъ изъ 4 досокъ; далеко назадъ, въ отверстіи, поднимавшемся на 2 локтя отъ земли, онъ представлялъ весьма бѣдное зрѣлище и былъ виденъ для каждаго. Въ предыдущій день я заходилъ туда, тщательно осмотрѣлъ все и не нашелъ никакихъ украшеній. Въ качествѣ хранительницы гроба сидѣла старуха. Но на этотъ день, когда происходило паломничество для принесенія жертвы, почва была выложена цыновками, а передъ отверстіемъ, гдѣ находился гробъ, повѣсили кусокъ золотой парчи. Изъ города издалека пришли многія женщины и дѣвушки, прошли босикомъ въ пещеру, цѣловали гробъ и садились на земь, чтобы помолиться о томъ, чего каждая изъ нихъ желала. Послѣ молитвы, онѣ жертвовали кое-что старухѣ, которая также считается святою и днемъ и ночью у гроба поддерживаетъ горящую лампаду. Жертвы состояли въ сырѣ, маслѣ, молоке, хлѣбѣ, деньгахъ, винѣ и т. п. Въ

теченіе всей слѣдующей ночи мы въ нашемъ лагерѣ слышали, какъ у этого мѣста погребенія, а также у мѣста погребенія сорока святыхъ, раздавался сильный крикъ, какъ бы отъ лицъ, которыя веселились, плясали, а то и выли. Получалось впечатлѣніе чего то языческаго и варварскаго. 14 апрѣля посольство, все таки безъ конвоя, оставило персидскую границу.

При преемникѣ Аббаса I, Сефи (1628–1642) между Персіей и Турціей снова вспыхнула война, во время которой опять возникъ вопросъ о Дербентѣ: въ 1639 г. царь Грузіи, Теймуразъ, писалъ Михаилу Ѳеодоровичу, что султанъ требуетъ отъ шаха Дербентъ. Въ томъ же году князь Волконскій, царскій посланникъ къ Теймуразу, прибылъ въ Дербентъ. Ему на встрѣчу вышелъ Джанаширъ Казакъ-бей, замѣнявшій султана, бывшаго тогда въ Баку. По совѣту его князь рѣшился ѣхать моремъ. Во время его пребыванія въ городѣ нѣсколько русскихъ плѣнныхъ, взятыхъ въ дѣтствѣ, получившихъ, благодаря принятію ислама, нѣкоторую свободу, просили князя о возвращеніи ихъ на родину и въ лоно церкви; князь добился выдачи плѣнныхъ. 20 іюня онъ прибылъ на берегъ, чтобы сѣсть на судно, но хозяинъ послѣдняго не хотѣлъ везти его даромъ, какъ обязался Джанаширъ; армянскіе слуги судовозяина похитили у него двухъ русскихъ плѣнныхъ изъ дворянской семьи Рязани, которые нашли убѣжище въ его палаткѣ; люди грузинскаго митрополита, бывшаго съ посольствамъ, подверглись столь дурному обращенію со стороны этихъ армянъ, что 25 числа замѣститель султана явился извиняться. 27 іюня Волконскій наконецъ сѣлъ на судно. На возвратномъ пути изъ Грузіи посольство было встрѣчено Казакъ-бекомъ, приказавшимъ проводить его до того мѣста, до котораго російскихъ пословъ всегда сопровождалъ конвой персидскаго шаха.

Въ 1651 г. ширваншахъ Хозровъ-ханъ вмѣстѣ съ дербентскимъ правителемъ и шамхаломъ воевалъ съ Россією; онъ ходилъ противъ русскихъ и нагаевъ, кочевавшихъ въ степи. Къ шамхалу было прислано ратныхъ людей изъ Шемахи 600 человекъ, да изъ Дербента 300 человекъ, съ ними 2 пушки; эти шемахинскіе и дербентскіе люди съ кумыками многихъ царскихъ ратныхъ людей побили и переранили, а иныхъ въ плѣнъ захватили, барагунскихъ мурзъ взяли себѣ, городъ Сунжинской сожгли, взяли лошадей съ 3000,

верблюдовъ съ 500, рогатаго скота до 10000 да овецъ съ 15000. Шахъ, на представленія нашего посла, отвѣчалъ, что это сдѣлано безъ его вѣдома, но только въ 1653 г. шемахинскій ханъ и иные ханы и солтаны, которые стояли съ ратными съ кизылбашскими людьми въ Дербентѣ, пошли отсюда къ себѣ и ратныхъ людей всѣхъ распустили. Минучаръ-ханъ, ширваншахъ (1657–61), ходилъ также изъ Дербента противъ уцмїа Кайтагскаго.

Въ 1668 г. въ Дербентѣ отразилось страшное землетрясеніе, постигшее Шемаху. Нѣкій Голоевъ сынъ, индѣецъ, 13 февраля 1668 г. писалъ въ Астрахань, что въ январѣ мѣсяцѣ, за часъ до свѣта, въ Шемахѣ было потрясеніе земли, «а въ Дербени по сіе время все здраво, дербентцы же всякихъ чиновъ люди изъ дворовъ своихъ вышли, и съ женами своими и съ дѣтьми живутъ за городомъ на поле». Въ одномъ турецкомъ письмѣ изъ Терковъ въ Астрахань о томъ же событіи говорится: «а на Терке въ пятнишный день трижды было потрясеніе земли, и никаковъ человекъ на мѣстѣ не устоялъ, и всѣ были внѣ ума, попадали на землю, да еще въ кизылбашехъ, и въ горахъ и Теркахъ и у Чепалова, что ни было дурна, все отставлено, и заповѣдь учинена накрѣпко, вина и пива и винограда и табаку не пить, а кто станетъ вино курить и табакъ держать, и тотъ будетъ казненъ смертью». Подъ кизылбашами, очевидно, разумѣлись дербентцы.

Стихійное бѣдствіе, постигшее прикаспійскій край, почти совпало съ бѣдствїями отъ Стеньки Разина. «Воровство» донскихъ казаковъ не было новостью на Каспійскомъ морѣ: воровали они въ іюль 1621 г., и въ 1641 г.; въ 1660 г. они снова явились съ цѣлью грабежа, такъ что мѣры противъ нихъ были приняты и въ Дербентѣ. Но всѣ эти грабежи уступаютъ тѣмъ, которые причинилъ Разинъ: въ 1668 г. его шайки отправились на стругахъ въ Каспійское море громить персидское государство и занимались этимъ болѣе года. Они страшно разорили берегъ между Дербентомъ и Баку; нѣсколько разъ они появлялись около Дербента и грабили его окрестности. Въ Азовѣ даже распространился слухъ, что казаки взяли его; дѣйствительно, есть извѣстіе, что они разорили нижній городъ или, лучше сказать, пространство между стѣнами на берегу моря, ибо самый городъ, сильно укрѣпленный, они взять не могли; тѣмъ не менѣе, конечно, дербентцы не мало понесли убытковъ отъ казаковъ.

Скоро послѣ этихъ событій въ Дербентѣ жилъ Іоганъ Стрюйсь, парусной мастеръ на кораблѣ «Орель», построенномъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ для плаванья по Каспію. Экипажъ корабля, стоявшаго въ Астрахани въ маѣ 1670 г., когда Разинъ окончательно поднялъ мятежъ, бросилъ судно и поплылъ въ море. Стрюйсь съ товарищами высадился на берегъ недоходя 5 миль до Дербента, были плѣнены людьми уцмїа и проданы въ рабство. Стрюйсь былъ проданъ сперва въ Эривань, а въ іюнѣ 1670 г. перепроданъ персіянину Гаджи Магометъ Салѣ за 25 абазовъ, уведшему его въ Дербентъ, гдѣ онъ торговалъ мареною и другими красивыми кореньями, не рѣдкими въ этой странѣ. Въ Дербентѣ было въ то время достаточное число армянскихъ купцовъ, торговавшихъ шелкомъ. Стрюйсь сообщаетъ о Дербентѣ: «Это первый городъ Персіи около Каспійскаго моря; онъ лежитъ подъ 41° 50', съ стороны суши, съ востока на западъ, онъ имѣетъ полъ мили длины и вдвое меньше ширины. Съ другой стороны море омываетъ его стѣны, и часто, въ бурное время, волны перебрасываются черезъ нихъ. Такъ какъ вся окрестная страна окружена непроходимыми горами, то этотъ городъ единственный входъ въ Персію, откуда его имя Дербента, т. е. ключа государства; также какъ Гамтонъ въ Индіи онъ называется Бендеръ, котораго слогі, хотя переставленные, имѣютъ тоже значеніе: деръ на мѣстномъ языкѣ означаетъ ключъ, а бенъ или бентъ – государство, страну, королевство. Каждый камень стѣны имѣетъ 5–6 футовъ въ діаметрѣ. Александръ Великій жилъ нѣкогда въ этихъ странахъ и приказалъ построить стѣны во время своего пребыванія. Отъ этой постройки сохранились только замокъ и южная стѣна; сѣверная же стѣна на цѣпи скалъ построена по приказанію Навуширвана, знаменитаго царя Мидїи. На одномъ мѣстѣ Александровой стѣны имѣется надпись сирійскими или арабскими буквами, которую мнѣ не могли прочесть. Обѣ эти стѣны необыкновенной высоты и соразмѣрной толщины. Городъ раздѣленъ на верхній и нижній, и пространство между ними образуетъ третью часть. Верхняя часть города расположена на горѣ, также какъ и замокъ, котораго гарнизонъ, во время моего пребыванія, былъ въ 1000 человекъ; замокъ хорошо снабженъ всякаго рода припасами; здѣсь же обыкновенно пребываетъ султанъ. Среднюю часть города занимаютъ персіяне; эта

часть въ очень плохомъ состояніи и наполнена старыми лачугами, которыя, можетъ быть, сохраняются въ качествѣ религіозныхъ реликвій, но которыя, на мой взглядъ, были бы болѣе умѣстны гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Нижняя часть города не обитаема; на разстояніи его длины – 1000 шаговъ – видны только сады и пахотныя земли; эту часть называютъ Скагеръ-юнанъ, т. е. городъ грековъ, почему можно думать, что здѣсь жили греки. Нѣсколько выше города видны остатки стѣны, которая шла къ Черному морю. На высотахъ, господствующихъ надъ городомъ, находится нѣсколько укрѣпленій, 6 изъ которыхъ обезпечиваютъ выходы для гарнизона и охраняются все время 30–40 человекъ. Сверхъ того на высотахъ видны развалины замковъ и другихъ строеній, доказывающіе что этотъ городъ процвѣталъ при древнихъ монархахъ мидянъ и персовъ. Вокругъ стѣнъ находятся высокія деревянныя башни, съ которыхъ обозрѣвается окрестность. Немного далѣе находятся гробницы первыхъ вождей арміи мидійцевъ, пораженныхъ татарами Дагестана въ правленіе царя Каззана. Эти гробницы образуютъ полукругъ и почти всѣ въ высоту человекъ. Ближе къ морю находится кладбище, окруженное стѣною, гдѣ есть 40 гробницъ, какъ говорятъ, святыхъ или принцовъ страны. По мѣстамъ на этой стѣнѣ водружены знамена, которыя видны издалека; ворота въ ней охраняются старикомъ, получающимъ милостыню отъ проходящихъ на богомолье. У персіянъ посѣщеніе этихъ гробницъ дѣло очень благочестивое, и это, кажется, единственное проявленіе благочестія у женщинъ. Такъ какъ входъ въ мечети имъ воспрещенъ, то богомоліе къ гробницамъ составляетъ единственный религіозный актъ, дозволенный имъ; и если бы мужья ихъ не учили, онѣ почти не знали бы своихъ религіозныхъ обязанностей. Всѣ жители Дербента мусульмане или евреи, ведущіе свое происхожденіе отъ Веніаминова колѣна. Торгуютъ евреи старымъ и новымъ платьемъ, продаваемымъ ими татарамъ Дагестана; нѣкоторые изъ нихъ продаютъ и покупаютъ по всей Персіи рабовъ. Въ Дербентѣ выставляютъ рабовъ въ извѣстные дни недѣли въ опредѣленныхъ для сего мѣстахъ. Ихъ раздѣваютъ и ощупываютъ, безъ различія пола, подобно тому, какъ ощупываютъ животныхъ до покупки ихъ. Положеніе рабовъ такъ печально, что нужно родиться варваромъ или туркомъ, чтобы смотрѣть на него безъ сожалѣнія; жизнью ихъ такъ

мало дорожатъ, что они каждую минуту находятся въ опасности ее потерять, особенно здѣсь, потому что въ виду характера мужей, быстрыхъ на рѣшеніе, ревнивыхъ и щепетильныхъ, бѣдный рабъ никогда не смѣется безнаказанно въ присутствіи ихъ женъ. Въ всякомъ другомъ подобномъ случаѣ они подвергались бы той же участи, если бы хозяева не боялись потерять своихъ денегъ; поэтому рабы обязаны жизнью ихъ скупости. Я имѣлъ счастье не попадать въ руки ревнивыхъ хозяевъ, и мой первый хозяинъ въ Дербентѣ былъ еще менѣ ревнивъ, чѣмъ другіе. Наоборотъ одинъ изъ его сосѣдей былъ такъ ревнивъ, что едва не лишилъ меня жизни. Въ этой странѣ въ обычаѣ, чтобы рабы спали на крышахъ домовъ; поэтому я проводилъ ночь на крышѣ дома моего хозяина, откуда я видѣлъ женъ ревниваго сосѣда, забавлявшихся между собою или съ нимъ во дворѣ; а такъ какъ забавы ихъ часто были сумасбродны, то онѣ часто посматривали на мою крышу, откуда, предполагали онѣ, я смотрю на нихъ. При этомъ подозрѣніи сосѣдъ разгорячился и однажды утромъ пришелъ къ моему хозяину и сказалъ ему, что я для раба позволяю себѣ слишкомъ много и забавляюсь бросаніемъ маленькихъ камешковъ, чего онъ не желаетъ терпѣть. Сознаюсь, что я иногда смотрѣлъ въ его дворъ, когда не могъ спать, но остальное была ложь. Мой хозяинъ сказалъ ему, что это показалось его женамъ. Показалось или нѣтъ, отвѣчалъ сосѣдъ, но или кладите его спать въ другомъ мѣстѣ, или я позабочусь его убаюкать. Предупрежденный объ этомъ хозяиномъ, я въ слѣдующую ночь хотѣлъ посмотреть, какія приняты мѣры, и увидѣлъ вокругъ двора нѣсколько ружей; изъ одного изъ нихъ выстрѣлили въ меня, но не попали. Но нужно сознаться, что какъ бы жестоко не обращались персіяне съ своими рабами, они все таки болѣе кротки и человѣчны, чѣмъ турки; и если иногда причиняютъ имъ зло, то это менѣ изъ жестокости, чѣмъ изъ желанія заставить перемѣнить вѣру. Большинство изъ персіянь гордо и тщеславно, и придаетъ большое значеніе своему древнему происхожденію; они ведутъ его отъ мидійцевъ, которыхъ слава и величіе извѣстны, по ихъ мнѣнію, всѣмъ. Но ихъ солдаты или кизылбаши совершенно невыносимы въ обращеніи; если имъ говорятъ нѣсколько словъ, которыхъ они не понимаютъ, они объясняютъ ихъ, какъ хотятъ, и часто такъ обижаются, что послѣ тысячи оскорбленій наносятъ

сотни ударовъ сказавшему ихъ; это я говорю по неоднократному грустному опыту.» Стрюйсь было снова проданъ Бираму Али, богатому купцу, торговавшему драгоценностями, и имѣвшему 5 женъ въ Дербентѣ и 4 въ Шемахѣ. Главная изъ нихъ была Алтина, дочь христіанина, похищенная въ дѣтствѣ татарами въ Польшѣ. Разсердившись на мужа за то, что онъ купилъ двухъ прекрасныхъ грузинокъ, 11–12 лѣтъ, и совсѣмъ отдался имъ, она предложила Стрюйсу бѣжать съ нимъ, но онъ отказался, боясь послѣдствій. Въ это же время два человѣка изъ экипажа «Орла» спаслись изъ Буйнака въ Дербентъ. Султанъ принялъ ихъ хорошо и помѣстилъ въ домъ, гдѣ съ ними хорошо обращались. Они жили здѣсь нѣсколько дней, послѣ чего, боясь, что расходъ на нихъ очень великъ, перешли въ другую гостиницу, гдѣ персіяне и индѣйцы доставили имъ средства къ существованію. Султанъ отказался выдать ихъ Буйнакскому владѣльцу, говоря; что всѣ голландцы свободны въ Дербентѣ, и что, как только они въ него вступаютъ, никто не имѣетъ на нихъ иикакихъ правъ. Стрюйсь сообщаетъ нѣсколько случаевъ, характеризующихъ отчасти жизнь въ Дербентѣ въ то время. Однажды лѣтомъ вмѣстѣ съ другими 50 рабами его послали рубить лѣсъ въ опасномъ мѣстѣ; имъ дали для переездки 2 арбы съ 4 быками, 2 ословъ и лошадь. Такъ какъ имъ угрожала опасность, то многіе изъ значительныхъ жителей города, для развлечения, отправились съ ними и расположились на высотѣ, откуда они все видѣли, будучи сами въ безопасности. Въ лѣсу на рабовъ напало болѣе 300 человѣкъ, которые отобрали у нихъ скоть, убили 12 человѣкъ изъ нихъ и ранили болѣе 20; остальные спаслись бѣгствомъ. Вокругъ города всѣ горы были наполнены ворами и разбойниками, которые дѣлали ихъ непроѣзжими; хотя султанъ часто посылалъ противъ нихъ войска, но бесполезно, такъ какъ разбойники прятались въ пещерахъ, вырытыхъ ими и входъ въ которыя незамѣтенъ. Такъ какъ все топливо въ городѣ доставалось въ горахъ, и это возлагалось на рабовъ, то ежегодно большое число ихъ гибло. На другой день послѣ приключенія въ лѣсу, Стрюйсь пасъ скоть своего господина около города; вечеромъ на него напали 3 разбойника, связали ему руки и увели съ коровами. Едва они прошли четверть часа, какъ встрѣтили 8 горожанъ, которые напали на разбойниковъ и убили ихъ.

Разказы Стрюйса о рабствѣ въ Дербентѣ подтверждаются и другими источниками. Посоль Михаилъ Ѳедоровича въ началѣ XVII в. показывалъ: «какъ они пришли въ Кизылбашскую землю и будутъ въ деревнѣ въ Низовой, ажъ ведутъ въ Дербени къ шаху полонениковъ русскихъ и литовскихъ людей 8 человѣкъ.» Арсеній Сухановъ въ 1651 г. нашель въ Дагестанѣ много русскихъ рабовъ. Нѣскольکو позднѣе выходець Ивашко Андреевъ сынъ Дербинъ, который вышелъ изъ полону изъ Дербени (1669 г.), въ разпросѣ сказалъ: «въ Астрахани де украли его татаровя и продали въ Кизылбашскую землю въ городъ Дербень тезику Максиму отцу его имени не въ годъ и тотъ де тезикъ поневолилъ его Ивана въ бусурманскую вѣру и женилъ, да при немъ же Ивашкѣ пришли въ Дербень изъ Турскіе земли выходцы русскіе люди осмнадцать человѣкъ, и дербентцы де тѣхъ выходцевъ разобрали по себѣ, а въ Астрахань и на Терекъ ихъ не отпустили де изъ Турской же земли отъ турчанъ, которые выходцы и съ отпускными съ письмы приходятъ въ Шемаху и въ Дербень, и Шемахинскій де ханъ изъ Шемахи и Дербенской салтанъ изъ Дербени тѣхъ выходцевъ русскихъ людей на Терекъ и въ Астрахань не отпускаютъ же и раздаютъ ихъ шемахинцамъ же и дербенцамъ въ холопство, да они жъ и русскихъ людей полонениковъ, кто у кого купить, и бусурманятъ неволею». Матросы, спасшіеся изъ Астрахани вслѣдъ за Стрюйсомъ, были захвачены людьми шамхала и проданы въ рабство въ Дербентъ по 100–150 абазовъ каждый. Еще въ 1717 г. «въ пограничныхъ персовъ городахъ отъ стороны царскаго величества,– въ Дербентѣ обрѣтается множество бусурманеныхъ неволею меретинцевъ». Мы видѣли, что Олеарій считаетъ торговлю рабами единственною торговлею Дербента, но это, конечно, не вѣрно, ибо мы знаемъ, что XVII в. торговля Россіи съ Персіей расширяется и крѣпнетъ, и видное мѣсто въ ней занимаетъ именно Дербентъ. Карамзинъ приводитъ свидѣтельство, относящееся къ XVII в., что *ex India, Persia, Arabia, Graecia, devehebantur merces Derendam, Caspii portum maris, hinc per mare istud et Wolgae fluviun ad urbem Moscuae*. Съ воцареніемъ Романовыхъ, возобновились торговыя сношенія Дербента съ Астраханью. Шахъ Аббасъ II въ 1664 г. дозволилъ русскимъ купцамъ торговать беспошлинно въ приморскихъ городахъ его государства. Персія имѣла выгоду въ развитіи этой торговли,

такъ какъ она могла получать товары изъ Европы только чрезъ Россію. Средоточіемъ персидской торговли была Астрахань, которая вела ее главнымъ образомъ чрезъ Дербентъ. Персидскіе купцы прибывали на государевыхъ бусахъ, приспособленныхъ къ морскому плаванью судахъ, которыя московское правительство держало для торговли по Каспію. Бусы приставали къ Дербенту и Баку, откуда купцы ѣздили въ Шемаху, гдѣ происходилъ главный торгъ персіянъ съ русскими. Главнымъ вывознымъ товаромъ изъ Персіи былъ шелкъ-сырецъ. Можно думать, что дербентскіе купцы производили значительный торгъ драгоценностями и ювелирными вещами (вспомнимъ хозяина Стрюйса): въ воеводской памяти (1646 г.) астраханскому стрѣлецкому сотнику о досмотрѣ товаровъ читаемъ: «а дербенцевъ, которые будутъ на тѣхъ бусахъ, распросить есть ли у нихъ узорочные товары, каменя, алмазы и яхонты и изумруды и лалы и тумпазы и запони и чепаи и окладни и перстни золотые». Вообще «шаховы персицкія области купецкіе люди кизылбашаи и армяне и кумычане и индѣйцы пріѣзжали съ шелкомъ сырцомъ и со всякими персицкими товары царскаго величества въ Московское государство и торговали тѣми товары на Москвѣ въ Астрахани». 31 мая 1667 г. была дарована жалованная грамота армянской компаніи на привозъ въ Россію шелка сырца, предоставлявшая подданнымъ шаха армянамъ. Степану Ромоданскому и Григорію Лусикову, привозить все количество шелка сухимъ путемъ и моремъ въ Астрахань. Во всей этой торговой дѣятельности Дербентъ игралъ видную роль, благодаря своему положенію, преимущественно транзитнаго пункта, особенно въ сухопутной торговлѣ. Къ сожалѣнію, послѣдняя была еще болѣе небезопасна, чѣмъ морская; если морской вредили отсутствіе удобной гавани въ Дербентѣ, бури и т. д., то на сухомъ пути караваны встрѣчались съвернѣ Дербента съ татарами Дагестана, которые не давали спуска путешественникамъ, если были сильнѣе ихъ. Голштинское посольство, состоявшее изъ значительнаго числа вооруженныхъ людей, двигалось отъ Дербента съ заряженными пушками и другими военными предосторожностями; но, конечно, не всѣ путешественники и караваны располагали такими средствами обороны. Акты XVII в. полны жалобами на грабежи татаръ; къ даннымъ, приведеннымъ выше, присоединимъ лишь

челобитную царю Троицко–Сергіева монастыря старца Арсенія Суханова на ограбленіе его въ Тарковскомъ владѣніи на возвратномъ пути изъ Іерусалима въ 1653 г. «Да въ Таркахъ, государь, шавкаль взялъ у меня грабежемъ шелку 97 ансырей шамахинскаго добраго краснаго, да лароговъ, и киндяковъ и всякій мѣлочи на 50 рублевъ». Сумма, по тому времени, не малая. Понятно, что торговля Дербента не мало страдала при такихъ условіяхъ сообщенія.

Къ концу XVII в. относится интересное извѣстіе, рисующее отношеніе Дербентскаго правителя къ Московскому государству и Шемахинскому хану. Интересно въ этомъ извѣстіи указаніе на армянскую деревню подъ Дербентомъ, вѣроятно, на южной сторонѣ, (не Молла-Халиль ли?, ибо Иванъ ѣхалъ изъ Шемахи), и на войну султана Дербентскаго съ сосѣдями; такія экспедиціи была, надо думать, не рѣдки. Въ 1669 г. астраханецъ Иванъ Исаевъ былъ посланъ проводить Макарія, патріарха Александрійскаго, до Шемахи; возвратясь, онъ показалъ: когда онъ, Иванъ, явился къ Дербентскому салтану съ листомъ шемахинскаго хана объ отпускѣ подводъ, салтанъ его къ себѣ пустить не велѣлъ, а листъ хановъ велѣлъ взять человѣку своему и, выслушавъ листъ, толмачу и солдатамъ подводъ дать не велѣлъ, а съ отказомъ выслалъ человѣка же, да и корму ему, Ивану, и государевымъ людямъ давать не велѣлъ же, и онъ Иванъ подъ толмача и подъ солдатъ до Тарковъ подводъ нанялъ. Да марта въ 16 день Дербентскій салтанъ прислалъ къ нему Ивану въ армянскую деревню стрѣльца и велѣлъ ему прислать въ Дербень для прочитанья астраханскаго листа подьячего и для провѣдыванья вѣстей прапорщика да осми человѣкъ солдатъ; и какъ де онъ Иванъ прапорщика и подьячего въ Дербень прислалъ и салтанъ де пустить ихъ къ себѣ не велѣлъ и изъ Астрахани никакова листа у себя не сказалъ, а высылалъ къ нимъ человѣка своего сказать, чтобы онъ Иванъ со всѣми государевыми людьми изъ армянской деревни ѣхалъ въ Дербень; а пока мѣста пріѣдутъ, оставилъ въ аманатѣхъ четырехъ человѣкъ солдатъ, и марта въ 20 день онъ Иванъ пріѣхалъ въ Дербень и ходилъ къ салтану, чтобы ему и государевымъ людѣмъ велѣлъ въ городѣ дать дворы, гдѣ стоять, а подъ пушечные припасы подводъ, на чемъ ихъ изъ деревни въ городъ привести. И салтанъ де его Ивана къ себѣ пустить не велѣлъ, а высылалъ человѣка своего и по его де сал-

танову приказу тотъ его человѣкъ, наругаючись надъ государевыми людьми, вмѣсто стоялыхъ дворовъ, отвелъ скотной пригонъ. И онъ де Иванъ съ государевыми людьми въ тотъ пригонъ стоять не пошелъ, и салтановъ де человѣкъ велѣлъ его Ивана держати нагостинѣ дворѣ за карауломъ одинадцать дней, а самъ де пошелъ на лезгинцовъ и на табаранцовъ войною. А мая въ 10-мъ да въ 16-мъ числѣхъ ѣздилъ онъ Иванъ изъ армянскія деревни къ Дербенскому салтану въ полкъ дважды на наемныхъ подводахъ, чтобы онъ ханъ изъ Дербени къ государевѣ бусѣ подъ пушки и подъ всякіе пушечные запасы, а изъ арменскіе деревни подъ бусные припасы велѣлъ дать подводы и отпустилъ бы его съ государевыми людьми въ Астараханъ безъ здержанія». Къ послѣднему году XVII вѣка относится донесеніе армянскаго агента Орія пфальцграфу Рейнскому: «Дорога въ Арменію между Чернымъ и Каспійскимъ морями проходитъ чрезъ Дамуръ-капа, т. е. Желѣзныя ворота, которыя между двухъ горъ. Персіяне владѣютъ ею».

Какъ мы видѣли, Россіи въ XVII в. представлялся случай включить въ свои владѣнія Дербентъ, но она была еще слишкомъ слаба, чтобы воспользоваться предложеніемъ Персіи, даже если оно было искреннимъ. Несчастливая экспедиція противъ шамхала въ 1604 г. доказала, что Россіи не подъ силу было бороться съ могущественными тогда Персіею и Турціею, и на цѣлыхъ сто лѣтъ задержала поступательное движеніе русскихъ на Кавказъ. Но съ XVII в. начинается упадокъ Персіи, между тѣмъ какъ Россія, благодаря гению Петра Великаго, становится могущественною державою и снова обращаетъ дѣятельное вниманіе на Востокъ. Поставленный на рубежѣ Персидской монархіи, составляя ключъ къ Закавказью, всѣ большія движенія къ которому въ XVIII в. совершаются чрезъ него, Дербентъ съ начала этого вѣка входитъ въ сферу историческихъ событій подъ сильнымъ вліяніемъ Россіи, даже на время становится ея владѣніемъ. Судьба Дербента въ это время такъ тѣсно связана съ событіями исторіи Персіи и Россіи, что, для уясненія ихъ, необходимо сдѣлать хотя самый общій очеркъ послѣдней въ первой половинѣ XVIII в.

Петръ Великія, напрягая всѣ силы, чтобы утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря, не спускалъ въ то же время глазъ съ Востока, ибо зналъ хорошо его значеніе для Россіи. Онъ ясно

понималъ близкія отношенія ея къ Востоку, понималъ тѣ средства, которыя долженъ доставлять ей Востокъ въ ея новой жизни. На Петръ лежала особая миссія: только что добытую цивилизацію и будущее ея развитіе перенести въ западную Азію и оплатить долгъ Западу за взятую у нея культуру, прививъ ея плоды къ древнему Востоку. Но, кромѣ того, Россіи надлежало идти дальше въ глубь Азіи, чтобы обезпечить себѣ занятое въ Европѣ положеніе. Къ религіознымъ и политическимъ интересамъ, влекшимъ Россію на Кавказъ съ XVI в., теперь присоединяется интересъ торговый, стремленіе обезпечить русскую торговлю въ прикаспійскихъ странахъ и сдѣлать Россію посредницею въ торговлѣ Востока и Запада. Въ Каспійскомъ морѣ Петръ видѣлъ истинное средоточіе или узелъ всей торговли Востока. Онъ думалъ обратить къ этому морю всю индо-европейскую торговлю, а для Персіи, центральныхъ азіатскихъ ханствъ, частей Малой Азіи и Закавказья это море было и безъ того торговымъ путемъ. Развитіе торговли съ Востокомъ, чрезъ посредство Каспійскаго моря, послужило бы къ обогащенію Россіи, къ развитію въ ней всѣхъ отраслей промышленности; Петръ хотѣлъ всецѣло воспользоваться этими выгодами, сдѣлавъ это море русскимъ. Такимъ образомъ персидская война Петра Великаго была вызвана съ одной стороны интересами торговыми, требовавшими занятія побережія Каспія, съ другой – интересами политическими, требовавшими занятія Кавказа и подчиненія Россіи горскихъ народовъ. Положеніе государства, господствовавшего въ то время на Каспійи, благопріятствовало планамъ Петра. Въ началѣ XVIII в. въ Персіи происходятъ безпорядки, скоро перешедшія въ анархію. Миръ-Вейсъ, наслѣдственный князь авганскій, открыто возсталъ, овладѣлъ Кандагаромъ и объявилъ себя ханомъ Кандагарскимъ. Шахъ Хуссейнъ I (1694–1722), беспечный и неспособный, «посрамительная жизнь» котораго была одною изъ причинъ безпорядковъ, тщетно посылалъ противъ него войска. На Кавказѣ власть шаха была также потрясена. Даудъ, челоуѣкъ «подлаго рода» изъ дербентской области Мушкура, сдѣлавшись главою шайки разбойниковъ, присвоилъ себѣ титулъ бека и вошелъ въ союзъ съ Сурхаемъ, ханомъ Казикумуха. Они взбунтовались противъ шаха, грабили Ширванъ и въ 1712 г. взяли и разгромили Шемаху, гдѣ русскіе купцы, изъ которыхъ многіе были убиты,

потерпѣли громадныя убытки до 4 мил. рублей. Отсюда они направились къ Баку, но были разбиты недалеко отъ него Дергахъ-Кули-бекомъ Дербентскимъ. Послѣ этого они не перестали разбойничать, такъ что къ 1719 г. заперты были всѣ пути ширванской торговли, пока Даудъ не былъ схваченъ и посаженъ въ Дербентъ подъ стражу. Послѣ погрома Шемахи шахъ Хуссейнъ, боясь отвѣтственности, отправилъ въ Петербургъ посла съ предложеніемъ заключить дружественный и торговый трактатъ. Желая ближе ознакомиться съ положеніемъ дѣль въ Персіи, Петръ въ 1715 г. отправилъ посломъ къ шаху подполковника Артемія Волынскаго, которому было поручено заключить съ шахомъ торговый трактатъ, а также требовать удовлетворенія за Шемаху; если бы шахъ отозвался невозможностью исполнить это требованіе, то Волынскій могъ предложить помощь Россіи. Доставя государю подробнѣйшія свѣдѣнія о состояніи Персіи, Волынскій предложилъ занять русскими войсками богатыя персидскія провинціи, лежащія подлѣ Каспія, иначе ими овладѣютъ авганцы и тѣмъ затруднятъ приведеніе въ исполненіе предположеній государя объ устройствѣ отсюда торговаго пути въ Индію, тѣмъ болѣе, что занятія прикаспійскихъ областей русскими желаетъ отчасти и самъ шахъ, тревожимый бунтовщиками. Петръ согласился съ мнѣніемъ Волынскаго и приказалъ готовиться къ войнѣ, которую ускорили событія въ Персіи. Миръ-Махмудъ, наслѣдникъ авганскаго бунтовщика Миръ-Вейса, въ 1720 г. пошелъ на Персію и одну провинцію за другою присоединялъ къ своимъ владѣніямъ. «Заподлинно доношу Вашему Величеству, писалъ въ началѣ 1720 г. «секретарь экспедиціи оріентальной» Ф. Беневени, что нынѣшнее персидское состояніе при великомъ разореніи стоитъ». Персія раздѣлилась на партіи; одни поддерживали Хуссейна, другіе – Миръ-Махмуда; Дербентъ стоялъ за перваго и признавалъ только его власть. Войска, выставленныя, по требованію шаха, дагестанскими владѣльцами, вмѣсто того, чтобы идти ему на помощь, стали дѣйствовать противъ него. Даудъ-бекъ, ушедшій изъ Дербента изъ подъ стражи, набралъ 1000 ч. войска, подъ видомъ службы шаху; соединившись съ Сурхаемъ въ Ширванѣ, онъ объявилъ, что они посланы отъ Бога избавить правовѣрныхъ отъ еретическаго персидскаго ига. Съ толпами стекавшихся приверженцевъ Сурхай

и Даудъ разгромили Ширванъ и наконецъ взяли и ограбили Шемаху (1721 г.). Даудъ-бекъ отдался, зная приготовленія Россіи, подъ покровительство Турціи, которая утвердила его ханомъ шемахинскимъ; за это Даудъ уступилъ ей провинціи по берегу моря, и Порта обѣщала прислать войско для защиты ихъ. Тогда опасеніе, что Турція утвердится на берегахъ Каспійскаго моря, побудило Петра ускорить походъ. Къ этому побуждали его и событія въ Персіи, гдѣ Миръ-Махмудъ осадилъ шаха Хуссейна въ Испагани; сынъ Хуссейна, Тахмаспъ, выросшій въ гаремѣ и также мало способный къ правленію, какъ и отецъ, былъ объявленъ послѣднимъ намѣстникомъ и успѣлъ удалиться изъ Испагани, чтобы дѣйствовать противъ Махмуда. Тогда Петръ, готовившійся къ походу не ранѣе, какъ въ 1723 г. *), рѣшилъ начать его тотчасъ по заключеніи мира съ Швеціей. Онъ приказалъ объявить Персіи, что походъ предпринимается лишь для наказанія бунтовщиковъ противъ шаха и разбойниковъ и обезпеченія торговыхъ интересовъ Россіи въ Персіи; о томъ же было сообщено Портѣ. Выѣхавъ 15 мая 1722 г. изъ Москвы, Петръ 15 іюня прибылъ въ Астрахань, гдѣ собиралась армія. Количество войскъ опредѣляется различно; тогда какъ по нѣкоторымъ иностраннымъ извѣстіямъ оно доходило до 106 т., по болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ оно простиралось отъ 52 до 40 т. человекъ. Въ Астрахани государь издалъ манифестъ на татарскомъ, турецкомъ и персидскомъ языкахъ, составленный княземъ Дмитр. Кантемиромъ, сопровождавшимъ царя съ небольшою типографіею восточныхъ шрифтовъ. Въ манифестѣ царь объявлялъ, что идетъ не на шаха, противники котораго будутъ признаны за враговъ Россіи, а на мятежниковъ противъ шаха и наказанія ихъ за грабежъ русскихъ въ Шемахѣ. 24 числа манифестъ былъ отправленъ съ поручикомъ Лопухинымъ въ Тарки къ шамхалу для рассылки въ Дербентъ, Шемаху и Баку. 18 іюля флотъ отплылъ изъ Астрахани. Событія похода, имѣющія непосредственное отношеніе къ Дербенту, будутъ изложены ниже. 4 октября государь вернулся въ Астрахань изъ похода, результатомъ котораго было занятіе Дербентской области, вслѣдъ за чѣмъ русскими войсками

*) Интересенъ анекдотъ о попугаѣ, разгласившемъ намѣреніе царя идти въ Персію, что онъ открылъ только Екатеринѣ и Меншакову (Русскій архивъ, 1883, I, 361).

были заняты Баку и Рештѣ. Успѣхи русскаго оружія встревожили Порту. Она заняла своими войсками Грузію, почти всю Малую Арменію и Шемахинское ханство и такимъ образомъ захватила значительную часть Персидскаго государства (1723). Даудъ-бекъ былъ назначенъ ханомъ Дербентскимъ, и ему въ знакъ власти были посланы знамена и лошадинные хвосты (бунчуки), которыми отличались въ Турціи паши первой степени. Въ то же время Порта издала манифестъ, въ которомъ излагала, что Дербентъ нѣкогда принадлежалъ Турціи, и приглашала русскихъ вывести войска изъ Дагестана и особенно изъ Дербента, который султанъ тѣмъ менѣе могъ оставить во власти Россіи, что въ немъ и въ настоящее время можно видѣть мечеть, которую построилъ нѣкогда одинъ великій визирь Порты. Въ Персіи дѣла между тѣмъ совершенно запутались. Миръ-Махмудъ, взявъ Испагань и овладѣвъ особою шаха Хуссейна и всѣмъ его семействомъ, провозгласилъ себя шахомъ; одинъ только сынъ Хуссейна, Тахмаспъ, находясь то въ Ардебилѣ, то въ Тавризѣ, представлялъ тѣнь законной власти. Желая удержать за собою престолъ Персіи хотя при помощи Россіи, онъ отправилъ въ Петербургъ посла Измаиль-бека для заключенія договора объ уступкѣ Россіи нѣкоторыхъ провинцій взаменъ оказанія ему помощи и поддержки. 12 сентября 1723 г. въ С.Петербургѣ былъ заключенъ трактатъ между Персіею и Россіею *), по которому, взаменъ помощи противъ бунтовщиковъ, «Его Шахово Величество уступаетъ Его Императорскому Величеству Всероссійскому въ вѣчное владѣніе города Дербентъ, Баку, съ всѣми къ нимъ принадлежащими и по Касійскому морю лежащими землями и мѣстами, также и провинціи Гилянъ, Мазондронъ и Астрабадъ, каковыя мѣста имѣютъ отъ сего времени вѣчно въ сторонѣ Е. И. В. Всероссійскаго остаться и въ его подданствѣ быть, которыя мѣста и провинціи Е. И. В. Всероссійское для того въ награду себѣ желаетъ, дабы оными содержать войско, которое Е. И. В. къ Е. Шахову В. противъ его бунтовщиковъ въ помочь посылаетъ, и для того также на содержаніе онаго войска отъ Е. Шахова В. денежное вспомо-

*) Окольничій передаетъ разсказъ, что, когда шаху доложили о мирныхъ условіяхъ Петра, онъ былъ такъ удивленъ ихъ скромностью, даже улыбнулся: «какой чортъ имъ въ этой соленой водѣ? Пусть же проклятые гяуры въ ней перетопятся», и приказалъ уступить требуемое пространство по берегу моря.

моженіе не требуетъ». Области, уступленныя намъ на бумагѣ, приходилось брать военною силою то у противниковъ Тахмаспа, то у его же приверженцевъ. При подобномъ положеніи дѣль Россія перестала особенно заботиться кому изъ претендентовъ достанется въ Персіи верховная власть и старалась, наблюдая за партіями, лишь укрѣпиться на южномъ берегу Каспійскаго моря. Однако въ трактатѣ съ Турціей, смотрѣвшей враждебно на утверженіе Россіи въ Персіи, заключенномъ въ Константинополѣ 12 іюня 1724 г., Петръ лишь подъ условіемъ поддержки съ ея стороны Тахмаспа согласился не препятствовать Турціи присоединить нѣкоторыя пограничныя съ нею персидскія области. Статья I этого трактата устанавливаетъ, между прочимъ, границу дербентскаго округа: «поелику, говоритъ она, лезгины ширванскіе, яко мусульмане, прибѣгли подъ протекцію Порты, и Порты, принявъ ихъ подъ протекцію, постановила надъ ними ханомъ Даудъ-бега и, снабдя его на сіе достоинство дипломомъ, опредѣлила мѣстомъ его пребыванія городъ Шамаху, и сіе ханство имѣть будетъ границы землямъ своимъ по опредѣленію обѣихъ сторонъ. Посему, имѣя добрые и исправные часы, ѣхавъ отъ Шамахи до береговъ Каспійскаго моря прямою дорогою среднею ѣздою, раздѣлитъ оное разстояніе на три равныя части, и начавъ отъ моря, на томъ мѣстѣ, гдѣ двѣ трети таковой часовой ѣзды кончатся, поставитъ (при дер. Мабурѣ) знакъ, и сіе разстояніе отъ моря до сего знаку да будетъ во владѣніи російскаго государя, а третья треть, отъ стороны Шамахи до того же знаку, да остинется подъ владѣніемъ помянутаго хана. Отъ города Дербента, состоящаго во владѣніи російскаго государя; ѣхавъ начавъ отъ берегу моря внутрь земли прямою дорогою, среднею же ѣздою и, отъѣхавъ 22 часа, поставитъ знакъ; и сіе разстояніе да останетъ подъ владѣніемъ его же, царя (черта эта была ведена вверхъ по р. Дарваху, верстъ около 75 въ горы), и съ другой стороны, начавъ отъ сего знаку, ѣхавъ прямою же линіею не совращая ее ни на право, ни на лѣво, къ вышеупомянутому въ границахъ ширванскихъ постановленному знаку 22 же часа, и то разстояніе внутрь земли да будетъ подъ властью Порты.» Въ скорости въ Персіи произошелъ новый переворотъ: вмѣсто Миръ-Махмуда 22 апрѣля 1725 г. шахомъ былъ провозглашенъ его родственникъ, свирѣпый Эшрефъ (1725–1729), скоро разбившій Тах-

маспа, у котораго осталась только провинція Мазандеранъ. Хотя Эшрефу и удалось разбить турокъ, но Порта заставила его уступить ей занятая ею персидскія земли, за что признала его законнымъ владѣтелемъ въ Испагани. Обративъ тогда свои силы на русскихъ, Эшрефъ явился въ Гилянъ, но былъ нами разбитъ. Имѣя въ виду миръ, заключенный съ нимъ турками, главный нашъ начальникъ въ Персіи, Левашевъ, также заключилъ съ нимъ 13 февраля 1729 г. въ Рештѣ договоръ, которымъ подтверждались за Россією обѣщанныя Тахмаспомъ территориальныя уступки. Аванцы соглашались на всевозможныя условія мира уже и потому, что Тахмаспъ сталъ одерживать военные успѣхи, благодаря появленію на сценѣ знаменитаго Надира. Когда шахъ Тахмаспъ, разбитый авганцами, укрывался въ Ферабатѣ, близъ Астрабата, къ нему явился (1727 г.) Надиръ-Кули съ 6 т. войска, предложилъ ему свои услуги и скоро пріобрѣлъ всю его довѣренность. Надиръ, родившійся въ 1688 г. въ Хорасанѣ, былъ туркменъ изъ поколѣнія авшаровъ, племени Кирклу; вступивъ въ службу Тахмаспа, онъ получилъ имя Надиръ-Али-хана или Тахмаспъ-Кули-хана. Въ 1729 г. онъ успѣлъ уничтожить всю армію Эшрефа и ввелъ Тахмаспа въ Испанганъ. По смерти Петра Великаго, персидская экспедиція, при немъ стоившая очень не много, стала обходиться чрезвычайно дорого; правительство Анны Іоанновны, видя только эту сторону дѣла, желало покинуть его при первомъ удобномъ случаѣ. Успѣхи Тахмаспа надъ турками и надъ внутренними врагами дѣлали излишнею помощь Россіи. Результатомъ такого направленія политики былъ трактатъ между Россією и Персією, заключенный въ Рештѣ 21 января 1732 г. Статью второю трактата, всѣ земли, взятые у Персіи, до рѣки Куры возвращаются ей, «о прочихъ же провинціяхъ и мѣстахъ персидскихъ отъ рѣки Куры, которыя во владѣніи Ея И. В. обрѣтаются, объявляется именемъ и указомъ Ея И. В., что Ея В. и оныхъ къ своему государству присовокупить не соизволяетъ, но обѣщаетъ ихъ такъ же возвратить во владѣніе Его шахова В. коль скоро въ томъ безопасность усмотрится, а именно, когда шахово В-ство непріятелей своихъ, которые нынѣ имѣются, изъ своихъ наслѣдныхъ провинцій выгонитъ, и въ спокойное владѣніе государство свое приведетъ,» предостерегая, дабы по скоромъ выступленіи изъ оныхъ російскихъ войскъ, не достались въ руки ша-

ховыхъ противниковъ, съ тѣмъ однакожь, что всѣ російскимъ оружіемъ завоеванныя и шаху возвращаемыя провинціи ни подъ какимъ образомъ въ другія державы отданы не были. Сверхъ того трактатъ выговариваетъ льготы и т. п. для русской торговли. Въ августъ того же 1732 г. Надиръ, вернувшійся изъ побѣдоносной-компаніи въ Кандагаръ, свергнулъ Тахмаспа съ престола, а его 8 мѣсячнаго сына Аббасъ-Мирзу провозглавилъ шахомъ подъ именемъ Аббаса III, и самъ, въ качествѣ векиля (правителя) государства, управлялъ Персіею. На его требованіе возвращенія всѣхъ завоеванныхъ ими персидскихъ земель турки начали войну и приказали крымскому хану отправить прямо чрезъ Дагестанъ и Дербентъ корпусъ турокъ и татаръ въ 25 т. человекъ, а потомъ отправиться самому также въ Ширванъ (1733), что привело насъ къ военнымъ дѣйствіямъ противъ крымцевъ и къ разрыву съ Турціей. Въ октябрѣ 1733 г. Надиръ около Багдада разбилъ на голову турокъ и сталъ наносить имъ вездѣ пораженія. Въ 1734 г. онъ взялъ Шемаху и сталъ требовать отъ Россіи возвращенія провинцій Персіи, остававшихся въ ея власти. Желая совершенно покончить съ Персіею и имѣя въ виду столкновение съ Турціей, русское правительство заключило 10 марта 1735 г. въ лагерѣ Надира при Ганжѣ трактатъ, содержаніе котораго было слѣдующее. Русская императрица, по великодушію и изъ желанія показать, что она не имѣла намѣренія ничего отъ Персіи за собою удержать, отдаетъ нынѣ же, и прежде времени, т. е. когда война у персовъ съ турками еще не была окончена, города Баку и Дербентъ со всѣми къ нимъ принадлежащими землями и деревнями по прежнему Иранскому государству и очиститъ какъ скоро время допустить можетъ выводу російскихъ войскъ изъ оныхъ, а именно городъ Баку и съ уѣздомъ въ 2 недѣли, а городъ Дербентъ съ уѣздомъ въ 2 мѣсяца, считая отъ заключенія сего трактата; а ежели случай допустить, и ближе того срока оныя очиститъ. Между Персіей и Россіей заключается союзъ. Баку и Дербентъ никоимъ образомъ никому не могутъ быть отданы. Обывателямъ сихъ городовъ, бывшимъ по подданству въ отправленіи службы російской, никакого за то истязанія не показывать. Также имѣющійся въ Дербентѣ монастырь грузинскій христіанскаго закона, оный да пребудетъ впредь во всемъ нерушимъ, и въ немъ отправленіе службы Божьей; ниже служителямъ въ

ономъ духовнаго и свѣтскаго чина, которыхъ не болѣе 6 человекъ быть имѣеть, никто никакого озлобленія учинить да не дерзаетъ. Такъ окончился великій планъ Петра Великаго, котораго его преемники не сумѣли оцѣнить. Въ 1736 г., послѣ смерти Тахмаспа и Аббаса III, съ которыми пресѣклось мужское поколѣніе династіи Сефи, Надиръ былъ провозглашенъ въ Испагани шахомъ и въ этомъ же году заключилъ съ Турціей въ Эрзерумѣ договоръ, по которому Порта признала его шахомъ и отказалась отъ всѣхъ завоеваній своихъ. Надиръ († 1747) не только возвратилъ Персіи всѣ ея потери послѣдняго царствованія Сефевидовъ, кромѣ одного Багдада, но и покорилъ Афганистанъ, Кабуль и Кандагаръ (1737), дошелъ до Лагора, разбилъ армію великихъ моголовъ и въ мартѣ 1739 г. разграбилъ Дели.

Прослѣдимъ теперь участіе Дербента во всѣхъ вышеуказанныхъ событіяхъ. Ослабленіе Персіи при послѣднихъ Сефевидовъ, начавшееся послѣ смерти Аббаса Великаго, выразилось между прочимъ въ фактъ усиленія власти областныхъ правителей. Въ Дербентѣ, какъ мы знаемъ, шахъ ставилъ главнымъ начальникомъ султана; соединявшаго въ своихъ рукахъ всю совокупность власти, а подъ нимъ былъ наибъ, въ качествѣ коменданта города. Въ началѣ XVIII в. въ управленіи султана находились городъ Дербентъ и собственно его область или провинція, простиравшаяся къ югу на 30 в. до р. Самура, къ западу на 5–8 в. до Табасарани и на сѣверъ на 15 в. до владѣній уцмیا или до р. Дарваха, которою Ширванъ отдѣлялся отъ Дагестана, области Бармакъ, Шабранъ, Низабатъ, Мушкуръ, Рустау, надъ которыми султанъ ставилъ своихъ правителей (наибовъ, дарговъ, юсбашей и т. п.) и собиралъ съ нихъ доходы. Такъ Шабранъ управлялся наибомъ, Мушкуръ-даргою, отправлявшимъ султану доходы съ Низабатской провинціи. Доходы султана состояли изъ десятины съ пшеницы, риса и прочихъ хлѣбовъ, пятинны съ шелку. За быка, ходившаго въ плугу, хозяинъ платилъ по полтинѣ. За пастбу скота въ зимнее время, смотря по величинѣ отводимого участка, платили отъ 50 до 10 р. На нѣкоторыя деревни, взамѣнъ другихъ налоговъ, возложена была обязанность доставлять ученыхъ соколовъ. Денежные штрафы за проступки и мелкія преступленія доставляли также значительный доходъ султану; эти штрафы отъ 5 р. доходили до 100 р. и накладывались сул-

таномъ и его чиновниками. Въ пользу султана проѣзжавшіе чрезъ Дербентъ платили извѣстную пошлину за входъ и выходъ. Жители города составляли конное и пѣшее ополченіе, которымъ командовалъ наибъ.

Въ самомъ началѣ XVIII в., именно въ 1703 г., мимо Дербента моремъ проѣзжалъ Брюинъ, давшій такое описаніе его: «Городъ расположенъ на берегу и показался мнѣ имѣющимъ около мили съ половиною въ окружности. При спускѣ съ горы, со стороны моря, онъ защищенъ каменною стѣною о 3 воротахъ, изъ которыхъ только одни отпираются. Цитадель соединяется съ городомъ, на право отъ котораго виденъ колодець съ подземнымъ родникомъ, поднимающимся довольно высоко. Этотъ городъ хорошо снабженъ пушками, и такъ какъ очень высоко расположенъ, то хорошо виденъ съ моря со стороны моря. Большинство камней цитадели $7\frac{1}{2}$ локтей длины, $5\frac{1}{2}$ – ширины, и хорошо отесаны по древнему. Поэтому персіяне предполагаютъ, что городъ существуетъ со времени Александра Великаго. Близъ него находится 40 надгробныхъ камней, которые длиною около 15 локтей и $2\frac{1}{2}$ шириною; тутъ же нѣсколько водопоевъ, большой столъ и скамейка. Гора Дербентъ, вся скалистая, имѣетъ множество источниковъ прѣсной воды также, какъ и городъ. Тѣ, которые здѣсь еще не бывали, вынуждены давать на выпивку матросамъ, по старинному обычаю, иначе они угрожаютъ окунуть въ воду, что иногда и дѣлаютъ. Въ разстояніи дня пути отъ Дербента живутъ пираты, называемое кѣралѣкъ, и русскіе казаки часто соединяются съ ними, чтобы плавать по морю и грабить всѣхъ встрѣчныхъ».

29 августа 1715 г. Волынскій, на пути въ Персію, прибылъ къ Дербенту, о которомъ англичанинъ Бель, бывшій въ его свитѣ, говоритъ: «Поздравили мы крѣпость изъ девяти пушечныхъ выстрѣловъ, но жители ея не соотвѣтствовали намъ, не имѣя конечно привычки къ учтивостямъ сего рода. Городъ сей многолюденъ и порубеженъ къ Россіи. Укрѣпленъ онъ по старинному крѣпкою изъ тесанныхъ камней стѣною, которая простирается съ верха горы до самаго берега; такъ что никакая армія не можетъ тутъ пройти, выключая нагорныхъ жителей и татаръ, которые вездѣ себѣ дорогу пролагаютъ. Какъ Дербентъ есть весьма важное мѣсто, то не оставлено ничего, дабы привести оное въ состояніе чинить

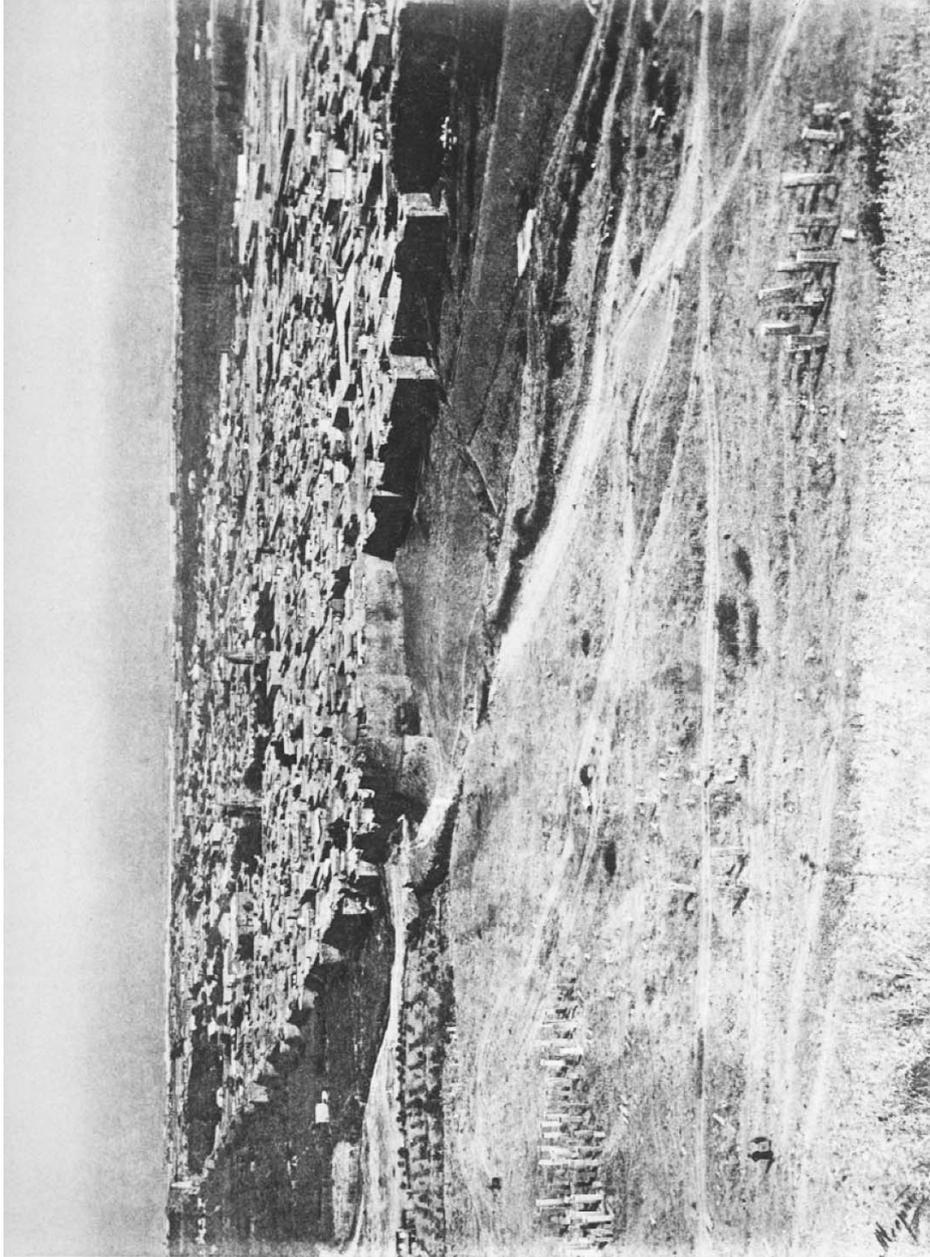
сильнѣйшее сопротивление. Находится тамъ сильный гарнизонъ подъ командою у градоначальника, который избирается ханомъ или губернаторомъ шемахійскимъ, управляющимъ ту провинцію. Персіяне думаютъ, что городъ сей построенъ Александромъ Великимъ. Обрѣтаются подлѣ онаго нѣкоторыя древнія достопамятности; и между прочимъ большіе камни, на коихъ есть надписи, коихъ писмена неизвѣстны». Тотъ же Бель въ описаніи похода Петра, въ которомъ онъ принималъ участіе говорить: «Думаютъ персы, что сей городъ построенъ и укрѣпленъ Александромъ Великимъ. Сіе преданіе не столь достоверно, чтобы можно было на оное положиться; но съ вѣроятностью можно полагать, что онъ весьма древень. Крѣпость, стѣны и ворота городскіе сдѣланы во вкусѣ европейскій архитектуры и совершенно хорошо выстроены. Крѣпость построена на самомъ возвышенномъ мѣстѣ города, со стороны матерья земли. Городскія стѣны сдѣланы изъ большихъ четверугольныхъ камней и простираются до самого моря, въ которое набросано въ семь мѣстъ множество камня, чтобъ заградить приваль судамъ съ сея стороны. Пристань городская столь песчана, что самыя малыя суда съ трудомъ могутъ въ оную входить. Дербентъ можно почитать ключемъ въ Персію съ сея стороны; способенъ онъ также для держанія въ обузданіи нагорныхъ жителей и другихъ сосѣдственныхъ народовъ. Положеніе онаго самое пріятное; вывышается онъ въ образѣ амфитеатра отъ самого моря до вершины горы, и высится надъ всею лежащею въ юговостокѣ странною. Находится около тридцати миль въ поддень отъ города самая высочайшая изъ всѣхъ въ Персіи гора, называемая Шахъ-дагъ, и за всегда покрыта лежитъ снѣгомъ. Въ восточной сторонѣ города множество находится виноградень, коихъ вино можетъ стоять многіе годы, когда оное, наливъ въ глиняные сосуды, зароютъ въ землю. Находятся также въ здѣшней окрестности плодоносныя поля, и въ нѣкоторомъ разстояніи отсюда растеть большой лѣсъ, состоящій изъ каштановыхъ, дубовыхъ и прочихъ деревъ. Какъ мѣсто сіе весьма есть важно, то персидскій Софи ввѣрилъ онаго храненіе самому знатнѣйшему человѣку».

Въ маѣ 1719 г. прибылъ къ Дербенту лейтенантъ Федоръ Соймоновъ, отправленный Петромъ Великимъ для описанія западныхъ береговъ Каспія: «Покатое положеніе г. Дербента къ морю,

по которому весьма удобно было оное осмотрѣть съ судовъ, подало поводъ г-ну Соймонову, чтобы сочинить проспектъ сему городу и около лежащимъ странамъ, въ коемъ очень ясно представилъ онъ тѣ три отдѣленія, которыми раздѣленъ Дербентъ на верхній, средній и нижній городъ. Онъ также примѣтилъ тамъ высоту полюса на $42^{\circ} 6'$, а Олеарій нашелъ токмо $41^{\circ} 5'$ и Христофоръ Бурро — $41^{\circ} 52'$. Тогда былъ нижній городъ еще пусть, какъ во время Олеарія. Кромѣ садовъ ничего въ немъ не имѣлось. Около города видны были многія деревни, и по обѣимъ сторонамъ города оказались могилы съ великими надъ оными поставленными бѣлыми камнями, которые издали яко войско очамъ представлялись. Сады были наполнены плодами, яблоками, грушами, сливами, персиками, смоквами и пр. Виноградъ вился по деревьямъ, на полѣ сѣяли сорочинское пшено, пшеницу, ячмень и много шафрану. Позади Дербента казались внутри земли высокія непроходимыя горы».

Отправленный въ то же время царемъ въ Персію и Бухару «секретарь экспедиціи оріентальной» Флоріо Беневени сообщаетъ кое что о дѣлахъ дербентскихъ. 1 іюля 1720 г. изъ Шемахи онъ доноситъ, что керельскіе деревенскіе жители забунтовали противъ кызылбашей въ уѣздѣ Дербентскомъ, потомъ, всѣ вмѣстѣ собравшись, на Шавранъ городъ напали и взяли; султанъ Дербентскій, который за день прибылъ изъ Дербента съ войскомъ, чтобы усмирить бунтовщиковъ, едва съ шестью изъ своихъ людей спасся въ Баку. Интересно его донесеніе отъ 25 мая 1721 г., показывающее важное значеніе Дербента; онъ пишетъ, что шахъ хотѣлъ отправить въ Россію посломъ нѣкоего Хафис-бея, жившаго прежде въ Астрахани, «и понеже человекъ не великаго роду и чину, султаномъ Дербентскимъ титуловать хотѣли».

Въ 1720 г., бѣдственнымъ для шаха Хуссейна, дербентцы, хотя державшіе сторону его, выказали себя болѣе практичными людьми, чѣмъ патріотами. Шахъ послалъ въ Дербентъ полковника своей гвардіи Миръ-Махмуда съ деньгами и подарками для шамхала и уцмія, которымъ былъ посланъ указъ собирать войска на помощь шаху. Но какъ ихъ не хватило, то Махмудъ принужденъ былъ еще занять въ Дербентѣ. Когда же въ Испагани произошла перемѣна, и заплатить было некому, то Махмудъ былъ задержанъ

Видъ г. Дербента отъ цитадели съ сѣверной стороны.

въ Дербентѣ. Послѣ взятія Шемахи Даудомъ въ 1721 г., султанъ Дербентскій, какъ мы видѣли, бѣжавшій въ Баку, опасаясь враждебныхъ дѣйствій съ его стороны, удалился въ Испагань, оставивъ начальникомъ въ Дербентѣ наиба Имамъ Кули бека изъ племени Курчи (шіитскій родъ Курчи считалъ въ Дербентѣ до 400 дымовъ и составлялъ прежде ханскую гвардію). Онъ стойко защищалъ Дербентъ отъ покушеній противъ Хуссейна, и съ радостью принялъ манифестъ Петра, возвѣщавшій скорую помощь.

27 іюля царь Петръ съ арміею высадился на Аграханской косѣ, откуда 5 августа было приказано капитану фонъ Вердену отправиться съ флотиліей прямо въ Дербентъ. 6 числа наибъ Имамъ-Кули прислалъ нарочнаго гонца засвидѣтельствовать царю свое удовольствіе по поводу высадки русскихъ и потому, что будутъ пользоваться покровительствомъ императора. 12 августа войска начали подходить къ Таркамъ и къ 15 числу собрались здѣсь всѣ; въ этотъ промежутокъ времени было получено изъ Дербента 15 писемъ съ извѣстіемъ, что манифестъ царя былъ принятъ съ большою радостью, и что жители съ удовольствіемъ отдадутся ему, какъ только онъ прійдетъ съ арміею. Братья Ольсуфьевы въ письмѣ къ Меншикову изъ Тарковъ 14 августа сообщаютъ: «Изъ Дербента отвѣтствуютъ на посланные его величествомъ универсалы зѣло изрядно и просятъ милости о оборонѣ на противныхъ и желаютъ въ чемъ бы услужить». Въ Таркахъ же царь принялъ депутатовъ отъ наиба, поручавшаго себѣ его покровительству противъ мятежниковъ и поздравлявшаго съ прибытіемъ. Въ отвѣтъ на это; чтобы поддержать наиба въ такомъ настроеніи и уговориться съ нимъ о приѣмѣ, государь послалъ въ Дербентъ полк. Наумова съ поручикомъ и 12 казаками. Онъ подошелъ съ суши къ Дербенту въ то самое время, когда съ моря подошла флотилія Вердена. Послѣдній, зная дурныя свойства дербентскаго рейда, рѣшилъ пройти 2 мили къ югу къ устью р. Милукента (Рубаса), гдѣ грунтъ лучше, и стать тамъ на якорѣ. Сюда Наумовъ прислалъ просить его къ себѣ; Верденъ, будучи боленъ, послалъ Соймонова. Дѣло состояло въ томъ, что наибъ, не будучи совершенно увѣренъ въ жителяхъ и желая предупредить съ ихъ стороны всякое сопротивление, просилъ Наумова занять карауломъ двое изъ городскихъ воротъ; сѣверныя и морскія. Такъ какъ у Наумова было слишкомъ

мало солдатъ, то онъ просилъ Соймонова высадить свободныхъ людей съ флотиліи. На судахъ нашлось два капральства драгунъ, которые и были высажены и заняли караулы у воротъ; а флотилія снова подвинулась къ Дербенту. Наибъ относился къ русскимъ офицерамъ весьма предупредительно и подчивалъ ихъ великолѣпно. Люди съ судовъ свободно сходили на берегъ въ городъ ежедневно и могли запасаться всѣмъ необходимымъ. Къ счастью, не было сильныхъ вѣтровъ, и флотилія безопасно и спокойно стояла противъ города.

Выступивъ 16 августа изъ Тарковъ, государь въ дорогѣ получилъ извѣстіе чрезъ посланца изъ Дербента о готовившемся нападеніи уцмія и другихъ на русскій лагерь; 22 августа армія переправилась чрезъ р. Бугамъ и стала лагеремъ на р. Дарвахъ, куда, по словамъ Брюса, пришелъ наибъ съ большею свитою, чтобы привѣтствовать государя съ счастливымъ прибытіемъ и, пожелавъ счастья въ этихъ странахъ, себя и весь городъ предложить подъ защиту отъ Миръ-Махмуда. 23 числа Петръ, верхомъ во главѣ своей арміи, двинулся къ Дербенту. За версту отъ города его встрѣтилъ наибъ съ большимъ числомъ знатнѣйшихъ жителей и, павъ на колѣни, поднесъ государю 2 серебряныхъ ключа на серебряномъ блюдѣ, покрытомъ богатою персидскою парчею, и произнесъ рѣчь: «Чрезвычайно радостно ему и всѣмъ жителямъ Дербента, что Его Величества Великій Императоръ Всероссійскій пришелъ для принятія ихъ въ свое покровительство. Городъ, хотя и построенъ, по нынѣшнему состоянію персидскими царями, но онъ имѣетъ свое начало отъ Александра Великаго, потому что еще многіе находятся остатки, кои такое безспорно доказываютъ. Для того есть пристойное и справедливое дѣло, что городъ предается во власть не меньше великому монарху, который обѣщался защищать оный отъ всѣхъ грабительскихъ нападеній бунтовщиковъ. Того ради, почитая себя за честь быть вѣрноподданными Великаго Императора, тоже съ уничиженіемъ засвидѣтельствуютъ чрезъ поднесеніе ключей отъ города; причемъ они всеподданнѣйше себя препоручаютъ милости и покровительству Его Императорскаго Величества» *). Принявъ ключи и обласкавъ милостиво наиба и

*) По словамъ Брюса и нѣкоторыхъ другихъ, были поднесены золотые ключи

жителей, государь съ арміей двинулся къ городу, у воротъ котораго его ожидала новая торжественная встрѣча. У городскихъ воротъ выстроилась мѣстная обывательская пѣхота со знаменемъ подъ ружьемъ, стояло духовенство съ преклоненнымъ Алиевымъ знаменемъ и множество народа. Импозантная личность геніальнаго преобразователя Россіи, изученіе дѣлъ котораго, хотя бы въ самой малой ихъ части, невольно вызываетъ восторженное преклоненіе, не могло не поразить воображенія восточныхъ людей, и вотъ создавалась легенда о встрѣчѣ его не только народомъ, но и самою природою, его, въ глазахъ народа, существа сверхестественнаго, святаго человѣка. 80 лѣтній старецъ, отецъ котораго былъ свидѣтелемъ вступленія Петра въ Дербентъ, въ 1849 г. рассказывалъ, что, когда Петръ послѣ поднесенія ему наибомъ крѣпостныхъ ключей, вѣзжалъ въ городскія ворота, то едва только его лошадь передними ногами ступила на улицу, какъ сдѣлалось сильное землетрясеніе, и тогда народъ, встрѣчавшій Петра не совсѣмъ доброжелательно, какъ гяура, палъ въ ужасъ передъ нимъ ницъ. Но Петръ милостяво ударилъ по воротамъ 3 раза нагайкою, землетрясеніе прекратилось, и онъ, призвавъ къ себѣ всѣхъ неимущихъ, обдѣлилъ ихъ деньгами. Везировъ, въ качествѣ историка, передаетъ, что когда случилось землетрясеніе при подъѣздѣ Петра къ воротамъ, онъ замѣтилъ выѣхавшимъ ему на встрѣчу жителямъ: «Природа хочетъ сдѣлать мнѣ торжественный пріемъ, поколебавъ стѣны города предъ моимъ могуществомъ». *) Слова эти едва ли соотвѣтствуютъ характеру Петра, которому также приписываютъ, при вступленіи въ городъ, слѣдующія болѣе возможные слова: «Теперь я поставилъ ногу въ краяхъ Кавказа и получилъ крѣпкое основаніе на водахъ Каспія». Первою въ городъ вступила гвардія и, занявъ индѣйскій и армянскій каравансарай, выставила

отъ города и крѣпости, лежавшіе на дорогой персидской матеріи. По нѣкоторымъ было 2 серебряныхъ ключа, по другимъ – 1. Соймоновъ, говоря о 2 ключахъ, прибавляетъ: «Одинъ изъ сихъ ключей (и сказываютъ, что одинъ токмо былъ) хранится и нынѣ (на деревянномъ блюдѣ) въ Императорской Кунсткамерѣ при Академіи Наукъ. Кажется, яко бы онъ былъ отъ посредственно висячаго замка, каковыя во всѣхъ восточныхъ земляхъ и въ Китаѣ обыкновенно употребляются».

*) По словамъ Голикова, руководившагося журналомъ, приложеннымъ къ письму сенату, ключъ отъ воротъ былъ поднесенъ государю у самыхъ воротъ на серебряномъ блюдѣ.

караулы. Затѣмъ остальные войска прошли, подѣ троекратнымъ пушечнымъ салютомъ со стѣнъ, чрезъ городъ и стали лагеремъ на юговостокъ отъ города вблизи отъ него (около 1 англ. мили) и около полумили отъ берега въ виноградныхъ садахъ, казаки же и драгуны, ради лучшаго корма для лошадей, стали лагеремъ на р. Рубасѣ за версту отъ устья. Ко всѣмъ воротамъ поставлены были караулы и въ цитадель введено охранное войско съ артилеріею подѣ начальствомъ полковника Юнкера. Благодаря строгой дисциплинѣ въ городѣ было все спокойно, такъ что въ тотъ же день всѣ лавки были открыты и жизнь города текла по обычному. Государь, поставивъ войска лагеремъ, вернулся въ городъ съ блестящею свитою и конвоемъ изъ драгунъ и «посѣтилъ цитадель и, осмотрѣвъ ее, поселился во дворцѣ султана *). Проживая здѣсь и ожидая прибытія флотиліи изъ Астрахани съ провіантомъ, государь, какъ говоритъ преданіе, своеручно пробилъ окно въ одной изъ залъ съ видомъ на море; въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія это окно, нарушавшее, по мнѣнію одного изъ комендантовъ, симметрію, будто бы было заложено. Въ цитадели же хранилось 7 алебардъ временъ Петра и пушки съ надписью, гласившею что онѣ отлиты въ Воронежѣ въ 1715 году. Петръ ежедневно посѣщалъ лагерь своихъ войскъ, осматривалъ городъ и его окрестности, былъ въ Джалганѣ, гдѣ табасаранскіе беки угощали его въ роцѣ, носящей съ тѣхъ поръ названіе роци Петра В., и пилъ воду изъ протекающаго здѣсь родника, прозваннаго Урусъ-булагъ (русскій ключъ); начало Дагъ-бары было также осмотрѣно имъ. Онъ посѣщалъ виноградные сады, нашель, что виноградъ здѣсь превосходный, но сожалѣлъ, что изъ него не умѣютъ дѣлать хорошаго вина, почему хотѣлъ выписать изъ Венгріи хорошаго мастера для дѣланія изъ этого винограда наилучшихъ винъ, а до того времени распорядился выслать изъ Астрахани изъ тамошнихъ виноградныхъ садовъ венгерскихъ винныхъ мастеровъ. Мастера уже въ 1724 г. приготовили новое вино, которое «хотя не было такъ хорошо, какъ венгерское, однако гораздо лучше тамошняго чихиря» и сказали, что не можно изъ дербентскаго винограда сдѣлать вино противъ

*) Впрочемъ, Бель говоритъ, что Петръ не принялъ предложенія наибо жить во дворцѣ, и вечеромъ возвратился въ лагерь.

венгерскаго, потому что около Дербента земля селитряная, почему виноградъ бываетъ нѣсколько солонъ. Екатерина I привела въ исполненіе намѣреніе своего великаго супруга и выписала изъ Венгріи майора Туркула, который въ самомъ дѣлѣ привелъ было тамошнія вина въ хорошее состояніе, и получилъ уже оттуда бѣлое и красное вино весьма хорошее. Петръ заинтересовался также разведеніемъ шафрана и приказалъ ободрять его, и уже въ 1724 г. нѣсколько жестяныхъ ящичковъ съ шафраномъ, уродившимся того года въ тамошнихъ старыхъ и новозаведенныхъ шафранныхъ садахъ были посланы въ Петербургъ къ государю. Въмѣстѣ съ тѣмъ были приняты мѣры къ устройству города и края. Наибѣе Имамъ-Кули за выказанную преданность былъ, согласно его желанію, пожалованъ генераль-майоромъ ландмилиціи и предоставлено ему начальство подѣ мѣстною милиціею. Комендантомъ крѣпости и города былъ назначенъ 29 августа полковникъ Юнкеръ, остававшійся въ этомъ званіи до отдачи Дербента назадъ Персіи; гарнизонъ, по уходѣ Петра, сначала расположенъ въ приморской части города, Дубарахъ, никѣмъ не заселенной, гдѣ были начаты постройкою казармы для 2 полковъ; потомъ гарнизонъ занималъ цитадель, очищенную отъ всѣхъ обывателей, кромѣ русскихъ. Въ Дубарахъ же Петръ приказалъ приступить къ устройству земляного укрѣпленія для выгружаемаго провіанта; слѣды этого укрѣпленія сохранились до сихъ поръ, и къ нему же принадлежала земляная хижина, гдѣ, по преданію, не имѣющему историческаго основанія, Петръ будто бы провелъ 2 дня. Въ 1723 г. здѣсь была сооружена земляная крѣпость, по опасенію отъ турокъ. Стѣны и ворота *) города были во многихъ мѣстахъ исправлены; на стѣнахъ, при занятіи города, было найдено стариннаго дѣла 60 мѣдныхъ и 178 чугунныхъ орудій: они были усилены 20 мѣдными пушками и нѣсколькими 2-хъ двухпудовыми чугунными мортирами, привезенными въ 1722 г., изъ Терки. По занятіи города Верденъ получилъ приказаніе отойти съ судами къ устью р. Милукентъ и, сдѣлавъ на берегу ея ретраншаментъ, выгрузить хлѣбъ, 27 августа бригадиру Левашеву былъ данъ указъ: «крѣпость сдѣлать въ указъ»

*) Существуетъ неправильное показаніе одного иностраннаго писателя, что государь велѣлъ написать на городскихъ воротахъ стихъ, бывшій на триумфальной аркѣ въ Москвѣ.

номъ мѣстѣ и все тутъ съ разбитыхъ судовъ собрать для охраненія, дабы по отшествіи арміи не пропали, но могли перевезены быть со временемъ въ городъ Дербентъ». Кромѣ этого укрѣпленія на Рубасѣ Петръ приказалъ поставить другое на сѣверной сторонѣ города, на р. Бугамѣ. Оба эти укрѣпленія, построенныя съ величайшею поспѣшностью, въ присутствіи самого государя, по новѣйшимъ европейскимъ правиламъ, должны были въ случаѣ непріятельскихъ на Дербентъ покушеній, послужить новымъ укрѣпленіемъ для города, равно были нужны и тогда, если бы взбунтовались дербентцы.

30 августа Петръ писалъ сенату; «Дорогою все видѣли смирно и отъ владѣльцевъ горцевъ приниманы были пріятно лицемъ (а сія пріятность ихъ была въ такой ихъ волѣ, какъ проповѣдь о божествѣ Христовѣ, реченная: что намъ и Тебѣ, Иисусе, Сыне Бога Живаго). Потомъ, когда приблизились къ сему городу, то наибъ сего города встрѣтилъ насъ и ключъ поднесъ отъ воротъ. Правда, что сіи люди нелицемѣрно и любовью приняли и такъ намъ ради, какъ бы изъ своихъ осады выручили. Изъ Баки такія жъ письма имѣемъ, какъ изъ сего города прежде приходу имѣли, того ради и гарнизонъ туда отправили, и такъ въ сихъ краяхъ, съ помощью Божьею, футъ получили (т. е. стали твердою ногою), чѣмъ васъ и поздравляемъ. Маршъ сей хотя не далекъ, только зѣло трудень отъ, безкормицы лошадямъ и великихъ жаровъ».*) Въ тотъ же день императоръ со всею арміею выступилъ изъ лагеря къ р. Рубасу, гдѣ незадолго произошло непріятное для него событіе. Подъ прикрытіемъ Вердена было 12 нагруженныхъ мукою ластовыхъ судовъ, изъ которыхъ нужно было выгрузить муку и печь хлѣбы и сушить сухари для продолженія похода. Это было поручено бригадиру Левашеву, которому было дано подъ команду 4000 солдатъ. Но въ ночь передъ выгрузкою поднялся сильный сѣверный вѣтеръ, отъ котораго ластовые суда начали течъ. Они держались до полудня; воду выливали изъ нихъ всѣми средствами. Но, наконецъ,

*) «Походъ этотъ, говоритъ Бассевичъ, былъ очень трудень по причинѣ жаровъ, свойственныхъ климату тѣхъ мѣстъ. Болѣе 300 русскихъ солдатъ умерло отъ солнечныхъ ударовъ, так что императоръ запретилъ, подъ страхомъ смерти, снимать на открытомъ воздухѣ шляпу для поклоновъ, съ 5 часовъ вечера». Объ образѣ жизни Петра въ походѣ см. Брюса, Бея, Голикона и др.

когда уже не было возможности отлить воду, рѣшено было обрубить якоря и выброситься на берегъ. Въ 2 часа всѣ 12 судовъ сѣли на мель, отчего много муки попортилось. Но выгрузка за то была легче солдатамъ, ибо могли они все съ судовъ переносить на берегъ, вмѣсто того, чтобы перевозить на шлюпкахъ и ботахъ, еслибы суда находились въ прежнемъ своемъ состояніи. По выгрузкѣ суда были разломаны и употреблены на печеніе хлѣба. Къ довершенію несчастія, было получено извѣстіе, что капитанъ Вильбоа, отправившійся изъ Астрахани съ новымъ транспортомъ муки, былъ принужденъ оставаться въ Аграханскомъ заливѣ по причинѣ негодности судовъ. Всѣ эти неудачи побудили Петра собрать военный совѣтъ, который, принявъ во вниманіе, что войскамъ оставалось только на мѣсяць провіанта, положилъ возвратиться въ Астрахань, оставивъ въ новопокоренныхъ мѣстахъ гарнизоны. 5 сентября императоръ возвратился въ Дербентъ и 6 числа издалъ указъ объ обратномъ походѣ; тогда же были отправлены обозы изъ Дербента. Въ этотъ же послѣдній день наибъ открылъ государю объ умыслѣ 8 человѣкъ чиновныхъ противъ него, въ томъ числѣ Аманъ-бека и Ибрагимъ-бека, вслѣдствіе происковъ турецкихъ эмиссаровъ. 7 числа государь съ арміей, пройдя городъ прежнимъ порядкомъ, выступилъ въ обратный походъ, оставивъ въ Дербентѣ гарнизонъ подъ начальствомъ полковника Юнкера. Отплывъ изъ Асраханскаго ретраншамента 29 сентября, царь прибылъ въ Астрахань 4 октября, отсюда отбылъ 7 ноября и 13 декабря 1722 года имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву. На триумфальныхъ воротахъ, «надъ проспектомъ города Дербента, была слѣдующая на Александра Великаго, яко мнимаго здителя города, клоняющаяся, и годъ 1722 въ себѣ содержащая, надпись: StrVXerat hanC fortls, tenot hanC seD fortlor UrbeM (основанъ героемъ, покорень великимъ), которая по простому ея слогу неотмѣтно всякому нравиться должна».

Для поддержанія сношеній съ новыми пріобрѣтеніями и для наблюденія за ними Петръ Великій заложилъ на Сулакѣ крѣпость Св. Креста, и, до отплытія своего въ Астрахань, назначилъ число войскъ, нужное къ содержанію гарнизоновъ въ укрѣпленіяхъ до Дербента и ввѣрилъ всѣ новыя пріобрѣтенія свои въ начальство генераль-майору Матюшкину, подъ которымъ былъ генераль-май-

оръ Кропотовъ; всѣмъ начальствующимъ лицамъ строжайше было запрещено дѣлать какія либо разоренія или обиды жителямъ. Въ Астрахани государь разработалъ подробный планъ войны съ Персией и вмѣстѣ съ тѣмъ входилъ во всѣ подробности устройства новыхъ провинцій. 4 ноября 1722 года онъ отправилъ отсюда Матюшкину инструкцію, «что надлежитъ дѣлать на весну», въ которой находимъ слѣдующее относительно Дербента: «4) Будущимъ лѣтомъ учинить магазейны въ семь городѣ на 2 мѣсяца на армію въ 20000 человекъ и на гарнизонъ на годъ; 5) тоже лазаретъ на 1000 человекъ арміи и на гарнизонъ на четвертую долю; 8) драгунамъ коннымъ надлежитъ съ казаками дѣйствовать, и какъ возможно разорять усмѣя и прочихъ противныхъ, также, чтобъ помогать дербенцамъ въ ихъ нуждахъ, прикрывая ихъ полевые работы; 10) для гавани въ Дербентѣ опредѣлить двѣсти казаковъ, въ прибавку къ тѣмъ, которые тамъ, и дѣлать оную гавань по чертежу; 11) когда бусы отъ васъ возвратятся въ Астрахань, тогда, погрузя изъ оныхъ 2 бусы хлѣбомъ, масломъ и солью, что опредѣлено дербентскимъ жителямъ, послать въ Дербень и отдать найбу. И тѣ суда отдать ему вовсе, объявляя ему, дабы оныя употреблялъ онъ въ Гилянъ для пшена и на прочія ихъ потребности; 17) ежели будущимъ лѣтомъ стануть приходять торговые и ремесленные армяне и поселяне въ Дербень и оныхъ принимать, а въ Дербень пускать ихъ съ свидѣтельствомъ наипаче». 17 февраля 1723 года изъ села Преображенскаго Петръ отправилъ Матюшкину пункты въ отмѣну этой инструкціи «для турецкаго дѣла» и прибавочные; въ первыхъ заключалось: 4) провіантъ готовить въ Дербентѣ на 300 человекъ, въ гарнизонѣ на два, а по нуждѣ на полтора года. Осьмой пунктъ весь оставить. Въ «прибавочныхъ новыхъ пунктахъ» указывалось: 1) Въ Дербентѣ прибавить баталіонъ пѣхоты, да яицкихъ казаковъ конныхъ моремъ транспортировать 200 человекъ, да донскихъ пѣшихъ тысячу (а черкесь, когда донскіе придутъ въ Дербень, отпустить); тудажъ послать 20 пушекъ желѣзныхъ 6-ти, 8 и 12-ти фунтовыхъ съ полною аммуницею, а вмѣсто оныхъ взятыя въ Дербентѣ мѣдныя пушки, кои получше, вывести въ Астрахань. 2) Дербентскихъ жителей надлежитъ кормить нашимъ же провіантомъ, и когда комендантъ Юнкеръ или наибъ будутъ къ вамъ о провіантѣ для пропитанія дербентскимъ

жителямъ писать, тогда имъ опредѣлите, провіантъ на семью, почему подлежитъ, а именно: противъ того, почему въ вашихъ домахъ людямъ на семью дается. 3) Также ежели услышите о туркахъ, что хотятъ итти въ Дербень, тогда можете отъ крѣпости Св. Креста солдатъ тысячи двѣ или больше, изъ тѣхъ, которые тамъ на работѣ будутъ, прибавить моремъ, о чемъ тебѣ дать пункты Кропотову». 6 апрѣля 1723 г. Петръ писалъ Матюшкину объ имѣннй осторожности во всѣхъ мѣстахъ, наипаче въ Дербентѣ, отъ турокъ, и о сдѣланіи въ Дербентѣ новой земляной крѣпости между каменныхъ стѣнъ, также о прибавкѣ людей въ дербентскій гарнизонъ. Въ собственноручныхъ пунктахъ 23 мая 1724 г. Петръ писалъ: 2) Въ Дербентѣ цитадель сдѣлать къ морю и гавань дѣлать, а 29 мая того же года ему были поданы пункты докладные: «4) Напредъ сего, который былъ въ Дербентѣ пошлинный сборъ со всякихъ товаровъ, по древнему ихъ обыкновенію, оный сборъ дербенскимъ служительнымъ людямъ въ жалованье употреблялся, которыхъ издревле имѣлось 1016 человекъ, и онымъ каждому человеку давано жалованья по 60 рублей, а нынѣ всѣхъ на лицо служилыхъ людей 600 человекъ, итого будетъ онымъ 600 человекамъ 36000 руб., и онымъ оставшимъ служилымъ людямъ такое жалованье давать ли и по толикому ль числу въ Дербентѣ служилымъ людямъ? 5) Понеже, по вашему и. в. высокому указу, имѣется въ Дербентѣ и въ Баку донскихъ казаковъ 1000 человекъ, которымъ опредѣлено тамъ давать противъ солдатской дачи провіантъ и денежнаго жалованья онымъ донскимъ казакамъ тамъ въ Бакѣ и Дербентѣ ничего не дается... И на нынѣшній годъ и впредъ казакамъ оное жалованье откуда давать повелѣно будетъ?» Резолюція Петра: «Дать жалованье по 10 алтынъ въ мѣсяць». За три мѣсяца до своей кончины, 23 октября 1724 г., Петръ собственноручно писалъ Матюшкину: «На дербентцевъ также смотрѣть крѣпко надобно, и ежели кто явится въ подозрѣннй, велѣть казнить, буде же замѣшаніе какое будетъ или общее зло во всѣхъ или большей части – увидя то – учинить съ ними такожь какъ о бакинцахъ писано (т. е. выслать въ Астрахань), впрочемъ какъ всегда писали, такъ и нынѣ чинить по тамошнимъ конъюктурамъ, понеже дальность пересылки не терпитъ». Извѣстіе о смерти великаго императора (28 января 1725 г.) было получено въ Дербентѣ въ апрѣлѣ

мѣсяцѣ, на Свѣтлой недѣли. По свидѣтельству Соймонова, припоминавшаго это время въ глубокой старости, курьеръ, привезшій въ Дербентъ это печальное извѣстіе, не сказалъ объ этомъ никому прежде главнокомандующаго. Едва Матюшкинъ услышалъ роковую вѣсть, какъ залился слезами, застоналъ и упалъ безъ чувствъ. Въ мигъ печальная вѣсть разнеслась по всему городу. Дворъ и домъ Матюшкина наполнились русскими, находившимися тогда въ Дербентѣ. Нельзя себѣ представить безъ ужаса, говоритъ Соймоновъ, и тѣхъ рыданій, вою и воплю, каковыя испускали, пораженные кончиною возлюбленнаго своего государя, всѣ россияне; въ какомъ ужасномъ состояніи всѣ они забыли все прочее на свѣтѣ, пробывли болѣе сутокъ безъ сна и безъ пищи; особливо же сцена сія ужаснѣйшею показала въ церкви, при пѣніи панихиды и при воскликнутой ему вѣчной памяти. Персіяне, едва вступившіе въ русское подданство, присоединились къ плачу и сѣтованію природныхъ россиянь.

Въ 1726 году начальникомъ на Кавказъ былъ назначенъ князь Василій Владимировичъ Долгорукій, который въ сентябрѣ изъ Дербента писалъ: «Какъ на Сулакѣ, такъ и въ Дербентѣ, безнадежные командиры, о чемъ уже многажды я доносилъ, и зѣло мнѣ удивительно, что отъ васъ скорой резолюціи не учинено. Изволь разсудить, какая крайняя нужда для государственнаго интереса, чтобъ были здѣсь командиры добрые. Здѣшній народъ такой обычай имѣеть, что бы командиры были вездѣ генералы, то и боятся; и въ дѣло ставятъ, они того не знаютъ, и то генераль-майоръ или генераль-поручикъ; гдѣ имя генеральское помянется, то и боятся; а ежели гдѣ полковникъ комендантомъ, хотя бы онъ какого сословія ни былъ, страху отъ него не имѣютъ и дѣло его не ставятъ, и называютъ его «маленькій господинъ». Самая нужда быть добрымъ командирамъ на Сулакѣ и въ Дербентѣ, понеже между Дербентомъ и Сулакомъ всѣхъ владѣльцевъ жилище. Меня отправляли для исправленія дѣлъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и дали мнѣ полную мочь, чтобы я привелъ въ доброе состояніе и безопасность; какъ возможно мнѣ одному здѣшнія дѣла въ доброе состояніе привести? Въ такой опасности Дербентъ и Сулакъ остаются, что ни малѣйшей надежды нѣтъ, кромѣ милости Божьей. Здѣшняго корпуса генералитетъ, штабъ и оберъ офицеры безъ прибавки жа-

лованья пропитать себя не могут по здѣшной дороговизнѣ; офицеры пришли въ крайнюю нищету несносную, что уже одинъ майоръ и 3 капитана съ ума сбрели; уже многіе знаки свои и шарфы закладываютъ; съ начала здѣшняго похода безперемѣнно здѣсь, кромѣ несноснаго здѣшняго климата, въ великихъ трудахъ обрѣтаются безпрестанно по карауламъ, въ партіяхъ, на работахъ.» 30-го ноября онъ же писалъ: «Лѣкарство я засталъ ничего нѣтъ, а коли и отпускаютъ лѣкарство, равно какъ на другіе полки, на Сулакъ и Дербентъ, а сюда надлежитъ, по здѣшнему злему воздуху, отпускать втрое противъ другихъ мѣстъ; къ тому же лѣкарей тамъ мало зѣло и комплету нѣтъ; къ Сулаку изъ Дербени и изъ Баки присылаются больные, одному дохтуру какъ можно вездѣ усмотрѣть! Лучше людей жалѣть, нежели денегъ на жалованье дохтурамъ и лѣкарямъ». Въ апрѣлѣ 1727 г., возвратясь изъ Персіи, Долгорукій сообщалъ: «Въ небытность мою въ Дербентъ, писалъ ко мнѣ генераль-майоръ Румянцевъ, что здѣсь начинаются шатости отъ горскихъ Сурхая и усмея, и до прибытія моего здѣшня мѣста содержалъ онъ, г.-м. Румянцевъ, благоизрядно, въ чемъ я имъ за то доволенъ; ежелибъ его, Румянцева, въ небытность мою здѣсь не было, тобъ немалая опасность быть могла.» Этотъ Румянцевъ, въ чинѣ бригадира, былъ еще въ 1724 г. назначенъ для опредѣленія границъ по трактату съ Турціей, причемъ въ помощь ему изъ Дербента былъ данъ вторымъ комиссаромъ подполковникъ фонъ Лукей; Румянцевъ находился въ Дербентѣ и въ мартѣ 1728 г. При учрежденіи Верховнаго Тайнаго совѣта въ 1727 г. вице-канцлеръ баронъ Шафировъ говорилъ о персидскихъ дѣлахъ, что они, по послѣднимъ извѣстіямъ, находятся въ самомъ печальномъ состояніи; между прочимъ, окрестные князьки согласились вырубить въ Дербентѣ русскихъ и армянъ.

Въ то время, когда наши новыя провинціи находились въ такомъ печальномъ состояніи, какъ мы знаемъ, въ Персіи возвышался Надиръ, и наше правительства при Аннѣ все болѣе склонялось къ отдачѣ ихъ, что и было исполнено Рештскимъ трактатомъ 1732 г. Въ 1734 году князь Сергѣй Дмитриевичъ Голицынъ, нашъ посолъ въ Персіи, доносилъ, что Кули-ханъ (Надиръ) сильно сердится на русское правительство, что оно не отдавало Персіи Баку и Дербента, выставляя условія мирнаго договора, что эти го-

рода будутъ отданы только тогда, когда Персія совершенно освободится отъ непріятеля: Кули-ханъ называлъ Баку и Дербентъ «малыми разоренными городишками». 29 октября 1734 г. Анна Иоанновна въ указѣ Голицыну писала: «Соизволяемъ Баку со всѣмъ уѣздомъ нынѣ шаху уже дѣйствительно отдать и войска наши и что къ тому принадлежитъ вывести въ Дербентъ. И понеже мы намѣрены симъ случаемъ пользоваться, дабы отъ персидскихъ тягостей однажды освободиться, того ради мы къ генералу Левашеву дѣйствительно указъ послали, дабы онъ не токмо нынѣ дѣйствительно Баку очистилъ и войско наше вывелъ, но и къ отдачѣ Дербента и къ выводу оттуда войска всякое немедленное приуготовленіе чинилъ, дабы какъ скоро годовое время допустить, совсѣмъ оттуда выступить могъ». Въ указѣ Левашеву отъ того же числа было повелѣно: «все наше войско отъ самой рѣки Куры, изъ Баки, изъ Низовой и изъ прочихъ до самага Дербентскаго уѣзда, немедленно вывести и всѣ тѣ мѣста отдать Тахмасъ-Кули-хану. А что надлежитъ до Дербента и до прочихъ въ нашемъ владѣніи обрѣтающихся персидскихъ мѣстъ, мы и оныя Тахмасъ-Кули-хану отдать намѣрены, какъ скоро только годовое время выходъ оттуда нашего войска допустить, и для того надлежитъ вамъ отъ сего времени вездѣ въ Дербентѣ и въ прочихъ мѣстахъ надлежащія ревностныя учрежденія учинить, что бы вы, по первому отъ князя Голицына о томъ получаемому извѣстію, когда возможность допустить, тотчасъ оныя ему Тахмасъ-Кули-хану или повѣренному отъ него очистить и отдать могли, а между тѣмъ по полученіи сего надлежитъ вамъ немедленно намъ донести, возможно ли еще нынѣшней зимы все войско наше оттуда въ Россію вывести.» Вѣроятно, въ предвидѣніи такихъ распоряженій, Левашевъ, чтобы болѣе обезпечить сообщеніе между Дербентомъ и крѣпостью Св. Креста, въ апрѣлѣ 1734 г. приказалъ построить ретраншаментъ, называемый Буйнацкимъ, на р. Урасайи Буйнакъ въ 2 верстахъ отъ моря. Наконецъ, Ганжинскій трактатъ (10 марта 1735 г.), какъ мы знаемъ, постановилъ отдать Дербентъ съ уѣздомъ въ 2 мѣсяца послѣ заключенія его, что и было исполнено, а 27 октября 1735 г. оставлена и крѣпость св. Креста, р. Сулакъ принята границею, и такимъ образомъ Россія снова оставила Дагестанъ.

Оставленный Петромъ Великимъ гарнизонъ въ Дербентѣ со-

стоялъ изъ двухъ полковъ. По штатамъ 1720 г. (генералитетъ или табель о полевой арміи, 9 февраля 1720 г.), число всѣхъ чиновъ въ пѣхотномъ полку было 1432 (въ драгунскомъ 1253 чел.) человекъ и лошадей 300; расходъ на одинъ полкъ былъ 34862 руб.; по штатамъ 1731 г., число людей въ 1 пѣхотномъ полку было 1407 ч., лошадей 72, расходъ въ военное время 33458 руб. Въ 1725 г. въ 2 полкахъ, стоявшихъ въ Дербентѣ, было 2536, и нѣкоторое число донскихъ казаковъ, ибо въ 1724 г. было послано къ Дербенту въ Низовой корпусъ 1000 ч. послѣднихъ; въ 1726 г. было войскъ въ Дербентѣ 2845, изъ нихъ больныхъ 109; въ началѣ 1727 г. въ Дербентѣ (и въ Дедели и Кала суарѣ) было 2894, изъ коихъ 282 больныхъ; въ началѣ 1729 г. въ Дербентѣ было всего 12 драгунъ и 644 ч. пѣхоты, но въ концѣ 1732 г., вслѣдствіе очищенія нами персидскихъ провинцій, въ Дербентѣ были расположены полки: Дербентскій, Апшеронскій, Кабардинскій, Нашебургскій и одинъ баталіонъ Дагестанскаго. Въ 1724 г. баталіоны, сформированные Петромъ Великимъ для персидскаго похода, были сведены въ 10 полковъ, изъ которыхъ одинъ получилъ названіе Дербентскаго. Въ 1732 г. при новомъ наименованіи полковъ Низового корпуса, полкъ сохранилъ свое имя, но указомъ 5 февраля 1743 г. онъ былъ расформированъ и обращенъ на укомплектованіе флота въ числѣ другихъ 4 полковъ. Условія жизни войскъ были очень тяжелы, какъ показываетъ письмо кн. Долгорукова въ сентябрѣ 1726 г., поэтому правительство должно было по возможности облегчить ихъ положеніе. Такъ 15 сентября 1723 г. послѣдовалъ указъ о невычетѣ у безпомѣстныхъ оберъ и штабъ офицеровъ въ Дербентѣ Четвертой части изъ жалованья, какъ это было повелѣно, по недостатку денегъ въ казнѣ, со всѣхъ чиновъ, по причинѣ, что персіяне русскія деньги берутъ въ половину цѣны противъ своихъ. 23 января 1727 г. изданъ указъ о томъ, чтобы давать офицерамъ Низового корпуса жалованье по табели 1720 г. 27 марта и 18 іюля 1729 г. приказано перемѣнять генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеровъ Низового корпуса чрезъ три года третью часть, причемъ, ежели кто пожелаетъ, отпускать офицеровъ въ дома ихъ на годъ, а потомъ на службу въ тѣ полки, которые стояли близъ Москвы.

Комендантъ Дербента, кромѣ прямыхъ комендантскихъ обязанностей по городу и управленію его, вѣдалъ также окрестными

владѣльцами, отдавшимися въ подданство Россіи, и аманатами отъ горскихъ народовъ, содержавшимися въ Дербентъ до 1735 г., когда они всѣ были переведены въ вновь основанный Кизляръ. На комендантѣ лежали сношенія съ туземными владѣтелями и народами. Наибъ, кромѣ начальствованія надъ народнымъ ополченіемъ, имѣлъ и полицейско-судебныя обязанности по городу, ему подчинены были другіе чины. Изъ докладныхъ пунктовъ 29 мая 1724 г., видно, что въ ополченіи издревле было 1016 ч., которые получали по 60 руб., но число это было сокращено до 600— въ 1723 г., какъ видно изъ сенатскаго указа 17 декабря 1723 г. о взиманіи таможенной пошрины съ купцовъ дербентскихъ наравнѣ съ російскими купцами; по донесенію иностранной коллегіи, дербентскому наibu, юсьбашамъ и др. начальникамъ и рядовымъ его и. в. жалованья до предбудущаго опредѣленія дать въ приказъ изъ доходовъ Астраханской губерніи, а именно наibu — 1000 руб.; юсьбашамъ и другимъ начальникамъ 1000 жъ руб., изъ которыхъ присланному Махмеду-Юсуфъ-беку къ прежней ему дачѣ, къ 150 руб., дать 50 руб., рядовымъ 600 человекамъ по 5 рублевъ, да хлѣба послать изъ Астрахани на рядовыхъ по 5 четвертей; тому же присланному Махмеду-Юсуфъ-беку дать здѣсь 100 руб., при немъ обрѣтающимся по 15 руб. человекѣ; не въ зачетъ вышеозначенной дачи, и давъ имъ подводныя и прогонныя деньги по указу, отпустить, а на прочее ихъ требованіе писать изъ иностранной коллегіи, а съ купцовъ дербентскихъ жителей съ привозныхъ ихъ товаровъ и товаровъ въ Астрахани пошлину брать противъ русскихъ, понеже оныя купцы стали быть е. и. в. подданными. Всего содержаніе дербентской народной милиціи обходилось казнѣ въ годъ въ 10600 р. Расходы по крѣпости простирались, напр. въ 1728 г., до 1525 руб., именно: на строеніе крѣпости, на припасы, инструменты и т. п.— 993 руб., на содержаніе служителей и мастеровыхъ — 532 руб. Доходовъ же по дербентской провинціи никакихъ не собиралось въ казну, кромѣ пошлины съ привозимыхъ и ввозимыхъ товаровъ, которыя ежегодно давали не болѣе 1000 рублей.

Правительственныя распоряженія относительно Дербента главнымъ образомъ касались торговли. Сенатскимъ указомъ 17 декабря 1723 г. повелѣно взимать таможенныя пошлины съ купцовъ дербентскихъ наравнѣ съ російскими купцами. 6-го ноября 1724 г. по

прошенію комиссара Демидова указомъ изъ сената дозволено сибирское его желѣзо въ Дербентъ для домашняго жителей употребленія отпускать изъ Россіи. 4 августа 1725 г. состоялся сенатскій указъ о бесплатномъ провозѣ и свободной торговлѣ вина, табаку и всякихъ хлѣбныхъ и мясныхъ припасовъ и скота въ Дербентъ; сенатъ 28 марта 1724 г. приказалъ казенное вино изъ Астрахани въ Дербентъ продавать по 4 руб. пока изойдетъ, нынѣ извѣстно учинилось, что отъ дороговизны въ продажѣ того вина происходитъ обрѣтающимся въ тамошнихъ мѣстахъ войскамъ нужда, почему повелѣно продавать вино изъ Астрахани безъ прибыли и съ довольствомъ, дабы нигдѣ ни малыя въ продажѣ остановки небыло; также дозволить черкасамъ и казакамъ, которые тамъ обрѣтаются, вино и табакъ привозить и продавать свободно по вольной цѣнѣ, но исключительно въ тѣхъ мѣстахъ; также и прочимъ, кто похочетъ на продажу въ оныя провинціи вино и табакъ везти, тѣмъ давать позволеніе противъ вышеписаннаго съ свидѣтельствованными письмами изъ ратушъ; а пошлину, какъ съ нихъ, такъ и съ казаковъ и черкасъ, нигдѣ не брать. Для новости и пользы военныхъ людей въ вышеуказанныя новыя провинціи дозволить всякіе хлѣбные и мясные припасы искать на продажу, возить беспошлинно противъ того, какъ въ Санктпетербургъ возить беспошлинно велѣно. 1725 г. 18 сентября указъ о привозѣ въ новозавоеванныя персидскія провинціи табаку и вина чрезъ черкаскіе и казакскіе города, и о подтвержденіи указа 28 августа 1725 г., чтобы при провозѣ до мѣста никому вина и табаку никто не продавалъ. 8 марта 1727 г. послѣдовалъ именной указъ, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго совѣта сенату, о взиманіи въ Астрахани съ товаровъ дербентскихъ купцовъ пошлинъ за постой на гостиныхъ дворахъ и житѣ въ юртахъ, по прежнему указу 17 декабря 1723 г.: обрѣтающійся здѣсь дербентскій наибъ Имамъ-Кули-бекъ подаль въ коллегію иностранныхъ дѣлъ прошеніе купцовъ дербентскихъ жителей, въ которомъ написано: что съ нихъ купцовъ въ Астрахани, какъ за постой въ гостиныхъ дворахъ, въ каморахъ и за житѣ въ юртахъ, такъ и пошлины съ товаровъ ихъ, которыя вывозятся изъ Астрахани въ Дербентъ, берутъ противъ прежнихъ опредѣлений излишнее; приказано брать по прежнему закону 1723 г. и за постой безъ отягощенія. Указомъ 16 марта 1730 г. позволено рос-

сійскимъ подданнымъ персидскихъ провинцій обывателямъ, также и оставшимся въ персидскомъ владѣніи, для торга Каспійскимъ моремъ прїѣзжать и отъѣзжать свободно. Указомъ 3 сентября 1731 г. установлена отправка почты изъ Астрахани въ персидскія провинціи моремъ, а не сухимъ путемъ. Сенатскимъ указомъ 16 іюля 1734 г. повелѣно въ новозавоеванныхъ персидскихъ городахъ питьямъ быть до будущаго опредѣленія въ вольной продажѣ и пошлину брать съ вина отъ 10 до 5 коп. съ ведра, а болѣе не накладывать, а съ пива и меду по усмотрѣнію безъ излишества. 3 іюля 1736 г. по сообщенію кабинетъ министровъ въ военную коллегію о томъ, что вывезено изъ Россіи чрезъ Кизляръ на продажу въ персидскіе города Дербентъ и друг. въ лагерь шаховъ въ Муганскую степь до 10000 лошадей, указано о непроездѣ въ Персію и другія пограничныя азіатскія мѣста торгующихъ людей съ продажными лошадьми. Указомъ 1 ноября 1736 г. установлены пошлины съ табака и сѣстныхъ припасовъ въ Дербентъ по прежнему.*)

Когда Петръ Великій былъ еще въ Аграханскомъ ретраншментѣ до отъѣзда въ Астрахань, получено было извѣстіе изъ Дербента, что Сурхай Казикумухскій приходилъ къ траншменту на р. Рубасѣ, но наши сильно защищались, на мѣстѣ положили 600 непріятеля, многихъ ранили и взяли у нихъ 2 знамени.**) Такимъ образомъ Петръ еще не покинулъ Дагестанъ, какъ начались нападенія на Дербентъ, оправдавшія возведеніе имъ передовыхъ укрѣпленій на югъ и сѣверъ отъ города. Въ началѣ 1725 г. шамхаль Абдуль-Гирей, возставъ противъ Россіи, прервалъ на время со-

*) Персидская «Исторія Надиръ-шаха» (Тарихи-Надири) съ обычною персидскимъ историкамъ правдивостью рассказываетъ о походѣ Петра В.: «Падишахъ русскихъ Петръ сухимъ путемъ, чрезъ Кизляръ, съ безчисленнымъ войскомъ прибылъ въ Дербентъ, и народъ тамошній, опасалась владычества лезгинъ и турокъ, какъ непримиримыхъ враговъ Персіи, безъ разрѣшенія персидскаго шаха, явился къ нему съ покорностью. Тогда падишахъ сей велѣлъ очистить Дербентскую цитадель и оставилъ тамъ трехтысячный вооруженный гарнизонъ, который по выраженію русскихъ называется солдатъ. Послѣ чего, онъ взялъ Баку и Саліяны и довольствовался справедливою податью и повинностями, существовавшими въ томъ краѣ, и возвратился во свояси.»

**) Непонятно, откуда Березинъ, а слѣдъ за нимъ также и другіе, взяли извѣстіе, что въ 1728 г. Сурхай Казикумухскій овладѣлъ Дербентомъ и господствовалъ здѣсь до появленія Надира; Сурхай дѣйствительно нападалъ на Ширванъ и Дербентскій уѣздъ, но города никогда не бралъ.

общеніе Дербента съ крѣпостью Св. Креста. Въ началѣ того же года подполковникъ Лукей съ отрядомъ въ 1885 чел. совершилъ изъ Дербента за нападеніе на жителей его экспедицію противъ деревни Мограги, которая была сожжена и жители обращены въ бѣгство. Въ октябрѣ 1728 г. уже полковникъ Лукей ходилъ опять въ экспедицію противъ куреловъ, на р. Самурѣ, и покорилъ большую часть ихъ; но въ 1732 г. бригадиръ Лукей былъ убитъ курелами на пути между Низабатомъ и Дербентомъ. Сильной опасности подвергся Дербентъ въ 1733 г., когда, какъ намъ извѣстно, Порта приказала, объявивъ войну Персіи и желая подкрѣпить свою армію удобнѣйшимъ и ближайшимъ путемъ чрезъ Дагестанъ, отправить войска крымскому хану Капланъ-Гирею. Въ началѣ сего года ханъ отправилъ подъ начальствомъ калги Фетъ-Гирея сильный корпусъ въ 25000 турокъ и татаръ, съ приказаніемъ силою дѣйствовать противъ Россіи. Въ то время войсками въ прикаспійскомъ краѣ командовалъ, вмѣсто Левашева, принцъ Гессенъ-Гомбургскій, весьма худо исправлявшій свою должность, возбуждавшій даже сомнѣніе въ своей храбрости «и только близъ Дербента дававшій праздники горскимъ князьямъ, забавляя ихъ играми и музыкаю». Хотя онъ и нанесъ татарамъ въ іюнѣ мѣсяцѣ поражение на Терекѣ, но заперся въ крѣпости, а татары, найдя дорогу свободною, спустились съ горъ и подошли къ Дербенту вдоль морского берега. Въ то время съ Дербентъ было 2677 чел. войска подъ начальствомъ генераль-майора Бутурлина, который принялъ всѣ мѣры для загражденія пути непріятелю, для чего занялъ всѣ проходы Табасаранскаго хребта отъ Дербента до высокихъ горъ; первый постъ въ 300 человекъ былъ въ дер. Митагъ, 2-й – изъ 300 чел. въ Міягди (sic); еще былъ третій проходъ въ Дарвахъ, но какъ малочисленность дербентскаго гарнизона не позволяла Бутурлину слишкомъ раздроблять свои силы, то онъ и заградилъ его засѣками и палисадами. Четвертый дефилай въ Ерси былъ занятъ полковникомъ Ломаномъ съ 600 челов. Послѣ этого оставалось для защиты Дербента не болѣе 1500 человекъ, почему и принуждены были защиту пограничныхъ проходовъ изъ уцмиевыхъ владѣній въ Табасаранъ ввѣрить самимъ табасаранцамъ. Обстоятельство это уничтожило всѣ распоряженія Бутурлина. Вскорѣ по прибытіи татаръ къ Дарваху табасаранцы, измѣнивъ Россіи, перешли на сто-

рону непріятеля, что вынудило Бутурлина отказаться отъ намѣренія заградить путь татарамъ, и онъ нашелся принужденнымъ ограничиться лишь обороною Дербента, и къ 9 іюня отозвалъ всѣ отряды изъ горъ и сосредоточилъ ихъ подъ крѣпостью. Уже 5 іюля начали татары разорять городскія поля и сады, почему Бутурлинъ велѣлъ полковнику Ломану стать съ частью гарнизона за городомъ на способномъ мѣстѣ, чтобы препятствовать татарамъ въ этомъ. 9 іюля татары въ числѣ 7000 человекъ атаковали Ломана, но были отбиты. Въ слѣдующіе дни происходили незначительныя стычки съ татарами. 18 іюля было дѣло важнѣе. Въ 7 часовъ утра болѣе 15000 татаръ атаковали отрядъ Ломана, стоявшій подъ крѣпостными выстрѣлами, «съ великимъ устремленіемъ оный въ кругъ обступили, а нѣсколько изъ нихъ подъ городъ подѣзжали.» Они встрѣчены были ружейнымъ огнемъ дербенцевъ, разсыпанныхъ по садамъ впереди города, и ядрами изъ крѣпости. Татары не были въ состояніи продолжать сраженія и обратились въ бѣгство. «На сей акціи съ непріятельской стороны, кромѣ увезенныхъ, на мѣстѣ въ трупахъ сочтено больше 200 человекъ, да дербентскіе обыватели, показуя свою вѣрность и храбрость, нѣсколько непріятельскихъ головъ привезли, которыя они во время нападенія съ живыхъ срубили». Фетъ-Гирей, встрѣчая вездѣ неудачи и поссорившись съ уцміемъ, котораго онъ было назначилъ ханомъ дербентскимъ, 30 іюля оставилъ окрестности Дербента и, обойдя его чрезъ Табасарань, направился къ Шемахъ *). Дербентскій гарнизонъ послѣ сего дѣлалъ набѣги для опустошенія владѣній уцмія, который расположился при Маграгъ. Принцъ Гессенскій, узнавъ, что уцміи, чувствуя свою слабость, просилъ помощи у Сурхая, рѣшилъ предупредить ихъ соединеніе, обративъ всѣ свои силы на уцмія. Для этого онъ отправилъ изъ крѣпости Св. Креста въ Дербентъ генерала Еропкина съ 240 конныхъ и 900 пѣшихъ драгунъ, 800 чел. пѣхоты и 3 пушками, а спустя немного пошелъ за ними съ 500 казаками. Для обезпеченія движенія этихъ отрядовъ, изъ Дербента былъ высланъ на встрѣчу полковникъ Ступишинъ съ 1200 чел. пѣхоты, который съ Еропкинымъ возвратился въ Дер-

*) У черкесскаго племени шансуговъ пѣлась пѣсня, воспѣвавшая взятіе Демиръ-Капу.

бентъ. Такимъ образомъ дербентскій гарнизонъ, значительно усиленный, могъ отправить сильный отрядъ противъ уцмія. 17 сентября Еропкинь выступилъ изъ Дербента съ 5857 чел. и нѣсколькими пушками и взялъ Башлы, вслѣдствіе чего табасаранцы изъявили покорность. Въ томъ же году Порты и самого крымскаго хана Капланъ-Гирея съ 8000 въ дагестанскія и персидскія мѣста отравила. Баксанцы обѣщали дать ему къ Дербенту 200 воиновъ, но не видно, чтобы ханъ входилъ въ Персію, а въ великой силѣ держался въ Дагестанѣ еще и въ началѣ 1736 г. до заключенія Турціей мира съ Персіей. Въ концѣ 1735 г., послѣ отдачи Дербента Персіи, Надырь ходилъ на хана и 11 ноября, пройдя Дербентъ, остановился лагеремъ на сѣверной сторонѣ города, откуда ходилъ на Кумухъ, а 13 января 1736 г. возвратился чрезъ Дербентъ въ Муганскую степь.

Наибъ Дербента Имамъ-Кули-бекъ, пожалованный Петромъ Великимъ въ генералъ-майоры и бывший, какъ мы видѣли выше, въ С.-Петербургѣ, умеръ въ 1727 (или 1728 г.). Сынъ его Магометъ-Гуссейнъ, 9 лѣтъ, былъ назначенъ на его мѣсто, а чрезъ два года получилъ отъ насъ званіе хана. По случаю его малолѣтства, у него были опекуны Магометъ-Юши и Мустафа-бекъ, которые отправляли дѣла, касавшіяся до правленія. Братъ наибо, Али-кули, былъ полковникомъ ополченія города. Впрочемъ, въ 1727 г. упоминается наибъ Суфъ-бекъ; не былъ-ли онъ наибомъ временно, послѣ смерти Имамъ-Кули-бека? Надиръ, получивъ на Ганджинскому трактату Дербентъ, возстановилъ здѣсь званіе султана, которымъ назначилъ Феридуна, а Магометъ (Маметъ)-Гуссейнъ былъ назначенъ юбашею (наибомъ) и занималъ эту должность до смерти Надира. Вскорѣ Надиръ султаномъ назначилъ Мурада-Султана-Устаджлю; Мехти ханъ, правитель Ширвана, давнишній врагъ Мурадъ-Султана, въ 1737 г. прибылъ по дѣламъ въ Дербентъ. Мурадъ-Султанъ подговорилъ нѣкоторыхъ жителей убить его. Одни изъ участниковъ преступленія бѣжали къ уцмію, другіе заперлись въ Нарынъ-кале. Дербентцы возстали противъ убійць, овладѣли крѣпостью и представили Мурада Надиру, который приказалъ казнить его, а правителемъ Ширвана назначилъ Сардаръ-хана Киркю, султаномъ же дербентскимъ – Неджевъ Султана Карачурлю. Уцмію выдалъ Сардаръ-хану бѣжавшихъ къ нему виновныхъ. Многіе были казнены,

другіе съ семействами высланы въ городъ Аксу (Новую Шемаху), а вмѣсто нихъ переведено племя Сурсуръ. Въ 1733–34 гг. въ Дербентѣ жилъ грузинскій царь Вахтангъ, проѣздомъ въ Россію; согласно данной ему 1 мая 1734 г. инструкціи о поведеніи его и сына его царевича во время пребыванія въ персидскихъ провинціяхъ, онъ долженъ былъ войти въ сношенія съ армянскимъ патріархомъ и др. По словамъ Иосселіани, епископъ Мангліійскій, Іоаннъ съ 1724 по 1738 г. проповѣдывалъ христіанство въ Дагестанѣ и построилъ церкви въ Дербентѣ. Въ 1739 г. въ деревнѣ Эндери появилось моровое повѣтріе, охватившее весь Дагестанъ.

Оканчивая разсказъ о первомъ занятіи нами Дербента, приведемъ тѣ описанія его, которыя оставили намъ участники персидской войны. Англичанинъ Брюсъ, сдѣлавшій походъ 1722 года, говоритъ: «Городъ Дербентъ въ провинціи Ширванъ, 41° 51' сѣв. шир., на берегу Каспійскаго моря. Стѣны выведены на глубину 10 саж. въ водѣ, такъ что никто не можетъ подойти къ нему. Съ запада на востокъ онъ имѣетъ около версты, но ширина его не пропорціональна длинѣ. Городъ раздѣленъ на 3 отдѣльныя части; крѣпость расположена на вершинѣ горы и имѣетъ постоянный сильный персидскій гарнизонъ. Вторая и главная часть простирается отъ подошвы горы до нижняго города, который составляетъ третью часть и идетъ до моря. Эта послѣдняя, которая прежде была обитаема греками, не имѣетъ много жителей, такъ какъ она большею частью обращена въ сады съ тѣхъ поръ, какъ городъ былъ отнятъ у турокъ. Весь городъ окруженъ крѣпкой стѣной, которая вверху такъ широка, что повозка безъ малѣйшаго неудобства можетъ по ней проѣхать; въ извѣстномъ разстояніи въ стѣнахъ четырехъугольныя башни. Стѣны выстроены изъ кварцоваго камня, который выглядитъ, какъ куча вмѣстѣ сбитыхъ раковинъ, и все таки крѣпокъ и проченъ, какъ мраморъ, и очень красивъ, когда отполированъ. Дома построены такіе, какъ въ Тарку, и окрашены. Жители всѣ магометане, исключая нѣкотораго числа евреевъ, главное занятіе которыхъ торговля похищенными дѣтьми, которыхъ привозятъ сюда для продажи отъ сосѣднихъ дагестанскихъ татаръ, или изъ турецкихъ и русскихъ владѣній, гдѣ они берутъ ихъ въ плѣнъ во время своихъ набѣговъ; ихъ евреи потомъ доставляютъ въ Персію для продажи. Горы позади большею

частью покрыты лѣсомъ.» Сказавъ о гробницахъ въ окрестностяхъ города (Гассана), Брюсь передаетъ сказаніе жителей объ Александрѣ Великомъ и Мелькехатумѣ. Во время одного похода Александръ подошелъ къ городу Берда, гдѣ жила вдова хана города Мелькехатумъ, выдалъ себя за посланнаго Александра и требовалъ его именемъ, чтобы она со всѣмъ своимъ владѣніемъ отдалась ему на милость. Мелькехатумъ, обладавшая вкусомъ и любопытствомъ, за нѣсколько времени до того приобрѣла портретъ Александра, и тотчасъ же узнала его, когда онъ къ ней пришелъ. Она пригласила его закусить, послѣ чего онъ долженъ былъ получить отвѣтъ для передачи своему повелителю. Его ввели въ большой залъ, гдѣ стоялъ столъ, накрытый серебромъ и золотомъ, а возлѣ золотой столъ съ драгоценностями. Когда великій завоеватель сѣлъ за столъ, ханша очель упрашивала его кушать; удивленный Александръ спросилъ ее, нѣтъ ли у нея другихъ кушаній, такъ какъ то, что на столѣ, не съѣдобно. На это ханша отвѣтила: «О, Александръ, я думала, что ты можешь жить безъ пищи, ибо, ради богатствъ, опустошилъ такъ много земель и заставилъ голодать множество бѣдняковъ. Теперь ты видишь, что умрешь безъ пищи, хотя бы владѣлъ всѣми сокровищами міра». Тутъ она велѣла поднять занавѣсъ, скрывавшій его портретъ, указала ему, какъ она его узнала, и сказала, что, хотя онъ находится теперь въ ея власти, она отдаетъ ему все свое государство, за что просить лишь оставить страну въ покоѣ. Александръ, пораженный ея мудростью, исполнилъ все по ея желанію. Отсюда онъ поѣхалъ въ Ширванъ, основалъ Дербентъ и построилъ стѣну до Чернаго моря. Брюсь говоритъ о множествѣ шакаловъ и зайцевъ въ окрестностяхъ города.

Полковникъ артилеріи Иванъ Густавъ Герберъ, участвовавшій въ персидской войнѣ съ 1722 по 1729 годъ, въ сочиненіи своемъ «Извѣстіе о находящихся съ западной стороны Каспійскаго моря между Астраханью и рѣкою Куромъ народахъ и земляхъ, и о ихъ состояніи въ 1728 г.» сообщаетъ много свѣдѣній о Дербентѣ. По его словамъ, Дербентскій султанъ посылалъ иногда войско противъ жителей долины Самура, чтобы подчинить ихъ своей власти, но посланные всегда съ великимъ урономъ назадъ возвращались. Табасаранцы должны были прежь сего, по повелѣнію султана Дербентскаго, служить въ войнѣ съ платою; однако, для ихъ

непостоянства, мало ихъ употребляли; масумъ и кади Табасаранскіе зависѣли отъ султана; съ 1725 г., когда они приняли подданство Россіи, находятся подъ вѣдѣніемъ наиба Дербента, который поставляетъ ихъ. Султанъ Дербентскій принужденъ былъ сдѣлать Сурхая Казикумухскаго юсбашею и давать ежегодно по 200 руб. пенсіи, чтобы удержать его тѣмъ отъ грабительства. Дербентъ онъ включаетъ въ Ширванъ. Онъ стоитъ близъ Каспійскаго моря, такъ, что стѣны его до самыхъ береговъ морскихъ простираются, и на такомъ мѣстѣ, гдѣ горы, вдоль моря проходящія, почти съ онымъ смыкаются. И понеже городъ занимаетъ мѣсто между горами и моремъ, то всякій къ морю пройти желающій долженъ ѣхать чрезъ городъ. Сей городъ раздѣляется на четыре части, которыя въ длину одна за другою слѣдуютъ, и хотя оныя одною стѣною обведены, однако промежъ ихъ находятся простѣнки, и одна часть отъ другой отдѣлена. Верхній городъ или замокъ есть самой меньшей изъ оныхъ, и лежитъ къ западу при горѣ, такъ что оттуда можно стрѣлять по прочимъ тремъ городамъ; весь городъ стоитъ при той же горѣ, и каждая часть одна лежитъ ниже другой. Въ ономъ находится російскій гарнизонъ, и кромѣ онаго никто тамъ не живетъ. Въ обоихъ среднихъ городахъ живутъ наипъ (персидской комендантъ), купцы и другіе обыватели, и тамъ имѣютъ великіе сараи для каравановъ; а въ нижнемъ городѣ при морѣ никто не живетъ, и стоитъ оный совсѣмъ пустъ (въ нижнемъ городѣ построены были казармы для двухъ полковъ російскаго войска, и сдѣланы были тамъ небольшіе шанцы для охраненія провіанту, привозимаго туда моремъ). Общій слухъ носится, и дербентскіе жители въ томъ ссылаются на старинныя письма, якобы Изкендеръ или Александръ Великій начальникъ и основатель былъ сего города, да и что онъ не токмо верхній городъ, но и ту стѣну, которая съ сѣверной стороны города до моря простирается, противъ жившихъ тогда къ сѣверу дикихъ народовъ, построилъ. Ибо южная стѣна гораздо спустя послѣ того построена другимъ царемъ или княземъ. Камни сей стѣны имѣютъ видъ, будто изъ разломанныхъ и вмѣстѣ составленныхъ раковинъ сдѣланы. Находятъ также въ близъ лежащихъ мѣстахъ, гдѣ каменья для строенія ломаютъ, цѣлыя раковины. Понеже не токмо городовыя стѣны съ башнями, но и внѣ города на вышинахъ построены малыя крѣ-

постцы изъ такихъ же великихъ и обтесанныхъ камней, и обмазаны известью, то трудно понять откуда взято къ тому какъ иждивеніе, такъ и великое множество работныхъ людей. Не меньше удивленія достойно, какъ вода изъ ключей въ верхнихъ горахъ находящихся, отчасти небольшими трубами, а отчасти подъ сводами чрезъ каналы (которые не всѣ извѣстны) сперва въ верхній, а потомъ въ нижній городъ, подъ землею вездѣ проведена. Въ верхнемъ городѣ не токмо на поверхности земли, но и подъ землею находятся многія водою наполненныя мѣста, которыя покрыты особливымъ строеніемъ, такъ что снаружи не видно, что въ нихъ вода есть. Отъ верхняго города идетъ стѣна съ изрядно построенными башнями прямо къ западу, и жители сказываютъ, что прежде сего простиралась до Чернаго моря. Нынѣ она еще цѣла длиною до двухъ миль даже до Табасарана, будучи проведена чрезъ горы и долины, а далѣе находятся только одни ея остатки, отъ которыхъ жители ежедневно отламываютъ камни на строеніе. Вездѣ около города находится несказанное множество гробницъ съ турецкими, арабскими, персидскими, халдейскими и древними куфскими надписями, изъ коихъ иныхъ совсѣмъ не можно прочесть, такъ что должно изъ того заключить великую древность сего города. Турецкій султанъ Амуратъ, заваевавши сей городъ оный весь опустошилъ, и нижнюю часть, въ которой одни только жили греки, совсѣмъ разорилъ. Потомъ шахъ Аббасъ, овладѣвши опять сими мѣстами, сунновъ изъ города выгналъ, и сильный гарнизонъ кызилбашевъ (такъ называются древніе персидскіе солдаты) въ оный поставилъ, для содержанія сунновъ, около живущихъ, въ послушаніи. Внѣ города находятся изрядные сады, а особливо превосходные винограды, какихъ лучше нигдѣ не сыщется. Но вино изъ того винограда бываетъ не хорошо, потому что ни винограда водить, ни вина хорошо изъ него приуготовить не знаютъ, хотя они, различаясь тѣмъ отъ сунновъ, вина совсѣмъ не пьющихъ, оное употребляютъ и часто отъ него бываютъ пьяны. Собственной уѣздъ сего города не великъ, и къ сѣверу смеженъ съ хайтаками, отъ коихъ онъ отдѣленъ рѣкою Дербахомъ, находящеюся на 15 верстѣ отъ города, и составляющей границу провинціи Ширвана. Къ югу простирается онъ на 30 верстѣ до рѣки Самура; къ западу только на 5, или по большей мѣрѣ на 8 верстѣ къ нижнимъ горамъ, откуда

начинается Табасаранскій дистриктъ. Когда городъ Дербентъ состоялъ подъ персидскимъ владѣніемъ, то всегда тамъ находился султанъ и наипъ, сирѣчь губернаторъ и комендантъ. Перваго опредѣлялъ шахъ, и ему власть давалась не токмо надъ Дербентомъ, но и надъ уѣздами Мушкуръ, Низабать, Щабранъ, Рустау и Бешбармакъ называемыми. Со всѣхъ сихъ земель збиралъ султанъ доходъ на содержаніе каналовъ, городскихъ стѣнъ и публичныхъ строеній, также и на жалованье гражданскимъ и военнымъ служителямъ. Сверхъ того присылалось султану, хотя онъ и такъ имѣлъ великій доходъ, на всякій годъ 50000 рублей изъ шаховой казны, чтобы оныя употреблять по благоразсужденію; и въ сихъ деньгахъ никогда счету отъ него не требовали. По сему легко можно разсудить, что шахова казна не умножалась доходами изъ сей провинціи. Султанъ повелѣвалъ также жителямъ Кубинской и Табасаранской земли, которые, гдѣ бы онъ ни захотѣлъ, въ полѣ ему служить должны. Наипъ или комендантъ дербентскій былъ выбирать изъ знатнѣйшихъ тамошнихъ жителей, и былъ подтверждаетъ отъ шаха. Жители всѣ магометане, содержатъ персидскій или Аліевъ законъ, и говорятъ смѣшенно по персидски, турецки и татарски; однако имѣютъ у себя ходжовъ или ученыхъ духовныхъ людей, и пишутъ по большей части чистымъ персидскимъ языкомъ, но немногіе изъ простыхъ людей оный разумѣютъ. Дербентскіе жители по большей части всѣ солдаты (между оными находилась рота солдатъ, которые назывались Курджи. Сіи почитались за охранителей шахова здравья, и великую вольность имѣли до російскаго взятія. Наипъ былъ юсбаши или капитанъ надъ оными), и можно набрать ихъ 1000 человекъ конницы да 2000 пѣхоты; они получаютъ жалованье, также имѣютъ нѣсколько пашни, скота (въ Дербентскомъ уѣздѣ, а особливо къ горамъ, имѣются многочисленныя овечьи заводы, съ которыхъ шерсть за весьма хорошую почитается), а особливо пользуются садами. Они суть ревностныя люди и оказываютъ добрыя услуги» Также находятся здѣсь многіе персидскіе, грузинскіе, армянскіе и индѣйскіе купцы и художники. Съ Дербентскаго уѣзда государевыхъ никакихъ доходовъ не збирается, какъ только пошлину съ выходящихъ и входящихъ товаровъ, которые ежегодно приходили не больше 1000 рублей.»

Получивъ Дербентъ и снова утвердившись на Кавказѣ, «Персидскій Александръ», «страшный» Надиръ (1736–1747) *) обратилъ свое побѣдоносное оружіе противъ турокъ и Великаго Могола въ Индіи (1736–1740). Побѣдивъ послѣдняго, Надиръ отправилъ съ вѣстью о томъ петербургскому двору посольство (въ началѣ 1740 г.) въ сопровожденіи 16 тыс. войска съ 20 пушками. Такое необычайное посольство вызвало съ нашей стороны принятіе военныхъ мѣръ. Пройдя Дербентъ и достигнувъ Терека, посольство, въ виду настоянній русскаго правительства, продолжало свой путь лишь съ 3 тыс., остальное же войско чрезъ Дербентъ вернулось назадъ. Возвратившись въ 1741 г. въ Персію, Надиръ предпринялъ походъ въ Дагестанъ для наказанія лезгинъ, не признававшихъ его власти, во время котораго Дербентъ сдѣлался неоднократно мѣстомъ пребыванія его и расположенія войска. Въ маѣ 1741 г. онъ выступилъ изъ Казбина съ стотысячнымъ войскомъ, принялъ покорность отъ Ширвана и нѣкоторыхъ лезгинъ южнаго Дагестана, отъ которыхъ взялъ аманатовъ, содержавшихся въ Дербентѣ. Пройдя чрезъ Дербентъ, онъ посылалъ отряды противъ горцевъ, терпѣвшіе неудачу, такъ что онъ принужденъ былъ остаться зимоватъ въ обширномъ лагерѣ на равнинѣ р. Дарваха, недалеко отъ сел. Ханъ-Мамедъ-кала, верстахъ въ 15 отъ Дербента къ сѣверо-западу. Войско его сильно страдало отъ стужи и недостатка съѣстныхъ припасовъ, а также нападений лезгинъ. Въ этомъ году Надиръ переселился въ Дербентъ, гдѣ жилъ его гаремъ и хранились его сокровища, общество Микри въ числѣ 150 семействъ; сюда же на поклонъ ему пріѣзжалъ царь грузинскій Теймуразъ съ католикосомъ. Весною 1743 г. Надиръ снова открылъ военныя дѣйствія противъ табасаранцевъ, но опять

*) Одинъ изъ западныхъ историковъ Надира говоритъ: «Я читалъ въ публичныхъ вѣдомостяхъ французскихъ и русскіихъ, гдѣ пишутъ о немъ (Надирѣ), что онъ родомъ изъ Дагестана въ недалекомъ разстояніи отъ Дербента, которое мнѣніе тѣмъ основательнѣе, что и по его житію можно было узнать, что оно сходственно съ житіемъ татаръ, около тѣхъ мѣстъ кочующихъ». Болѣе достовѣрны слова того же писателя, что «Надыръ любилъ крѣпкіе напитки, но никогда не упивался до пьяна»; дѣйствительно, въ 1745 г. «докладывано жъ по представленію резидента Братищева объ отправленіи отсюда (т. е. изъ С.-Петербурга) для шаха персидскаго до 500 бутылокъ разныхъ винъ и отъ большей части сладкихъ, на что Ея Импер. Велич. соизволила, разсуждая, чтобъ нѣсколько въ томъ числѣ и венгерскаго хорошаго вина отправить».

неудачно, между тѣмъ набѣги горцевъ тревожили постоянно его войска. Въ виду этого онъ лѣтомъ укрѣпилъ свой станъ земляными укрѣпленіями, остатки которыхъ видны до сихъ поръ; моровая язва, существовавшая въ Дагестанѣ съ 1740 г., стала свирѣпствовать въ лагерѣ, что, въ связи съ недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, погубило множество войска, такъ что лагерь былъ прозванъ Иранъ-Харабъ, т. е. гибель Ирана. Живя постоянно въ лагерѣ, Надиръ каждый четвергъ вечеромъ уѣзжалъ въ Дербентъ, гдѣ въ цитадели жила его любимая жена, привезенная изъ Индіи. Неудачи, конечно, не могли способствовать смятенію нрава «страшнаго» Надира, и «дербентцы, какъ доносилъ Братищевъ, горожане и сельскіе жители, боясь истребленія отъ тирана, денно и ночью просятъ у Бога избавленія, и подчиненіе Россіи считаютъ за великое счастье». Въ Дербентѣ въ то время проживалъ резидентъ при Надирѣ Братищевъ, ради сношеній съ которымъ было учреждено въ 1742 г. сообщеніе съ Астраханью посредствомъ почтботовъ. Походъ Надира въ горный Дагестанъ окончился полною неудачею, и въ октябрѣ онъ расположился лагеремъ при дер. Башлы, къ сѣверу отъ Дербента, куда изъ послѣдняго былъ привезенъ его гаремъ и доставлены его сокровища. Въ ноябрѣ онъ сдѣлалъ нападеніе на уцмѣевы деревни въ верховьяхъ Дарваха, но съ потерей 2500 человекъ возвратился назадъ. Такъ какъ въ конницѣ шаха, которая во время его походовъ въ горы стояла главною своею частью у Дербента, начались безпорядки отъ безкормицы и падежа скота, то она отпущена на Мугань. Въ концѣ этого же года Надиръ поставилъ султаномъ Дербента Мегмедъ-Ади-хана Кирклю, который находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ русскимъ пограничнымъ начальствомъ; 18 апрѣля 1743 г. ему было разрѣшено купить для собственнаго употребленія до 50 верблюдовъ въ нагайской степи. Неблагопріятныя вѣсти изъ Персіи заставили Надира въ февралѣ 1743 г. возвратиться чрезъ Дербентъ туда, оставивъ въ городѣ войско подъ начальствомъ Гани-хана Абдальскаго. Воевавшіе съ Надиромъ турки, чтобы причинить ему затрудненія, выставили самозванца Сама-Мирзу, выдававшего себя за сына хана Хуссейна и нашедшаго помощь отъ Магомета, сына Сурхая Казикумухскаго. Они овладѣли Ширваномъ и нашли себѣ приверженцевъ и въ Дербентѣ. Племя муганли, составлявшее

часть гарнизона въ крѣпости Кабирѣ, принадлежащей тогда Дербенту, возмутилось и отдало крѣпость Магомету. Султанъ Дербентскій, Мегмедъ-Али-ханъ, опасаясь возстанія и въ Дербентѣ, всѣхъ муганлинцевъ, бывшихъ въ городѣ, велѣлъ ослѣпить въ числѣ 700 человекъ и выгнать изъ города. Очевидно, объ этомъ именно повѣствуетъ Дюма: «Выходя изъ Джума-мечети, я увидѣлъ родъ надгробнаго столба и узналъ, что при Надирь-шахѣ жители Дербента взбунтовались противъ губернатора, очень кроткаго и мирнаго, и изгнали его. Надирь послалъ на смѣну его самага свирѣпаго изъ своихъ фаворитовъ, приказавъ взять городъ назадъ во что бы то ни стало и наказать жителей, какъ хочетъ. Новый ханъ взялъ приступомъ ворота и овладѣлъ городомъ. На другой день онъ приказалъ всѣмъ собраться въ мечеть. Каждому, кто приходилъ, онъ приказывалъ при входѣ въ мечеть вырвать одинъ глазъ, а у непришедшихъ – оба. Всѣ эти глаза свѣсили; оказалось 7 батмановъ или $3\frac{1}{2}$ пуда или 110 фунтовъ французскихъ. Глаза были погребены подъ колонною противъ дверей мечети между 2 платанами». Въ самомъ началѣ 1744 г. Надирь снова пошелъ на лезгинъ и 24 января прошелъ Дербентъ, чрезъ который возвратился въ февралѣ. Дербентцы въ этомъ походѣ грознаго шаха наиболѣе потерпѣли и такъ были разорены, что, какъ они говорили, едва въ 5 лѣтъ могли поправиться. На этотъ разъ Надирь приказалъ строить для себя здѣсь дворецъ, для котораго были употреблены большіе дербентскіе надгробные камни. Народное преданіе приписываетъ Надиру проведеніе воды изъ Самура на плоскость канавою Веліядь-архъ, орошавшую и равнину по сѣверную сторону Дербента. Незадолго до смерти Надира усмій, взбунтовавъ дагестанскіе народы, приступилъ къ Дербенту. Гани-ханъ, оставленный тамъ шахомъ, видя близкую опасность не только отъ дагестанцевъ, но главнымъ образомъ отъ самихъ дербенцевъ, вышелъ изъ города съ войскомъ и пошелъ въ Кубинское ханство, гдѣ былъ разбитъ и убитъ дагестанцами.

Получивъ скоро послѣ этого извѣстіе о смерти Надира (8 іюня 1747), дербентцы изгнали Мегмедъ-Али-хана и правителемъ вновь избрали Магометъ-Гуссейнъ-хана, сына Имамъ-Кули-хана. Смерть Надира послужила сигналомъ для распаденія Персидской монархіи, сдерживаемой желѣзною рукою грознаго завоевателя. Почти

въ каждомъ ханствѣ правители, зависѣвшіе отъ шаха, преобразились въ независимыхъ хановъ, правившихъ самостоятельно, такъ какъ въ Персіи царили смятеніе и безначаліе. Шахъ Надиръ палъ — палъ съ нимъ и тронъ Персидской монархіи. Составъ сего исполина Азіи раздробился на многія части. Провинціи, города и небольшіе удѣлы отпали отъ персидской короны; каждый наибъ попиралъ подчиненность и объявлялъ себя независимымъ; кровопролитныя междоусобія были слѣдствіемъ сего сильнаго переворота въ политическомъ существованіи Персіи. Сильный побѣждалъ слабѣйшаго, слабѣйшіе соединяли силы свои и дѣйствовали совокупно противъ сильнѣйшихъ; а, наконецъ, изнеможенные войною, искали покровительства у Россіи.» Магометь Гуссейнъ ханъ, избранный въ 1747 г. дербентцами ханомъ, правилъ 12 лѣтъ; онъ не переставалъ быть преданнымъ русскому правительству, подобно своему отцу, но вооружилъ противъ себя дербентцевъ обременительными податями и жестокими наказаніями. Въ 1752 г. онъ просилъ о пропускѣ изъ Россіи желѣза, но получилъ отказъ; въ томъ же году шекинскій ханъ Ага-Киши въ походѣ на Грузію имѣлъ въ своемъ войскѣ и дербентское. Англичанинъ Ганвей, бывшій въ службѣ Надира, въ своемъ сочиненіи, вышедшемъ въ 1753 г., говоритъ, что дербентскія городскія стѣны оканчиваются у моря круглыми бастіонами, внѣ которыхъ былъ нѣкогда маленькій портъ. Въ нижней части города живутъ недавно; Надиръ здѣсь построилъ дворецъ, устроилъ нѣсколько улицъ; чтобы развить торговлю въ этой части, онъ хотѣлъ устроить здѣсь вольный портъ. Но шаху не удалось заселить эту часть; несмотря на его мѣры, персидскіе солдаты пасутъ здѣсь скотъ, и татары часто сюда забираются. Съ юга города миль на 8 простирается много садовъ и виноградниковъ, но они были сильно опустошены при проходахъ войскъ Надира. Джума мечеть имѣетъ 84 арокъ; Надиръ-шахъ, по словамъ Ганвея, обратилъ ее въ магазинъ, такъ что онъ вѣзжалъ въ нее верхомъ. Каравансараи въ городѣ принадлежатъ армянамъ.

Между ханами того времени видное мѣсто занялъ Феть-Алиханъ, сынъ Кубинскаго хана Гуссейнъ-Али-хана, родившійся въ 1736 г., наслѣдовавшій въ Кубѣ отцу своему, умершему въ 1758 году. Человѣкъ даровитый и энергичный, онъ въ 1757 г., еще при жизни отца, присоединилъ къ ханству Кубинскому Сальянскій

округъ, и въ 1765 г. въ союзѣ съ лезгинами, шамхаломъ Муртузали, усміемъ Эмиръ-Гамзою и кадіемъ Табасаранскимъ, задумалъ овладѣть Дербентомъ, гдѣ, какъ мы знаемъ, по избранію народа, ханомъ былъ Магометъ-Гасанъ-ханъ, не пользовавшійся расположеніемъ народа, особенно бековъ. Фетъ-Али вступилъ въ тайныя сношенія съ послѣдними, дарилъ и ласкалъ ихъ до того, что нѣкоторые изъ нихъ переселились въ Кубу, и посредствомъ ихъ то онъ пріобрѣлъ значительное число приверженцевъ въ самомъ Дербентѣ. Прежде всего отнялъ владѣнія Дербентскаго хана по правому берегу рѣки Самура: Мушкуръ, Низабатъ, Шабранъ, Рустау, Бешбармакъ, и присоединилъ ихъ къ Кубинскому ханству, къ которому они съ тѣхъ поръ стали принадлежать; потомъ завоевалъ онъ деревни Улусскаго магала, наконецъ осадилъ самый Дербентъ, которымъ овладѣлъ чрезъ два мѣсяца посредствомъ коварства: подъ видомъ переговоровъ вызвалъ Магометъ-Гассанъ-хана съ малою свитою въ свой лагерь, арестовалъ его и отправилъ въ Баку, вмѣстѣ съ его сыномъ Али-бекомъ, родившимся около 1760 г., гдѣ Магометъ-Гассанъ-ханъ и умеръ въ 1768 г; Али-бекъ былъ въ плѣну въ Баку еще въ 1796 г. Овладѣвъ Дербентомъ, Фетъ-Али и союзники ограбили ханскій домъ и все имѣніе свергнутаго хана и раздѣлили между собою. Сверхъ того шамхаль и уцмій, въ видѣ вознагражденія за услугу, получили доходы: первый съ 6 деревень, а второй съ 1 деревни Дербентскаго ханства; уцмій получилъ также и таможенные доходы, собираемые въ воротахъ дербентскихъ съ товаровъ. Съ того времени Дербентское ханство стало граничить р. Самуромъ и слѣдов. сильно уменьшилось въ объемѣ; но тѣмъ не менѣе, хотя осталныя владѣнія Фетъ-Али-хана въ Ширванѣ были гораздо пространнѣе, чѣмъ Дербентское, онъ и его преемники считали послѣднее наиболѣе значительнымъ, и Дербентъ былъ ихъ обыкновенною резиденціею. Дербентъ Фетъ-Али-ханъ раздѣлилъ на четыре части и каждую изъ нихъ поручилъ въ управление особому беку, а въ случаѣ надобности одинъ изъ этихъ бековъ назначался наибою, и тогда ему подчинялся весь городъ. Желая укрѣпить связь съ уцміемъ Эмиръ-Гамзою, Фетъ-Али-ханъ женился въ 1766 г. на его сестрѣ Тути-бикэ, которой поручилъ управление Дербентомъ, назначивъ ей въ помощники одного изъ дербентскихъ бековъ, оказавшаго ему важныя услуги при занятіи

этого города. Вмѣстѣ съ тѣмъ Эмиръ-Гамза просилъ руку сестры Фетъ-Али-хана, который обѣщалъ ее, но потомъ отдалъ ее бакинскому хану; тогда раздраженный уцмій въ 1767 г. задумалъ овладѣть Дербентомъ. Прибывъ, по приглашенію Фетъ-Али-хана, въ Кубу, онъ послѣ недолгаго пребыванія въ ней, возвращаясь въ свое владѣніе чрезъ Дербентъ, склонилъ тайно на свою сторону Ильясъ-бека и другихъ дербентскихъ чиновниковъ, и при ихъ помощи былъ впущенъ съ 2 т. человекъ въ цитадель, гдѣ и укрѣпился, а ворота города заперъ. Фетъ-Али-ханъ, собравъ войска въ Кубѣ, приступилъ къ Дербенту. Но аварскій ханъ Мерсель, желая прекратить несогласія, прибылъ къ Дербенту, представилъ уцмію какъ ему трудно удержать за собою Дербентъ, и уговорилъ его выйти оттуда послѣ двухнедѣльнаго пребыванія. Мерсель примирилъ уцмія съ Фетъ-Али-ханомъ, который однако лишилъ уцмія дербентскихъ таможенныхъ доходовъ, оставивъ только въ его пользу доходы съ дербентской деревни; впрочемъ, въ 1770 г. уцмій, пріѣхавъ въ Дербентъ; снова получилъ пошлину съ товаровъ, ввозимыхъ и вывозимыхъ чрезъ сѣверныя ворота. За свое посредничество Мерсель-ханъ просилъ Фетъ-Али-хана даровать жизнь измѣннику Ильясъ-беку; Фетъ-Али обѣщалъ, но чрезъ нѣсколько времени убилъ его. Фетъ-Али-ханъ, владѣя ханствами Кубинскимъ, Дербентскимъ и Сальянскимъ, сдѣлался сильнѣйшимъ владѣтелемъ восточнаго Кавказа. Деньгами онъ привлекалъ къ себѣ бѣдныхъ, но воинственныхъ и жаждавшихъ добычи горцевъ Дагестана, и набиралъ изъ нихъ войска. Онъ былъ одаренъ обширнымъ умомъ и въ совершенствѣ усвоилъ себя основу персидской политики, т. е. коварство; отличаясь храбростью и предприимчивостью, а также славолюбіемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ благоразуменъ и всегда неутомимымъ; утѣхами и удовольствіями жизни онъ не пренебрегалъ, но не вдавался въ крайности. Покоривъ Ширванъ (1772 г.), онъ переселилъ въ Кубинское ханство нѣкоторое количество народа; какъ изъ него, такъ и изъ ханства Дербентскаго, но въ 1787 г. онъ знатѣйшихъ жителей Шемахи перевелъ въ Дербентъ. Фетъ-Али-ханъ лѣто всегда жилъ въ Кубѣ ради прохладнаго воздуха, а зиму въ Дербентѣ, гдѣ выстроилъ дворецъ въ цитадели.

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ далеко простиравшія свои

честолюбивые планы Фетъ-Али-ханъ овладѣль Дербентомъ, Россія окончательно утвердилась на сѣверномъ Кавказѣ и приняла подъ свое покровительство христіанское Закавказье. Ея владѣнія со всѣхъ сторонъ окружають Дербентъ, и подчиненіе его Россіи становится, конечно, лишь вопросомъ времени. Поэтому для лучшаго уясненія всѣхъ послѣдующихъ событій исторіи этого города необходимо сдѣлать хотя бы самый краткій очеркъ утвержденія русскаго владычества на Кавказѣ со временъ Петра Великаго. Какъ мы знаемъ, ближайшіе преемники его измѣнили его восточной политикѣ и не въ состояніи были слѣдовать его великимъ задачамъ въ этой области. Ганджинскій трактатъ съ Персіей 1755 г. отдавъ ей всѣ завоеванія наши, положилъ границею Россіи со стороны Дагестана р. Сулакъ; тогда же былъ основанъ Кизляръ, сдѣлавшійся центромъ нашего управленія на Кавказѣ. Съ воцареніемъ Екатерины II, слѣдовавшей во многомъ по стопамъ своего великаго предшественника, наступила новая эра въ нашемъ положеніи на Кавказѣ. Ея турецкія войны имѣли рѣшительное вліяніе на его судьбу и привели къ окончательному подчиненію его русской власти. Уже въ первую турецкую войну русскія войска дѣйствовали и въ Закавказьѣ совмѣстно съ войсками грузинскаго царя, содѣйствуя тѣмъ моральному поднятію значенія Россіи среди христіанскаго населенія Закавказья. Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, окончившій это войну (1774 г.), призналъ кабардинцевъ русскими подданными и оставилъ Кубань подъ властью крымскаго хана, объявленнаго независимымъ. Послѣднее обстоятельство, затруднившее Портѣ открытое вмѣшательство въ дѣла Кавказа, въ то же время открывало перспективу скорого присоединенія Крыма и его владѣній къ Россіи; дѣйствительно, въ 1783 г. Крымъ, Таманскій полуостровъ и вся страна до Кубани стали русскими. Въ томъ же году царь грузинскій Ираклій вступилъ въ подданство Россіи. Персидскій походъ Зубова, прерванный кончиною императрицы, на время присоединилъ край до Куры. Царствованіе Павла I лишь на короткое время задержало наше движеніе на Кавказѣ, но уже 12 сентября 1801 г. манифестъ его преемника, Александра I возвѣстилъ объ окончательномъ присоединеніи къ Россіи Грузинскаго царства и о введеніи въ немъ русскаго управленія, согласно желанію царя и населенія, изнемогшихъ въ борьбѣ съ сосѣдями и отъ

внутреннихъ смуть. Это событіе не могло не отразиться рѣшительнымъ образомъ на положеніи Россіи на всемъ Кавказѣ. Закавказье въ большей своей части вошло въ составъ Имперіи, которой принадлежалъ также весь сѣверный Кавказъ по Кубань, Терекъ и Сулакъ. Такимъ образомъ мелкія ханства Восточнаго Закавказья очутились внутри русскихъ владѣній и, естественно, должны были одно за другимъ инкорпорироваться съ ними. Въ 1804–1805 гг. присоединены ханства Ганджинское, Ширванское, Карабахское и другія мелкія владѣнія, одно Дербентское сохраняло независимость, но и его часть наступалъ. Соотвѣтственно распространенію русской власти на Кавказѣ, измѣнялось и управленіе. Сначала начальство у Кавказа сосредоточивалось въ Кизлярѣ, комендантъ котораго, подъ зависимостью астраханскаго губернатора, вѣдалъ и пограничныя сношенія. Въ 1769 г. учреждается должность инспектора Кавказской линіи, которому подчиняется управленіе сѣвернаго Кавказа вдоль нашей границы, и который вѣдаетъ также и всѣми сношеніями съ кавказскими владѣтелями; должность эту занимаетъ генераль-майоръ графъ Иванъ Медемъ. 23 ноября 1775 г. князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, интересовавшійся болѣе восточною политикою, чѣмъ западною, принимаетъ въ свое завѣдываніе всѣ дѣла кавказскія въ званіи Астраханскаго намѣстника. Въ 1776 г. кизлярскій край попрежнему подчиненъ астраханскому губернатору, но въ 1782 г. Кавказскій корпусъ подчиненъ генераль-поручику Павлу Сергѣевичу Потемкину, которому 1 іюля 1783 г. поручено для однообразнаго управленія все пространство отъ Моздокской линіи до Астрахани и Каспійскаго моря. 2 февраля 1784 г. П. С. Потемкинъ назначенъ генераль-губернаторомъ Саратовскимъ и Кавказскимъ. Край отъ Азовскаго до Каспійскаго моря порученъ начальнику Кавказской линіи. 5 мая 1785 г. учреждено и 21 января 1786 г. открыто Кавказское намѣстничество изъ губерній Кавказской и Астраханской, съ раздѣленіемъ первой на уѣзды: Екатериноградскій, Кизлярскій, Моздокскій, Георгіевскій, Александровскій и Ставропольскій, и съ назначеніемъ Екатеринограда (нынѣ станица того же имени Терской области) губернскимъ городомъ. Генераль-губернаторомъ былъ назначенъ П. С. Потемкинъ; съ 24 декабря 1790 г. главнокомандующимъ войсками на Кавказѣ и на Кубани былъ назначенъ генераль-аншефъ графъ

Иванъ Васильевичъ Гудовичъ. Въ 1798 г. возстановляется должность инспектора Кавказской линіи, которымъ, и Астраханскимъ губернаторомъ, назначается генераль-лейтенантъ Карль Ѳедоровичъ Кноррингъ, въ 1801 г. назначенный и главнокомандующимъ въ Грузіи. 8 сентября 1802 г. инспекторомъ Кавказской линіи, Астраханскимъ военнымъ, губернаторомъ и управляющимъ тамъ и гражданскою частью и главноуправляющимъ въ Грузіи назначенъ генераль-лейтенантъ князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ, убитый 8 февраля 1806 г. Въмѣсто него 2 іюня 1806 г. гр. Гудовичъ назначенъ главноуправляющимъ зъ Грузіи, генераль Булгаковъ командующимъ на Кавказской линіи. Гудовича 5 марта 1809 г. замѣнилъ генераль-отъ-кавалеріи Александръ Петровичъ Тормазовъ, въ сентябрѣ 1811 г. сдавшій свою должность генераль-лейтенанту маркизу Филиппу Осиповичу Паулучи. Менѣе чѣмъ черезъ годъ (16 февраля 1812 г.) главнокомандующимъ въ Грузіи и главноуправляющимъ по гражданской и пограничной части въ губерніи Астраханской, Кавказской линіи и Грузіи назначается генераль-лейтенантъ Николай Ѳедоровичъ Ртищевъ. Генераль-лейтенантъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ принимаетъ отъ Ртищева управленіе 12 октября 1816 г. и править плодотворно Кавказомъ до 26 марта 1827 г., когда его смѣнилъ генераль-отъ-инфантеріи Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ. Въ августѣ 1831 г. командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и главноуправляющимъ гражданскою частью въ Грузіи назначенъ генераль-отъ-инфантеріи баронъ Григорій Владимировичъ Розень, котораго 30 ноября 1837 г. смѣняетъ генераль-отъ-инфантеріи Евгений Александровичъ Головинъ. 25 ноября 1842 г. назначенъ командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и главноуправляющимъ Закавказскимъ краемъ генераль-от-инфантеріи Александръ Ивановичъ Нейдгардтъ, уволенный 27 декабря 1844 г. Новая эпоха наступаетъ для Кавказа, когда декабря 1844 г. генераль-отъ-инфантеріи, генераль-адъютантъ князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, герой войнъ 1812–1814 гг., устроитель Новороссійскаго края и Крыма, назначенъ намѣстникомъ Кавказскимъ и главнокомандующимъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ. 24 октября 1854 г. князь Воронцовъ освобожденъ, по растроенному здоровью, отъ этихъ должностей, а 29 ноября на его мѣсто былъ назначенъ генераль-адъютантъ Николай

Николаевичъ Муравьевъ. 22 іюля 1856 г. постъ намѣстника занялъ генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. 6 декабря 1862 г. намѣстникомъ и командующимъ Кавказскою арміею назначень Е. И. В. Великій Князь Михайль Николаевичъ. 1 января 1882 г. главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ и командующимъ войсками Кавказскаго военного округа назначень генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавал. князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ. 3 іюня 1890 г. генераль-адъют., ген.-отъ-кавал. Сергѣй Алексѣевичъ Шереметевъ смѣнилъ князя Дондукова-Корсакова. 12 декабря 1896 г. главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ и командующимъ войсками Кавказскаго военного округа назначень генераль-отъ-инфантеріи князь Григорій Сергѣевичъ Голицынъ, занимавшій этотъ постъ до 1 января 1905 г. 26 февраля 1905 г. намѣстникомъ Его Императорскаго Величества на Кавказѣ и главнокомандующимъ войсками Кавказскаго военного округа назначень генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи графъ Илларионъ Ивановичъ Воронцовъ-Дашковъ.

Распространяя предѣлы своего государства, императрица Екатерина II желала ближе ознакомиться съ своею страной, для чего и снарядила нѣсколько ученыхъ экспедицій для описанія разныхъ частей Россіи. Во главѣ одной изъ нихъ, имѣвшей цѣлью описаніе прикаспійскихъ странъ и Персіи, былъ поставлень, академикъ Самуиль Готлибъ Гмелинъ, который 12 іюня 1770 г. прибылъ моремъ къ Дербенту.

«Здѣсь (въ разстояніи ок. мили отъ города на 16 сажен.) дно Каспійскаго моря наполнено мѣлкими разбитыми раковинами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ каменисто и высокими ноздреватыми камнями покрыто. Оно дербентской берегъ, въ разсужденіи стойки судовъ, дѣлаеть столь труднымъ, что они только въ нарочитомъ отдаленіи на якорь ложатся, и никогда совершенно нагружены быть не могутъ, и сіе есть главною причиною тому для чево въ сію пристань мало заходятъ и мало торгуютъ. Чтобъ большое наше судно не очень далеко отъ сухой земли стояло, то 13 числа подвинулись мы съ онымъ нѣсколько ближе къ городу, приказавъ для предосторожности со всякимъ раченіемъ дно безпрестанно осматривать. Мы поздравили крѣпость пятью выстрѣлами изъ пу-

шекъ и изъ одной отвѣтствовано столькимижъ. Потомъ послалъ я татарскаго толмача съ студентомъ Ключаревымъ и однимъ солдатомъ на шлюпкѣ къ коменданту города объявить о моемъ прибытіи и о мнѣ самомъ, и въ семъ намѣреніи рекомендательныя о мнѣ отъ Астраханскаго губернатора письма ему вручить. Посланные приняты были изрядно и возвратились назадъ съ желанною вѣстію, то есть, что спокойная для меня квартира уже готова и что еще тѣмъ же вечеромъ владѣльца Ширвани Фетъ Али хана изъ Кубы сюда ожидаютъ. Съ посланными отъ насъ пріѣхали также три человѣка изъ города для поздравленія и въ знакъ своея радости о нашемъ прибытіи привезли съ собою дербентскаго вина и благовонныхъ цвѣтовъ, по тамошнему обыкновенію, въ подарокъ. И такъ я, не намѣрень будучи болѣе терять времени, оставивъ судно и сѣвши въ шлюпку, поѣхалъ со всею свитою въ городъ. Ханъ лишь только пріѣхалъ, то прислалъ ко мнѣ своего адъютанта, приказавъ меня поздравить и отвезъ на показанную квартиру, что и учинено еще симъ же вечеромъ, при наступленіи ночи; въ тожь время меня обнадежили, что на другой день для переговоровъ къ самому хану допущень буду. 14 не успѣлъ я еще проснуться, какъ ханъ меня къ себѣ уже звать приказалъ. Онъ живетъ въ верхней части города или въ крѣпости, и я пошедъ къ нему съ господиномъ совѣтникомъ Кавтаразевымъ и студентомъ Габлицомъ, какъ русскимъ моимъ толмачемъ, взялъ съ собою подарки для него назначенные, кои состояли изъ голландскаго сукна, сахару, конфектовъ и одного компаса. Авдіенцъ зала была не очень великолѣпна. Въ передней, которая отъ ханской отдѣлялась только одною небольшою лѣсницею, находилось множество стоящаго народа съ скинутыми туфлями, кои для чистоты при входѣ оставляются. Ханъ сидѣлъ посреди покоя на земли въ татарскомъ одѣяніи, курилъ изъ кальяна табакъ и подлѣ его лежали заряженные пистолеты, кои онъ, какъ я послѣ часто видалъ и слыхалъ, всегда при себѣ держитъ, противъ его сидѣлъ комендантъ города и сосѣдственной татарской князекъ, подлѣ сихъ поставленъ былъ для меня стулъ, а мои господа толмачи принуждены были стоять. Рекомендательное письмо отъ Астраханскаго губернатора вручено ханскому адъютанту, а онъ распечатавъ подалъ его хану, которой какъ скоро оно прочиталъ (при напоминовеніи Высочайшаго Ея Импера-

торскаго Величества имяни низко кланялся), то послѣ обнадежилъ меня своею милостію и всевозможнымъ въ моихъ дѣлахъ вспомогательствомъ. Онъ примѣтилъ, что я лѣкарское искусство нѣсколько разумѣть долженъ, и какъ онъ имѣлъ на лицѣ подлѣ уха затвердѣлую опухоль, о которой онъ думалъ, что ее такой человекъ, какъ я, согнать можетъ, то и просилъ меня, чтобъ я у него на другой день побывалъ со всею моею свитою и пощупалъ пульсъ. Щупаніе пульса у персіанъ не только за важное, и для разсмотрѣнія и лѣченія болѣзней весьма нужное, но также по ихъ мнѣнію и съ трудностями сопряженное и превеликое званіе лѣкаря показывающее, а для того, кто въ предсказаніяхъ щастливъ будетъ, за весьма славное дѣло почитается. Персіяне, поелику къ суевѣрію очень склонны, сыскиваютъ вездѣ нѣчто чрезвычайное. Они не предпринимаютъ никакихъ послѣдствій, но по высокопочитаемой ими астрологіи должны предсказывать согласно ли съ тѣмъ созвѣздіе, или нѣтъ. И такъ назначенъ былъ сей день для разсужденія, въ которой мнѣ съ ученою глубоко мысленною миною у хана пульсъ щупать и о судьбинѣ ево здоровья, въ разсужденіи опухоли на щекѣ, которою онъ зараженъ былъ, точно объявить надлежало. Того ради пошелъ я опять къ нему, взявъ всѣхъ къ моей свитѣ принадлежащихъ съ собою, и принять былъ съ тоюжъ самою учтливостію, какъ вчерашняго дня. Моя свита осталась по прежнему въ передней, а для меня туда, гдѣ сидѣлъ ханъ, принесенъ и поставленъ былъ стулъ. Хану хотѣлось пить кофе, но онъ сумнѣвался и его пить, пока не получилъ отъ меня позволенія, когда еще пульсъ смотрѣнъ не былъ. Я меньше старался о сообщеніи моего отвѣта, нежели онъ своего вопроса: ханъ пилъ кофе и я, мало помалу приуговлялся, наводя на моемъ докторскомъ лицѣ надлежащія морщины, чтобъ мѣрными шагами итти прямо къ ханской рукѣ. Щупаніе пульса всегда предсказывало сходное съ его намѣреніемъ, а предсказатель всегда пріятенъ бываетъ, естли искусство свое такъ употреблять знаетъ, чтобъ тотъ, при комъ оно предлагается, прежде приведенъ былъ въ спокойствіе духа, нежели опечаленъ: для того и сказалъ я хану, что пульсъ у него идетъ ни скоро, ни тихо, ни сильно, ни слабо, и по тому онъ есть такой, какой долженъ быть у здороваго человекъ. Но какъ онъ знать желалъ, чтобъ была у него за опухоль, то я ему сказалъ что мнѣ и ее, дабы мнѣніе

мое объявить совершенно, такъ какъ и пульсъ пощупать должно. Онъ показалъ ее немедленно. Я узналъ что то была затвердѣлая опухоль (Scirrhus) которой уже чрезъ два года созрѣть надлежало, и желая при сихъ обстоятельствахъ съ шупаніемъ пульса, хотя подлинно оно такъ какъ долгъ требовалъ, исправлялъ, отдѣлаться, сказалъ что употреблять, должно, и между тѣмъ не скрывать и того, что надлежащее излѣченіе больше времени требуетъ, нежели я здѣсь пробывъ могу; и еще точно опредѣлить не въ состояніи какимъ способомъ оно должно произвести въ дѣйствіе. А какъ я со всѣмъ не съ тѣмъ приѣхалъ въ Персію, чтобъ лѣчить, то я лѣченіе ханской затвердѣлой опухоли со дня на день откладывалъ, утѣшалъ его болѣе словами, нежели лѣкарствами, изъ коихъ однакожь немогъ отказаться чтобъ нѣкоторыя ему несообщить, и по происшествіи двухъ часовъ опять отъ него вышелъ. Шестаго числа ханъ прислалъ ко мнѣ своего адъютанта, и или изъ почтенія къ полученному рекомендательному письму, или также чтобъ меня какъ лѣкаря побудить къ моей лѣкарской должности, или можетъ быть что неоказаться неблагодарнымъ за полученныя подарки, приказалъ вручить мнѣ сто рублей персидскою монетою подъ тѣмъ видомъ, чтобъ я ихъ по недостатку у меня тамошнихъ денегъ издержалъ на нужные расходы. Отъ сей учтивости, отказался я съ такимъ извиненіемъ, что хотя я еще персидскихъ денегъ и не имѣю, однако есть у меня товары, на кои я ихъ легко достать могу, къ тому же получаю я со всѣми при мнѣ находящимися, по Высочайшей отъ Ея Императорскаго Величества Милости столько, что мы въ постороннѣй помощи со всѣмъ нужды не имѣемъ. Ханъ отвѣтъ мой понявъ такъ, какъ надлежало, остался при своихъ ста рублѣхъ и прислалъ мнѣ нѣсколько орлець и птицъ, которой подарокъ я принять нимало не усумнился. Послѣ сихъ приключеній настало то время, чтобъ мнѣ какъ путешественнику и испытателю естества стараться о собраніи достопамятностей дербентскихъ, и отсюда начинаются мои для публики наблюденія. Отъ 16 іюня до 17 іюля. Сказываютъ, что сей старинный и примѣчанія достойный городъ Дербентъ построенъ Александромъ Великимъ, котораго восточные, обыкновенно Искендеромъ называютъ, по крайней мѣрѣ, какъ думать надобно, онъ ему знаменитое положилъ начало. Дербентъ лежитъ при самомъ морѣ при подошвѣ горы къ

Дербентскимъ принадлежащей, которая не что иное есть какъ продолженіе Усмейскихъ горъ; построенъ вдоль помянутой горы и раздѣляется на слѣдующія части. Первая и верхняя заключаетъ въ себѣ крѣпость или замокъ и величиною всѣхъ прочихъ меньше. Въ ней живетъ ханъ, когда бываетъ въ Дербентѣ, и различные армяне. Съ верхней части горы можно стрѣлять изъ пушекъ и по прочимъ, и что сіе уже случилось, свидѣтельствуеетъ множество вездѣ находящихся остатковъ развалившихся домовъ. Дербентской замокъ, есть и объ немъ такъ, какъ о крѣпости разсуждать, имѣетъ всѣ къ тому отъ природы свойства; ибо онъ стоитъ на высококомъ мѣстѣ при подошвѣ горы, то очень трудно его брать приступомъ отъ городской стороны. Отъ западу защищаетъ его цѣпь или соединеніе высокихъ горъ, и такъ остается только приморская сторона, съ которой опасности ожидать должно. Для сихъ причинъ названъ сей городъ Дербентомъ, что на персидскомъ языкѣ значитъ крѣпкой городъ. Къ симъ природнымъ крѣпостей заложеніямъ искусство прибавило нѣчто и отъ себя. Замокъ Дербентской есть собственно большая цитадель, по близности которой на находящихся тамъ возвышеніяхъ есть еще и другія, а особливо къ приморской сторонѣ, меньшія, видомъ различныя. Въ нее ходятъ чрезъ большія желѣзными листами крѣпко обитыя ворота, противъ коихъ находится узкая по горѣ построенная улица, ведущая къ ханскимъ покоямъ, а по лѣвую руку примѣчается входъ въ ханской дворъ, которой весьма пространенъ, видомъ четвероуголенъ и обнесенъ крѣпкими каменными стѣнами. По обѣимъ сторонамъ двора, которой такъ же передніе ханскіе покои представляетъ, идутъ входы къ другимъ ханскимъ покоямъ, особливожъ къ тому, въ которомъ ханъ даетъ аудіенцію. Они столь узки и темны, что должнобъ ихъ почестъ предвѣстниками подземельныхъ норъ. Выше двора по правую сторону есть большое пустое мѣсто, на которомъ стоятъ разставлены пушки и мортиры. Противъ сего видны такъ же и тѣ цитадели или караульные дома вмѣстѣ съ вышеупомянутыми небольшими цитаделями, кои уже отчасти нарочито развалились. Подлѣ замка къ городской сторонѣ подъ горою стоятъ еще нѣкоторыя строенія и съ сводами сдѣланныя башни, въ коихъ порохъ и артиллерійскіе матеріалы сохраняются. Отъ горъ въ крѣпость есть еще одни небольшія ворота. Всякаго

Видъ гор. Дербента съ сѣверной стороны.

примѣчанія достойна и почти непонятна постройка стѣнъ, коихъ середина составляетъ Дербентской замокъ. То есть отъ него начинаются городскія стѣны съ невѣроятнымъ трудомъ построенныя. Одна идетъ по сѣверной сторонѣ города до самаго моря и теперь служить съ пользою противъ усмейцевъ, другая находится на южной, обѣ притыкаются къ замку, и какъ онъ лежитъ по срединѣ, то они съ нимъ вмѣстѣ треугольникъ составляютъ. Посредствомъ сихъ стѣнъ всѣ части города совершенно соединяются между собою, однакъ многія поперегъ идущія стѣны раздѣляютъ оную на части, о коихъ я ниже сего говорить буду. Они вышиною неравны и построены такъ какъ и всѣ городскіе дома изъ ноздреватыхъ камней, въ коихъ заросло ужасное множество окаменѣлыхъ и въ известъ превратившихся раковинъ и улитокъ. Сими ноздреватыми, съ помянутыми окаменѣлыми вещьми сросшимися камнями наполнены и всѣ ближнія горы, для того и спрашивать недлячего откуда сюда припасы на строеніе ставлены были, однакъ откуда брато было потребное къ тому число людей и скота при всѣмъ томъ, что горы находятся неподалеку, едва понятно. На обѣихъ стѣнахъ, о которыхъ я говорю, сдѣланы грудныя защиты, есть также довольно и отверстій для стрѣлянія. Отъ крѣпости прямо на западъ чрезъ горы и долины идетъ третія стѣна, о которой жители объявляя утверждаютъ, что она простирается до Чернаго моря, которое мнѣніе и находящіеся еще по сіе время остатки, какъ кажется, довольно подтверждаютъ. Въ Дербентской крѣпости, которая самую малую часть города составляетъ, въ находящихся подлѣ замка строеніяхъ живутъ по большей части армяне подъ смотрѣніемъ оришбека. Они живутъ такъ же смѣшенно съ другими народами и въ нижней части города. Сія и средняя идутъ прямою линіею къ крѣпости вдоль по горѣ, по чему и городъ лежитъ на совершенно покатиломъ мѣстѣ. Концами, какъ я сказывалъ, соединяются они посредствомъ сѣверной и южной стѣнъ, чрезъ которыя проходятъ городскія стѣны, кои имѣютъ изрядныя выгибы и много окошечекъ для того, чтобъ изъ оныхъ по непріятелямъ стрѣлять можно было, а поперешніе стѣны дѣлаютъ раздѣленіе городу. Въ другой части города живетъ наипъ или персидской губернаторъ, которой въ небытность хана управляетъ городомъ и протчими жителями изъ персіанъ и татаръ

состоящими. Есть также здѣсь нѣсколько и индѣйцовъ. И такъ точно сказать не можно, кто суть настоящіе дербентскіе жители? разныя нещастія и опустошенія, коимъ городъ сей съ ряду чрезъ нѣсколько лѣтъ подвержень былъ, заставляють по справедливости сумнѣваться, чтобъ они были подлинно персіяне. И такъ тамъ находится еще только смѣсь произшедшая изъ татарской и персидской крови. Всего навсе считается въ городѣ четыре тысячи семей между коими находятся сто армянскихъ. Они кормятся отчасти рукодѣліемъ, отчасти хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Армяне хану не платятъ никакихъ податей, однакъ напротивъ того должны нести полицейскіе должности. Хлѣба здѣсь сѣютъ весьма мало, котораго и для самой необходимости недостаточно. Для того здѣсь мука съ превеликимъ барышомъ продается, и охотно покупають куль по семи и десяти рублей, а часто еще и того дороже. При небольшомъ разрывѣ мира одного персидскаго князька съ другимъ сосѣдственнымъ очень легко цѣна муки доходитъ до пятнадцати рублей, и то еще въ свѣжей памяти, что многіе армяне во времена Надиръ шаха когда цѣна муки взошла до двадцати и тридцати рублей, отъ того обогатились. Я уже сказывалъ, что по причинѣ худаго берега у Дербента никакія суда непристають, или, хотя и пристають, только очень рѣдко; для того и торгъ дербентской нимало неваженъ. Однакожь между прочимъ сказать невозможно, чтобъ тамъ со всѣмъ никакого небыло. Провинція Гилянская и городъ Шамаха снабдѣвають Дербентъ разными бумажными и шелковыми матеріями, какъ то кутнею, канаватомъ, кисѣею и бурмѣтью кои промѣнивають лезгинскимъ и горскимъ татарамъ на одинъ родъ тонкаго сукна, которое имижь самими въ горахъ приуготовляется и называется Кубеши Шаль. Въ Гилянъ и Шамаху много отсюда возится шафрану, котораго здѣсь садятъ очень много и пудъ онаго во время собиранія по сту рублей продается; это есть такая цѣна, за каковую Россія ни когда не достанетъ изъ Европы шафрана. О торгѣжь въ лавкахъ производимомъ и упоминать труда не стоитъ. Кромѣ упомянутыхъ главныхъ раздѣленій раздѣляется еще Дербентъ на осмнадцать слободъ, кои, какъ сказываютъ, во время Надиръ шаха особливими именами называлися, но теперь ни одного изъ оныхъ не знаютъ, и называютъ тѣ слободы просто верхнею, среднею, нижнею и такъ далѣе. Надъ

каждой изъ оныхъ поставлены старосты, кои на турецкомъ языкѣ каркхода называются. Фетъ-Али-хану отъ роду около тридцати лѣтъ, имѣеть шесть женъ, и по персидскому обыкновению пьетъ очень много. Сколько я примѣтити могъ, то Дербентскіе жители его нарочито любятъ. Власть его неограничена, а доходовъ точно опредѣлить нельзя, потому что онъ подати накладываетъ смотря по обстоятельствамъ и состоятъ оныя въ лошадахъ, скотѣ, всякомъ житѣ, пшеницѣ, сорочинскомъ пшенѣ и другихъ плодахъ; во всѣхъ городахъ имѣеть собственные сады и пашни. Войско его, сказываютъ, простирается до сорока тысячъ человѣкъ и состоитъ не только изъ персіянь, кои, когда въ воинской службѣ находятся и отъ хана жалованье получаютъ, куть низываются, но по большей части изъ наемныхъ сосѣдственныхъ татаръ, изъ коихъ особливо въ сію службу вступаютъ лесгинцы. Сіе наемное войско есть причиною превеликихъ ханскихъ расходовъ. Все, что онъ съ подданныхъ собрать можетъ, расходится на оное; и хотя подданные хана своего и любятъ, однакожь не недостаетъ при томъ и жалобъ, и весь Дербентъ желаетъ, чтобъ возвратились тѣ щастливья времена, въ которыя Ширванъ была подъ скипетромъ россійскимъ. Ханужь на противъ того по причинѣ безпрестаннаго мятежа ево сосѣдей надобно войско. На сіе подданныхъ не довольно, и такъ долженъ онъ стараться о присовокупленіи чужихъ. Сіи хотять хорошей платы, а деньги вмѣстѣ съ другими, потребностями должны платить подданные, коимъ для того такая должность довольно трудною быть кажется.

Вездѣ около города Дербента, выключая только полуденную сторону онаго, находится несказанное множество надгробныхъ камней какъ прямо, такъ и вкось стоящихъ, между коими есть другіе и овальные лежатъ на земли, и видѣ гробницы имѣють. На сихъ надгробныхъ камняхъ находятся надписи на разныхъ восточныхъ языкахъ написанныя, въ коихъ имена и лѣта умершихъ означаются, иногдажь въ оныхъ и высѣченныя, полезныя, надгробныя стихи содержатся. У персіянь, такъ какъ и въ другихъ европейскихкихъ мѣстахъ, есть такое обыкновение, что они для своихъ фамилій выбираютъ особливья мѣста, на коихъ оныя погребаемы бывають. Надъ каждымъ изъ умершихъ ставятся надгробныя камни, кои у богатыхъ разнымъ убранствомъ и грубою скульптур-

ною работою украшаются. Примѣчанія достойнѣйшая гробница находится близъ города, при подошвѣ западной горы, коею почитено тѣло хана, или тогдашняго губернатора, которой Петру Великому сдалъ Дербентъ. Она походитъ на каменную церковь, и въ ней лежитъ тѣло умершаго. На сѣверовосточной сторонѣ города есть еще два примѣчанія достойныя мѣста, о коихъ я при описаніи помянутыхъ надгробныхъ камней упомянуть могу. Одно лежитъ подъ горою на ровной землѣ и состоитъ изъ многихъ въ кучу собранныхъ и плотно одинъ на другомъ лежашихъ надгробныхъ камней, кои окружаетъ каменная стѣна изъ такихъ же камней сдѣланная, которая то мѣсто дѣлаетъ четвероугольнымъ и посреди онаго сдѣлана со сводами пирамида, въ которой благочестивѣйшіе изъ персіанъ зажигаютъ свѣчи и обыкновенно вмѣсто жертвоприношенія кладутъ деньги, которыя послѣ достаются тѣмъ, кои ни мало не сумнѣваются сколько нибудь воспользоваться сими священными деньгами. Персіане сказываютъ, что въ давніе и имъ неизвѣстные годы на семь мѣстѣ погребено сорокъ изъ ихъ закона мучениковъ, а какъ я спросилъ, для чего надгробныхъ камней гораздо больше сорока, то на сіе мнѣ отвѣтствовали, что во время погребенія тѣхъ мучениковъ и до днесь погребаются также на семь мѣстѣ по смерти своей и другіе благочестивые и усердные алліане и великія услуги оказавшіе люди. Христіане армянскаго закона силятся утверждать, что мученики не персидскаго, но христіанскаго закона на помянутомъ мѣстѣ почиваютъ, однакъ пирамида, жертвоприношенія, которую персіане, такъ какъ и всѣ за свято почитаютъ, преданіе послѣднихъ, какъ мнѣ кажется, подтверждаютъ. Не въ дальнемъ разстояніи отъ сей гробницы находится домъ, которой для проѣзжающихъ построенъ съ тѣмъ, чтобъ, ежели они такъ опоздають что въ городъ ни какъ попасть не могутъ, въ ономъ пребываніе имѣть могли. Ибо, знать надобно, что дербентскіе ворота вмѣстѣ съ захожденіемъ солнца запираются и ни для ково не отпираются. Другое, отъ сего не далеко отстоящее мѣсто примѣчается на горѣ. Оно есть подземельная пещера, которая входъ въ себя имѣетъ длиною въ восемь, а шириною въ полтора фута и на лѣвой сторонѣ онаго вырытъ каминъ. При концѣ котораго съ короткими, узкими и круглыми лѣсницами сдѣланы на подобіе избъ, два покоя, то есть на каждой сторонѣ по одному. Они дли-

ною около 14 шаговъ и невидно тамъ совсѣмъ дневнаго свѣта. Какъ входъ въ сію пещеру, такъ и избы сдѣланы изъ камней, и камни смазаны глиною. Промежъ подземельныхъ круглыхъ покоевъ находится широкое, но весьма малое мѣсто, которое не иначе какъ за переднюю къ обоимъ покоямъ почеть можно. Сказываютъ, что тутъ погребены были 40 Грузинскихъ дѣвицъ, кои какъ мученицы насильно лишены жизни, а кости ихъ увезены Грузинами въ свое отечество. Въ сей пещерѣ лежитъ еще и понынѣ нѣсколько человѣческихъ костей, однакъ я въ томъ не ручаюсь, не подъ другимъ ли какимъ нибудь видомъ оныя положены? Сверхъ сего на верьху входа пещеры снаружи есть надпись писанная на восточномъ языкѣ, которая, какъ сказываютъ, содержитъ исторію о помянутыхъ мною дѣвицахъ.

Дербентскіе колодцы заслуживаютъ всякое вниманіе. Ключей или родниковъ на ближайшихъ горахъ есть очень много. Изъ нихъ вода чрезъ трубы и высѣченные каналы проведена въ крѣпость и оттуда въ прочія части города. Въстилица воду содержащія инныя безъ крышекъ, а другія покрыты. Въ нихъ вода течетъ только изъ одной трубки, хотя числомъ ихъ и много, и не только близъ лежащія, но также и весьма отдаленнѣйшіе ключи подаютъ надежное жителямъ дербентскимъ средство отъ жажды.

Путешествующій въ сіе время объ архитектурѣ, какая въ Дербентѣ примѣчена, не съ лишкомъ разговорится. Рѣдко найдешь въ семъ городѣ цѣлой домъ. Но все развалилось и пусто. Однакожь то весьма примѣтно, что все построено на восточной вкусъ. Каждой домъ сдѣланъ четверугольно и обнесенъ особливою каменною стѣною, жилые покои придѣланы къ одной или другой сторонѣ стѣны и идутъ вдоль оной. Мѣсто оконницъ заступаютъ деревянные рѣшетки и вмѣсто шкафовъ въ кругъ по стѣнамъ въ избахъ сдѣланы четверугольныя печурки. Покои нагрѣваются отъ каминовъ, а погребовъ совсѣмъ незнаютъ: большая часть домовъ состоитъ, или лучше состояла, изъ одного жилья, есть также инныя о двухъ и болѣе. Порядочныхъ кухней не имѣется.

На полуденной сторонѣ города вдоль по берегу моря и на сѣверной къ Усмейскимъ горамъ находятся преизрядные дербентскіе сады, коимъ хотя искусство мало прелестнаго придало; однакъ природа ихъ тѣмъ болѣе ущедрила. Кромѣ немногихъ огородныхъ

овощей, какъ то огурцовъ, капусты и протчаго, насажены по большой части въ оныхъ виноградныя лозы и различныя плодоносныя деревья. Виноградное вино, которое на турецкомъ и персидскомъ языкѣ чехиръ, или чахиръ называется, не только имѣеть хорошій вкусъ, но также нарочито крѣпко и не скоро портится. Оно здѣсь трехъ сортовъ, красное, бѣлое и изкраснабѣлое. Хотя въ немъ и есть то несовершенство, что оно рѣдко чисто, а по большой части густо бываетъ, однакъ сему не виноградъ причиною, но не радѣніе и незнаніе людей, кои не знаютъ какъ съ виномъ поступать должно, не даютъ совершенно выкиснуть, и послѣ квашенія не отдѣляютъ отъ него нечистотъ винныхъ. При томъже и то наипаче въ разсужденіе взять должно, что въ Дербентѣ великой недостатокъ въ бочкахъ и всѣ они въ худомъ состояніи, а о томъ, что при семъ упомянуть надлежалобъ, что при сбираніи винограда ягодъ не разбирають, и говорить нечево. Сажаніе винограда столь просто здѣсь отправляется, какъ только вздумать можно. Ибо возвращеніе виноградныхъ лозъ во всемъ оставляется на произволь природы, ни одинъ разъ не прикрѣпляютъ ихъ къ кольямъ и въ зиму не зарываютъ землею, что по справедливости и дѣлать не надлежалобъ, по тому что здѣсь начинается природная виноградная земля и онъ въ ближайшихъ горахъ прививаясь ко всѣмъ деревьямъ своими усами или развилками растетъ дикой.

Плоды, сажаемые въ здѣшнихъ огородахъ, суть разныя породы самыхъ вкуснѣйшихъ яблокъ, груши, айвы, также персики, априкозы, миндаля, инжиръ и гранаты. Сіи деревья стоятъ въ безпорядочныхъ алеяхъ, и природныхъ лабиринсахъ, вмѣстѣ и порознь и суть чрезвычайно плодоносны. Изъ цвѣтовъ примѣтилъ я по большой части такіе, кои пріятной запахъ имѣють, однакъ тѣ, кои прекраснѣйшими почитаются, еще совсѣмъ не разцвѣли. Большаиновъ здѣсь водится очень много. Сіе растѣніе на турецкомъ языкѣ называется Кна, и служитъ къ употребленію. Черезъ траву и сѣмена гонятъ воду, въ которой первыя мокнуть долгое время. Водю персіяне и татары моють ногти и у рукъ и у ногъ, отъ чево они послѣ получаютъ желтошафранной, или желтокрасноватой цвѣтъ, что у нихъ за красоту почитается.

Вмѣсто гороху садятъ въ Дербентѣ другое: растѣніе, котораго сѣмена изъ внутренней Персіи привозятся. Оно называется но-

хотта и мнѣ кажется, что она еще ботаникамъ не извѣстна. Персіяне, такъ какъ и другой овощъ, ѣдятъ ее вареную и сырую. Дѣлаютъ также изъ нее и конфекты, то есть на подобіе миндаля и фисташей варятъ въ сахарѣ и у знатныхъ при питіи, крѣпкихъ напитковъ вмѣсто закуски подносятъ.

Сѣютъ также здѣсь и чернушку, и зрѣлыми вмѣсто маку сѣмянами, кои такоежъ дѣйствіе имѣютъ, посыпавъ хлѣбъ ѣдятъ. Сколь близкое сродство по ботаническому характеру имѣетъ чернушка съ макомъ! однакожъ, не смотря на то, что нѣтъ въ Персіи ботаниковъ, умѣютъ персіяне и безо всево точно указать, что есть макъ, и что чернушка.

Дербентъ лежитъ подъ 42 градусомъ сѣверной широты и выгодное положеніе имѣетъ. Поля плодородіемъ очень знамениты и земля ни чево больше не требуютъ кромѣ большаго жителей раченія; поля унавоживать со всѣмъ не знаютъ, но только жгутъ на нихъ солому и оставшимся пепломъ посыпаютъ, отъ котораго въ разсужденіи плодородія изрядное бываетъ дѣйствіе. Дербентъ по, своему положенію равнымъ образомъ и для ботаника есть вождѣленное мѣсто. Солнечный жаръ въ Дербентѣ чрезвычайно великъ бываетъ, но сіе не препятствуетъ зимѣ столь же быть суровою, чему причиною не столько пронзительная стужа, сколько наипаче мокрота и выпадающій въ несказанномъ множествѣ мягкій снѣгъ. По тому что на домахъ настоящихъ кровель не бываетъ, но верьхъ оныхъ просто заметываютъ глиною, и какъ мѣсто оконницъ бываютъ только деревянныя решетки и большая часть избъ сдѣланы подъ землею, то мокрота и снѣгъ вездѣ сквозъ приходитъ, онъ же воспрещаетъ входить въ дома, сквозъ решетки набивается въ покои и дѣлаетъ то, что людямъ ни дома сидѣть, ни изъ дому выходить не можно. Мнѣ сказывали, что декабрь, генварь и февраль собственно зиму составляютъ, въ протчемъ обыкновенно бываетъ она, такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ по различію года иногда сноснѣе а иногда жесточае. Я думаю, что дербентскіе улицы прежде вымощены были камнемъ, однакъ на большой части мѣста едва еще слѣды онаго находятся, и сіе обстоятельство дѣлаетъ то, что по нимъ какъ зимою, по тому что ни когда столь крѣпко морозу не бываетъ, чтобъ снѣгъ лежать могъ, такъ и во время дождливой погоды, почти ходить не возможно. Въ ближайшихъ

горахъ есть лѣсовъ много, да и состоятъ они только изъ лѣсу на дроза годнаго и кустарнику, которой изъ середины ноздреватыхъ камней вырастаетъ и хорошъ урожается. Крупныя жъ деревья въ оныхъ суть дубы, березы, тополи, осокори и осины, съ бѣлыми и черными ягодами шелковичныя или туговья дерева, простыя и грецкія орѣшицы, буки и разныя породы ивняку. Изъ кустовъ особливо примѣчанія достоинъ одинъ, которой заслуживаетъ, чтобъ ево здѣсь описать. Онъ какъ по турецки такъ и по персидски называется каляфъ, а по русски лохъ дерево. Хотя въ Дербентѣ въ лѣсѣ и нѣтъ недостатку, однакъ дрова должно покупать чрезвычайно дорогою цѣною. Словомъ, все къ жизни потребное здѣсь очень дорого, и я думаю, что не другое что тому причиною, какъ бѣдность жителей. Но можно ли тамъ быть богатымъ членамъ государства, гдѣ сердца человѣческія никакого не ощущаютъ внутренняго побужденія, гдѣ владѣтель не отецъ своихъ подданныхъ и подвластные живутъ въ звѣрской слѣпотѣ. Не недостаетъ также въ сей странѣ и дичины. Зайцовъ, кабановъ, дикихъ козъ, лисицъ, медвѣдей и волковъ водится очень много. Досталъ также я здѣсь большаго и малаго горностая, которой и зимою своего цвѣта не перемѣняетъ и не имѣетъ на хвостѣ чернаго кончика. Онъ по русски называется ласочкой, а промежъ ноздреватыхъ камней и въ развалившихся домахъ водятся хорьки, да и чекалки своимъ жалостнымъ крикомъ довольно наскучили, однакъ для описанія не могъ еще достать ни одной. Есть такъ не очень много и травяныхъ различныхъ кобылокъ.»

Осенью 1773 года Гмелинъ отправился изъ Персіи сухимъ путемъ и въ январѣ 1774 г. прибылъ въ Дербентъ, гдѣ былъ принятъ недружелюбно наибомъ. Отсюда онъ сухимъ путемъ отправился чрезъ владѣнія уцмія, взявшаго его въ плѣнъ, въ которомъ Гмелинъ и умеръ. Это вызвало вооруженныя дѣйствія нашего правительства, тѣсно связанныя, съ нѣкоторыми событіями правленія Феть-Али-хана. Въ нашу задачу, конечно, не можетъ входить изложеніе всѣхъ дѣйствій его, простиравшаго свои честолюбивыя виды даже на Иранъ; мы остановимся только на тѣхъ эпизодахъ его правленія, обильнаго событіями, которые относятся лишь къ Дербенту. Смерть Гмелина вызвала высочайшій указъ 5 сентября 1774 г., которымъ генераль-поручику Медему, начальствовавшему

на линіи, приказывалось ко всѣмъ сосѣднимъ уцмію сильнѣйшимъ дагестанскимъ и ширванскимъ владѣльцамъ отписать, съ жалобою о поступкѣ уцмія съ Гмелинымъ, и съ пристойностью склонить ихъ, чтобы они употребили добрыя средства къ вразумленію сего упрямца и грубіяна, привели бы его къ раскаянію въ его непристойномъ и дерзкомъ поступкѣ и къ исторженію изъ рукъ его всѣхъ безъ изыятія вещей Гмелина и его свиты. Вмѣстѣ съ тѣмъ Медему предоставлялось, такъ какъ уцмію по справедливости заслуживаетъ наказанія за свою продерзость, если онъ найдетъ возможнымъ, сдѣлать на уцмія воинскій поискъ, который бы возстановилъ во всѣхъ горскихъ жителяхъ почтительное къ нашей сторонѣ мнѣніе. Какъ разъ въ это время Феть-Али-ханъ находился въ довольно скверныхъ обстоятельствахъ. Уцмію Эмиръ-Гамза въ союзѣ съ табасаранскими владѣльцами напалъ на Кубу въ то время, какъ Феть-Али-ханъ находился въ Дербентѣ. Узнавъ объ этомъ, онъ переправился чрезъ Самуръ съ войскомъ, но близъ Худата, на Кевдушанской равнинѣ, былъ совершенно разбитъ и съ малымъ числомъ приближенныхъ убѣжалъ въ Сальяны. Уцмію вступилъ въ Кубу и, соединясь съ Магометомъ, ханомъ Казикумухскимъ, племянникъ котораго Эльдаръ-бекъ, поставленный Феть-Али-ханомъ правителемъ Дербента, былъ убитъ при Кевдушанѣ, поручилъ ему Кубу и вмѣстѣ съ другими врагами Феть-Али-хана раздѣлилъ феталиханово достояніе; въ его владѣніи оставались только Дербентъ, Сальяны и Мугань, а Куба, Ширванъ и всѣ земли по р. Куръ были отняты у него. Послѣ этого лѣтомъ 1774 г. уцмію пошелъ на Дербентъ, распространяя слухъ, что Феть-Али убитъ; многіе жители Дербента, уstraшенные слухомъ объ его приближеніи, бросили городъ и около 2 недѣль скитались на берегахъ Дарваха. Мужеетвенная жена Феть-Али-хана, Тути-бике, сестра уцмія, съ твердостью мужчины обороняла городъ противъ брата; она, какъ львица, стояла на крѣпостныхъ валахъ, сама распоряжалась всѣмъ, огнемъ крѣпостныхъ орудій угрожая брату. Войска дербентскія, подъ начальствомъ Аджи бека, разбили уцмія и принудили его отступить въ Мушкуръ. Между тѣмъ Феть-Али-ханъ скрытно пришелъ изъ Сальянъ по берегу моря съ малою свитою въ Дербентъ. Уцмію приступилъ къ Дербенту, осадилъ его и продолжалъ осаду 9 мѣсяцевъ, съ южной стороны, утомляя его вели-

кимъ голодомъ, и разоряя окрестности. Дербентъ былъ уже близокъ, чтобы покориться. Въ такомъ положеніи Фетъ-Али-ханъ отправилъ въ Кизляръ нарочнаго съ просьбою о помощи. Медемъ, не получая отъ уцмія удовлетворенія по дѣлу Гмелина, рѣшился наказать его, пользуясь случаемъ. Потоцкій, путешествовавшій по сѣверному Кавказу въ самомъ концѣ XVIII в., говоритъ, что Медема такъ боялись на Кавказѣ, что еще въ его время унимали дѣтей словами «сейчасъ придетъ глухой генераль», ибо онъ былъ нѣмного глухъ.

Въ началѣ марта 1775 г. Медемъ выступилъ изъ Кизляра съ 3000 регулярныхъ и 2000 иррегулярныхъ войскъ. Шамхаль съ нѣсколькими тысячами присоединился къ нему. 28 марта Медемъ достигъ урочища Иранъ-Харабъ и расположился на мѣстѣ бывшаго лагеря Надира. Уцмій бросилъ осаду города и напалъ на Медема, но былъ разбитъ съ большими потерями и обратился въ бѣгство. Сюда явился Фетъ-Али-ханъ, палъ на колѣни предъ генераломъ и поднесъ ему ключи отъ города, отдаваясь Россіи въ вѣчное подданство. Ключи эти вмѣстѣ съ письмомъ хана на имя государыни были отосланы въ Петербургъ съ дербентскимъ наибомъ Мурзабекомъ. Содержаніе письма состояло въ томъ, что онъ, Фетъ-Али-ханъ, издревле будучи преданъ Россіи, отказался въ минувшую войну дѣйствовать противъ нея къ чему подговаривала его Порта; а теперь, будучи возстановленъ силою ея войскъ, отдаетъ въ даръ императрицѣ городъ Дербентъ и всѣ свои владѣнія, только проситъ, чтобы, по примѣру Крымскаго хана и Грузинскаго царя, былъ оставленъ въ дѣлахъ, касающихся до управленія владѣній, свободнымъ, спокойнымъ и въ владѣніи полномочнымъ; а генералу Медему повелѣтъ, чтобы онъ находящихся еще въ здѣшнемъ краѣ непріятелей его наказалъ; также Ширванъ, отъ нихъ отобравъ, возвратитъ ему. Медемъ, какъ видно, не понимая, что поведение его можетъ повлечь за собою; осложненія со стороны Персіи, подвластнымъ которой все таки считался Фетъ-Али-ханъ, также какъ и другіе ханы, не только занялъ Дербентъ, но и пробовали содѣйствовать расширенію владѣній хана. Въ іюнѣ онъ командировалъ майора Криднера въ Табасаранъ, бывшую во враждѣ съ послѣднимъ. Онъ былъ даже, проводникомъ въ этомъ походѣ. Но Криднеръ неосторожно углубился въ горы чрезъ сел. Зиль, былъ

окружень, потерялъ штандартъ, знамя, барабанъ, много людей, и потому только спасся, что кадій Табасарайскій приказалъ пропустить отрядъ. Знамена были потомъ выкуплены за 170 руб. Послѣ этого Медемъ, получивъ неблагопріятныя вѣсти съ Терека, въ іюнѣ выступилъ назадъ, оставивъ въ Дербентѣ, подѣ начальствомъ командира 5 легкой полевой команды секундъ-майора Криднера, 3 роты мушкатель, 3 эскадрона драгунъ, 500 донскихъ и 100 терскихъ козаковъ, 75 канониръ и погонщиковъ и 50 калмыковъ. Положеніе оставленнаго отряда было очень тяжелое. Окрестности города, разоренныя уцміемъ, не могли довольствоваться нашихъ войскъ, а Фетъ-Али-ханъ, видя, что ему нечего ожидать отъ русскихъ, тяготясь нашимъ отрядомъ, намѣренно ставилъ гарнизонъ въ еще болѣе невыгодныя условія; отрядъ долженъ былъ доставать провіантъ и фуражъ покупкою чрезъ армянъ у табасаранцевъ и лезгинъ. Между тѣмъ высочайшими рескриптами отъ 28 іюля, 3 и 5 октября 1775 г. указанъ былъ Медему образъ его дѣйствій. Смыслъ ихъ былъ таковъ. Наказаніе, сдѣланное уцмію, исполняя уже предопредѣленное намѣреніе, дѣлаеть теперь ненужнымъ всякое дальнѣйшее въ тамошнемъ краю войскъ нашихъ явленіе и дѣйствіе, тѣмъ меньше продолженіе поисковъ противъ уцмія, чтобъ чрезъ то не проникла далеко и не распространилась подозрительная огласка; ибо сіе имѣло бы послужить къ напрасному, развращенію и внушенію, какъ горскимъ народамъ, такъ Персіи и Портъ, сосѣдственнымъ намъ державамъ. Тѣмъ еще менѣе можемъ мы въ нашемъ покровительствѣ имѣть и удержать городъ Дербентъ, дѣйствительно и безъ всякаго прекословія принадлежащій Персіи, и напрасно Медемъ оставилъ тамъ войска, превзойдя мѣру даннаго ему порученія. Поэтому Медему предписано совѣтовать Фетъ-Али-хану, чтобы онъ старался какъ наискорѣе съ уцміемъ помириться, пользуясь нашихъ войскъ въ его мѣстѣ бытностью, которыя до зимы при немъ въ его подкрѣпленіи содержать дозволяется, а тогда сей, оставленный въ Дербентѣ гарнизонъ, безопасными средствами возвратить, чтобы уже ни произошло между Фетъ-Али-ханомъ и уцміемъ, людьми для насъ совсѣмъ посторонними. Но, если бы уцміи нашелся тогда въ способахъ выгнать хана изъ Дербента и симъ пограничнымъ къ намъ городомъ овладѣть, что было бы и для нашей пользы несход-

ственно, то когда будетъ усмотрѣно его къ тому намѣреніе, дать знать тогда уцмію, чтобы оставилъ Дербентскаго хана въ спокойномъ владѣніи, а иначе мы примемъ мѣры къ удержанію распространенія его въ нашемъ сосѣдствѣ. Сообразно съ этимъ, хотя посланецъ Феть-Али-хана былъ допущенъ ко двору, но единственно для того, чтобы онъ передалъ хану о содержаніи его впредь къ нашей сторонѣ только въ доброжелательствѣ, почему и ключи дербентскіе съ его же посланцомъ отправлены были къ нему обратно. На прошеніе же хана о принятіи въ подданство, ему было отвѣчено письмомъ министра отъ 7 октября 1775 г., что ея императорское величество удостоиваетъ его своего благоволенія за усердіе къ имперіи Россійской, безъ предосужденія однако настоящему положенію дѣлъ Россіи съ Персіей; такъ какъ принадлежность Дербента послѣдней не подвержена ни малѣйшему сомнѣнію, то наше правительство не можетъ не только удовлетворить его желанія, но и вообще вмѣшиваться въ его дѣла. Такимъ образомъ Феть-Али-хану оставалось самому устроить дѣла свои съ своими непріятелями, что ему и удалось. Между прочимъ съ Казикумухскимъ ханомъ онъ примирился, уступивъ ему деревни Дербентскаго ханства, лежавшія по лѣвому берегу Самура, т. е. Кюру. Благопріятному исходу его переговоровъ съ многочисленными врагами, конечно, способствовало пребываніе русскихъ войскъ въ Дербентѣ, хотя поступки Феть-Али-хана не свидѣтельствовали объ его благодарности. Осенью 1775 г. шедшее въ Астрахань изъ Энзели судно астраханскаго купца Скворцова съ грузомъ на 700 т. р. потерпѣло крушеніе у береговъ владѣній Феть-Али-хана, который расхитилъ товары и даже приказалъ убить людей для предупрежденія явной улики. Узнавъ объ этомъ, Медемъ послалъ къ нему майоровъ Мирза бека Ваганова и Фромгольда, для истребованія похищенныхъ товаровъ, на сумму до полумилліона; ханъ отозвался, что ихъ у него нѣтъ. За упорство хана Медемъ задержалъ на линіи возвращавшагося съ дербентскими ключами Мирзу-бека и другого посланца къ нему, Аджи-бека. Ханъ вымѣщалъ досаду на гарнизонъ, не доставляя ему припасовъ, чѣмъ старался его выжить; только помощь шамхала облегчала положеніе русскихъ. Медемъ находилъ, что заставить хана возвратить награбленное можно только силою оружія. Но императрица, повелѣвъ

ему до времени оставить учинить хану возмездіе да болѣе удобныхъ обстоятельствъ и отпустить задержанныхъ бековъ, приказала команду изъ Дербента поспѣшно возвратить, и дать знать хану отъ ея имени, что за оную безчестную его корысть лишаетъ монархія своей милости и защищенія. Весною 1776 г. майоръ Фромгольдъ вывелъ гарнизонъ изъ Дербента на линію.

Этотъ эпизодъ правленія Фетъ-Али-хана характеризуетъ вообще его отношенія къ Россіи. Политика его въ этомъ отношеніи можетъ быть названа коварною, ищущею лишь выгоды и случая чѣмъ либо поживиться. Еще въ 1769 г. Кизлярскій комендантъ послалъ терскаго муллу Казбулата съ письмомъ къ хану въ Дербентъ. Мулла, возвратившись, доносилъ: «Къ Фетъ-Али-хану пріѣзжали отъ Крымскаго хана, чтобы по случаю войны съ Россіею онъ не пропускалъ русскихъ чрезъ свои владѣнія, но онъ отказался подъ предлогомъ своего безсилія. Въ Дербентъ въ плѣну у наиба два русскихъ плѣнныхъ, одинъ солдатъ, Иванъ, бѣглый изъ Кизляра лѣтъ 10 тому назадъ, другой, музуръ Михайло, оставшійся за пьянствомъ въ 1768 г. съ тюленьяго судна. Наибъ отозвался, что безъ позволенія хана ихъ отпустить не можетъ». Но въ томъ же году изъ Грузіи доносили (14 іюня): «Куба-ханъ называемый состоитъ не надъ большимъ владѣніемъ, но, согласивъ къ себѣ лезгинцевъ, овладѣлъ Дербентомъ и вступилъ въ сношеніе съ султаномъ служить ему вчерашняго числа получилъ письмо отъ царя Ираклія, которымъ увѣдомляетъ что отъ турковъ разосланы еще недавно чиновные люди къ Куба-хану и лезгинцамъ уговорить, что бы и они вооружились противъ Россіи въ пользу Порты.» 23 мая 1771 г. капитанъ Языковъ доносилъ Панину: «Что же писалъ къ царю Ираклію отъ 2 генваря с.г. находящійся консуль нашъ въ Сальянахъ, что Фетъ-Али-ханъ послалъ просить у султана денегъ, и что онъ соединилъ народы, и пойдетъ на Грузію и Кизляръ, противъ сего царь Ираклій меня увѣрилъ, что Фетъ-Али-ханъ сего сдѣлать не въ силахъ, ибо они, все малые владѣльцы и согласны не бываютъ, а что Порту обнадеживаетъ, то единственно, что бы выманить деньги. Дней съ семь назадъ провѣдалъ я, что Пать-Али-ханъ получилъ отъ Карскаго сераскера письмо, которое къ нему пишетъ, что султанъ прислалъ къ нему подарки, 3 лошади съ уборами и 5 кафтановъ, и чтобы Пать-Али-ханъ для принятія оныхъ

подарковъ прислалъ въ Карсъ своего человѣка.» Не смотря на все это, въ октябрѣ 1773 г. Фетъ-Али-ханъ письменно увѣдомляетъ русское начальство на линіи, что кумыкскіе владѣльцы хотятъ напасть на Грузію. Но это не помѣшало ему принять сторону царевича Александра Бакаровича, оспаривавшаго у царя Ираклія Грузію и прибывшаго въ Дербентъ 27 августа 1782 г., чтобы склонить Фетъ-Али-хана на дѣйствія противъ царя. Кизлярскій комендантъ успѣлъ пріостановить осуществленіе замысловъ Александра и Фетъ-Али-хана, но послѣдній отъ нихъ совершенно не отказался и удержалъ царевича у себя въ Дербентѣ. П. С. Потемкинъ писалъ очень мѣтко о Фетъ-Али 31 января 1783 г.: «Сей ханъ всегда ищетъ ознаменить себя услугами, которыя ему ничего не стоятъ, даритъ всегда пріѣзжающихъ тѣмъ, чего взять не можно, и старается уступать то, чего удержать никогда не мыслить». Принятіе Грузіей подданства Россіи (въ нач. 1783 г.) еще болѣе встревожило Фетъ-Али-хана; его окружающіе увѣряли его, что съ прибытіемъ русскихъ въ Грузію онъ будетъ непременно свергнутъ съ престола: «и будешь ты у русскихъ свинопасомъ», прибавляли они. Фетъ-Али трусилъ и высказывалъ намѣреніе бѣжать, въ случаѣ крайности, въ Персію, но козней своихъ не оставлялъ; въ началѣ апрѣля 1783 г. онъ писалъ П. Потемкину и увѣрялъ въ покорности: «Я дѣйствительно имѣлъ намѣреніе идти на владѣнія царя Ираклія, чтобы опустошить ихъ, но, получивъ ваше письмо, тотчасъ отказался отъ намѣренія войти въ его владѣнія». Но 6 мая Потемкинъ писалъ Ираклію: «Вѣроломные планы Фетъ Али и начало ихъ приведеніе въ дѣйствіе совершенно разоблачились». Ему грозила бѣда: уже 6 апрѣля князь Потемкинъ предписываетъ занять Дербентъ и захватить хана и царевича; 19 мая онъ подтверждаетъ это, а 16 іюня назначаетъ число войскъ для занятія города. Хотя 1 іюля князь приказываетъ отложить это занятіе до окончанія дѣйствій русскихъ на Кубани, но мысль о томъ не покидаетъ его; въ ноябрѣ 1783 г. онъ высказываетъ мнѣніе, что движеніе чрезъ Кавказскія горы необходимо начать съ двухъ сторонъ: изъ Кизляра на Дербентъ, чтобы овладѣть всѣмъ побережіемъ до Энзели, и по новой грузинской дорогѣ, изъ Моздока въ Грузію; въ 1786 г. онъ обѣщаетъ армянину Степану Давыдову послать на Дербентъ 6 полковъ для принятія желающихъ покровительства Россіи. Лѣтомъ 1783 г. турецкіе

эmissары склонили было Фетъ-Али къ нападенію на Грузію, но П.С. Потемкинъ поставилъ на Сулакѣ сильный отрядъ и послалъ въ Дербентъ майора Комарскаго потребовать выдачи Александра. Фетъ-Али отозвался сначала, что выдача кунака противна обычаемъ, но, принявъ въ подарокъ 500 червонцевъ и золотую табакерку, выдалъ царевича съ его свитою, которые и были въ ноябрѣ отвезены въ Астрахань. Фетъ-Али оправдывался тѣмъ, что онъ исполнилъ волю императрицы. Но уже въ концѣ 1784 г. онъ принялъ посланца Ахалцыхскаго паши съ 3000 червонцевъ, собольей шубой, часами, усыпанными брилліантами, и письмомъ, возбуждавшимъ къ дѣйствіямъ противъ Россіи. Онъ отправилъ къ П.С.Потемкину своего чиновника Садыкъ-Мирзу съ извѣщеніемъ, что къ нему прибылъ посланный отъ паши съ подарками, которыхъ онъ не только не принялъ, но даже письма не читалъ, и что посланецъ отправился къ Карабахскому хану, принявшему его съ почестями. Надѣясь получить одобреніе за мнимую преданность Россіи, Фетъ-Али вмѣсто того получилъ отъ Потемкина выраженіе сожалѣнія, что онъ отпустилъ посланнаго, а не задержалъ его въ своихъ владѣніяхъ, какъ бы слѣдовало человѣку, истинно преданному Россіи. Учрежденіе въ 1785 г. Кавказскаго намѣстничества и твердое такимъ образомъ занятое Россіею положеніе на Кавказѣ должно было отразиться и на политикѣ Фетъ-Али. Онъ долго колебался вступить подъ верховную власть Россіи, но въ 1786 г. отправилъ къ князю Потемкина своего посланца съ письмомъ, въ которомъ изъявлялъ благонамѣренное свое къ Россіи расположеніе. 13 декабря того же года князь Потемкинъ, возвращая того посланца, писалъ къ Фетъ-Али-хану, что ожидаетъ только яснѣйшаго отзыва его о искомомъ имъ высочайшемъ покровительствѣ, и тогда воспослѣдуетъ высочайшее благоволеніе; а посланцу при отпускѣ дано знать, что не можетъ онъ ожидать никакого рѣшительнаго отвѣта, доколѣ ханъ не окажетъ искренняго желанія и просьбы о принятіи его подъ высочайшую державу. Фетъ-Али, желая быть въ подданствѣ Россіи, хотѣлъ быть сравненнымъ въ преимуществахъ съ Грузинскимъ царемъ и просилъ двухъ пѣхотныхъ полковъ, при помощи которыхъ мечталъ о завоеваніи Персіи. Между тѣмъ 26 августа 1786 г. князь Потемкинъ получилъ отъ императрицы «полную мочь на принятіе подъ державу и покро-

вительство наше тамошнихъ народовъ и заключеніе съ ними постановленій». Въ іюнѣ 1787 г. Феть-Али отправилъ къ князю Потемкину на высочайшее имя прошеніе, повергая себя въ зависимость російскаго престола: «я нынѣ ухватился, писалъ онъ, за полу Россійской державы»; прошеніе было отправлено съ Мирзою-Садыкомъ и Мирзою-Келбеламъ, которые до смерти Потемкина оставались при немъ. Потемкинъ 27 августа отвѣчалъ Феть-Али-хану, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ исполнить, его желаніе и заранѣе увѣряетъ его въ благоволеніи императрицы, при чемъ выражалъ увѣренность, что «онъ въ разсужденіи Грузіи и прочихъ подвластныхъ Россіи народовъ не оставитъ поступить, какъ истинному доброхоту надлежитъ». Въ мартѣ 1788 г. прошеніе Феть-Али было представлено императрицѣ, но война съ Турціей остановила окончаніе этого дѣла, и скоро послѣ этого Феть-Алиханъ умеръ въ Баку (29 марта 1789 г.). Незадолго до его смерти дѣятельность извѣстнаго шейха Мансура въ Чечнѣ нашла себѣ отголосокъ въ Дербентѣ. Ко времени правленія его относятся слѣдующія распоряженія русскаго правительства, имѣвшія значеніе и для Дербента. Въ 1770 г. запрещено пропускать въ Дагестанъ крымскихъ купцовъ, промышлявшихъ торговлею невольниками. 3 іюля 1779 г. для выгоды жителей Астраханской губерніи и для распространенія торговли, дозволенъ свободный ввозъ въ Астрахань изъ Персіи тамошнихъ виноградныхъ винъ разнаго званія, съ платежемъ пошлины, впредь до изданія новаго тарифа, по 6 руб. съ каждаго 18-ти ведернаго оксофта. Въ 1781 г. Феть-Али согласился отмѣнить пошлины съ русскаго купечества, которыя онъ взымалъ въ Дербентѣ въ противность трактатамъ съ Персіею 1732 и 1735 г.г.

О смерти Феть-Али было скрывается отъ народа бодѣ двухъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ старшій сынъ его, Ахмедъ-ханъ, рожденный отъ Тути-бике, устроивъ обстоятельства съ помощью сопредѣльныхъ владѣльцевъ, принялъ достоинство хана, о чемъ въ іюнѣ 1789 г. извѣстилъ главноначальствовавшаго на линіи Текели въ посланномъ съ Ибрагимъ-бекомъ письмѣ, въ которомъ изъяснилъ также желаніе повергнуть себя и всѣхъ подвластныхъ въ подданство Россіи. Въ іюнѣ слѣдующаго 1790 г. Порта прислала въ Дагестанъ письма, возбуждавшія противъ Россіи. Ахмедъ-ханъ,

получивъ ихъ, отправилъ ихъ генераль-поручику Бальмену съ своимъ письмомъ: «Вашему превосходительству, моему благо-склонному пріятелю, увѣдомить имѣю: при семъ отправленъ отъ меня уполномоченный мой чиновникъ Мирза-Садыкъ съ нужнѣйшими дѣлами ко двору ея императорскаго величества, о коихъ и вашему превосходительству небезызвѣстно есть; по прибытіи онаго, покорно прошу, снабдя по обыкновенію прогонными и прочимъ, отправить къ его свѣтлости безумедлительно, дабы за промедленіе онаго не случилось мнѣ какого притѣсненія отъ недоброжелающихъ и ищущихъ погибели моей сосѣдей; я увѣренъ, что вы примите сіе въ удовлетвореніе». Но Ахмедъ-ханъ не успѣлъ получить отвѣта, также какъ удержать въ цѣлости пріобрѣтеній отца; скоро Шемаха была потеряна для него. Въ мартѣ 1791 г. онъ умеръ, не оставивъ наслѣдниковъ, почему правленіе принялъ его братъ Шихъ-Али-ханъ, имѣвшій только 13 лѣтъ, рожденный отъ грузинки или армянки, почему и считался побочнымъ; онъ былъ не глупъ, смѣлъ и проворенъ. Отъ дочери елисуйскаго бека Фетъ-Али-ханъ имѣлъ еще сына Гасанъ-бека.

Шихъ-Али-ханъ, вступивъ въ управленіе, по малолѣтству своему, состоялъ подъопекой людей незначущихъ, почему не только не возобновилъ ко двору Россійскому отношеній отца и брата, но началъ гнать Мирзу Садыка, посланца ихъ, такъ что онъ принужденъ былъ въ 1792 г., съ позволенія правительства, переселиться въ Кизляръ. Генераль Гудовичъ, вновь назначенный командовать на линіи, пріѣхавъ 28 января 1791 г. въ Георгіевскъ, извѣстивъ Ахмедъ-хана о вступленіи своемъ въ должность правителя края, напомнилъ ему о покровительствѣ, которое обѣщано императрицею отцу и брату его, если они сохранятъ вѣрность и усердіе къ Россіи, и обѣщаль ему, при соблюденіи сего, свое благорасположеніе. Лѣтомъ того же года Шихъ-Али присылалъ къ Гудовичу своего посланца для отправленія къ двору, но онъ умеръ въ Георгіевскѣ. Шихъ-Али обѣщаль прислать другого посланца, но меддилъ. Онъ, повидимому, въ то время не обнаруживалъ никакой склонности къ претенденту на шахскій престолъ Ага-Магометь-хану, противъ котораго предлагалъ даже свои услуги, если ему будетъ оказаны императрицею покровительство и милость. Турки попрежнему добивались его помощи, но онъ выражалъ же-

ланіе служить только русскимъ. Въ его владѣніи находились Куба, Дербентъ и Сальяны съ богатымъ рыбнымъ промысломъ на откупѣ у русскихъ купцовъ, очевидно, армянъ; а Баку, находившійся еще недавно въ полной зависимости отъ Дербентскихъ хановъ, теперь платилъ ему только дань. Наконецъ, въ іюлѣ 1793 г. Шахъ-Али, напуганный слухами о вторженіи персіянъ въ его земли, прислалъ въ Георгіевскъ своего первѣйшаго чиновника Мирза-Гасана съ прошеніемъ о принятіи его въ вѣчное подданство съ подвластнымъ ему народомъ. Мирза-Гасанъ, по данной ему отъ хана полной довѣренности, присягнулъ на подданство Россіи, а 9 октября Гудовичъ отправилъ въ Дербентъ офицера для личнаго утвержденія ханомъ присяги. Но ханъ, будучи управляемъ матерью и дядькою, Вали-бекомъ, отказался это сдѣлать, говоря, что по ихъ обычаямъ подписать условія не можетъ, а цѣловалъ только въ присутствіи того офицера коранъ. Гудовичу же онъ послалъ письмо на высочайшее имя, въ которомъ писалъ, что отправилъ своего посланнаго для заключенія условій подданства, по примѣру своихъ предковъ. Гудовичъ отвѣчалъ, что если ханъ не подпишетъ условій подданства, то письмо его не будетъ отправлено; но ханъ упорствовалъ. Въ концѣ 1793 г. султанъ снова прислалъ въ Дагестанъ фирманъ, побуждая его владѣльцевъ поднять оружіе противъ Россіи. Шихъ-Али, не столько изъ преданности Портѣ, сколько изъ жадности, желая получить дары, въ августѣ 1794 г. отправилъ дербентца Маметъ-бека въ Константинополь, прося у Порты даровъ, послѣ чего обѣщалъ дѣйствовать противъ Россіи. Просьба его осталась безъ результата, и Маметъ-бекъ долженъ былъ прибѣгнуть къ русскому послу, чтобы вернуться въ Дербентъ. Между тѣмъ междоусобія, раздиравшія Персію со времени смерти Надира, казались кончались побѣдою каджара Ага-Магометъ-хана, въ концѣ 1794 г. объявившаго себя шахомъ. Въ началѣ 1795 г. поэтому Шихъ-Али увѣдомилъ его о покорности, а въ апрѣлѣ принялъ шахскаго посланца въ Дербентѣ съ уваженіемъ и въ маѣ отпустилъ его съ дарами и съ своимъ посланцомъ Хадиръ-бекомъ, который долженъ былъ засвидѣтельствовать шаху покорность хана. Въ то же время онъ не разрывалъ сношеній съ русскими властями. 1 мая 1795 г. въ Дербентъ прибылъ майоръ Ахвердовъ, посланный Гудовичемъ къ хану, но не засталъ его, такъ какъ онъ

осаждалъ въ то время Шемаху; въ іюлѣ Ахвердовъ вернулся и привезъ письмо Шихъ-Али къ Гудовичу, въ которомъ ханъ ставилъ условія для принятія имъ подданства. Гудовичъ 4 августа письмомъ указалъ ему, что это рѣшительно несовмѣстимо съ присягою, данною имъ въ 1793 г. Разгромъ Грузіи Ага-Магометъ-ханомъ вынудилъ наше правительство приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ для защиты Грузіи и нашихъ интересовъ на Кавказѣ. 28 октября 1795 г. вахмистръ Абдулла-Садыковъ отправленъ къ дагестанскимъ владѣльцамъ съ письмомъ Гудовича для склоненія ихъ къ твердому противодѣйствию Ага-Магометъ-хану. Въ Дербентѣ Садыковъ не засталъ Шихъ-Али. Изъ разговоровъ съ наибомъ и съ собравшимися въ довольномъ числѣ знатными людьми, онъ увидѣлъ, что народъ крайне встревоженъ взятіемъ Тифлиса и тѣмъ, что Грузіи не было подано помощи отъ Россіи. Однако, послѣ увѣренія Садыкова, что войска уже посланы для наказанія Ага-Магометъ-хана, и что имъ будетъ непременно подана помощь, они ему сказывали, что они нисколько не расположены къ Ага-Магометъ-хану, желаютъ быть покорными Россіи и просятъ присылки войскъ, что, хотя послѣ взятія Тифлиса и происходили торжества въ Дербентѣ, но это было только для виду, такъ какъ посольство шаха находился еще въ Кубѣ. Но самъ Шихъ-Али въ это время готовилъ богатые дары для шаха, и когда Гудовичъ въ октябрѣ писалъ ему, чтобы онъ вошелъ въ общій союзъ дагестанскихъ владѣльцевъ, просящихъ помощи Россіи, и что русскіе войска скоро будутъ присланы въ Дагестанъ, Шихъ-Али отозвался, что войскъ не нужно, а чтобы ему прислали побольше денегъ для найма горцевъ. Въ концѣ ноября Гудовичъ получилъ высочайшій рескриптъ отъ 16 ноября 1795 г., положившій конецъ колебаніямъ Шихъ-Али. «Донесеніе ваше, гласилъ рескриптъ, о выходѣ войскъ Ага-Магометъ-хана изъ Тифлиса въ Ганжу, объ отзывахъ къ вамъ царя Ираклія Теймузаровича и хана Аварскаго, о приуготовленіяхъ, чинимыхъ вами для перехода войскъ чрезъ горы Кавказскія, и о посылкѣ въ Кахетію двухъ баталіоновъ пѣхоты и 6 орудій въ первыхъ числахъ ноября, мы получили въ 15-й день сего мѣсяца, и потому учиненныя вами распоряженія одобряя въ полной мѣрѣ, возобновляемъ вамъ войска обращать лучшимъ усмотрѣніемъ вашимъ по обстоятельствамъ.» Но если отряженные въ Грузію ба-

таліоны еще не перешли чрезъ горы (они уже это сдѣлали), и если походу ихъ представляются большія трудности, то отложить походъ до весны будущаго года, «паче потому, что подвиги ихъ облегчены бы были, когда при открытіи весны предположеннымъ походомъ къ Дербенту и вдоль берега Каспійскаго моря и содѣйствіемъ у оныхъ Каспійской флотиліи въ пользу ихъ была бы учинена сильная диверсія. Если Ага-Магометъ-ханъ вступить въ Ширванъ и займетъ Шемаху и Баку и тѣмъ приблизится къ Каспійскому морю и къ предѣламъ нашимъ, тогда уже, по учиненіи всѣхъ нужныхъ пріуготовленій и принятія всѣхъ надлежащихъ мѣръ, должно будетъ предупредить елико возможно его въ Дагестанъ и занятіемъ Дербента отъ войскъ нашихъ оградить, безопасно и не оставить безъ покровительства подданнаго нашего шамхала Тарковского, уцмія Каракайдакскаго и самого хана Дербентскаго. При дальнѣйшемъ же походѣ стараться, опрокинувъ скопище Ага-Магометъ-хана пораженіемъ и преслѣдованіемъ, искоренить властителя сего, если дерзнетъ онъ до конца противиться пользѣ и волѣ нашей». Такъ какъ въ это время Ага-Магометъ-ханъ, уйдя изъ Ганджи на Мугань, распускалъ слухъ, что идетъ на покореніе провинцій по берегу Каспійскаго моря, то Гудовичъ, руководясь рескриптомъ 16 ноября, тотчасъ же собралъ у Кизляра отрядъ подъ начальствомъ генераль-майора Ивана Дмитріев Савельева, состоявшій изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, 6 орудій, 1 регулярнаго эскадрона легіонной казачьей команды, 400 казаковъ и 500 калмыковъ. Гудовичъ приказалъ Савельеву двинуться въ Дагестанъ и слѣдовать чрезъ Тарку въ Буйнакъ, кудо пригласить всѣхъ владѣльцевъ Дагестана и обязать ихъ собрать войска для общей защиты противъ Персіи. Согласивъ владѣльцевъ на общую оборону, Савельевъ долженъ былъ поспѣшно слѣдовать къ Дербенту, занять городъ и, потребовавъ къ себѣ Шихъ-Али-хана, какъ изъявившаго желаніе вступить въ подданство Россіи, заставить, «чтобы онъ, оставя свои вѣтреные поступки, вошелъ, конечно, безъ обмана, въ общую связь съ дагестанскими владѣльцами противъ Ага-Магометъ-хана, стремящагося на ихъ разореніе, для обороны собственныхъ земель своихъ». Стоявшіе на линіи небывалые морозы задерживали переправу Савельева чрезъ Терекъ, и онъ могъ выступить изъ Кизляра только 19 декабря 1795 г., имѣя съ собою

продоволствіе на два мѣсяца.

Въ Таркахъ сынъ шамхала Мехти соединился съ Савельевымъ и другіе владѣльцы подтвердили покорность, частью присоединились къ отряду. Одинъ Шихъ-Али, отправившій въ тоже время подарки шаху, на письмо Савельева отозвался, что будетъ противиться вступленію русскихъ войскъ въ его владѣніе, и заперся въ Дербентѣ, куда прибылъ изъ Кубы, узнавъ о вступленіи отряда въ Дагестанъ. Одною изъ причинъ отказа онъ выставлялъ опасеніе, что персіяне разорятъ его владѣнія впереди Дербента. Получивъ объ этомъ донесеніе, Гудовичъ подкрѣпилъ Савельева двумя баталіонами и приказалъ ему тотчасъ двинуться изъ Тарковъ къ Дербенту и силою войти въ городъ, если новое требованіе отворить его ворота останется безъ успѣха, и дать почувствовать Шихъ-Али-хану страхъ метаніемъ бомбъ изъ единороговъ. Вступивъ во владѣнія Шихъ-Али Савельевъ отправилъ къ нему майора Ахвердова съ вторичнымъ требованіемъ прислать довѣреннѣйшихъ чиновниковъ для заключенія оборонительнаго союза противъ Ага-Магометъ-хана. Отвѣчая отказомъ, Шихъ-Али писалъ, что не знаетъ и не видитъ повелѣнія императрицы, разрѣшающей вступленіе русскихъ войскъ въ его владѣніе, и что хотя онъ и просилъ прежде о присылкѣ ему денегъ для найма войскъ противъ Ага-Магометъ-хана, но тогда онъ не зналъ могущества персидскаго властителя; теперъ же онъ не рѣшается впустить въ городъ столь малый отрядъ русскихъ, изъ опасенія, что не только его владѣнія около Кубы будутъ разорены персіянами но и отрядъ русскихъ войскъ можетъ также пострадать. На требованіе впустить отрядъ въ городъ ханъ отвѣчалъ отказалъ: «Я не могу этого сдѣлать, потому что, впустивъ русскія войска въ городъ, долженъ расположить ихъ по квартирамъ, а по нашему закону имѣть иновѣрца на постое строго запрещается. Наши жены, по обычаю, не должны встрѣчаться съ невѣрными, отчего произойдетъ жителямъ больше стѣсненіе». Съ Ахвердовымъ въ городѣ обращались весьма дурно и даже ханъ хотѣлъ отправить его въ лагерь шаха, у котораго онъ просилъ помощи послать ему въ подарокъ 20 верблюдовъ, 15 лошадей, 500 бурокъ и много провизіи, и только по настоянію уцмія, отпустилъ его въ отрядъ. 15 февраля отрядъ Савельева прибылъ къ Дербенту; онъ состоялъ изъ IV и III бат. Кавказскаго егерскаго

корпуса, трех баталіоновъ Московскаго и Кавказскаго мушкетерскихъ полковъ, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ 4-хъ мушкетерскихъ и 2-хъ гренадерскихъ ротъ; кавалерія: 100 человекъ моздокскихъ казаковъ, 100 гребенскихъ, 200 терскихъ, 116 легионной команды и 250 калмыковъ; при отрядѣ было нѣсколько войскъ дагестанскихъ. Передовыя войска отряда были встрѣчены выстрѣлами дербентской конницы; казаки были подкрѣплены егерями, конница была прогнана, и отрядъ расположился лагеремъ въ двухъ верстахъ отъ стѣнъ города. На слѣдующій день заняты были высоты, господствующія надъ городомъ; на нихъ были устроены батареи изъ 6 полевыхъ орудій не далѣе 200 саженой отъ городской стѣны, и открытъ огонь, на который городъ отвѣчалъ. Шихъ-Али, увидя страхъ и вредъ, наносимый жителямъ города ядрами и бомбами, просилъ помощи у шаха. 20 февраля находившіяся при Савельевѣ дагестанскія войска, вслѣдствіе холода и недостатка провіанта, были принуждены разойтись по домамъ съ ихъ владѣльцами, но къ 23 ч. снова возвратились. Изъ владѣльцевъ сторону Шихъ-Али держали табасаранскіе владѣльцы, Казикумухскій и Бакинскій ханы; послѣдній прислалъ въ Дербентъ 2 пушки съ пушкарями; по слухамъ, въ Дербентъ собралось до 10000 человекъ, рѣшившихся защищаться. 21 февраля Савельевъ снова отправилъ требованіе, чтобы были впущены войска въ городъ; ханъ чрезъ своего посланнаго отвѣчалъ, что готовъ, но боится наказанія, поэтому требуетъ аманатовъ. 22 февраля ханъ снова выслалъ двухъ чиновниковъ для переговоровъ; съ нашей стороны было также послано два офицера; огонь былъ прекращенъ. Въ переговорахъ ничего не было рѣшительнаго; Савельевъ понималъ, что ханъ хочетъ только оттянуть время, но и самъ Савельевъ нуждался въ выигрышѣ времени, чтобы дать отдохнуть войску, страдавшему отъ небывалой въ тѣхъ странахъ погоды: весь февраль продолжалось ненастіе и выпало много снѣгу съ дождями и сильными вѣтрами; оказывался также недостатокъ въ фуражѣ и продовольствіи. Но, ведя переговоры, Савельевъ построилъ новыя батареи, подъ ружейными выстрѣлами крѣпости, и 26 февраля бомбардировка возобновилась и производилась до 25 марта, коль скоро позволяла продолжавшаяся дурная погода; но канонада не причиняла большого вреда городу, по свойству городскихъ построекъ. Дербентцы

защищались упорно; укрывшись въ рвахъ садовъ, они вели перестрѣлку съ нашими войсками, но скоро были прогнаны егерскимъ баталіономъ полковника Мансурова. Въ теченіе сего времени они дѣлали три вылазки, но каждый разъ были прогнаны русскими войсками, съ которыми дѣйствовало совмѣстно и войско уцмій. Было ясно, что Дербентъ, при малочисленности отряда Савельева, не почувствуетъ стѣсненія, пока съ горной стороны не будетъ запертъ. Мехди, сынъ шамхала, уцмій и кадій Табасаранскій предложили Гудовичу свои услуги, и Гудовичъ предписалъ Савельеву воспользоваться ими; Савельевъ, въ видѣ лѣкаря, послалъ къ кадію капитана Симоновича, осмотрѣвшаго путь чрезъ Табасарань, по которому можно было проникнуть на южную сторону Дербента. Гудовичъ еще разъ написалъ «крутое» письмо Шихъ-Али. Но въ это время графъ Зубовъ, вновь назначенный начальникомъ войскъ для дѣйствій противъ Персіи, имѣя въ виду, что отрядъ Савельева, состоявшій только изъ 4180 челов., «стоя не малое время подъ крѣпостью, слышно, многими охраняемою, какъ бы приучилъ оную взирать нетрепетно на побѣдоносное россійское оружіе и за подобное онаго оскорбленіе отомстить самъ по себѣ недостаточень», предписалъ Савельеву отступить отъ Дербента. Въ концѣ марта Савельевъ, исполнивъ приказаніе, расположился въ 15 вер. отъ города на р. Дарбахъ, гдѣ и ожидалъ Зубова. Потери его отряда за все время состояли убитыми 9 и ранеными.

Снисходя къ просьбѣ царя Ираклія и соглашаясь съ мнѣніемъ Гудовича о необходимости наказать Шихъ-Али-хана и Ага Магометъ-хана за ихъ непріязненные поступки противъ Россіи, императрица 8 января 1796 г. поручила Гудовичу составить изъ числа войскъ, находившихся на Кавказской линіи отдѣльный самостоятельный отрядъ для экспедиціи въ Персію. Въ составъ отряда назначались: Кавказскій гренадерскій полкъ, 2 полка мушкетеровъ, одинъ егерскій корпусъ, 30 эскадроновъ драгунъ, 3000 ч. изъ лучшихъ легкихъ войскъ, 33 орудія полевой артиллеріи и 20 понтонновъ. Войскамъ дѣйствующаго корпуса приказано имѣть подвижной магазинъ съ запасомъ продовольствія на 3 мѣсяца и сверхъ того на вьюкахъ сухарей и капусты на мѣсяць. Начальникомъ «Каспійскаго корпуса» былъ назначенъ генераль-поручикъ графъ В. А. Зубовъ, которому былъ подчиненъ и отрядъ Савель-

ева*). Въ указъ–инструкціи 19 февраля 1796 г. императрица разъяснила Зубову цѣль и виды правительства. Указавъ на анархію, царившую въ Персіи со времени смерти Надиръ-шаха, и причинявшую не мало неудобствъ и для Россіи, а потому на необходимость водворенія спокойствія въ первой, Екатерина писала: «Такое желаемое состояніе дѣль въ Персіи, весьма различное отъ настоящаго его положенія, крайне выгодно и полезно для Россіи быть можетъ. Возстановленное спокойствіе и порядокъ въ Персіи откроетъ намъ богатый торгъ не токмо при берегахъ моря Каспійскаго, но и внутри предѣловъ персидскихъ областей. Посредствомъ сихъ послѣднихъ удобовозможно будетъ открытъ путь въ Индію и, привлекая къ намъ богатѣйшій торгъ сей кратчайшими путями, чѣмъ тотъ, кому слѣдуютъ всѣ народы европейскіе, обходя мысъ Доброй Надежды, всѣ выгоды, пріобрѣтаемыя европейцами,

*) Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, род. 1771 г., братъ временщика князя Платона Зубова, началъ службу въ конной гвардіи. Послѣ внезапнаго возвышенія Платона, Екатерина стала и его отличать и въ письмахъ къ Потемкину называла его милымъ ребенкомъ и 1794 г. въ польской войнѣ у него оторвало ядромъ ногу. Въ 1789 г. полковникъ, онъ въ 1796 г. былъ уже генераль-поручикъ. По возвращеніи въ Россію изъ персидскаго похода онъ жилъ въ своемъ курляндскомъ имѣніи подъ надзоромъ полиціи; въ 1800 г. снова принятъ на службу съ чиномъ генераль-отъ-инфантеріи, и умеръ въ званіи члена Государственнаго совѣта 21 іюня 1804 г., 34 лѣтъ отъ роду. Участница похода 1796 г. В. И. Бакунина даетъ его характеристику: «Въ немъ есть хорошіе задатки, но онъ не получилъ, повидимому, хорошаго воспитанія и никогда не старался пополнить пробѣлы своего образованія и исправить свои недостатки; избалованный затѣмъ удачами и еще болѣе лестью, окружавшею его со всѣхъ сторонъ, графъ вообразилъ, что онъ заслужилъ своими собственными достоинствами то высокое положеніе, на которое поставила его судьба. Боясь уронить свое достоинство, онъ сдѣлался гордъ; добрый отъ природы, но слабый характеромъ, онъ боится, какъ ребенокъ, чтобъ окружающіе не подумали, что имъ кто нибудь управляетъ, между тѣмъ люди, овладѣвшіе его довѣріемъ, менѣе всего были достойны его и, злоупотребляя этимъ довѣріемъ, дѣлали много вреда ему и всей арміи. Походъ 1796 г. возбуждалъ не мало отрицательныхъ отзывовъ. По словамъ Е. Г. Вейденбаума, «Зубовъ, обратилъ военный походъ въ увеселительную прогулку», а Растопчинъ писалъ: «Наша война съ персіянами, или, вѣрнѣе, съ ихъ городами, идетъ очень хорошо, взяли Дербентъ, Баку и Шумахи; всѣ эти города сдались безъ боя. Но такъ какъ надобно же было придать воинственный видъ этому походу, то и перерѣзали человѣкъ 50 въ одной башнѣ неподалеку отъ Дербента Г. Корсаковъ, которому было дано приказаніе овладѣть этимъ городишкой, величаемомъ именемъ крѣпости, видя, что это люда приближаются къ нему, послалъ сказать графу Зубову, что они не хотятъ защищаться; ему это не понравилось; онъ поспѣшилъ самъ, и, дѣлая подобіе приступа, велѣлъ ихъ перерѣзать».

обратить возможно будетъ въ пользу нашу.»*) Далѣ указъ, напомнивъ о дѣйствіяхъ Ага-Магометъ-хана, враждебныхъ Россіи и противныхъ ея интересамъ, говоритъ: «По послѣдствію всего вышеобъясненнаго, ради отвращенія многихъ неудобствъ, и самыхъ опасностей, отъ распространенія до предѣловъ нашихъ и утвержденія мучительской власти и вѣщаго усиленія, а паче при берегахъ Каспійскаго моря и такъ уже предъуспѣвшаго соединить точное владычество почти надъ всею Персіею, коварнаго Ага-Магометъ-хана, всегда являвшагося врагомъ имперіи нашей, всѣ пользы и выгоды торговли нашей стѣснившаго въ противность и наглое нарушеніе трактатовъ нашихъ, съ Персіею постановленныхъ, въ коихъ права и преимущества, Россіи присвоенныя, приобрѣтены были уступкою областей, завоеванныхъ оружіемъ вѣчной славы достойнаго императора Петра Великаго, и, наконецъ, для сильнаго подкрѣпленія царя Карталинскаго и Кахетинскаго, многихъ благонамѣренныхъ хановъ и владѣтелей дагестанскихъ, взывающихъ защиту и покровительство наше, за лучшее признали мы избрать васъ къ управленію тѣхъ силъ и способовъ, которые на сей конецъ употреблять заблагоразсудили». По составленному плану предполагалось открыть военныя дѣйствія съ двухъ сторонъ: берегомъ Каспійскаго моря и со стороны Грузіи. Двигаясь по берегу моря, Зубовъ долженъ былъ занять Дербентъ и Баку, гдѣ соединить свои силы съ Каспійскою флотиліею и учредить

*) Платонъ Зубовъ, воскрешая «восточный проектъ» Потемкина, предполагалъ, что братъ его, для установленія сообщенія Россіи съ Индіею, займетъ важные торговые пункты отъ Персіи до Тибета, оставитъ тамъ гарнизоны и потомъ обратится съ арміею вправо къ Анатоли и, взявъ Анапу, пресѣчетъ всѣ сношенія съ Константинополемъ. Тогда Суворовъ пошолъ бы черезъ Балканы и Адрианоуполь къ Константинополю, а сама Екатерина осадила бы его съ моря. По Державину, имѣвшему всю возможность знать дѣло, персидскій походъ былъ разсчитанъ на овладѣніе Константинополемъ со стороны Малой Азіи и на установленіи прямой торговли съ Индіею, въ предовращеніе англійскихъ захватовъ. Такимъ образомъ планы Петра Великаго возрождались. Графъ П. В. Завадовскій писалъ 17 апрѣля 1796 г. къ графу С. Р. Воронцову: «Персидскія смятенія вовлекли нашу дѣятельность. Г. Вал. Алек. Зубовъ поѣхалъ въ тотъ край воителемъ. Судить можешь самъ, отъ коихъ поръ Персія сама себя истребляетъ, потому истощена всѣмъ; а разогнать сволочь съ войскомъ отборнымъ стоитъ только показать лицо, слѣдственно успѣхи несумнительны, громкость же получаетъ оружіе обыкновенно отъ того, въ чьихъ рукахъ. Тебѣ извѣстны помыслы на тотъ край Петра Великаго; стезя таже и у насъ въ виду».

главный складъ провіанта и боевыхъ припасовъ. Въ то же самое время, усиливъ войска наши въ Грузіи и придавъ имъ названіе корпуса Кавказскаго, наше правительство предполагало двинуть ихъ къ сліянію Аракса и Куры, гдѣ, войдя въ связь съ Каспійскимъ корпусомъ, они могли дѣйствовать совокупными силами противъ Ага-Магометъ-хана. Главнѣйшею цѣлью дѣйствій Кавказскаго корпуса было возстановленіе карабагскихъ меликовъ, хана шушинскаго и другихъ хановъ и владѣльцевъ, желавшихъ избавиться отъ тиранническаго ига властителя Персіи. Возстановленіемъ въ единой зависимости Россіи меликовъ армянскихъ и подвластныхъ имъ карабагскихъ жителей, привлеченіемъ на нашу сторону патріарха армянскаго, покровительствомъ приверженнымъ намъ ханамъ и всему христіанскому населенію Закавказья, наконецъ распространеніемъ царства Грузинскаго присоединеніемъ къ нему ханства Ганджинскаго и Эриванскаго, указъ имѣлъ въ виду достигнуть значительнаго вліянія на дѣла Персіи и Турціи. Для скорѣйшаго привлеченія на нашу сторону армянъ, рѣшено было склонить къ участию въ этомъ дѣлѣ армянскаго архіепископа, князя Іосифа Аргутинскаго, приглашеннаго съ этою цѣлью на свиданіе съ Зубовымъ въ Моздокъ. Уѣхавъ послѣ этого въ Астрахань, для приготовленія къ походу, Іосифъ писалъ отсюда: «Графу словомъ и письмами совѣтовалъ я: если даже Дербентъ сдадутъ добровольно, то не соглашаться, а взять его силою, и это по двумъ причинамъ: 1) доказать персамъ пустоту ихъ самохвальства, что Дербентъ никѣмъ не можетъ быть взятъ, и 2) нагнать страхъ на другіе народы, чтобы знали, что послѣ взятія Дербента они сопротивляться не могутъ». Въ мартѣ мѣсяцѣ былъ обнародованъ манифестъ о вступленіи російскихъ войскъ въ предѣлы Персіи противъ похитителя власти въ семь государствъ Ага-Магометъ-хана, и съ переводомъ на персидскій, грузинскій и армянскій языки распространень по Кавказу.

Къ 10 апрѣля только часть Каспійскаго корпуса сосредоточилась у Кизляра, и Зубовъ рѣшился выступить съ нею. Отрядъ изъ 8 бат. пѣхоты, 28 эскадр. кавалеріи, 7. казач. командъ и 21 орудія полевой артилеріи, всего до 12323 ч., въ томъ числѣ пѣхоты 6190 ч., былъ раздѣленъ на 4 бригады: первая пѣхотная бригада (генераль-майоръ Булгаковъ): 2 бат. Кубанскаго егерскаго корпуса и 2

бат. Кавказскаго гренадерскаго полка; вторая пѣх. бригада (ген.-м. Римскій Корсаковъ): сводно гренадерскій бат. (2 грен. роты Владимірскаго и 2 роты Кабардинскаго мушкет. полковъ), 1 бат. Воронежскаго полка и 2 бат. Тифлискаго мушкет. полка; первая кавалерійская бригада (ген.-м. баронъ Бенингсенъ): по 7 эскадр. Владимірскаго и Нижегородскаго драгунскихъ полковъ; вторая кавал. бригада (бригадиръ графъ Апраксинъ): по 7 эскадр, Астраханскаго и Таганрогскаго драг. полковъ. Казачьи войска (Гребенскаго полка 300 ч. Терскаго Семейнаго 75 ч., Хоперскаго 370 ч., Волгскаго 320 ч., Моздокскаго 300 ч. Легіонной команды 120 ч. и Донскаго полка Машлыкина 346 ч.), составляя резервъ, были подчинены ген.-м. Платову, а до прибытія его ст. Чугуевскимъ полкомъ находились въ вѣдѣніи подполк. Баранова. При отрядѣ было 21 орудіе полевой артилеріи при 663 чел., полковая артилерія и одна мортира для дѣйствія противъ крѣпости навѣсными выстрѣлами, фуръ было 611, воловъ подвижнаго магазина 2326, верблюдовъ, навьюченныхъ провіантомъ и заводныхъ 300, вольнонаемныхъ мѣсячныхъ фуръ 384 и нагайскихъ аробъ 419.

28 апрѣля Зубовъ съ войсками достигъ р. Гамри-озень, гдѣ расположился лагеремъ. Здѣсь получено было извѣстіе, что Шихъ-Али рѣшился сопротивляться до послѣдней крайности, для чего собралъ въ Дербентъ болѣе 10000 воиновъ, въ числѣ которыхъ было много изъ горскихъ народовъ, и еще ожидалъ подкрѣпленій изъ Кубы и отъ хановъ Бакинскаго и Казикумухскаго. Для предовращенія этого, слѣдовало обойти Дербентъ черезъ горы Табасаранскія, землями благонамѣреннаго кадія Табасаранскаго, по пути, изслѣдованному Симоновичемъ. Поэтому Зубовъ рѣшилъ назначить отрядъ войскъ, который, пройдя черезъ Табасарань, явился бы подъ южными стѣнами Дербента въ тоже время, какъ главныя силы Каспійскаго корпуса подойдутъ къ сѣвернымъ, и этимъ прекратилъ бы всякое сообщеніе Дербента съ югомъ. Исполненіе движенія было поручено генералу Булгакову, которому предложено было, присоединивъ къ своей бригадѣ 2 роты гренадеровъ Владимірскаго полка, полки Астраханскій и Таганрогскій драгунскіе, 625 хоперскихъ и семейныхъ казаковъ и 6 орудій полевой артилеріи, двинуться черезъ Табасарань.

Между тѣмъ Шихъ-Али, зная о приближеніи русскихъ войскъ,

просилъ помощи у хана Аваріи и даже у Порты, для чего отправилъ въ Стамбуль посланца съ подарками на 30 т. р. и 10 т. р. деньгами и съ длиннымъ письмомъ, въ которомъ, называя себя слугою Порты, между прочимъ, писалъ: «презрѣнная русская нація отравила, въ отомщеніе за Грузію, нечестивую свою рать на Дербентъ, всегда служившій воротами въ Персію и крѣпкою преградою между правовѣрными и невѣрными. Они хотятъ овладѣть городомъ, построеннымъ Александромъ Великимъ, и полонить его жителей, взамѣнъ взятыхъ въ Грузіи, съ тѣмъ, чтобы отправить ихъ въ рабство въ нечестивую русскую землю и продавать ихъ тамъ на улицахъ и въ церквахъ. Съ этою именно цѣлью невѣрные стали лагеремъ въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ города, и вотъ уже 3 мѣсяца, какъ бросаютъ бомбы и жгутъ его». Порта не давала никакого отвѣта. Въ ожиданіи прибытія союзниковъ, Шихъ-Али усиливалъ крѣпость, заваливалъ излишнія ворота и строилъ каменную башню на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была насыпана Савельевымъ главнѣйшая батарея противъ воротъ города, у Нарынъ-кале. Прежде на высотахъ господствовавшихъ съ сѣверной стороны Дербента, существовали только двѣ каменные башни (бурджи); послѣ отступленія Савельева, Шихъ-Али построилъ еще вновь третью изъ дикаго камня, подъ ружейными изъ крѣпости выстрѣлами, на важнѣйшей высотѣ, противъ цитадели. Эта новая круглая башня, о трехъ сводахъ, высотой до 3 саж., въ діаметрѣ до 4 саж., со стѣнами въ 2 арш. толщ., причемъ каждый этажъ раздѣлялся на 4 перегородки, закрывала большую часть стѣнъ, препятствовала построению батарей и повсемѣстному около крѣпости сообщенію, и обезпечивала выходъ изъ крѣпости къ колодцу. Крѣпостныя стѣны были вооружены пушками и нѣсколькими фалконетами, для которыхъ жители ежедневно приготавливали заряды и выдѣлывали порохъ. Защитники болѣе всего опасались ночнаго нападенія, а потому всю ночь проводили на стѣнахъ, а днемъ спали. Оборона распредѣлялась такъ: всѣ 10 большихъ башенъ имѣли гарнизона до 100 человѣкъ, 10 среднихъ 50, до 60 малыхъ отъ 15 до 20 человѣкъ, въ интервалахъ между башнями, вдоль крѣпостной стѣны, разставлялась частая цѣпь, и затѣмъ всѣ остальные защитники располагались въ городѣ близъ стѣнъ. По словамъ Бакуниной, въ городѣ раздавался крикъ «ха-

Цитадель гор. Дербента съ сѣверной стороны.

барда», обычный возгласъ персовъ, коимъ они приглашали жителей быть на сторожъ; горожане отвѣчали на него хоромъ; ко всему этому прибавьте мычаніе быковъ и ревъ ословъ, коихъ въ городѣ было множество, и вы составите себѣ понятіе о страшномъ шумѣ, происходившемъ каждую ночь. Въ Дербентѣ, въ теченіе всей зимы, было 2 партіи; одна, состоявшая изъ мѣстныхъ жителей, настаивала на сдачѣ; другая, къ которой принадлежали пріѣзжіе горскіе жители, подкрѣпляемая ханомъ и главными чиновниками, желала держаться и требовала защиты города.

29 апрѣля Зубовъ провель въ лагерьъ при Гамри-озени и 30 числа соединился съ отрядомъ Савельева на р. Дарбахѣ, гдѣ стоялъ до 1 мая; отсюда онъ отправилъ въ Дербентъ посланнаго съ прокламаціею къ Шихъ-Али и всѣмъ жителямъ: «Отъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской, на разрушеніе силъ хищника Ага-Магометъ-хана, посланный съ многочисленнымъ воинствомъ генераль-поручикъ графъ Зубовъ симъ извѣщаетъ, что не имѣетъ ни повелѣнія, ни желанія вредить такимъ, кои не отваживаются подымать оружія противъ побѣдоносныхъ ея императорскаго величества войскъ, но паче священнымъ именемъ ея имп. величества обѣщаетъ сильное свое покровительство, личную и имущественную безопасность всѣмъ спокойнымъ и благонамѣреннымъ обитателямъ». Затѣмъ прокламація предлагала сдаться. Ханъ отвѣтилъ отказомъ. 2 мая отрядъ подошелъ къ Дербенту. Версты за четыре отъ города передовые наши казачьи разъѣзды были встрѣчены огнемъ дербентскихъ наѣздниковъ и стрѣлковъ, засѣвшихъ по горамъ и оврагамъ. Перестрѣлка эта продолжалась болѣе 3 часовъ до тѣхъ поръ, пока спѣшившіеся гребенскіе и волгскіе казаки и разсыпанный въ цѣпь третій баталіонъ Кавказскаго егерскаго корпуса не вытѣснили непріятели изъ засады и не принудили его, отступивши въ крѣпость, въ ней запереться. Войска, подойдя къ городу на полторы версты, расположились у притока родника Аванъ-булака, на высотахъ, имѣя позади себя въ 2 верстахъ свой вагенбургъ при рѣчкѣ Куру-чаѣ. Сады между городомъ и отрядомъ, по берегу моря, заняли казаки и калмыки; восточный фасъ лагеря къ морю заняла бригада генерала Бенингсена, за него генерала Савельева, и, наконецъ, генерала Римскаго Карсакова на западномъ фасѣ. Осмотрѣвъ мѣстность и признавъ необходимымъ

овладѣть прежде всего передовою башнею, Зубовъ приказалъ тотчасъ же открыть огонь изъ нѣсколькихъ орудій по разнымъ частямъ города и направить выстрѣлы одной двѣнадцати фунтовой пушки исключительно противъ башни. Выпущенныя четыре ядра не произвели никакого дѣйствія на ея стѣны, и потому огонь былъ прекращенъ. Видя, что огонь нашей артилеріи противъ башни не дѣйствителенъ, и предполагая, что внутри ея можетъ помѣститься не болѣе 70 защитниковъ, Зубовъ рѣшился овладѣть ею штурмомъ. Въ ночь на 3 мая, въ страшную бурю, срывавшую палатки въ лагерѣ, сопровождаемую громомъ и молніею, баталіонъ Воронежскаго полка подѣ начальствомъ полковника Кривцова и 2 гренадерскія роты того же полка пошли на штурмъ. Пользуясь темнотою ночи, наши подошли очень тихо и приставили къ стѣнѣ башни лѣстницы, не бывъ примѣчены; но когда солдаты готовились лѣзть, то караульные замѣтали, и градъ пуль и камней посыпался съ верха башни; наши принуждены были отступить, ибо отъ первыхъ выстрѣловъ Кривцовъ получилъ 3 раны въ голову, а майору Веревкину прострѣлили обѣ ноги; вся потеря была 25 человекъ убитыми и 72 ранеными. Въ неудачѣ были обвинены гренадерскія роты и поручикъ Чикрижевъ, ихъ командиръ, славившійся своею отважностью. 3-го же числа была заложена батарея на 4 орудія для дѣйствія противъ внѣшнихъ башенъ, расположенныхъ по сѣверную сторону цитадели. Съ своей стороны непріятель подвелъ въ прикрытіе передовой башни около 500 чел. гарнизона, который и расположился во рву между башнею и стѣною.

Между тѣмъ отрядъ Булгакова, преодолевъ страшныя трудности при переходѣ чрезъ Табасаранскій хребетъ (Бентъ), 3 мая сосредоточился въ долинѣ Девечумагатанъ, въ 18 верстахъ отъ Дербента, гдѣ начинались владѣнія хана, въ 11 часовъ утра выступилъ далѣе и поворотилъ влѣво къ Дербенту. Впереди отряжена была изъ 100 чел. казачья команда, которая захватила 5 армянъ и одного персіянина, и нѣсколько буйволовоу, овецъ и пшеницы. Пройдя 10 верстъ, дошли до деревни Сенгеръ, изъ которой всѣ жители ушли. Пройдя ее, Булгаковъ получилъ извѣстіе, что передовая команда имѣла уже перестрѣлку съ непріателемъ, выѣхавшимъ изъ города; онъ приказалъ подкрѣпить ее казачьими

обоими полками, съ которыми и поскакалъ самъ. Прибывъ версты на полторы, предъ вечеромъ, подъ стѣны Дербента, казаки имѣли стычку съ жителями, въ которой былъ убитъ 1 офицеръ. Къ казакамъ поспѣшили оба драгунскіе полка и послали 100 пѣшихъ драгунъ по косогору влѣво. Съ ихъ помощью казаки прогнали упорно дерущагося непріятеля, который собрался у двухъ воротъ; въ него и въ городъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій, убившихъ до 20 человекъ. Стычка эта была вечеромъ. Соединившійся отрядъ Булгакова къ полуночи расположился въ урочищѣ Куруты, въ 2 верстахъ отъ города. 4 мая Булгаковъ рекогносцировалъ крѣпость и велѣлъ начать стрѣльбу по ней изъ баталіонныхъ пушекъ и изъ единорога. Гранаты наши падали много разъ въ крѣпость и зажигали тамъ дома, но пожары скоро погасали 3 выстрѣла со стороны осажденныхъ были такъ хорошо направлены, что немного только перелетѣли то мѣсто, гдѣ были наши орудія и стоялъ Булгаковъ со штабомъ. 5 числа Булгаковъ поставилъ свой лагерь не далѣе 200 саж. отъ городскихъ стѣнъ, въ ханскихъ садахъ, обнесенныхъ довольно глубокимъ рвомъ, такъ что каждый полкъ и баталіонъ былъ расположенъ какъ бы въ окопахъ. Лагерь былъ препрїятный. Въ садахъ были плодовые деревья, инжирныя, яблоневыя, но всѣ почти были вырублены на туры и фашины. Примкнувъ правымъ флангомъ къ морю, лѣвымъ Булгаковъ занялъ высоты около цитадели, подъ ружейными выстрѣлами ея; на крутизныхъ этихъ горъ онъ поставилъ одинъ баталіонъ Кубанскаго егерскаго корпуса, а другой былъ выставленъ отъ отряда Зубова, и такимъ образомъ оба отряда соединились. Всѣ возвышенности, всѣ дороги и всѣ родники, которые за крѣпостью, заняты были нашими войсками, такъ что городъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и сообщеніе съ нимъ прекращено. Въ слѣдующіе дни устроены и открыты нужныя кругомъ крѣпости батареи, и начато устройство по ночамъ, противоположно цитадели, траншей и брешь-батарей на 11 орудій. Въ Дербентѣ пушекъ было мало, выстрѣлы ихъ по отряду были безопасны, но нѣкоторыя ядра падали у лѣваго фланга Таганрогскаго драгунскаго полка. Ружья осажденныхъ достигали саж. на 150. Они не дѣлали болѣе вылазокъ, а только стрѣляли со стѣнъ. Такъ какъ сообщеніе города было свободнымъ лишь со стороны моря, хотя ни дер-

бентцы, ни мы не имѣли мореходныхъ судовъ, то дербентцы наиболѣе старались укрѣпить приморскую и слабѣйшую часть города, гдѣ къ входящимъ въ море крѣпостнымъ стѣнамъ, по отмели, уставляли они туры, насыпанные дикимъ камнемъ. Въ ночь на 6 число въ Дубары вошло въ полночь небольшое судно со стороны Баку. 6 числа устроена была батарея у самого конца нраваго фланга лагеря Булгакова, противъ укрѣпляющаго прибрежную сторону непріятеля, чтобы мѣшать ему; въ Дубары пускались гранаты въ палатку, хотя не видную, Шихъ-Али, который, какъ говорили, хотѣлъ бѣжать въ Баку на суднѣ, пришедшемъ ночью. Въ ночь съ 6 на 7 была построена нами вторая брешь-батарея на 3 орудія, противъ третьей башни, а съ южной стороны въ 200 саж. отъ города батарея для 5 тяжелыхъ орудій. Въ 7 часовъ утра первая батарея, вооруженная 12-ти фунтовыми орудіями, открыла огонь противъ передовой башни, но послѣ 80 выстрѣловъ оказалось, что на башнѣ были сбиты только одни зубцы и то не до самыхъ стѣнъ, оставшихся невредимыми. Заложить траншею противъ башни не представлялось возможнымъ вслѣдствіе каменистаго грунта; оставалось лишь овладѣть ею штурмомъ. Выше было сказано, что въ неудачѣ перваго штурма башни обвиняли гренадеръ. Командиръ ихъ, поручикъ Чикрижевъ, узнавши объ этомъ, переговора съ своими гренадерами, явился къ Зубову и просилъ для оправданія себя и гренадеръ позволить взять башню. Графу очень понравился этотъ поступокъ, и онъ приказалъ ему явиться поутру съ ротами къ его ставкѣ. Чикрижевъ, обрадованный, бѣжитъ объявить объ этомъ опечаленнымъ гренадерамъ, которые, перекрестясь, въ одинъ голосъ воскликнули: «Дай Богъ здоровья нашему графу: мы докажемъ ему, что никогда не были трусами». Кромѣ этихъ ротъ Воронежскаго полка, на штурмъ былъ назначенъ третій бат. Кавк. егерскаго корпуса. Чикрижевъ съ своими ротами рано до назначеннаго времени явился къ ставкѣ главнокомандующаго. День былъ прекрасный, ясный; графъ въ 9^{1/2} ч. утра въ присутствіи собравшихся вокругъ него генераловъ и офицеровъ, сказалъ поручику: «извольте идти брать башню». «Ты насъ увидишь!» отвѣчали гренадеры, проходя мимо кургана, на которомъ стоялъ Зубовъ со свитою, и съ крикомъ ура, подъ боемъ скорого марша, бросились на башню, въ виду непріятеля, унижавшаго всѣ стѣны

города. На дорогѣ Чикрижевѣ находятъ бревно, которое приказываетъ взять съ собою вмѣсто лѣстницы. Съ крѣпости и съ башни открывается на русскихъ жестокой пушечный и ружейный огонь; гренадеры падаютъ, но колона смѣло идетъ впередъ. Наконецъ раздалось ура, солдаты приставляютъ бревно къ стѣнѣ, лѣзетъ гренадеръ – убить, за нимъ другой, третій, четвертый – ранены, потомъ самъ Чикрижевѣ поднимается, но въ ту же минуту падаетъ на землю. Храбрые гренадеры продолжаютъ однако жъ свое дѣло, и въ скорости увидѣли уже нѣсколькихъ изъ нихъ на верху башни; въ тоже время опять лѣзетъ по бревну Чикрижевѣ съ перевязанною бѣлымъ платкомъ рукою. Радость была общая, рукоплесканія раздались по всему лагерю; графъ Зубовъ съ восхищеніемъ сказалъ: «Слава Богу, Чикрижевѣ живъ; дай Богъ, чтобы его не убили; Георгій и капитанскій чинъ будутъ ему наградою.» Вотъ уже Чикрижевѣ добрался до верху, а за нимъ и остальные гренадеры. Проломавъ потолокъ и бросившись въ средину башни, перекололи всѣхъ защитниковъ, находившихся въ томъ ярусѣ; послѣ него принялись ломать другой ярусъ и съ такимъ же успѣхомъ достигли послѣдняго яруса, но защитники, не видя спасенія, бросались въ окна и 20 изъ нихъ спаслись. Изъ 250 гренадеръ убитыхъ и раненыхъ было до 180 ч. Пока гренадеры работали въ башнѣ, баталіонъ егерей атаковалъ прикрытіе башни, вогналъ его въ крѣпость, и около полудня башня была въ нашихъ рукахъ. Въ тотъ же день, 7 числа, преданные намъ армяне съ Самура перехватили посланныхъ отъ хана къ кубинскому наibu, ханамъ Бакинскому и Казикумухскому трехъ чиновниковъ и 12 человекъ простыхъ, которые отправились изъ Дербента и на лодкахъ вышли на берегъ позади отряда Булгакова. Этими письмами союзники Шихъ-Али приглашались сдѣлать набѣгъ на тылъ отряда Булгакова. Лодки, у нихъ бывшія, послужили послѣднему для учрежденія изъ казаковъ разъѣздовъ по берегу моря. Шихъ-Али писалъ своимъ союзникамъ: «что войско беззаконныхъ городъ совсѣмъ окружило и въ одну ночь сдѣлало приступъ къ новой нашей батарее съ 1000 человекъ лучшихъ воиновъ, но, при помощи Божьей, много мы изъ нихъ побиили; послѣ же сего, хотя и стрѣляютъ они въ городъ, но ни мало тѣмъ не вредятъ». Посланные показали, что въ городѣ считается 2500 домовъ, въ томъ числѣ до 60 армянскихъ; что ханъ

можетъ располагать 10000 человекъ, вооруженныхъ ружьями; что въ числѣ защитниковъ находится 400 конныхъ казикамуховъ, отъ 1200 до 1300 чел. кубинцевъ, до 90 ч. каракайтагцевъ, 800 акушинцевъ и до 900 ч. отъ разныхъ горскихъ племенъ. По ихъ словамъ, Шихъ-Али успѣлъ сдѣлать весьма значительный запасъ продовольствія, такъ что высшая цѣна за полпуда пшеничной муки была 1 р. 20 к., но скотъ былъ весьма стѣсненъ, такъ какъ весь былъ загнанъ въ необитаемую приморскую часть города. Паденіе передовой башни дозволило намъ, спустившись съ каменныхъ высотъ на сѣверо-западъ отъ цитадели, заложить траншеи на весьма близкомъ разстояніи отъ города.

Желая воспользоваться впечатлѣніемъ, которое произвело это на жителей города, во множествѣ высыпавшихъ на стѣны и слѣдившихъ за штурмомъ, Зубовъ приказалъ приготовить къ вечеру того же дня все необходимое для заложения траншей. Къ закату солнца все было готово и, по осмотрѣ мѣстности, рѣшено вести подступы противъ цитадели, какъ командующей надъ всѣмъ городомъ. Графъ Зубовъ, не имѣя вовсе крѣпостной артиллеріи, и сознавая, что твердость стѣны можетъ долго противостоятъ 12-тифунтовымъ пушкамъ, наибольшему калибру, у него бывшему, надѣялся постепеннымъ приближеніемъ батарей къ городу и сокращеніемъ дальности выстрѣловъ овладѣть Дербентомъ. Къ разсвѣту 8 мая траншея была окончена и построены брешь-батареи; одна на 5, другая на шесть 12-фунт. пушекъ; послѣдняя была расположена въ 40 саж. отъ крѣпостной стѣны. Съ ранняго утра 8 ч. было открыто бомбардированіе Дербента, но результаты его были очень слабые, вслѣдствіе характера городскихъ построекъ. Одною изъ брешь батарей командовалъ А. П. Ермоловъ, въ чинѣ капитана артиллеріи, и «дѣйствовалъ съ успѣхомъ къ большому вреду непріятеля», за что пожалованъ орденомъ Владиміра 4-й ст.; при Дербентѣ же получилъ свое боевое крещеніе и другой герой Кавказа, генер. Котляревскій. Но впечатлѣніе отъ бомбардировки было сильное, особенно на партію, желавшую сдать городъ, такъ что, опасаясь возстанія, Шихъ-Али на другой день бомбардированія, вечеромъ 9 мая, тайно прислалъ одного изъ своихъ приближенныхъ, муллу, къ генералу Булгакову съ просьбою прислать къ хану чиновника, знающаго ихъ языкъ, которому онъ могъ бы от-

крыть для донесенія главнокомандующему свои намѣренія, но мулла скрывалъ, въ чемъ послѣднїя заключались. Булгаковъ, донесъ объ этомъ Зубову, получилъ приказаніе отправить муллу обратно въ городъ, подъ предлогомъ, что ему придется долго ждать отвѣта графа Зубова, а совѣтовать ему, чтобы Шихъ-Али на другой день отнесся прямо къ графу. Уходя, мулла открылъ догадку, что Шихъ-Али хочетъ сдаться. Въ этотъ день генералъ Бенингсенъ составилъ проектъ штурма города, одобренный графомъ; предполагалось обойти городъ со стороны моря, которое было тутъ не глубоко, поэтому кавалерія легко могла проѣхать бродомъ и вступить въ Дубары.

10 мая съ утра началась усиленная канонада, продолжавшаяся до двухъ часовъ пополудни, когда въ углу башни удалось сдѣлать брешь, и, какъ доносилъ Зубовъ, «черезъ образовавшійся проломъ блеснуло въ очи непріятелю побѣдоносное оружіе вашего императорскаго величества, приготовленными къ штурмованію замка воинами носимое.» Между тѣмъ въ городѣ было шумное собраніе обывателей, которое выслало 5 человекъ на батарею противъ Дубары, къ генералу Бенингсену, просить пощады; Бенингсенъ тотчасъ далъ знать объ этомъ Зубову и Булгакову, къ которому отправилъ одного изъ вышедшихъ изъ города съ унтеръ-офицеромъ Сурковымъ чрезъ Дубары просить о прекращеніи огня. Канонада прекратилась. Изъ воротъ города хлынула толпа народа, во главѣ которой шли старшины и представители разныхъ народовъ, пришедшихъ на помощь Шихъ-Али. Подойдя къ нашимъ войскамъ, вся толпа стала на колѣни, и вышедшій впередъ дряхлый 120 лѣтній старикъ, подносившій за 74 года ключи отъ города Петру Великому, поднесъ Зубову серебряные ключи отъ города*). «Оруженосецъ Екатерины II, доносилъ Зубовъ въ тотъ же день императрицѣ, тѣ же ключи, отъ того же старца, принялъ 10 мая 1796 года». вмѣстѣ съ ключами народные депутаты предавали себя и весь народъ въ волю побѣдителя. За народомъ Шихъ-Али-ханъ съ

*) Еще Гельбигъ замѣтилъ въ концѣ XVIII в.: «Если этотъ анекдотъ справедливъ, то 120 лѣтній старикъ могъ пожаловаться на жестокость судьбы, приберегавшей его послѣ столькихъ лѣтъ для несравненно большаго униженія, чѣмъ первое. Тогда онъ отдавалъ ключи великому, всѣми почитаемому и коронованному побѣдителю, теперь — юному, невѣжественному и злодѣйскому выскочкѣ».

своими чиковниками и приближенными, съ повѣщенными на шею пашками, въ знакъ покорности и признанія своей вины, явились въ лагерь; ханъ былъ принятъ Зубовымъ, который приказалъ отвести ему для жилища большой зеленый шатеръ. Сестрѣ его Периджи-ханумъ было послано сказать, что бы она не беспокоилась и спокойно оставалась въ городѣ въ своемъ домѣ. Она отвѣтила, что, имѣвъ участіе въ владѣніи-дербентскомъ, какъ старшая сестра хана, она должна раздѣлить съ нимъ его участь; закутанная чадрою, она верхомъ явилась въ лагерь, провела съ братомъ въ его шатрѣ цѣлыя сутки, потомъ вернулась домой, получивъ дозволеніе свободно посѣщать его. «Крѣпость войсками в. и. в. занята, доносилъ Зубовъ, ханъ съ саблею на выѣ, въ знакъ, по ихъ обычаю, признанія преступления и повиненія безъ изъятія, предсталъ мнѣ съ своими чиновниками и содержится въ станѣ моемъ. Гарнизонъ обезоруженъ. Я даровалъ всѣмъ жизнь, да лобызаютъ мысленно, съ благоговѣйнымъ ужасомъ и любовью, побѣждающую и вмѣстѣ всѣхъ милующую десницу вашу». Овладѣніе Дербентомъ стоило намъ 3 офицеровъ и 47 человекъ нижнихъ чиновъ убитыми и 8 офицеровъ и 160 ч. нижнихъ чиновъ ранеными *). Городъ былъ тотчасъ занятъ генераломъ Савельевымъ съ 4½ баталіонами пѣхоты (Казанскимъ мушкетерскимъ, 4-мъ егерскимъ, Московскимъ мушкетерскимъ, сводно-гренадерскимъ и двумя ротами 3-го егерскаго баталіона); одинъ баталіонъ былъ поставленъ въ Нарынъ-кале, на главномъ бастіонѣ котораго было поднято бѣлое знамя, два въ средней части города и одинъ въ Дубары; народъ, собравшійся на улицахъ и крышахъ домовъ, смотрѣлъ, какъ баталіоны съ распущенными знаменами и музыкою входили въ городъ. Побѣдителямъ досталось: мѣдныхъ и чугунныхъ пушекъ и мортиръ 15, подбитыхъ во время осады, мортиръ 1, пушекъ 13, довольное количество бомбъ и ядеръ, свинцу 115 плитъ, 5 знаменъ и гарнизонъ изъ 11000 ч., отъ которыхъ тотчасъ все оружіе отобрано. Быв-

*) Участница похода, В. И. Бакунина, жена подполковника Владимірскаго драг. полка, увѣряетъ, «будто персы еще наканунѣ предлагали сдать городъ на тѣхъ же условіяхъ, но имъ отказали; наше начальство желало во что бы то ни стало бомбардировать городъ и надѣлать какъ можно болѣе шума; мнѣ думается, право, что еслибы первый штурмъ башни не побилъ съ насъ спѣси, то мы захотѣли бы взять Дербентъ приступомъ, несмотря на то, что персы готовы были сдаться безъ боя».

шіе здѣсь до 500 человекъ лезгинъ и прочихъ дагестанцевъ взяты подъ стражу. Зубовъ обѣщаль всѣмъ личную и имущественную безопасность; ласковое обращеніе ободрило жителей, и въ тотъ же день торговцы стали на базарахъ продавать съѣстные припасы, напитки, фрукты и разные товары, какъ среди мира. 11 числа начато и 12 продолжалось отобраніе у дербентцевъ оружія, 13 числа Зубовъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ городъ. Въ сопровожденіи многочисленной свиты и разнообразнаго конвоя, при пушечной стрѣльбѣ съ крѣпостныхъ стѣнъ, онъ подѣхалъ къ воротамъ города. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ армянскимъ архимандритомъ съ крестомъ, почетнѣйшими беками и старшинами города съ хлѣбомъ и солью. Осмотрѣвъ городъ, Зубовъ, по улицамъ, богато украшеннымъ коврами, проѣхалъ въ Дубары къ ставкѣ Савельева, близъ которой въ походной церкви былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. Послѣ молебствія Зубовъ обѣдалъ у Савельева; въ этотъ день онъ получилъ отъ Периджи-ханумъ подарковъ тысячь на пятнадцать. На слѣдующій день Зубовъ возвратилъ Шихъ-Али саблю, и онъ, бывъ оставленъ при главной квартирѣ, былъ ласкаемъ и имѣлъ почти полную свободу. 15 числа Бакунина пригласила на обѣдъ Зубова, генералитетъ, полковниковъ и почти всѣхъ офицеровъ штаба; всего на обѣдѣ было до 60 человекъ; весь домикъ ея былъ убранъ гирляндами изъ прелестныхъ цвѣтовъ, нарванныхъ въ садахъ Дербента. Бакунина старалась принять гостей, какъ можно лучше; обѣдъ прошелъ весьма оживленно, во время его играла музыка, а тосты сопровождались пушечной пальбой; гости разошлись весьма довольные другъ другомъ. Радостное настроеніе нарушено было нѣсколько открытіемъ заговора десяти главнѣйшихъ дербентскихъ чиновниковъ: Имали-Кули-бека, Ахметъ-бека, Зулфукаръ-бека, ближайшихъ къ Шихъ-Али, Али-Муратъ бека, Ибрагимъ-бека, Магометъ-Гассанъ-бека, Гачи-Тагира, Гачи-Аллахъ-кули, Мирза-Аскера, которые тайно сносились съ горцами и склоняли ихъ на внезапное нападеніе на русскія войска. 18 числа они были арестованы и 25 отправлены на пакетботѣ въ Астрахань, а оттуда въ Саратовъ.

Извѣстіе о паденіи Дербента быстро распространилось по всему Дагестану, и всѣ горскіе владѣльцы, до сихъ поръ непріязненные Россіи, наперерывъ другъ предъ другомъ спѣшили въ

лагерь Зубова. Въ теченіе двухъ недѣль его пребыванія у Дербента русскій лагерь былъ переполненъ дагестанцами пріѣзжавшими заявить о своей покорности Россіи: «мы пребывали, говорили они, съ дербентскими владѣтелями въ дружбѣ; а какъ теперь Дербентъ состоитъ полъ властью всероссійской монархини, то мы не преминемъ служить Россіи лучше, чѣмъ Дербентскимъ ханамъ.» Жителямъ Дербентскаго ханства было объявлено, что владѣніе Шихъ-Али-хана принимается подъ защиту Россіи, что каждый, оставаясь спокойнымъ въ своемъ владѣніи, будетъ обезпеченъ въ личной и имущественной безопасности; что въ случаѣ какихъ либо претензій другъ на друга, никто не въ правѣ раздѣльваться самъ собою, но долженъ обращаться къ русскому главнокомандующему; что весь Дагестанъ и Дербентское ханство, находясь подъ покровительствомъ Россіи, обязаны положить конецъ взаимнымъ распрямъ и мирною жизнью и послушаніемъ заслужить благоволеніе императрицы. Управление ханства, ради лучшей увѣренности отъ жителей, было поручено Периджи-ханумъ, которая, по словамъ Бакуниной, «была всегда на сторонѣ русскихъ; она употребила всѣ усилія къ тому, чтобы склонить брата принять Савельева и открыть ворота города, когда пришла наша армія; во время осады она не разъ присылала въ лагерь графу своихъ посланныхъ съ изъявленіями своей преданности и дала ему нѣсколько весьма важныхъ совѣтовъ.» Императрица въ письмѣ отъ 3 іюня писала Зубову: «Управительницѣ Дербентской Хараджи-ханумъ (sic) посылаю я перо, серги и перстень въ подарокъ. Прошу къ ней доставить, буде ты ея поведеніемъ по дѣламъ доволенъ. Сказываютъ, что то дѣвица умная и хорошая собою. Мнѣ кажется, что въ ея поведеніи есть нѣчто рыцарственное, что мнѣ понравилось. Вы также отнеслись къ ней, какъ рыцарь безъ упрёка, что я весьма одобряю.» Помощникомъ Периджи-ханумъ въ дѣлахъ управленія былъ назначенъ Хадыръ-бекъ, веегда проявлявшій преданность къ Россіи, родственникъ Мегметъ-Гуссейнъ-хана, лишеннаго сана Фетъ-Али-ханомъ въ 1765 году послѣ покоренія имъ Дербента. Шихъ-Али-хану было объявлено, что онъ долженъ слѣдовать за войсками; онъ принялъ это, повидимому, даже съ удовольствіемъ, и, чтобы заискать въ Зубовѣ и выказать свою преданность, написалъ воззваніе къ своимъ бывшимъ подданнымъ, призывавшее ихъ къ спокой-

ствію и переполненное самыми льстивыми въ восточномъ вкусѣ выраженіями относительно императрицы и ея главнокомандующаго. Въ немъ онъ всю вину въ своемъ поведеніи возлагалъ на Ага-Магометъ-хана и оканчивалъ: «Молимъ Всевышняго, дабы послалъ на васъ всѣхъ святую свою милость и дабы великій пророкъ наставилъ васъ на путь правды. Теперь же, по данной намъ отъ Бога власти, повелѣваемъ считать россіянъ за благодѣтелей, чинить послушаніе свѣтлѣйшей сестрѣ нашей, или кому отъ нея приказано будетъ. Данъ въ радостномъ, веселомъ и благополучномъ времени». Охраненіе Дербента было поручено генералу Савельеву, съ которымъ были оставлены: гренад. баталіонъ изъ ротъ Московскаго и Казанскаго полковъ, мушкет. баталіонъ Московскаго полка и третій баталіонъ Кавказскаго егерскаго корпуса, 1-й казачій полкъ и 4 орудія полевой артилеріи. Здѣсь же были оставлены всѣ больные и раненые. Въ Дербентѣ же сосредоточены провіантскіе склады для снабженія арміи Зубова.

24 мая совершился выходъ войскъ для дальнѣйшаго похода: Зубовъ съ своимъ корпусомъ, пройдя Дубары съ музыкою и подъ громъ салютовъ, соединился съ отрядомъ Булгакова и дошелъ въ тотъ день до Рубаса, гдѣ расположился лагеремъ и гдѣ провелъ цѣлую недѣлю. «Хорошенькая рѣчка Рубасъ довольно широкая, но не особенно глубокая, вода ея имѣетъ довольно пріятный вкусъ. Мѣстность возлѣ лагеря была очень живописная; берега Рубаса. осѣнялись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ великолѣпными деревьями; мы избрали одно изъ такихъ мѣстечекъ и отправились туда пить чай; вмѣстѣ съ нами поѣхалъ графъ и другіе генералы; мы взяли съ собою музыкантовъ, гуляли и веселились такъ, какъ будто намъ не предстояло снова идти въ походъ чрезъ нѣсколько дней; затѣмъ условились, чтобы каждый избралъ, въ свою очередь, какое нибудь мѣстечко и угостилъ насъ тамъ чаемъ; признаться, каждый подобный пикникъ доставлялъ мнѣ много хлопотъ, такъ какъ мнѣ всегда приходилось разливать чай. Вся недѣля, которую мы провели на берегу Рубаса, прошла очень оживленно»(Бакунина). 31 мая корпусъ выступилъ далѣе, раздѣлившись на 3 части, слѣдовавшія одна за другою днемъ позже.

Изъ дальнѣйшаго похода Зубова для насъ имѣетъ значеніе эпизодъ бѣгства Шихъ-Али-хана. Выступивъ изъ Кубы 19 іюня, Зубовъ

повернулъ направо на шемахинскую дорогу и скоро вступилъ въ весьма узкое дефиле. Находившійся при отрядѣ плѣнный Шихъ-Али-ханъ успѣлъ на столько вкрасться въ довѣренность главноначальствующаго, что пользовался полнымъ его расположеніемъ и свободою. При немъ находился за пристава и переводчика, изъ армянъ, майоръ Серебровъ и казачій конвой, подъ начальствомъ поручика Краснощекова. Сереброву было поручено, не стѣняя хана, слѣдить за всѣми его поступками и не позволять сношеній съ посторонними лицами. Заботясь болѣе о пополненіи своего кармана и распуская повсюду слухи, что онъ имѣетъ большое значеніе у Зубова, Серебровъ собиралъ подарки и бралъ деньги у своихъ же соотечественниковъ, обѣщая имъ выхлопотать различныя милости и награды, а за ханомъ не слѣдилъ. Шихъ-Али былъ предоставленъ самому себѣ. Во время переходовъ онъ постоянно занимался джигитовкою, удивлялъ всѣхъ своимъ искусствомъ въ верховой ѣздѣ и легкостью своей лошади. Нѣкоторыя лица изъ его свиты имѣли также отличныхъ лошадей и кромѣ джигитовки ничѣмъ не занимались. Ханъ жилъ въ лагерь свободно и весело. Свита его каждый день собиралась у хана, проводила съ нимъ время и нерѣдко по вечерамъ предавалась разгулу. Среди этихъ собраній ханъ устраивалъ все необходимое къ побѣгу и успѣлъ дать знать преданнымъ ему кубинцамъ, что бы они, въ условленномъ мѣстѣ, подготовили ему подставныхъ лошадей. Въ то время, какъ войска наши втягивались въ дефиле, Шихъ-Али, оставшись позади ихъ, по обыкновенію, занимался джигитовкою и незамѣтно отдѣлился отъ отряда на довольно значительное разстояніе въ уроч. Гельгени. Всѣ любовались ловкостью и проворствомъ хана, но скоро замѣтили, что онъ понесся прямо на гору, на далекой вершинѣ которой едва было замѣтно небольшое селеніе. Тогда только спохватились и сообразили, что джигитовка обратилась въ бѣгство. Посланные казаки догнать Шихъ-Али не могли, и онъ скрылся, причинивъ потомъ не мало хлопотъ русскому правительству. Зубовъ, впрочемъ не придавалъ его бѣгству особаго значенія и доносилъ: «Сей побѣгъ въ положеніи здѣшнихъ дѣлъ перемѣны не воспричинствовалъ, и онъ, скитаясь нынѣ по деревнямъ, въ ущелинахъ горъ лежащимъ, присылаетъ ко мнѣ всѣхъ своихъ пріятелей съ униженными прощеніями о прощеніи, но сіе ему отказано, потому что

приняты самовѣрнѣйшія мѣры къ сохраненію въ землѣ спокойствія и увѣренность оной болѣе надежна подѣ правленіемъ настоящимъ, поелику сестра его, первый дербентскій старшина Хадыръ-бекъ и кубинскій наибъ Вали-бекъ суть злѣйшіе его непріатели и отклоняютъ отъ него народное вниманіе.» Зубовъ писалъ это, предполагая, что Периджи-ханумъ и Хадыръ-бекъ будутъ стараться сохранить власть въ своихъ рукахъ. На случай же, если бы они приняли сторону Шихъ-Али-хана, Зубовъ предполагалъ сдѣлать правителемъ Дербентскаго ханства Али-Бека-Агу, происходившаго отъ прежняго поколѣнія Дербентскихъ хановъ, котораго онъ «держалъ какъ бы въ запасъ»; для Кубы онъ имѣлъ въ запасъ брата Шихъ-Али, Гассанъ-бека. Савельеву въ Дербентѣ онъ предписывалъ принять мѣры къ тому, чтобы Шихъ-Али не возмущалъ своихъ бывшихъ подданныхъ или неблагонамѣренныхъ къ намъ сосѣдей. Спокойствіе въ Дербентѣ было въ это время нарушено не Шихъ-Али, а архіепископомъ армянскимъ Іосифомъ Аргутинскимъ, которымъ, какъ мы знаемъ, Зубовъ думалъ воспользоваться для привлеченія населенія Закавказья. Пріѣхавъ въ Дербентъ послѣ ухода оттуда Зубова, Іосифъ вздумалъ вмѣшиваться въ дѣла ханства. Онъ сталъ собирать христіанъ, жившихъ по разнымъ случаямъ среди магометанскихъ семействъ, не упускалъ случая придирается къ мусульманамъ, старался унижить послѣднихъ предъ армянами, словомъ въ самое короткое время своего пребывания въ Дербентѣ возстановилъ противъ себя все населеніе. Генералъ Савельевъ жаловался Зубову что архіепискомъ самовольно вмѣшивается въ дѣла, почему дербентскій наибъ Хадиръ-бекъ просилъ уволить его отъ должности. Главнокомандующій отправилъ Савельеву открытое предписаніе, въ которомъ писалъ, что, будучи начальникомъ гарнизона и исполнителемъ предначертаній одного только главнокомандующаго, онъ обязанъ не допускать никакихъ постороннихъ вліяній и прежде всего имѣть въ виду, что спокойствіе страны обезпечивается удаленіемъ отъ жителей всякаго неудовольствія, и слѣдовательно «запрещать и истреблять все что можетъ нанести имъ безпокойства». Іосифъ былъ вызванъ въ главную квартиру. Зубовъ предполагалъ, устроивъ бракъ Периджи-ханумъ съ Мехти, сыномъ шамхала Магомета, передавшаго ему въ это время власть, соединить Дербентское ханство съ шам-

хальствомъ, «Дербентцы, писалъ онъ, конечно, не окажутъ къ сему на первый случай доброхотливости, но есть многія очевидныя для нихъ пользы, ибо до сихъ поръ въ Таркахъ купцы ихъ платятъ великую пошлину и весьма стѣснены они всегда отъ стороны Дагестана. Убѣжденія сіи и ласковое и справедливое новаго ихъ владѣльца съ ними обращеніе удобно и скоро могли бы ихъ успокоить». Периджи-ханумъ, дѣйствительно, вступила въ бракъ съ Мехти, но въ управленіе Дербентскимъ ханствомъ ему не удалось вступить. Между тѣмъ Зубовъ рѣшился поставить ханомъ Кубинскимъ Гассана. Заботясь о томъ, чтобы Гассанъ скорѣе прибылъ въ Кубу, Периджи-ханумъ прислала въ этотъ городъ 17 почетнѣйшихъ дербентскихъ старшинъ, которые вмѣстѣ съ 27 кубинцами отправились въ Элису, гдѣ жилъ Гассанъ, въ качествѣ депутатовъ, для приглашенія его на ханство. Въ началѣ октября Зубовъ, получивъ извѣстіе, что Гассанъ выѣхалъ изъ Элису въ Кубу, отправилъ къ Периджи-ханумъ подарки отъ императрицы и приглашалъ ее поторопиться выѣздомъ въ Кубу. Посланный съ дарами майоръ Ахвердовъ былъ встрѣченъ за 20 верстъ отъ Дербента знатнѣйшими чиновниками съ конвоемъ въ 200 человекъ. По приближеніи къ городу, Ахвердовъ встрѣченъ былъ пушечною пальбою и огромною толпою народа, съ крикомъ радости сопровождавшею его до дома правительницы, гдѣ посланнаго ожидали Хадыръбекъ и почтеннѣйшія лица мусульманскаго духовенства. Принявъ подарки, Периджи-ханумъ тотчасъ же выѣхала для встрѣчи брата Гассанъ-бека; ее сопровождалъ Хадыръбекъ, нѣсколько старшинъ и 57 человекъ конвоя. 14 октября Периджи-ханумъ прибыла въ Кубу, куда 16 пріѣхалъ Гассанъ, 3 ноября торжественно провозглашенный ханомъ Кубинскимъ, не включая въ него Дербентскаго ханства.

6 декабря 1796 г. въ лагерь Зубова на Курѣ было получено извѣстіе о кончинѣ Екатерины II (6 ноября) и приказаніе остановить всѣ военныя дѣйствія. Въ скорости каждый полковой командиръ получилъ на свое имя особый высочайшій именной указъ, повелѣвающій немедленно по полученіи возвратиться съ полкомъ въ свои границы, соблюдая людей на лучшее употребленіе. Полки, претерпѣвая много отъ погоды и недостатка провіанта, стали выступать назадъ. Коль скоро они изъ виду скрылись, Шихъ-Али

овладѣль Кубою и выслалъ Гассанъ-хана въ Дербентъ. Къ срединѣ мая войска подошли къ Дербенту, гдѣ Савельевъ оставался съ однимъ баталіономъ. Жители, въ присутствіи генераловъ Булгакова, Платонова и Савельева присягали въ вѣрности Гассанъ-хану и въ подданствѣ Россіи. 20 мая генераль Савельевъ съ гарнизономъ вышелъ послѣдній изъ Дербента. Хотя Гассанъ-ханъ принялъ присягу на вѣрность отъ жителей, но чувствуя, что не въ силахъ сопротивляться Шихъ-Али-хану, оставилъ городъ съ матерью и поѣхалъ въ Тарки къ шамхалу просить его защиты; также наибъ Хадыръ-бекъ выѣхалъ изъ города съ семействомъ своимъ просить покровительства у кадія Табасаранскаго. Едва войска наши отошли нанѣскольکو верстъ отъ Дербента, какъ услышали тамъ 3 пушечныхъ выстрѣла, почему и заключили, что Шихъ-Али опять завладѣль городомъ.

Участники персидскаго похода 1796 г., П. Г. Бутковъ и В. И. Бакунина, оставили интересныя описанія Дербента того времени. Бутковъ 13 мая посѣтилъ ханскій домъ. «Оный построенъ въ Нарынъ-калѣ, въ два этажа, изъ дикаго камня, на высотѣ, которая командуетъ всѣмъ городомъ. Покои, гдѣ жилъ ханъ и его сестра, состоятъ въ четвероугольникѣ такъ, какъ въ зимнемъ дворѣ. По срединѣ бассейнъ. Въ той части, которая лицомъ лежитъ къ городу, сдѣлана галлерей, выше всего дома; вправо, влѣво и напротивъ галлерей состоятъ покои же наружнымъ амфитеатромъ, гдѣ, такъ какъ и въ комнатахъ, украшены живописью. Она не заслуживаетъ вниманія отъ искусства, ибо нѣтъ въ ней ни размѣра, ни оттѣнка, и много очень похожа на работу суздальскихъ мужиковъ. Впрочемъ, краски такъ живы, что, будучи положены на алебастръ около ста лѣтъ, ничего не потеряли. Картины сіи представляютъ, иная сраженіе древнихъ азіатцевъ, гдѣ предводительствующій ѣдетъ на слонахъ, иная любовныя свиданія, а иная охотниковъ, догоняющихъ на лошадахъ и убивающихъ саблею оленей и проч., потолки же украшены цвѣтами. Изъ сего амфитеатра, по сторонамъ, двери въ комнаты, гдѣ исключая одной комнаты ханской сестры, стѣны живописью не украшены, но только чисто выштукатурены. Въ комнатахъ много было небольшихъ зеркалъ и другихъ украшеній, но они уже вынесены въ другой старый ханскій домъ, стоящій въ срединѣ города, куда сестра хана и весь сераль

11 числа перебрались. Окна въ комнатахъ составлены изъ маленькихъ разноцвѣтныхъ стеколъ, и кажутъ наипрелестный видъ радуги, а особливо, когда солнце лучи свои въ стекло бросаетъ. Сіи окны съ стекломъ только къ городу, а внутреннія безъ стеколъ, и съ занавѣсами и съ затворами. Причина сему то, что они здѣсь не имѣютъ большей стужи и сыраго воздуха. Стѣны Дербента составлены изъ дикаго камня, въ вышину отъ 5 до 8 сажень, а въ толщину отъ 1 до 2 сажень. Параллельная длина ихъ, примыкающая къ берегу моря, простирается на $2\frac{3}{4}$ версты, а поперечникъ на 470 шаговъ. Строеніе ихъ приписываютъ временамъ Александра Великаго, и въ самомъ дѣлѣ сему можно вѣрить. Рвовъ нѣтъ. Только Нарынъ-кале съ лѣвой стороны окруженъ натурою неприступнымъ глубокимъ рвомъ, для ѣзды чрезъ который изъ Нарынъ-кале есть каменный мостъ; напроти въ стоятъ 2 башни, высотой саж. въ 4 изъ дикаго камня, гдѣ былъ ихъ карауль. Воротъ много, но во время осады оныя всѣ ими были завалены или заперты. Вдоль по высотѣ стѣны наружной, ко внутри крѣпости, ходъ прикрытый стѣнными зубцами съ окошечками, откуда дербентцы стрѣляютъ въ своего непріятеля, будучи сами отъ него невредимы. По стѣнѣ выдались полуциркулемъ ряды батарей, съ которыхъ и палили дербентцы изъ своихъ пушекъ. Ихъ въ крѣпости найдено 9 пушекъ и 9 фалконетовъ, но большая часть негодныхъ, и 18 безъ лафетовъ, а прочія съ низкими лафетами, совсѣмъ не похожими на наши лафеты, 2 мортиры, но ими персіяне не дѣйствовали. Найдены въ Нарынъ-кале и небольшой пороховой заводъ, также много ядеръ и бомбъ пуда въ 4. Городъ раздѣленъ на 3 части; въ Нарынъ-кале стоитъ отмѣнный высокій домъ ханскій, со всѣми службами, и есть мѣсто крѣпчайшее, гдѣ однакожь въ угловомъ бастіонѣ съ успѣхомъ начать былъ брешь; вторая часть называется Дербентомъ, гдѣ имѣютъ дома всѣ жители, и каждый домъ построенъ изъ дикаго камня, въ 2 этажа, очень высоко; стѣны у нихъ толщиною отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 аршинъ; всякій домъ есть почти особенный замокъ, который штурмовать надобно было бы. Есть нѣсколько каравансараевъ и гостиныхъ рядовъ; но всѣ они не заслуживаютъ дальняго вниманія, такъ, какъ и дома жителей; улицы по обыкновенію азіатскому очень тѣсны и очень засорены, такъ что для европейца нѣтъ пріятности по онымъ ѣздить; не болѣе двухъ улицъ такихъ, по кото-

рымъ можно ѣздить на арбахъ. Въ сей же части города есть одна обширная мечеть, но не заслуживаетъ вниманія; есть и башни, но худы. Послѣдняя часть города, Дубары, пуста и отдѣляется отъ дербентской части стѣною, равную прочимъ наружнымъ, гдѣ однѣ ворота. Въ Дубары есть на самомъ берегу моря небольшое земляное укрѣпленіе, построеніе котораго приписываютъ Петру Великому. Въ Дубары имѣлъ свой лагерь и Демедемъ. Прочее мѣсто состоитъ все въ ямахъ на подобіе шанцевъ, и гдѣ во время осады скотъ дербентскій былъ пасомъ. Домовъ въ дербентской крѣпости 1700, въ томъ числѣ до 100 армянскихъ, и всякій на защиту отъ непріятели долженъ былъ имѣть 3 воиновъ. Въ всей крѣпости есть довольно колодцевъ, но мало хорошихъ. Обыкновенія въ разсужденіи женщинъ точно таковы же, какъ и въ другихъ азіатскихъ городахъ. Въ самомъ дѣлѣ, Дербентъ есть такое мѣсто, которое необходимо должно проходить въ Персію. Лежитъ онъ отъ подошвы крутой горы, окончанія горъ Кавказскихъ, но простирается до самаго моря, отмель котораго простирается на весьма далекое разстояніе, и потому нѣтъ пристани для судовъ, кромѣ только малыхъ лодокъ. Окружности города состоятъ изъ садовъ и кладбищъ, изъ которыхъ на лѣвой сторонѣ Дербента есть одно — ханской фамиліи. Построены часовни съ куполомъ. Есть двѣ меньшія и на правой сторонѣ; но нѣтъ ничего, чему бы можно удивляться. На гробѣ положенъ камень; въ одномъ его концѣ стоитъ почти въ ростъ человѣческой четвероугольный столбъ, и состоитъ, такъ, какъ и положенный на гробъ камень, изъ мягкаго состава алебастра и песку. Украшены они живо красками, разными цвѣтами и словами, говорятъ, изъ Алкорана. На стоящемъ у ногъ камнѣ изображена бѣлая лошадь и все то оружіе, въ которомъ покойный ѣздилъ на войну. Цвѣты однако же точно такого же искусства, какъ и въ ханскомъ дворцѣ. Сады, лежащіе по лѣвую сторону Дербента, еще отрядомъ Савельева на дрова всѣ вырублены, а по правую, гдѣ стояло войска Булгакова, часть сбережена, исключая неплодовитыя деревья, чинаръ и другія, которыя употреблены на подѣлки. Въ Дербентѣ воздухъ отмѣнно здоровъ. Въ околичностяхъ онаго отмѣнно хорошо родится пшеница, ячмень и просо; въ садахъ разведены отмѣнные винограды. Есть въ оныхъ деревья съ плодами, гранатныя, инжирныя, нѣсколько каштановыхъ, пер-

сиковыя, миндальныя, армутовыя, грушевыя, яблонovyя, сливныя, вишневыя и шелковичныя большія, туовыя и чинары. Главной торгъ жителей, который однако же очень малъ, состоитъ въ шафранѣ, растущемъ въ довольномъ количествѣ. Его они отпускаютъ во внутрь Персіи. Мечетей въ Дербентѣ большихъ и малыхъ 14, а армянская церковь одна, но и у той имѣтъ колокола персіане запретили. Мечети безъ минаретовъ. Домовъ армянскихъ въ Дербентѣ до 100. Рѣчекъ нѣтъ, но все родники, текущіе по камню, изъ горъ, съ весьма хорошею и здоровою водою. Каравансараевъ въ Дербентѣ 4, три бани, но всѣ они не заслуживаютъ никакого вниманія, и бани столько худы, что безъ дальней нужды никто въ оныя не ходитъ.» Бакунина пишетъ: «По правдѣ сказать, я не увидѣла въ Дербентѣ ничего особеннаго; улицы весьма узкія, дома высокіе, съ толстыми стѣнами, выстроены изъ тесаннаго камня, съ крошечными окнами, въ которыхъ рамы замѣняются рѣшетками, что придаетъ городу видъ тюрьмы. Только передъ главною мечетью находится красивая четырехугольная площадь, очень обширная и чистая, на которой дома стоятъ правильной линіей, исключая одной стороны, съ которой эта площадь ограничена улицой, поднятой гораздо выше площади и поэтому имѣющей видъ террасы; на ней видно нѣсколько деревьевъ. Подыматься на эту улицу приходится по двумъ лѣстницамъ изъ тесаннаго камня; въ промежуткѣ между ними течетъ источникъ весьма чистой и прозрачной воды, наполняющей бассейнъ, сдѣланный также изъ тесаннаго камня. Не правда-ли, какъ все это мило? Но вамъ никогда не догадаться, какъ попасть на эту площадь иначе, какъ съ той улицы, о которой я только что говорила. Напротивъ этой улицы, въ одномъ домѣ продѣлана дыра, въ которую могутъ свободно пройти только кошки и собаки, вотъ чрезъ нее то и выходятъ на площадь; хотя я не особенно большого роста, но мнѣ пришлось согнуться пополамъ, чтобы пройти тутъ, а Бенингсень, сопровождавшій меня, при своемъ высокомъ ростѣ, долженъ былъ пройти около двухъ сажень почти на четверенкахъ; такой великолѣпный дворъ нисколько не портитъ самую площадь, напротивъ, та кажется еще красивѣе, какъ выйдешь изъ этой дыры и вздохнешь свободно, выпрямившись во весь ростъ. Я говорила уже вамъ, что Дербентъ выстроенъ на весьма крутой горѣ; та возвышенная улица, о которой

я упоминала, идетъ все въ гору до Нарынъ-кале, такъ называется самая возвышенная часть города, въ которой находится дворецъ хановъ, построенный Феть-Али-ханомъ, отцомъ Шихъ-Али. Люди, видѣвшіе этотъ дворецъ, говорятъ, что онъ довольно красивъ, въ немъ есть красивыя комнаты и обширная галлерей, и, что всего оригинальнѣе, покои украшены фресками; меня увѣрили, что онѣ исполнены довольно хорошо. Въ городѣ есть лавки, но онѣ очень грязны, темны и тѣсны; мы видѣли въ нихъ весьма мало товара; персы боялись показывать его, не будучи вполнѣ увѣрены въ нашихъ миролюбивыхъ наклонностяхъ и боясь, чтобы ихъ не ограбили». По словамъ Бакуниной, «Шихъ-Али – юноша лѣтъ семнадцати, средняго роста, съ тонкими чертами лица и еврейскимъ типомъ (мать его была еврейка), но бѣлокурый, что между азіатами встрѣчается рѣдко».

Рескриптомъ отъ 5 января 1797 г. на имя Гудовича императоръ Павелъ I опредѣлилъ дальнѣйшую политику нашу относительно владѣльцевъ Кавказа. «Предпочитая всему безопасность нашихъ предѣловъ и спокойствіе подданныхъ», Павелъ приказывалъ границею нашею считать прежнюю, т. е., по Кубани и Тереку до Кизляра и по Сулаку, и «народы горскіе всякаго рода, къ сей линіи прилеглыя или подручныя, удерживать въ крѣпости и повиновеніи ласкою, отвращая отъ нихъ все, что служитъ къ ихъ притѣсненію или отягощенію». «Въ разсужденіи царя Карталинскаго.... соблюдать всякое пристойное сношеніе и его удерживать въ добромъ согласіи и единодушіи съ владѣльцами и областями къ Россіи болѣе приверженными, дабы, въ случаѣ надобности, соединенными силами всѣ они могли стать противъ покушающихся нашихъ враговъ, и мы koliko можно меньше имѣли надобности вступаться за нихъ вооруженною рукою. Словомъ, доводя дѣло до такой степени, чтобы изъ сихъ къ Россіи благожелательныхъ владѣльцевъ составилось федеративное государство, зависящее отъ насъ, яко верховнаго ихъ государя и покровителя, который тѣмъ меньше для нихъ тягостенъ будетъ, поколику мы ни въ образъ ихъ правленія мѣшаться, ниже отъ нихъ дани или иныя повинности, кромѣ вѣрности единой къ намъ, требовать не намѣрены. Шамхала Тарковскаго, и равнымъ образомъ и хановъ Дербентскаго, Бакинскаго и другихъ, кои отъ западной части Кас-

пійскаго моря близко находятся, удерживать по возможности въ зависимости отъ насъ, на вышеписанномъ основаніи, поставляя ихъ въ удобность къ соединенному отпору противъ подобныхъ непріязненныхъ замысловъ, каковыя недавно со стороны Аги Магометъ-хана оказаны». Сообразно такой политикѣ, въ апрѣлѣ 1797 г. содержавшіеся подѣ карауломъ въ Астрахани и Саратовѣ чиновники дербентскіе получили свободу и возвращены на родину. Въ маѣ того же года Павелъ повелѣлъ предоставить усмію пошлинный сборъ съ товаровъ, провозимыхъ чрезъ дербентскія ворота.

Въ началѣ 1798 г. Шихъ-Али отправилъ въ С.-Петербургъ своихъ посланцовъ просить о возвращеніи своихъ людей, увлеченныхъ русскими войсками. 23 декабря послѣдовалъ именной указъ, данный сенату, о разрѣшеніи выпуска иностранной монеты, желѣза, олова, мѣди (кромѣ воинскихъ снарядовъ) и всякаго рода хлѣба, изъ Астраханскаго порта и чрезъ таможи Кизлярскую и Оренбургскую. Этотъ указъ долженъ былъ благопріятно повліять на развитіе благосостоянія Дербента, такъ какъ и въ то время вдоль моря пролегалъ важнѣйшій караванный путь, по которому шла чрезъ Дербентъ вся торговля прикаспійскихъ странъ Средней Азіи, Персіи и Закавказья съ народами, обитавшими въ бассейнахъ Терека и Кубани и далѣе чрезъ Керченскій проливъ съ Крымомъ.

1799 годъ былъ особенно удаченъ для Шихъ-Али. Высочайшимъ рескриптомъ на имя командовавшаго на Кавказѣ ген.-лейт. Кнорринга онъ извѣщенъ, что Шихъ-Али пожалованъ въ III классъ, ему послана высочайшая грамота и что онъ приведенъ вновь къ присягѣ. Рескриптомъ отъ 1 сентября Кноррингу повелѣвается отложить впредь всякое вмѣшательство въ управленіе мѣсть, принадлежащихъ Дербентскому хану, а другимъ рескриптомъ государь увольнялъ въ Персію всѣхъ магометанъ, увезенныхъ русскими войсками изъ Дербента и Кубинскаго владѣнія въ продолженіе послѣдней войны, и повелѣвалъ Кноррингу объявить о томъ по всей губерніи, ввѣренной его начальству. 1 же сентября послѣдовали высочайшія грамоты Дербентскому владѣтелю Шейхъ-Али-хану о принятіи его въ прежнее подданство Россіи и о пожалованіи его въ III классъ, и подданнымъ его о принятіи ихъ въ высочайшее благоволеніе и покровительство. Первая грамота гласила: «Намъ любезно вѣрноподданному Шейхъ-Али-хану, вла-

дѣтелю области Дербентской, Кубинской, Сальянской, Мушкурской, Баткубинской и прочихъ наши императорскія милость и благоволеніе. Присланный отъ васъ къ императорскому двору нашему и къ министерству съ донесеніями повѣренный вашъ, избраннѣйшій отъ чиновниковъ и вамъ усердный Медедь-бекъ предъ наше импер. величество, какъ обрядъ требуетъ, представленъ. И какъ мы обстоятельно извѣстились отъ министерства нашего о содержаніи всѣхъ тѣхъ донесеній и прошеній вашихъ, и видимъ съ удовольствіемъ искреннее къ императорскому престолу нашему возобновленіе приверженности вашей, поколебавшейся отъ послѣдней войны съ Персіей, нами прекращенной, усердно вами воспріемлемое; то предавая всемилостивѣйшему забвенію все прошедшее и отправляя къ вамъ сію нашу императорскую грамоту съ тѣмъ же повѣреннымъ вашимъ, избраннѣйшимъ отъ чиновниковъ и вамъ усерднымъ Медедь-бекомъ, повелѣли нашему вице-канцлеру графу Кочубею, на всѣ тѣ донесенія и прошенія ваши вамъ отвѣтствовать. Въ изъявленіе же особаго нашего императорскаго соизволенія къ оной приверженности вашей, нынѣ вновь свидѣтельствуемой, и въ удостовѣреніе, что мы охотно пріемлемъ васъ и всю область вашу въ прежнее подданство и покровительство, коими она имѣла счастье пользоваться и отъ высокихъ предковъ нашихъ, жалуемъ васъ въ третій классъ, надѣясь, что таковой новый доводъ высокомонаршего нашего къ вамъ расположенія послужитъ къ вяшшему васъ утвержденію въ вашей къ намъ великому государю преданности, самимъ вамъ полезной». Грамота народу была составлена въ слѣд. выраженіяхъ: «Нашего императорскаго величества подданнымъ области Дербентской, Кубинской, Сальянской, Мушкурской, Баткубинской и прочихъ владѣтеля Шейхъ-Али-хана духовнымъ и свѣтскимъ чиновникамъ, беямъ, старшинамъ и всему народу наша императорская милость и благоволеніе. Удостоивъ высокомонаршаго нашего вниманія всѣ донесенія высокостепеннаго сихъ областей владѣтеля, намъ любезноподаннаго Шейхъ-Али-хана и прошенія подвластныхъ ему дербентскихъ жителей, какія отъ него и сихъ обитателей къ высочайшему двору нашему съ повѣреннымъ его, избраннѣйшимъ отъ чиновниковъ и усерднымъ Медедь-бекомъ присланы и намъ отъ министерства нашего представ-

лены, и по объясненіямъ въ нихъ изображеннымъ, предавая забвенію все произшедшее тамъ въ послѣднюю войну съ Персіей, нами изъ человѣколюбія прекращенную, мы, великій государь наше импер. величество указать соизволили всѣмъ военнымъ и гражданскимъ нашимъ чиновникамъ, кому надлежитъ, сдѣлать какъ оному высокостепенному Шейхъ-Али-хану, такъ и подвластнымъ его дербентскимъ жителямъ во всемъ пристойное по прошенію ихъ отъ щедротъ нашихъ удовлетвореніе; и пославъ къ нему о томъ нашу императ. грамоту съ тѣмъ же избраннымъ отъ чиновниковъ его и усерднымъ Медедъ-бекомъ, въ томъ же случаѣ всемилостивѣйше соизволили отправить и сію къ подвластнымъ ему духовнымъ и свѣтскимъ чиновникамъ, беямъ, старшинамъ и всему его народу, за извѣстіе, что какъ его Шейхъ-Али-хана, ихъ владѣтеля, по оказуемой имъ вновь къ намъ, великому государю, и къ имперіи Всероссійской преданности, мы паки приняли въ прежнее покровительство, въ коемъ онъ со временъ великихъ предковъ нашихъ находился, такъ и всѣхъ оныхъ чиновачальниковъ его, беевъ, старшинъ и весь подвластный ему народъ въ тоже высокомонаршее наше благоволеніе и покровительство приедемъ, и въ вящее о томъ удостовѣреніе соизволили нынѣ его, Шейхъ-Али-хана пожаловать въ третій классъ Имперіи нашей, зная, сколь таковая высокомонаршая милость наша всѣмъ подвластнымъ его и благомыслящимъ пріятна быть можетъ. Впрочемъ, оказавъ сей новый доводъ нашего соизволенія, всѣмъ помянутой области духовнымъ и свѣтскимъ чиновачальникамъ, беямъ, старшинамъ и всему народу, и сообщивъ о томъ помянутому высокостепенному владѣтелю ихъ, увѣряемъ, что императ. наша къ нимъ благоволеніе и покровительство и впредь навсегда неотъемлемы будутъ».

Какъ мы видѣли, императоръ Павелъ I держался относительно кавказскихъ дѣлъ политики невмѣшательства, о чемъ подтвердилъ и въ маѣ 1800 г. въ рескриптѣ Кноррингу, чтобы какъ можно меньше мѣшались въ дѣла горскихъ народовъ, пока оныя не будутъ касаться до границъ нашихъ, разумѣя, что сіи народы находятся болѣе въ вассальствѣ россійскомъ, нежели въ подданствѣ, а 29 апрѣля писалъ Кноррингу: «получилъ я донесеніе ваше касательно происшествій въ Персіи и ссоръ между собою тамошнихъ хановъ;

то я налагаю, что мы ничего не потерпимъ, какъ бы не перепутались между собою». Мнѣніе это Павелъ высказалъ по поводу именно дербентскихъ событій. Вступивъ снова въ управленіе Дербентомъ послѣ удаленія русскихъ войскъ, Шихъ-Али вполнѣ выказалъ дурныя свойства своего характера. «Ханъ опять вступилъ въ права своего достоинства, но не для поправленія печальныхъ слѣдствій войны и опустошенія; онъ не имѣлъ въ себѣ страсти великихъ государей стараться о благѣ своихъ подданныхъ; онъ вступилъ въ правленіе для того, чтобы спокойнѣе и роскошнѣе засыпать въ объятіяхъ сладострастія. Торговля часть отъ часу упадала – онъ умножалъ налоги; мануфактуры уменьшались – онъ отнялъ послѣдніе способы для ихъ размноженія, прекратя всякое коммерческое сношеніе. Проломы въ стѣнахъ заросли мохомъ, верхняя часть города и ханскій дворецъ, краса Азіи и рѣдкость Персіи, годъ отъ году умножали развалины, причиненныя временемъ и войною, а ханъ расточалъ богатства на красивыхъ невольницъ и лучшія вина. Наконецъ, наскучивъ единообразіемъ и не имѣя участника въ своихъ сладострастіяхъ, предложилъ онъ у себя убѣжище скитающемуся въ горахъ мятежному Александру, грузинскому царевичу, и съ большимъ жаромъ пустился въ распутства, пороки и злодѣянія; онъ похищалъ дѣвицъ, лучшихъ красавицъ Дербента, отнималъ супругъ отъ отчаянныхъ мужей, чтобы послѣ со смѣхомъ и поруганіемъ отослать ихъ обратно въ свои жилища; ни слезы добродѣтельныхъ красавицъ, ни бѣшенство мужей, ни просьбы матерей, ничто не смягчало сладострастнаго деспота; онъ съ злобнымъ смѣхомъ смотрѣлъ на отчаянныя лица жертвъ своихъ, хладнокровко внималъ крику мятущихся гражданъ и въ часы ярости своей лишалъ жизни знаменитыхъ беевъ, противъ него вопіющихъ. Честолюбимый Баба-ханъ, преемникъ мятежнаго Аги-Магометъ-хана, распространяя виды свои на покореніе всей Персіи и страшась нападенія Россіи въ оную со стороны Дербента, посылалъ подарки и деньги Шихъ-Али-хану для наему лезгинскихъ войскъ въ случаѣ нечаяннаго на Дербентъ нападенія; ханъ принималъ подарки и расточалъ ихъ на своихъ любимцевъ; получалъ деньги и употреблялъ ихъ на сладострастныя и роскошныя потребности».

Понятно, что результатомъ такого правленія было общее не-

удовольствіе жителей, а потомъ и бунтъ. Кноррингъ 11 апрѣля 1800 г. доноситъ: Жители г. Дербента, принадлежащаго владѣнію дербентскаго Шихъ-Али-хана, остаются и по нынѣ непреклонны къ повиновенію власти означеннаго ихъ владѣльца; городомъ управляютъ, дѣла разбираютъ и судятъ избранные ими же изъ самихъ же ихъ старшины; Шихъ-Али находится въ Кубѣ. Меньшой его братъ Гассанъ-ханъ съ помощью Сурхая Казикумухскаго хочетъ получить отъ Шихъ-Али часть владѣній, и Сурхай съ войскомъ уже приблизился къ границамъ дербентскихъ владѣній. Шихъ-Али-хану помогаль шамхаль, а кадій и уцмій желали примирить братьевъ. 28 мая того же года Кноррингъ доноситъ уже о возведеніи Гассана на ханство и сообщаетъ объ обстоятельствахъ, изъ которыхъ видно, что владѣтели Дагестана дѣйствительно «перепутались» между собою; онъ пишетъ: «Уцмій Каракайтагскій и кадій Табасаранскій, по соглашенію съ первыми дербентскими чиновниками, вызвавъ отъ Казикумухскаго Сурхай-хана, бывшаго подъ защитою у него Гассанъ-хана, возстановили его въ г. Дербентъ ханомъ, чѣмъ многіе жители г. Дербента были недовольны, и уцмій и кадій на изъясненіе имъ народа, что они владѣтеля у себя имѣютъ, показывая именно на Шихъ-Али-хана, объяснялись оному, что они дѣлаютъ сіе по волѣ и согласію Шихъ-Али-хана, дабы освободить Гассанъ-хана изъ рукъ общаго ихъ непріятеля Казикумухскаго Сурхай-хана, и что они, желая обоимъ ссорющимся братьямъ добра, употребятъ всѣ свои старанія на примиреніе ихъ. Но какъ прежде сего по свѣдѣніямъ ко мнѣ видно было, что лучшіе дербентскіе чиновники, согласившіеся имѣть въ Дербентъ ханомъ Гассана, Хадыръ-бекъ и Султанъ-бекъ, первые были изъ числа взбунтовавшихся г. Дербента жителей противу владѣтеля ихъ Шихъ-Али-хана, и по выѣздѣ его изъ города сего въ Баку управляли онымъ одни только они; уцмій же и кадій, доброжелательствуя Гассанъ-хану, были всегда со стороны его, то свѣдѣніе, что Хассанъ-ханъ въ Дербентъ возстановленъ по волѣ и согласію Шихъ-Али-хана, требуетъ еще подтвержденія. Чиновникъ дербентскій Султанъ-бекъ, узнавши о ищущей ему у Гассанъ-хана товарищемъ его Хадыръ-бекомъ гибели, 6 мая въ домъ ханскомъ лишилъ Хадыръ-бека жизни, послѣ чего самъ со всѣми сообщниками, по повелѣнію ханскому, убить, что сильное сдѣлало въ го-

родѣ безпокойство и возмущеніе, и народъ онаго прислалъ нарочныхъ къ ген.-лейт. Мехти шамхалу съ прошеніемъ о пособіи его на возстановленіе въ Дербентѣ спокойствія, куда онъ для сего 9 сего мая мѣсяца съ войскомъ и отправился; уцмій же и кадій прежде еще сего числа въ Дербентъ прибыли, да и Шихъ-Али-ханъ со стороны Кубы съ войскомъ туда же слѣдуетъ. Я имѣю достовѣрное свѣдѣніе, что шамхаль при семъ случаѣ всѣ способы употреблять будетъ помирить Шихъ-Али съ братомъ его». Хотя Шихъ-Али ханъ въ іюнѣ писалъ Кноррингу, что Гассанъ-ханъ возстановленъ на ханствѣ безъ его воли и согласія, но въ концѣ іюля Гассанъ-ханъ послалъ къ Кноррингу посланца, дербентскаго чиновника Хаджи-Таги съ увѣдомленіемъ о своемъ вступленіи въ управление и съ просьбою отправить посланца этого ко двору. Результатомъ этого посольства была высочайшая жалованная грамота 28 августа 1801 г. Дербентскому Гассанъ-Али-хану на утвержденіе его въ томъ достоинствѣ. Грамота гласила: «Намъ любезно-вѣрноподданному Гассанъ Али-хану владѣтелю области Дербентской и прочихъ наша императорская милость и благоволеніе. Присланный отъ васъ, также и отъ высокостепенной Гуризады, матери вашей, и отъ тамошнихъ знатнѣйшихъ чиновниковъ, духовенства и народа къ императорскому двору нашему и къ министерству съ донесеніями повѣренный вашъ, избраннѣйшій отъ чиновниковъ и вамъ усердный Хаджи-Такій, предъ нашимъ императорскимъ величествомъ, какъ обрядъ требуетъ, представленъ. И какъ мы обстоятельно извѣстились отъ министерства нашего о содержаніи всѣхъ тѣхъ донесеній и прошеній о дружелюбномъ прекращеніи распрей нѣсколько лѣтъ между вами и высокостепеннымъ братомъ вашимъ Шихъ-Али-ханомъ продолжавшихся, и о полюбовномъ между имъ и вами раздѣлѣ того владѣнія, коего городъ Кубу съ принадлежащими къ нему мѣстами и селеніями онъ оставилъ себѣ во владѣніе, а вамъ уступилъ въ управление городъ Дербентъ съ окрестностью его по рѣку Самуръ и другими принадлежащими къ нему деревнями и улусами, то сколько въ удовлетвореніе сихъ всеподданнѣйшихъ прошеній вашихъ, и дербентскихъ вельможъ, духовенства и народа, а паче въ уваженіе онаго полюбовнаго раздѣла владѣній съ давнихъ временъ верховную нашу власть и покровительство признающихъ, симъ утверждая оный раздѣлъ вашъ

во всей той силѣ, какъ между вами соглашено и поставлено и какъ обоюдными вашими посланниками Мирзою-Аскеромъ и Хаджи-Такіемъ здѣсь находящимися министерству нашему письменно представлено, всѣ тѣ мѣста всемилостивѣйше предоставляемъ вамъ во владѣніе, и надѣмся, что вы не оставите подвластными вашими управлять по правиламъ кротости и человѣколюбія, и правосудіемъ каждаго по законамъ и обыкновеніямъ той земли довольствоваться, на что и обязаны вы учинить присягу. По особой же къ намъ преданности вашей всемилостивѣйше поручаемъ вамъ блюсти и намъ, великому государю, благоугодную всегдашнюю дружбу и согласіе, какъ съ высокостепеннымъ братомъ вашимъ Шихъ-Али-ханомъ, такъ и со всѣми прочими персидскими и горскими владѣльцами въ высокомъ нашемъ подданствѣ и покровительствѣ состоящими; и отправляя къ вамъ сію нашу императорскую грамоту съ тѣмъ же повѣреннымъ вашимъ избраннымъ отъ чиновниковъ и вамъ усерднымъ Хаджи-Такіемъ повѣлили нашему вице-канцлеру князю Куракину на всѣ прочія донесенія и прошенія ваши вамъ отвѣтствовать, пребываемъ нашею императорскою милостію благосклонны». 28 же августа послѣдовала высочайшая грамота дербентскимъ чиновникамъ, духовенству и народу объ утверженіи Гассанъ-Али хана въ его достоинствѣ: «Божіею милостію Мы, Александръ I, императоръ и самодержецъ Всероссійскій и пр. и пр. и пр. Нашего императорскаго величества подданнымъ области Дербентской и прочихъ владѣтеля Гассанъ-Али-хана, духовнымъ и свѣтскимъ чиновникамъ, бѣямъ, старшинамъ и всему народу, наша императорская милость и благоволеніе. Удостоивъ высоко монаршего нашего вниманія всѣ донесенія высокостепеннаго сихъ областей владѣтеля намъ любезно-вѣрноподданнаго Гассанъ-Али-хана, и ваши, почтенные чиновники и духовенство, прошеніе какое отъ нею, хана, и отъ васъ, чиновниковъ и духовенства, къ высочайшему двору нашему съ повѣреннымъ вашимъ избраннѣйшимъ и усерднымъ Хаджи-Такіемъ прислано и намъ отъ министерства нашего представлено, и по изображеннымъ въ немъ объясненіямъ, коими вы, почтенные чиновники, духовенство и прочіе, изъясляя тѣсныя свои обстоятельства, всеподданнѣйше просите насъ, великаго государя, утвердить нашею императорскою грамотою избраннаго

вами въ управленіе высокостепеннаго Гассанъ-Али-хана, Мы, великій государь, наше императорское величество, во уваженіе дружлюбнаго прекращенія распрей, столько лѣтъ между владѣльцами вашими, высокостепенными Шихъ-Али-ханомъ и помянутымъ Гассанъ-Али-ханомъ, къ предосужденію народа продолжавшихся и во уваженіе полюбовнаго между ими раздѣла владѣній, съ давнихъ временъ верховную нашу власть и покровительство надъ собою признающихъ, удовлетворяя оному прошенію вашему, всемилостивѣйше утвердили его, высокостепеннаго Гассанъ-Али-хана въ томъ достоинствѣ нашею императорскою грамотою, которая нынѣ же къ нему и отправлена съ помянутымъ его повѣреннымъ, избраннымъ отъ чиновниковъ и усерднымъ Хаджи-Такіемъ, и предоставивъ ему управлять вами по правиламъ кротости и челоуѣколюбія и правосудіемъ каждого по законамъ и обычаямъ вашей земли довольствоваться, на что и обязанъ онъ учинить присягу, въ томъ же случаѣ соизволили и сію нашу императорскую грамоту отправить къ вамъ, почтеннымъ духовнымъ и свѣтскимъ чиновникамъ, бѣямъ, старшинамъ и всему народу, какъ въ отвѣтъ на вышеозначенное всеподданнѣйшее ваше прошеніе, такъ и съ тѣмъ, чтобы вы, отдавая ему должное въ семъ достоинствѣ почтеніе и признавая его ханомъ по вашему желанію, твердо блюли къ представленной надъ вами власти повиновеніе. Пребываемъ нашею императорскою милостью благосклонны».*)

Гассанъ-хану не пришлось долго пользоваться властью, ибо въ началѣ 1802 г. онъ умеръ и погребенъ въ Дербентѣ (въ 1814 г. погребена тамъ же его жена съ 1800 г. Нуръ-Джиханъ-ханумъ, дочь Курбана-Али; супруги были бездѣтны). Дербентъ снова перешелъ во власть Шихъ Али-хана, котораго, впрочемъ, признавали ханомъ Дербентскимъ въ все продолженіе его борьбы съ братомъ. Такъ, 3 августа 1800 г. Кноррингу были препровождены рескрипты на имя дагестанскихъ владѣльцевъ, въ томъ числѣ: «Нашему III класса любезно-вѣрно-подданному Шейхъ-Али-хану, владѣтелю области

*) Въ августѣ 1801 г. князь Курракинъ писалъ къ Н. Панину: «Настоятельно нужно отослать къ себѣ посланныхъ мелкихъ владѣтелей береговъ Каспійскаго моря, такъ какъ ихъ содержаніе стоитъ дорого, и будучи очень давно здѣсь, выказываютъ нетерпеніе, не получая долго отвѣта на свои представленія. Они еще не были представлены государю».

Дербентской, Кубинской» и т. д., съ тѣмъ, чтобы Кноррингъ, когда обстоятельства того потребуютт, доставилъ ихъ по назначенію; эти рескрипты призывали владѣльцевъ къ совмѣстному дѣйствию противъ Персіи, въ случаѣ нападенія Баба-хана.

Императоръ Александръ I, исходя изъ европейской точки зрѣнія, полагалъ, что представители ханской власти способны заключать союзные трактаты и въ точности исполнять ихъ, и составилъ слишкомъ идеальный планъ объединить хановъ и тѣмъ доставить спокойствіе Дагестану. Въ рескриптѣ на имя Кнорринга отъ 24 декабря 1801 г. онъ писалъ: «Изъ доставленныхъ къ вамъ по волѣ моей, копій съ отвѣтныхъ писемъ къ ханамъ Кубинскому, Дербентскому, Бакинскому и Талышинскому, отправленныхъ нынѣ съ бывшими здѣсь посланцами ихъ, равномѣрно изъ тѣхъ, кои съ такими же посланцами отправлены къ уцмію Каракайтагскому и къ правителю той области Разый хану, также къ кадію Табасаранскому, и къ двумъ особымъ тамошнимъ владѣльцамъ: Сохратъ-беку-Маасуму и Махмуту, вы могли усмотрѣть намѣреніе мое, что къ распространенію торговли въ Азіи и къ доставленію Кавказской линіи и персидскимъ областямъ, мнѣ приверженнымъ, вѣщшей безопасности и тишины, я положилъ установить между помянутыми ханами и горскими владѣтелями, для общаго ихъ и народовъ ихъ блага, твердый союзъ и дружеское подѣ верховнымъ моимъ покровительствомъ согласіе». Поэтому Кноррингу повелѣвалось: пригласивъ владѣльцевъ или ихъ уполномоченныхъ и объяснивъ имъ весь вредъ отъ вражды и всю пользу отъ союза, предложить имъ: рѣшать споры между собою по обычаямъ или законамъ или третейскимъ судомъ или представлять на разсмотрѣніе государя императора; соединяться для защиты отъ персидскихъ вторженій и замысловъ; включить въ сей союзъ и горскихъ подданныхъ шамхала, уцмія и кадія Табасаранскаго съ прочими тамошними владѣльцами, обязавъ ихъ всѣхъ присягою, чтобы прекратили грабежи и насилія своихъ подданныхъ. Привести въ исполненіе прекрасный планъ императора долженъ былъ уже князь Циціановъ, который мѣстомъ для сѣзда уполномоченныхъ хановъ назначилъ г. Георгіевскъ, гдѣ съ великими затрудненіями былъ заключенъ союзный договоръ 26 декабря 1802 г., уже по смерти Гассанъ-хана дербентскаго. 8 декабря 1802 г. князь Циціа-

новъ писалъ графу Воронцову: «Посланцы персидскихъ хановъ и горскихъ владѣльцевъ, кромѣ Бакинскаго, въ Георгіевскъ собрались. При томъ осмѣлюсь донести в. с., что интересы всѣхъ дагестанскихъ хановъ, противоположные другъ другу, о твердости постановляемаго нынѣ между ними дружескаго союза даютъ причину сомнѣваться». Въ письмѣ отъ 21 декабря къ графу Воронцову онъ детальнѣе развивалъ характеристику хановъ: «Подданство вообще хановъ персидскихъ и горскихъ владѣльцевъ есть мнимое; поелику оно не удерживаетъ ихъ отъ хищничества и притѣсненія торговли. Владѣльцы же ихъ удовлетвореніе дѣлаютъ такъ медленно, что иногда проситель больше отъ ожиданія разоряется. И такъ, чѣмъ менѣе подданства, тѣмъ менѣе оскорбленія достоинству Имперіи, когда такой владѣлецъ пустыми переписками уповаешь отходить отъ прямого удовлетворенія. Теперь позвольте, в. с., коснуться нынѣ поставляемой коалиціи федеративной, въ которой первое мѣсто занимаетъ Дербентскій ханъ Шихъ-Али. Онъ требуетъ войска; на что же? чтобы Мустафу сверзить съ владѣнія Шемахи и поставить Касима, который обѣщаль ему возвратить Сальяны, гдѣ большія рыбныя ловли, приносящія 150000 р., присвоивъ ихъ къ Кубинскому владѣнію, что истина. Но какая польза Россіи, чтобы Дербентскій ханъ былъ такъ силенъ? Онъ уже и соединеніемъ Кубинскаго владѣнія съ Дербентскимъ болѣе всѣхъ значущъ». «Существованіе дружелюбнаго и союзнаго постановленія между ханами, писалъ Циціановъ позднѣе, есть въ числѣ вашей невозможныхъ. Страхъ и корысть суть двѣ первенствующія пружины, коими руководствуются въ Азіи дѣла и приключенія». И при подписаніи договора довѣренный Шихъ-Али, чиновникъ его Медеть-бекъ, конечно, по приказанію хана, причинилъ болѣе всѣхъ хлопотъ, о которыхъ кн. Циціановъ писалъ гр. Воронцову 28 декабря, что Медеть-бекъ требовалъ, прежде подписанія союзнаго договора, заключить съ нимъ особый договоръ о дачѣ хану войска и приличной суммы денегъ. «Я по окончаніи бесѣды потребовалъ письменный отвѣтъ, почему онъ не хочетъ подписать, а между тѣмъ велѣлъ ему постановленіе прочесть и внушить, сколько онъ теряетъ въ годъ для хана его въ томъ постановленіи, увѣря, что я уже велѣлъ, изъ постановленія Шихъ-Али исключая, новое приготовить. Тогда убоялся, какъ видно, что удалилъ его отъ милости

его импер. величества, чрезъ переводчика Тарасова просилъ меня позволить прійти съ извиненіемъ; на семь свиданіи отдавалъ недоразумѣніе его худому переводу отношенія Кнорринга къ его хану, и въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, что въ русскомъ письмѣ написано, что о войскахъ будетъ трактовано послѣ постановленія, на татарскомъ словъ «послѣ постановленія» совсѣмъ не было. Потомъ тотъ же Медеть-бекъ, по окончаніи разговора, на приглашеніе мое къ чтенію и подписи того постановленія въ собраніи всѣхъ довѣренныхъ, объявилъ мнѣ, что ему неприлично по достоинству его хана засѣдать съ дагестанскими горскихъ владѣльцевъ довѣренными; я ему сказалъ, что онъ можетъ быть въ отсутствіи только по болѣзни, онъ на другой день сказался больнымъ и подписалъ дома». Медеть-бекъ оказался безграмотнымъ, и вмѣсто подписи приложилъ печать. Договоромъ уполномоченные хановъ обязались оставаться всегда непоколебимыми вѣрноподданнической обязанности ихъ къ русскому императору, предоставивъ себя его покровительству и защитѣ. Именемъ своихъ хановъ уполномоченные обѣщались оставить навсегда всѣ бывшіе между ними несогласія, вражду, ссору и непріязненные поступки. Оставаясь спокойными въ тѣхъ владѣніяхъ, въ которыхъ они утверждены грамотами русскаго императора, ханы и владѣльцы приняли на себя обязанность ограждать свои владѣнія отъ непріятельскихъ вторженій, принимая заблаговременно къ тому мѣры и оказывая другъ другу помощь и содѣйствіе своими войсками. Соединясь между собою тѣснымъ союзомъ и дружбою, они положили хранить оную свято; дали слово никогда не нападать на области своихъ союзниковъ и имъ подвластныхъ, и ничѣмъ не оскорблять другъ друга. Споры свои, претензіи и недоразумѣнія рѣшать третейскимъ судомъ, а въ случаѣ неудовлетворенія и этимъ способомъ, не поднимая оружія другъ противъ друга, обращаться за рѣшеніемъ къ русскому правительству. Соглашаясь прекратить грабежи вообще и расхищеніе товаровъ съ разбитыхъ судовъ, договаривающіеся опредѣлили одну общую пошлину, причемъ безопасность каравановъ обезпечивалась отвѣтственностью самихъ хановъ. Въ случаѣ разграбленія каравана владѣлецъ долженъ былъ удовлетворить немедленно обиженныхъ и потомъ уже взыскать съ своихъ подвластныхъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, договоръ союза между ханами остался лишь на бумагѣ. Тотчасъ по заключеніи его Медетъ-бекъ просилъ у Циціанова позволеніе отправиться въ Петербургъ по дѣламъ Шихъ-Али-хана, которыя состояли въ томъ, чтобы получить помощь Россіи деньгами и войскомъ, чтобы посадить на Ширванское ханство двоюроднаго брата хана, Касимъ бека. 28 апрѣля 1803 г. Циціановъ поздравляетъ Шихъ-Али-хана съ счастливымъ окончаніемъ порученій Медетъ-бека и пишетъ, что онъ получилъ разрѣшеніе государя содѣйствовать Касимъ-беку. Мустафа-ханъ Ширванскій, съ своей стороны, старался сѣять смуту въ Дербентѣ, агитируя въ пользу возведенія на ханство Аги-Али-бека. Дѣло Терендасова показало, какъ Шихъ-Али-ханъ смотритъ на обязанности, возложенныя на него договоромъ. 6 ноября 1802 г. погибъ шкоутъ астраханскаго купца Мугундаса Терендасова, не доходя двухъ миль до Дербента, во владѣніяхъ уцмія; товары были судоваго хозяина и астраханскаго купца А. Хечатурова. Нашъ консулъ въ Персіи Скибиневскій, получивъ о семъ извѣстіе чрезъ 25 дней, послалъ къ Шихъ-Али и уцмію съ требованіемъ возвратить товары и сберечь судно письма съ астраханскимъ купцомъ Телетовымъ, бывшимъ въ Баку повѣреннымъ Терендасова и Хечатурова. Шихъ-Али, получивъ чрезъ него письмо, обѣщаль возвратить товары, которые были приведены на судовой лодкѣ судовымъ же прикащикомъ и матросами, ибо они, будучи въ опасности отъ набѣга лезгинъ, немедленно удалились съ судна въ Дербентъ, взявъ съ собою сколь можно болѣе товаровъ на знатную сумму. Уцмій тоже обѣщаль отдать товары. На другой день, когда Телетовъ прибылъ къ суду, то нашель, что оно разграблено башлинцами, отъ которыхъ едва ускакаль вмѣстѣ съ дербентцами, данными ему въ провожатые Шихъ-Али-ханомъ. Послѣдній же рѣшилъ не возвратить товаровъ до того времени, покуда со стороны пограничнаго начальника строгими мѣрами башлинцы не будутъ принуждены къ удовлетворенію. Наконецъ, свое своеобразное соблюденіе союзнаго Георгіевскаго договора Шихъ-Али вполнѣ выказаль въ отношенія къ Персіи. Персидскій шахъ Бабаханъ (Фетъ-Али, 1797–1834), начавшій съ нами войну въ 1805 году, находилъ усерднѣйшаго приверженца въ «наивысокомѣрнѣйшемъ», по выраженію Циціанова, Шихъ-Али-ханѣ, котораго гор-

доть возросла еще болѣе неописанными щедротами, излившимися отъ Павла». Въ концѣ 1804 г. шахъ прислалъ фирманы, возбуждавшіе противъ Россіи, и посланные его нашли пріютъ у Шихъ-Али; въ іюнѣ 1805 г. агентъ Баба-хана съ прокламаціями жилъ въ Дербентѣ, ханъ котораго въ свою очередь отправилъ къ шаху пословъ съ изъясненіемъ своей готовности служить противъ Россіи. Тогда онъ обратился съ воззваніемъ къ акушинцамъ: «По случаю внезапнаго отъѣзда моего изъ Баку съ цѣлью войны противъ гяуровъ я не успѣлъ прислать вамъ извѣстія, чтобы и вы поспѣшили на эту войну, дабы оказаться бѣлолицыми въ этомъ дѣлѣ. Я сражался съ гяурами русскими, и Богъ даровалъ мнѣ побѣду надъ ними; я изгналъ русскихъ изъ среды мусульманъ, утвердился въ крѣпости Кудіаль. О исламская нація! знайте, что ни мы и ни вы не вознаградились за нашу службу гяурамъ и въ обоихъ мірахъ сдѣлались чернолицыми, но отъ исламскаго падишаха (шаха) ожидаетъ насъ счастье. Подумайте сами, потому что владѣете разсудкомъ». Ложь о своихъ вы побѣдахъ надъ русскими Шихъ-Али-ханъ дополнялъ ложью о томъ, что французы разбили 100000 русскихъ и т. п. Эти примѣры вѣроломства Шихъ-Али-хана, и до заключенія договора 1802 г. И особенно послѣ, можно было бы дополнить многими другими, но ихъ достаточно, чтобы понять политику коварнаго и честолюбиваго хана. Наконецъ, участіе его въ убійствѣ князя Циціанова Гуссейнъ-Кули ханомъ Бакинскимъ (8 февраля 1806 г.), во время котораго онъ находился въ Баку, и которое онъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, даже посовѣтовалъ Гуссейну, истощило терпѣніе русскаго правительства, и съ нимъ рѣшено было покончить; судьба Дербента была рѣшена.

Князь Циціановъ, едва вступивъ въ управленіе краемъ, высказалъ мнѣніе о пользѣ занятія Дербента; онъ писалъ: «Шихъ-Али ханъ Дербентскій и Кубинскій высококомѣренъ, надмѣненъ, предприимчивъ, властолюбивъ, интригантъ, довольно храбръ, словолюбивъ и всѣмъ жертвуетъ для сего послѣдняго свойства, устремляя всѣ старанія и направляя всѣ пружины къ большимъ пріобрѣтеніямъ; при все томъ, роскошенъ и сластолюбивъ. По свойствамъ его, по дѣятельности его и интригамъ, полезнѣе для Россіи унижать и ослабѣвать его, давая знаки покровительства, имѣющему претензіи на Дербентъ, Агъ Али-беку, или, буде

можно, подъ видомъ помощи, ввести гарнизонъ въ Дербентъ». Въ всеподданнѣйшемъ рапортѣ 8 января 1803 г. князь Циціановъ признавалъ уже необходимымъ тогда же занять Дербентъ и Баку нашими войсками, и просилъ увеличить число войскъ, бывшихъ въ его распоряженіи». Императоръ Александръ 13 февраля отвѣчалъ ему: «относительно видовъ, представленныхъ вами къ занятію Дербента, какъ предположеніе сіе требуетъ особеннаго и полнаго по всѣмъ частямъ соображенія, то и предоставляю я себѣ, по зрѣломъ обстоятельствъ вами описанныхъ уваженіи, рѣшительно означить вамъ мою на то волю». Графъ Зубовъ, которому мнѣніе Циціанова было отдано на заключеніе, находилъ занятіе этихъ городовъ преждевременнымъ. Императоръ колебался. 19 марта 1803 г. онъ писалъ Циціанову: «Донесеніе ваше относительно занятія г. Дербента не могло не обратитъ на себя особеннаго моего вниманія. Соображая всѣ виды и предположенія ваши по сему предмету, хотя нахожу я, что оныя совершенно соотвѣтствуютъ главной цѣли, преподанной къ руководству вашему въ сообщенномъ вамъ генеральномъ планѣ, но не прежде предпишу я вамъ приступить къ приведенію онаго въ дѣйство», какъ послѣ разрѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ о средствахъ, нужныхъ для занятія и т. п.; во всякомъ случаѣ, эта экспедиція не можетъ быть ранѣе весны будущаго 1804 г. Но на другой день, 20 марта, императоръ писалъ Циціанову, что «оставляетъ безпрепятственно на произволъ его» разрѣшеніе вопроса объ экспедиціи въ Дербентъ и Баку теперь же или отложить ее. Циціановъ 27 апрѣля доносилъ, что экспедицію онъ отлагаетъ до 1804 г. и излагаетъ предположенныя и приводимыя въ исполненіе имъ приготовительныя къ ней мѣры; а для отвлеченія же вниманія Шихъ-Али-хана отъ таковыхъ движеній онъ будетъ вести съ нимъ переписку по дѣламъ Ширвана, Терендасова и др. Смерть помѣшала князю привести въ исполненіе лично планъ занятія Дербента, но она повлекла за собою окончательное присоединеніе его къ Россіи. Русскій отрядъ подъ Баку, оставшись безъ своего славнаго начальника, былъ перевезенъ судами Каспійской флотиліи сперва на островъ Сару, а чрезъ мѣсяць моремъ же къ Кизляру, гдѣ Циціановъ уполномочилъ на линіи генераль-лейтенанта Глазенапа. По полученіи извѣстія объ убійствѣ князя Циціанова императоръ назначилъ Глазенапа командующимъ войсками на

Кавказъ впредь до назначенія главнаго начальника всего края

*)). Получивъ извѣстіе о бакинскихъ событіяхъ, Глазенапъ сталъ готовить войска и готовится отомстить за смерть Циціанова. Для этого онъ вошелъ въ сношеніе съ шамхаломъ Тарковскимъ Мехти, генераль-лейтенантомъ русской службы, жена котораго Периджи-ханумъ, дочь Феть-Али-хана, была прямою наслѣдницею Дербентскаго ханства, такъ какъ Шихъ-Али-ханъ былъ рожденъ отъ неравнаго брака. Шамхаль отправилъ въ Дербентъ своихъ агентовъ, которые удачно дѣйствовали противъ Шихъ-Али, своимъ поведеніемъ возбуждавшаго противъ себя дербентцевъ. Пьянствуя и развратничая по прежнему, онъ убивалъ людей, рѣшавшихся говорить ему правду; надѣясь на помощь Персіи, онъ не обращалъ вниманія на неудовольствіе народа; деньги и подарки, получаемые отъ шаха на наемъ войскъ, расточалъ на пиршества и на своихъ любимцевъ. Народъ волновался, и агенты шамхала поддерживали волненіе, внушая жителямъ, что, если они хотятъ удержать свои головы, то должны впустить въ городъ русское войско и предаться императору Россіи, который одинъ въ силахъ доставить имъ жизнь спокойную и избавить ихъ отъ тирана, мучившаго ихъ. Дербентцы, выведенные изъ терпѣнія поведеніемъ хана, охотно слушали эти рѣчи и просили поспѣшить присылкою войскъ для ихъ освобожденія. Между тѣмъ Глазенапъ, получивъ извѣстіе о намѣреніи Сурхая хана Казикумухскаго съ союзниками вторгнуться въ русскія владѣнія, сосредоточилъ

*) Григорій Ивановичъ Глазенапъ, родомъ изъ лифляндскихъ дворянъ, родился въ 1751 г., и, получивъ блестящее по тому времени образованіе, вступилъ 14 іюня 1764 г. рядовымъ въ 3-й гренадерскій полкъ; 1 января 1770 пожалованъ прапорщикомъ съ переводомъ въ Симбирскій мушкетерскій полкъ. Участникъ турецкихъ войнъ при Екатеринѣ II, онъ перешелъ въ кавалерію, 1792 г. произведенъ въ подполковники, съ переводомъ въ Орденскій кирасирскій полкъ, изъ котораго 1795 г. переведенъ въ Нѣжинскій карабинерный. При Павлѣ I онъ 15 іюля 1798 г. произведенъ въ полковники, 18 октября въ генераль-майоры, а 4 марта 1800 г. уволенъ отъ службы съ пожалованіемъ въ генераль-лейтенанты. 17 марта 1801 г. онъ снова принятъ на службу со состояніемъ по арміи, и 13 ноября 1803 г. назначенъ инспекторомъ кавалеріи Кавказской инспекціи и командующимъ линіею и войсками, тамъ расположенными, съ оставленіемъ шефомъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Въ этомъ званіи и застало его извѣстіе о смерти Циціанова. По возвращеніи изъ Дербента, Глазенапъ оставался шефомъ Нижегородскаго драгунскаго полка, въ 1807 г. назначенъ инспекторомъ Сибирской линіи, въ декабрѣ 1815 г. командиромъ Сибирскаго отдѣльнаго корпуса, и умеръ 10 марта 1819 г. въ г. Омскѣ, оставивъ по себѣ самую добрую память въ подчиненныхъ.

отрядъ въ 3000 человекъ съ 9 орудіями, состоявшій изъ 581 чел. Казанскаго, 364 ч. Вологодскаго и 464 ч. 16 егерскаго полковъ; 275 ч. Нижегородскаго и 268 ч. Борисоглѣбскаго драгунскихъ полковъ; 259 ч. Моздокскаго, 137 ч. Хоперскаго, 157 ч. Волгскаго, 102 ч. Кубанскаго казачьихъ полковъ; 128 ч. Гребенскаго, 81 ч. Терско-семеинаго, 32 ч. Терско-кизлярскаго, 21 ч. моздокской команды, набирае мой изъ горцевъ, 156 ч. артилерійской прислуги, всего изъ 5 генераловъ, 82 штабъ и оберъ-офицеровъ, 26 ч. казачьихъ старшинъ и 2919 нижнихъ чиновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Каспійская флотилія, состоявшая почти изъ 200 военныхъ и транспортныхъ судовъ, взялъ изъ Астрахани осадную артилерію, снаряды и провіантъ, а при Сладко-Еричной пристани посадила десантныя войска изъ остатковъ отряда Циціанова, добавленнаго и освѣженнаго въ Кизлярѣ. Флотилія должна была явиться къ назначенному сроку на Дербентскомъ рейдѣ. Такъ какъ Сурхай, какъ было узнано, отказался отъ намѣренія напасть на линію, а думалъ, соединившись съ персіянами, напасть на Грузію, то Глазенапъ рѣшился двинуть войска ближе къ его границамъ, и 2 мая сосредоточенный у Кизляра отряда, переправившись чрезъ Терекъ съ его протоками, остановился лагеремъ у Додручкова поста, гдѣ и простоялъ цѣлый мѣсяць. Свобода отъ трудовъ, хорошее время года и невиданное изобиліе прекрасной и вкусной рыбы совершенно раскормили войско, и больныхъ почти не было. Люди безпрестанно купались въ рѣкѣ, рубашками ловили рыбу и запасались сушеною и вяленою для похода. Въ это время Сурхай возвратился домой, не рѣшившись, въ виду сосредоточенія отряда, привести въ исполненіе свой планъ, и такимъ образомъ Глазенапъ достигъ своей цѣли отвлечь дагестанцевъ. Тогда, имѣя высочайшее повелѣніе наказать Бакинскаго хана, онъ рѣшился дѣйствовать наступательно на Баку, тѣмъ болѣе, что могъ одновременно наказать и привести къ покорности Шихъ-Али, недовольствомъ противъ котораго жителей онъ думалъ также облегчить свою задачу. Но планъ свой онъ держалъ въ тайнѣ: «хочу, писалъ онъ, держать дагестанцевъ въ сомнѣніе, на кого изъ нихъ будетъ нашествіе»; тайну онъ скрывалъ такъ тщательно, что ее знали только переводчикъ Мещеряковъ и адъютантъ и правитель дѣлъ А.И. Кривцовъ, которымъ было запрещено говорить.

3 июня 1806 г. отрядъ выступилъ въ Дагестанъ; въ Тарку къ нему

шамхаль присоединилъ свою милицію. На походѣ до Глазенапа дошли вѣсти, что старшины и народъ въ Дербентѣ, озлобленные поступками Шихъ-Али-хана, и опасаясь, что войска уничтожатъ созрѣвшій уже на поляхъ хлѣбъ, рѣшились покориться и съ нетерпѣніемъ ждали русскихъ; въ городѣ было волненіе жителей; борьба партій выражалась въ ссорахъ едва не доходившихъ до драки. Получивъ всѣ эти извѣстія, Глазенапъ ускорилъ маршъ и скоро дошелъ до уроч. Куцу, въ 60 вер. отъ Дербента, гдѣ сталъ лагеремъ.

Въ Дербентѣ жадно слѣдили за движеніемъ отряда, и по мѣрѣ его приближенія граждане оживали. Вѣсть о приходѣ Глазенапа въ ур. Куцу придала знатнѣйшимъ лицамъ города храбрости потребовать отъ Шихъ-Али-хана, чтобы онъ отправился на встрѣчу русскимъ и изъявилъ покорность. Убѣжденный въ помощи Персіи, ханъ отвергнулъ съ гнѣвомъ предложеніе и изъявилъ желаніе защищаться въ крѣпости до крайности съ отрядомъ горцевъ; онъ приказалъ запереть городскія ворота и никого не выпускать. Упорство хана окончательно вывело народъ изъ терпѣнія; одинъ изъ главнѣйшихъ бековъ, Али-Пенахъ-бекъ, собравши сильную партію, поднялъ знамя бунта, и ханъ только одному поспѣшному бѣгству былъ обязанъ спасеніемъ отъ мести озлобленнаго народа. Постыдно покинулъ онъ Дербентъ, не думая уже объ его защитѣ, а спасая только свою жизнь, но въ минуту отъѣзда грозилъ онъ еще ужаснымъ мщеніемъ, обѣщая скоро возвратиться съ новонабраннымъ войскомъ и церсіянами; не забылъ онъ захватить сокровища и обобратъ дворецъ. Лишь только ханъ покинулъ городъ, граждане 21 іюня отправили въ лагерь къ Глазенапу 13 человекъ почетныхъ депутатовъ съ объявленіемъ, что городъ и народъ повергають себя въ подданство русскому императору, и съ просьбою скорѣйшей присылки въ городъ русскихъ войскъ, на случай неожиданнаго возвращенія Шихъ-Али. Не зная достовѣрно о происшедшемъ въ Дербентѣ, и имѣя еще въ свѣжей памяти примѣръ, вѣроломства съ княземъ Циціановымъ, Глазенапъ не вдругъ рѣшился на просьбу депутатовъ, и отложилъ бы, можетъ быть, рѣшеніе до утра, если бы не вмѣшался генераль-майоръ Петръ Гавриловичъ Лихачевъ, шефъ 16-го егерскаго полка*). Знакомый,

*) Лихачевъ, славный защитникъ Раевского редута въ Бородинскомъ сраженіи,

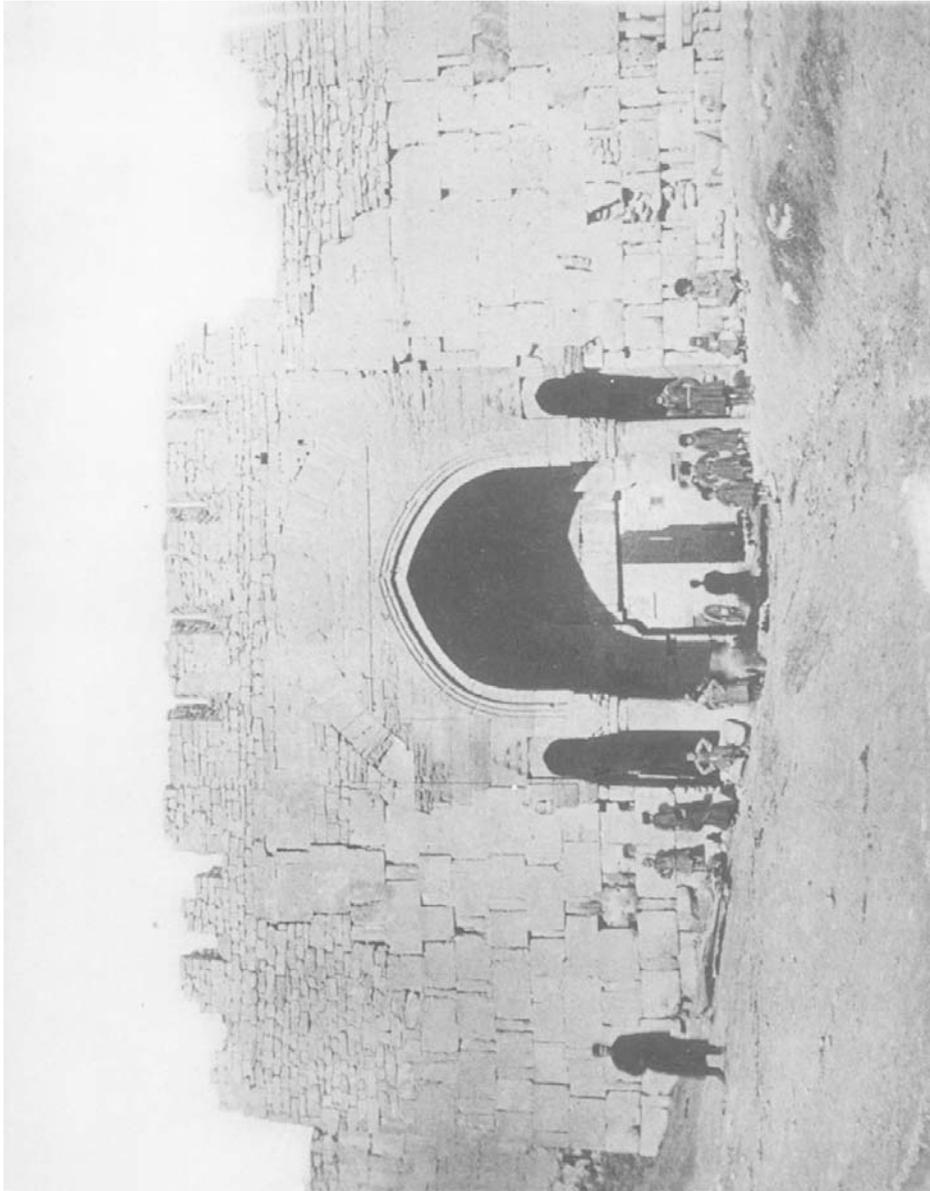
по своей службѣ на Кавказѣ, съ характеромъ азіатцевъ, онъ убѣдилъ Глазенапа воспользоваться случаемъ и послать небольшой отрядъ казаковъ къ ожидавшимъ дербентцамъ, представляя, что тутъ всякая медленность не у мѣста, что колебаніе и нерѣшительность могутъ произвести и въ депутатахъ и въ народѣ недоувѣрчивость къ русскому войску, и тѣмъ самимъ затруднить взятіе города. Глазенапъ согласился на эти доводы и предложилъ Лихачеву отправиться въ Дербентъ съ 600 казаковъ, однимъ трехфунтовымъ орудіемъ и 6 депутатами и занять цитадель города. «Честь – мой богъ; я умру, если должно чтобы я умеръ, стараясь о пользахъ своего отечества», сказалъ Лихачевъ, прощаясь съ окружающими, вскочилъ на коня и скрылся въ ночной темнотѣ. Совершивъ въ одну ночь переходъ около 60 верстъ, Лихачевъ на разсвѣтъ 21 іюня явился подъ стѣнами Дербента, къ крайнему удивленію жителей, не ожидавшихъ такой поспѣшности и едва вѣрившихъ своимъ глазамъ. Не вѣзжая въ городъ, онъ остановился и послалъ депутатовъ объявить бекамъ и старшинамъ, что просимая ими помощь готова, и чтобы они вышли къ нему. Жители огромными толпами стали выходить изъ города, стеченіе ихъ безпрерывно увеличивалось, и скоро все пространство между отрядамъ и городомъ покрылось народными толпами, образовавшими какъ бы живую улицу. Главнѣйшіе изъ бековъ и старшинъ также поспѣшили выѣхать и, поздравивъ генерала съ прибытіемъ, предавали себя въ безусловную покорность Россіи. Лихачевъ отвѣтилъ имъ внушеніемъ, какое счастье ожидаетъ ихъ, сдѣлавшимися подданными милосерднаго и кроткаго монарха. Вслѣдъ затѣмъ Лихачевъ, по живой улицѣ, сопровождаемый старшинамъ, отрядомъ и народомъ, вѣхалъ въ главныя городскія ворота. Тутъ на серебряномъ блюдѣ были поднесены ему серебряные ключи отъ города, но онъ ихъ не принялъ, объявивъ жителямъ, что эта честь принадлежитъ главному начальнику. Въ сопровожденіи старшинъ онъ поѣхалъ въ цитадель. «Невѣроятное множество ѣдущаго за отрядомъ народа, удивительное число женщинъ, дѣтей и стариковъ, стоящихъ по стѣнамъ, башнямъ и по плоскимъ кровлямъ домовъ,

умерщій отъ ранъ на пути въ Францію послѣ сего сраженія, началъ свою службу и приобрѣлъ славную популярность на Кавказской линіи.

наполняло егущенный воздухъ смѣшанными криками; казалось не было ни одного человѣка, который бы не сказалъ россиянамъ или взоромъ или голосомъ: «кошкилды (милости просимъ)».

На слѣдующій день, 22 іюня, сколо 11 часовъ утра, прибылъ Глазенапъ со всѣмъ отрядомъ. Народъ встрѣтилъ его радостными кликами и поднесеніемъ хлѣба-соли, а почетнѣйшіе старшины поднесли ему ключи крѣпости; ихъ подносилъ тотъ же столѣтній старецъ, бекъ, что и Петру В. и Зубову. Отрядъ вступилъ въ городъ и расположился въ Дубарахъ. 25 числа, при огромномъ стеченіи народа, было совершено благодарственное молебствіе и, при пушечномъ и ружейномъ громѣ, пѣто «Тебѣ Бога хвалимъ» и многолѣтіе государю императору. На слѣдующій день, 24 іюня, старшины города, знатнѣйшіе беки и весь народъ приведены къ присягѣ на вѣрнопопданство его императорскому величеству въ главной мечети. Тотчасъ по занятіи города былъ отправленъ въ С.-Петербургъ Кривцовъ съ донесеніемъ государю императору о покореніи города и для поднесенія ключей. Монархъ удостоилъ высокаго своего благоволенія нѣкоторыхъ, напримѣръ изъ Нижегородскаго драгунскаго полка полковника Сталя и адъютанта Глазенапа, прапорщика Броневскаго. Сверхъ того, въ высочайшемъ приказѣ по арміи отъ 21 августа 1806 г. тоже повторено. Орденовъ никому не было пожаловано, а самъ покоритель дербентской твердыни получилъ брилліантовую табакерку и три тысячи рублей ассигнаціями въ годъ пенсіи, покуда будетъ оставаться на службѣ на Кавказѣ. «Готовъ побиться, прибавляетъ одинъ участникъ похода, что всѣ были довольны и никто не тужилъ». Впечатлѣніе отъ безкровной сдачи города, слышшаго чуть ли непобѣдимою твердынею, было глубокое. «Никто даже изъ побѣдителей не могъ себѣ вѣрить, чтобы все это случилось на самомъ дѣлѣ. Знали важность Дербента и слабость своихъ силъ, и потому тѣмъ болѣе усердно поздравляли одинъ другого; а какъ пріятно было смотрѣть на почтеннаго начальника, незабвеннаго Григорія Ивановича, принимавшаго поздравленіе и общее удивленіе. Не многимъ удавалось занять такой оплотъ на вѣчныя времена, съ цѣлою областью, безъ потери и одного человѣка и у народа, на увѣренія котораго полагаться было невозможно».

Глазенапъ помѣстился въ дворцѣ ханскомъ въ Нарынъ-кале, не

Ворота Баять-Кашы въ южной стѣнѣ гор. Дербента.

имѣвшемъ никакого убранства, такъ какъ все было увезено. Отрядъ, какъ сказано, расположился первоначально въ нижней части города, но тѣснота мѣста, стущенный воздухъ, вслѣдствіе закрытаго отъ вѣтровъ стѣнами положенія города, жаръ, доходившій до 40°, вмѣстѣ съ появленіемъ тарантуловъ, скорпіоновъ и злой мошки, почти невидимой, но жестоко кусающей, въ нѣсколько дней довели отрядъ до отчаяннаго положенія. На людяхъ открылась чесотка, многіе были укушены тарантулами. Поэтому отрядъ перевели за городъ, къ берегу моря, въ ханскій садъ, по южную сторону. Тѣнь, прекрасный воздухъ, купанье въ морѣ всѣхъ оживило. Досталось, однако, садамъ Шихъ-Али и бѣжавшихъ его собщниковъ. Между тѣмъ подвижной провіантскій магазинъ и фуры опустѣли, нижнимъ чинамъ уменьшили порціи сухарей, отъ фунта съ тремя четвертями до одного фунта, а на усиленіе приварка не было средствъ. Глазенапъ, въ виду предстоящихъ отряду трудовъ, прибѣгаль къ крайнимъ мѣрамъ. По его распоряженію, конфисковали поля ханскія и бѣжавшихъ его собщниковъ, на которыхъ хлѣбъ уже созрѣлъ. Солдаты сами жали, молотили и мололи пшеницу и ячмень. Изъ смѣси обоихъ сортовъ муки хлѣбъ выпекался очень хорошо, но не было возможности довести порцій до полнаго количества. Изнуреніе, а за нимъ разныя болѣзни подкрадывались незамѣтно. Отрядъ съ нетерпѣніемъ ждалъ прибытія Каспійской флотиліи съ десантомъ и провіантомъ. Наконецъ, съ высокихъ стѣнъ цитадели, карауль далъ знать, что далеко въ морѣ видно нѣсколько парусныхъ судовъ. Всѣ бросились смотрѣть, и долго находились между страхомъ и надеждою. Однако, дѣйствительно, одно за другимъ, начали появляться суда, и вскорѣ насчитали ихъ 18. Вслѣдъ за тѣмъ появились клубы дыма, вылетавшіе, въ чемъ нельзя было сомнѣваться, изъ жерла пушекъ, хотя звуки выстрѣловъ не были слышны за отдаленностью. Это былъ салютъ русскому флагу, гордо развѣвававшемуся на главной башнѣ замка, съ бомбардирскаго корабля «Громъ». Со стѣнъ цитадели привѣтствовали дорогихъ частей изъ 36 фунтовой пушки, оставшейся еще со временъ Петра Великаго. Вскорѣ флотилія бросила якорь, но, по мелководію рейда, не ближе 10 верстъ отъ берега. Сообщение тотчасъ открыто: прежде всего перевезли провіантъ, потомъ войска десанта (баталіонъ Севастопольскаго полка съ 15 орудіями) и

въ заключеніе крѣпостную артилерію для вооруженія цитадели. До 1000 человекъ тащили орудія въ гору и ставили ихъ на приготовленныя мѣста. Глазенапъ началъ готовиться къ дальнѣйшему походу, но ему пришлось уступить мѣсто другому.

Графъ Гудовичъ, назначенный 2 іюня главнокомандующимъ на Кавказской линіи и въ Грузіи, прибылъ 27 іюля въ Георгіевскъ «Гордѣйшій изъ всѣхъ скотовъ», по выраженію Ермолова, онъ имѣлъ давніе личные счеты съ Глазенапомъ, досадовалъ на то, что онъ предупредилъ его, и 16 августа предписалъ ему сдать команду генералу Булгакову, а самому возвратиться на линію. Въ отрядѣ выразилось общее непритворное сожалѣніе, что онъ потерялъ достойнаго, любимаго и покрывшаго себя важными заслугами старца. 26 августа Булгаковъ прибылъ въ Дербентъ, принялъ начальство надъ отрядомъ и 5 сентября выступилъ въ дальнѣйшій походъ къ Баку, оставивъ въ Дербентѣ гарнизонъ.

Одинъ изъ участниковъ похода оставилъ замѣтки о Дербентѣ того времени. Ширину цитадели онъ полагаетъ въ 102 саж., длину въ 97 саж.; средняя часть, спускающаяся по косоугору и занятая жителями, простирается до 128 саж. въ ширину и 500 с. въ длину; нижняя часть, Дубары, пуста, простирается до самого морскаго берега, ширина ея 164 саж., длина 603 саж. Окружность всѣхъ городскихъ стѣнъ 6 верстъ 400 с. «Любопытный путешественникъ, желая осмотрѣть древности города, потратитъ только время и силы, входя по крутизнѣ косоугора въ верхнюю часть онаго; ничего не найдетъ онъ въ ней, кромѣ жалкихъ слѣдовъ опустошенія, временемъ и рукою человѣческою причиненнаго; всюду развалины, всюду груды камней, полуразвалившіяся башни и дикою травою обросшія руины бывшихъ нѣкогда огромныхъ зданій. При входѣ въ ворота замка на правой рукѣ остался еще однакожь внутренній дворъ или бывшій гаремъ ханскій, въ которомъ расположены квартира главнокомандующаго и часть войскъ. Узкія ворота, съ каменнымъ сводомъ, препровождаютъ на небольшую площадь, цвѣтами и нѣкоторыми растеніями усаженную; отсель входятъ изъ сераля въ ханскіе чертоги; а лѣвѣе въ дверь, ведущую чрезъ нѣсколько ступеней во внутренній дворъ гарема, расположенный ровнымъ и правильнымъ четвероугольникомъ, имѣющимъ 10 саж. въ длину и почти столько же въ ширину. Заднюю и лѣвую сторону

онаго составляютъ двухэтажные флигеля; длинный рядъ комнатъ, отдѣленныхъ или имѣющихъ между собою сообщеніе, дѣлаетъ правую и третью сторону квадрата, коего фасъ состоитъ изъ Нарынъ-калинской стѣны съ высокою посреди двухэтажною башнею. Во второмъ ярусѣ задней и лѣвой стороны находятся галлерей, пересѣкаемыя въ конечностяхъ комнатами. Ничего замѣчательнаго, ничего любопытнаго не встрѣчается въ семь жилищъ ханскихъ красавицъ; провалившіеся потолки, разломанные каминны, остатки бѣдной живописи, видимые въ одной галлерей, не удовлетворяютъ любопытству искателя древностей; онъ обращается къ правой сторонѣ, входитъ въ фасовыя комнаты и на нѣсколько времени забываетъ о трудахъ своихъ; здѣсь находитъ онъ богатые остатки азіатскаго комнатнаго украшенія, и съ удовольствіемъ разсматриваетъ искусный подборъ красокъ въ живописи альфреско. Посреди двора находится осмиугольный, широкой бассейнъ, въ который напускалась вода посредствомъ фонтановъ. Позади сего двора близъ задней стѣны замка замѣчательна глубокой обширный колодезь, покрытый сводомъ, и имѣющей сверху четвероугольное отверстіе, который, также какъ и другой, ниже его находящійся, наполнялся посредствомъ трубъ водою. Сихъ двухъ колодезей достаточно было бы для годоваго продовольствія всѣхъ находящихся въ городѣ жителей въ то время, когда бы непріатели отрѣзали воду, держа городъ въ осадѣ. Изъ сего можно заключить о величинѣ сихъ водохранилищъ. Но теперь фонтаны испорчены, трубы засорены и колодези запущены. Въ средней части считается около 4000 домовъ, по азіатски построенныхъ, и какъ бы сплоченныхъ другъ съ другомъ; нѣтъ ни площадей, нѣтъ почти улицъ; все такъ стѣснено, такъ сжато! Между небольшимъ числомъ мечетей замѣчательна одна большая по величинѣ и потому особеннѣе, что набожные муллы насчитываютъ около 1000 лѣтъ отъ ея построенія. Сіи мечети обыкновенно строятся четвероугольными, съ однимъ или двумя куполами или башенками, сверху которыхъ муэчины (пономари) созываютъ народъ къ службѣ Божьей во времена, опредѣленные закономъ. Въ нижней части города, кромѣ нѣкоторыхъ подземныхъ выходовъ и едва примѣтныхъ слѣдовъ крѣпости, построенной на морскомъ берегу Петромъ Великимъ, болѣе ничего не примѣчается; судя же потому, что персіяне

называютъ оную и до нынѣ шагеръ-юнанъ (греческій городъ), можно заключать, что сія часть была нѣкогда заселена греками; но исторія о древности построения Дербента и о прежде бывшихъ его жителяхъ ничего не оставила намъ, кромѣ басенъ и сказокъ».

Другой участникъ похода пишетъ: «Городъ стелется по берегу моря узкою полосою съ запада на востокъ амфитеатромъ по скату горы. Съ трехъ сторонъ онъ обнесенъ высокими и прочными стѣнами, изъ которыхъ сѣверная и южная имѣютъ между собою разстоянія въ восточномъ концѣ 180, въ западномъ 120 сажень, а въ длину до трехъ верстъ. Онѣ продолжаютъ къ востоку на нѣсколько сажень въ море, по отмели; въ юго-западномъ же направленіи поднимаются на крутой утесъ, возвышающійся на 160 сажень, и соединяются съ цитаделью, или замкомъ, называемымъ «Нарынджъ-кале», который, какъ будто бы, виситъ надъ городомъ и служилъ мѣстопребываніемъ хановъ. Юго-западная сторона этой цитадели возвышается надъ стремниною, у подошвы которой течетъ быстрая рѣчка, и считалась формально недоступною; съ прочихъ сторонъ она обнесена стѣнами съ башнями. Вообще стѣны, окружающія Дербентъ, такъ высоки (до 6 сажень) и сложены изъ камней столь огромныхъ, что невольно заставляютъ подумать: какою силою послѣдніе добыты, какими средствами передвинуты на мѣсто и подняты на высоту? Масса ихъ такъ крѣпка, что ядро изъ осаднаго орудія, ударяя, отскакивало, оставляя по себѣ простое пятно, и можно было отколотъ кусокъ камня только понавъ нѣсколькими ядрами въ одно мѣсто. Графъ Зубовъ много громилъ стѣны, но бреши не могъ сдѣлать. Надъ отмелью, по которой стѣны вдаются въ море, въ то время, у начала ихъ находилась очень большая глубина. Сверхъ того, чтобы затруднить съ этой стороны доступъ въ городъ и отдалиться отъ выстрѣловъ, не доходя до моря сажень за 120, выстроена стѣна съ обороною, за которою съ запада и начинались жилища. Строение было въ то время все изъ камня и состояло изъ зданій высокихъ, съ плоскими крышами, залитыми какимъ-то составомъ, устойчиво противившимся мокротѣ и огню. Что жители не боялись пожара, свидѣтельствоvalo обыкновение сжигать соръ на улицахъ, вообще узкихъ и кривыхъ. Всѣ дома были на азіатскій образецъ: окнами обращены на дворы, и во внѣшнихъ стѣнахъ рѣдко имѣли отвер-

стія, кромѣ дверей. Высота нѣкоторыхъ домовъ превышала крѣпостныя стѣны. Между строениями не находилось красивыхъ и особенно заслуживавшихъ вниманія. Торговлю Дербентъ производилъ незначительную, но сборъ таможенный, отъ проходившихъ каравановъ, доставлялъ хану довольно хорошій доходъ. Жители были по виду суровы и менѣе гибки и просвѣщены, чѣмъ Кизиль-Баши, но одинаково съ ними ревнивы. Женъ своихъ они крѣпко запирали и зорко смотрѣли. Наши могли встрѣчать женщинъ, только у фонтана, при проходѣ ихъ въ сады, кругомъ города раскинутые, и на кладбищѣ; куда цѣлыя семейства ходили для поминовенія. Если при нихъ не случалось мужчинъ, то онѣ откидывали чадры, затрогивали нашихъ своими привѣтствіями и похвалами. Хотя нѣкоторые ловеласы въ отрядѣ и говорили о своихъ побѣдахъ, но это подвержено сомнѣнію, и вѣрнѣе можно сказать, что женщина въ Дербентѣ была предметомъ недоступнымъ. Мужчины были повидимому набожные и охотники до духовныхъ бесѣдъ съ своими ахунтами и муллами: часто, въ лѣтнюю пору, въ такихъ бесѣдахъ на улицахъ, они проводили время до поздняго вечера, сидя большими группами по прилавкамъ въ непроницаемой темнотѣ; ибо южныя ночи, темныя сами по себѣ, въ Дербентѣ еще темнѣе отъ узкихъ улицъ, сверху закрытыхъ, въ предохраненіе отъ солнечнаго зноя. Не смотря на это благочестіе, многіе изъ жителей позволяли себѣ дикое и отвратительное удовлетвореніе страстей. Лица, промышлявшія развратомъ, почти явно торговали собою на улицахъ. Нѣсколько разъ даже русскіе подвергались опасности сдѣлаться жертвою общаго развращенія. Однажды офицеры собрались, большою компаніею, изъ лагеря купаться въ садовомъ бассейнѣ, и отправили, впередъ, молодого деньщика съ разными принадлежностями. По дорогѣ его остановили челоуѣкъ шесть персіянь и уговаривали на преступленіе, показывая подарки, и когда не удалось его соблазнить, то хотѣли достигнуть своего намѣренія угрозами и стращали кинжалами. Къ счастью, въ самую критическую минуту, когда бѣдный деньщикъ съ трудомъ уже защищался тазомъ — единственнымъ оружіемъ, случившимся при немъ, показались офицеры. Негодяи опрометью пустились бѣжать въ густоту смежныхъ садовъ, и хотя были преслѣдовсны, но успѣли скрыться. Другой разъ, еще въ большей

степени, угрожала такая же опасность одному юнкеру, и онъ только чудомъ спасся. Почетные жители и ученые старались завести знакомство съ нашими офицерами, изъ которыхъ нѣкоторые занимались даже преніями съ стариками— философами; послѣднимъ, обыкновенно, предшествовали слуги, важно несшіе на головахъ огромные фоліанты исторіи и стихотворства. Судили много и долго, но результатъ всего этого покрыть неизвѣстностію».

Въ послѣдніе годы правленія Шихъ-Али на Кавказскую линію былъ отправленъ графомъ Алексѣемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ ботаникъ Ландесъ для ботаническихъ изслѣдованій; въ Константиноградскѣ онъ застрѣлился, въ его бумагахъ былъ найденъ отрывокъ изъ описанія Дербента, представленный графу Гудовичу 20 іюля 1807 г. Ландесъ пишетъ: «Сѣверная широта Дербента 41 град. 5 мин.; склоненіе магнитной иглы въ 1796 г., 16 іюня: 11 градусовъ 41 мин. 20 сек. на остъ. Стѣны города каменные; на иныхъ мѣстахъ 30 футовъ толщины и 6 саж. высоты, на многихъ мѣстахъ 4 угольными башнями снабженныя; по причинѣ узкости внизу стѣнъ, стоятъ пушки только на башняхъ. Цитадель, которая трехугольная, защищается 6 саж. стѣнами и 8 саж. башнями. Ханъ имѣетъ въ ней свое жительство; хотя отъ частыхъ бомбардированій стѣны и башни во многихъ мѣстахъ вверху разбиты, но какъ оныя сдѣланы изъ дикаго камня и крѣпко мазаны, то держатся крѣпко отъ совершеннаго разрушенія. Городъ имѣетъ отъ близъ лежащихъ при немъ горъ хорошую ключевую воду; цитадель имѣетъ для сбереженія оной большой каменный бассейнъ, который еще въ Гmeliново путешествіе описанъ. Городъ съ двухъ сторонъ окруженъ на три версты виноградными и фруктовыми садами».

Такимъ образомъ окончилась независимость Дербента, и онъ вошелъ въ составъ Россійской державы. Дальнѣйшей жизни Шихъ-Али-хана мы будемъ касаться лишь настолько, насколько она имѣетъ значеніе для исторіи города; теперь же ограничимся указаніемъ на судьбу его династіи. Шихъ-Али-ханъ умеръ въ 1822 г. весною въ горахъ Койсубулинскаго общества и погребенъ въ Балаханахъ. А. П. Ермоловъ приказалъ тогда «всѣхъ служившихъ при умершемъ мошенникѣ Шихъ-Али-ханѣ людей принимать, исключая извѣстныхъ мерзавцевъ Имамъ-Кулибека, Багирь-бека,

Сеферъ-Али-оглы и Сулеймана, которыхъ ни подь какимъ видомъ въ границы наши не впускать». Отъ первой жены Зибюнъ Нисабегюмъ, дочери Хаджи-Меликъ-Мамедъ-хана, умершей въ 1816 г. и погребенной въ Баку, онъ дѣтей не имѣлъ; отъ второй жены (съ 1805 г.), Мюлаимъ-ханумъ, дочери Мамедъ-бека Зейхурскаго, умершей въ Ардебилѣ, онъ имѣлъ сына Султанъ-Ахмедъ-хана, родившагося въ 1807 г., женатаго на персіянкѣ Зюхрѣ, умершаго въ 1853 г. въ Персіи и погребеннаго въ Ардебилѣ; къ нему въ 1828 г. персидское правительство разрѣшило прибыть его матери, находившейся въ Аваріи безъ всякихъ средствъ; она пріѣхала въ 1830 г. У Султанъ-Ахмедъ-хана былъ сынъ Фетъ-Али-ханъ, женатый на персидской принцессѣ, и имѣвшій сына Хассанъ-Али-хана, состоявшаго въ персидской службѣ.

Собственно Дербентское ханство, состоявшее изъ города и Улусскаго магала, простиралось отъ р. Дарваха до р. Самура не болѣе 45 верстъ, при ширинѣ едва 15–20 верстъ. Какъ мы знаемъ, послѣ смерти Надира, въ каждомъ персидскомъ ханствѣ бывшіе до того правители, большею частью потомственные, зависѣвшіе отъ шаховъ, превратились въ наслѣдственныхъ самостоятельныхъ хановъ.

Управление вообще кавказскими ханствами было деспотическимъ по принципу. Воля хана создавала и разрушала всякое право; всѣ сословія сливались предъ его лицомъ въ званіе рабовъ; онъ управлялъ ханствомъ, какъ собственнымъ имѣніемъ, заботясь исключительно о цѣлости его границъ и о приумноженіи своихъ доходовъ. Нѣкоторое ограниченіе его произволу полагалъ его же собственный интересъ, побуждавшій его воздерживаться отъ произвола слишкомъ безпорядочнаго и анархичнаго и дорожить репутаціею правителя разумнаго и справедливаго, такъ какъ только этимъ путемъ онъ могъ удерживать своихъ и привлекать чужихъ подданныхъ для заселенія своихъ безлюдныхъ земель. Законовъ въ строгомъ смыслѣ этого слова ханы не издавали, ибо мусульманское право создало фикцію, по которой всѣ законы, нужные правовѣрнымъ, уже даны самимъ Магометомъ и истолкованы его преемниками. Коранъ дѣйствительно содержитъ множество постановленій, относящихся до государственнаго, гражданскаго, уголовнаго, церковнаго, полицейскаго и финансоваго права; изъ

этих постановлений, дополненных изрѣченіями имамовъ и законовѣдовъ, составила система мусульманскаго права. Поэтому на долю хановъ выпадало изданіе однихъ только правительственныхъ распоряженій по части хозяйственной, военной или полицейской. Эти распоряженія являлись плодомъ или личнаго творчества хана, или его приближенныхъ совѣтниковъ, составлявшихъ диванъ-ханэ. Для хозяйственнаго и военнаго управленія ханствомъ, для дѣлопроизводства и т. д. ханы содержали толпу чиновниковъ и служителей, въ числѣ которыхъ былъ наибъ, калабекъ и т. п. Главнымъ судомъ былъ духовный судъ – шаро, на разсмотрѣніе котораго ханы отдавали важнѣйшія дѣла; ему подлежали всѣ гражданскіе тяжбы и споры, дѣла опекунскія и нотаріальныя, дѣла уголовныя, нарушающіе болѣе частный, чѣмъ общественный интересъ. Кражи, разбои, мошенническія продѣлки торговцевъ, измѣна, преступленія воинскія и проступки полицейскіе судились свѣтскими властями или самимъ ханомъ. Тотъ и другой судъ производились безъ всякой формальности, безъ всякой письменности и съ большою быстротой. Жалобы по денежнымъ взысканіямъ поступали прямо къ хану, который самъ производилъ слѣдствіе: если отвѣтчикъ отказывался отъ долга, то проситель долженъ былъ представить свидѣтелей, и въ случаѣ, если онъ доказалъ свою правоту, имѣніе отвѣтчика продавалось съ публичнаго торга, и вырученными деньгами уплачивался долгъ, а отвѣтчикъ за ложное отрицаніе наказывался палками и денежнымъ взысканіемъ. Воровство въ первый разъ ничѣмъ не наказывалось, только отбиралось украденное, и воръ давалъ присягу болѣе не воровать; пойманный во второй разъ воръ наказывался палками, а за третью кражу наказывался лишеніемъ носа, уха или руки. Покушеніе на чужую жизнь наказывалось заключеніемъ въ тюрьму, а тотъ, на чью жизнь было покушеніе, если былъ раненъ, лѣчился на счетъ преступника; по выздоровленіи же раненаго преступникъ наказывался палками и денежнымъ взысканіемъ. Убійцу, не успѣвшаго скрыться, представляли хану, отдававшему его родственникамъ убитаго, которые могли распорядиться его жизнью по своему усмотрѣнію. Если убійца находилъ возможность скрыться, то родственники убитаго имѣли право нанять кого либо для отмщенія за кровь убитаго, и нанятый уже не подвергался никакой

ответственности. Известный уже нам образ жизни и управления Шихъ-Али-хана вполне оправдывает отзывъ А. П. Ермолова о ханскомъ правленіи: «Всѣ подвиги мои состоятъ въ томъ, чтобы воспрепятствовать какому нибудь хану по произволу его рѣзать носъ и уши, который въ образѣ мыслей своемъ не допускаетъ существованія власти, если она не сопровождается истребленіемъ и кровопролитіемъ. Терзаютъ меня ханства, стыдящія насъ своимъ бытіемъ. Управление ханами есть изображеніе первоначальнаго образованія обществъ. Вотъ образецъ всего злодѣйскаго самовластія и всѣхъ распутствъ, унижающихъ человѣчество». Ханъ имѣлъ право бить монету подъ своимъ штемпелемъ, но, по малому ея количеству, главное обращеніе торговыхъ капиталовъ состояло всегда изъ русскихъ и персидскихъ денегъ и частью голландскихъ червонцевъ. На Дербентскомъ ханскомъ монетномъ дворѣ били только одну монету, абазы, изъ переплавленнаго русскаго и персидскаго серебра, примѣшавъ туда нѣсколько лигатуры. Военную силу Дербентскій ханъ, помимо наемнаго войска изъ горцевъ, набиралъ изъ своихъ подданныхъ; все ханство вмѣстѣ съ городомъ могло выставить до 4000 вооруженныхъ людей, большею частью конницы, которая «паче славится между здѣшнимъ народомъ» и почиталась въ Дагестанѣ за лучшую. Горожане сверхъ того были обязаны охранять городъ и выставлять караулы, какъ внутри его, такъ равно загородные пикеты, для предупрежденія набѣговъ со стороны горцевъ. Всякій горожанинъ, способный носить оружіе, обязанъ былъ имѣть его и содержать въ исправности, а зажиточные кромѣ того должны были имѣть лошадь. За отправленіе всего этого городскіе жители освобождались ханомъ отъ всякой подати, но на обязанности ихъ лежало отправленіе натуральныхъ повинностей, какъ-то: выставка аробъ, исправленіе дорогъ и мостовыхъ, содержаніе въ исправности городской канавы и водопроводовъ. Доходъ хана не превышалъ 20000 р. въ годъ, да сверхъ того нѣкоторое количество хлѣба и прочихъ съѣстныхъ припасовъ, взимаемыхъ съ поселянъ для ханскаго стола въ натурѣ. Беки, въ другихъ ханствахъ пользовавшіеся разными преимуществами, въ Дербентскомъ не имѣли почти никакихъ отличій: они должны были служить при ханѣ по его распоряженію и не имѣли никакихъ потомственныхъ имѣній и деревень, а получали ихъ отъ хана во

владѣніе на неопредѣленное время, т. е. когда они начинали не нравиться хану, то имѣнія отбирались и отдавались во владѣніе другимъ. Главныя занятія горожанъ: хлѣбопашество, садоводство, ткацкое производство по выдѣлкѣ шелковыхъ издѣлій, ремесла и торговля, которая впрочемъ была незначительна, какъ по причинѣ деспотизма хановъ, такъ и по неспокойному положенію Дагестана. Городское общественное имущество состояло изъ покосныхъ и пастбищныхъ мѣстъ.

Оглавленіе.

	Стр.
Предисловіе.....	5
Къ рисункамъ.....	11
Глава первая. Судьбы Дербента до XVI вѣка	15
Преданіе объ основаніи Дербента Александромъ Македонскимъ. Древнѣйшая исторія мѣстности Дербента. Аланы. Хазары. Христіанство въ Дербентѣ. Сассаниды. Дербентъ-наме. Основаніе Дербента. Арабы на Кавказѣ. Селманъ. Маслама. Дербентъ при Аббасидахъ. Извѣстія восточныхъ писателей о Дербентѣ. Ширванъ и сельджуки. Монголы. Ильханы. Рубруквись и Марко Поло. Ширваншахи. Барбаро и Контарини. Начало сношеній съ Москвою и Никитинъ.	
Глава вторая. Дербентъ отъ XVI в. до присоединенія къ Россіи.....	113
Персія въ XVI в.. Войны съ Турціей. Русь на Кавказѣ. Переговоры объ уступкѣ Дербента Москвѣ. Англичане на Каспійи и въ Дербентѣ. Аббасъ Великій. Дербентскіе правители XVII в. и сношенія съ Русью. Котовъ. Олеарій. Событія въ Дербентѣ въ XVII в.. Стрюйсь. Торговля съ Дербентомъ. Дѣла персидскія въ началѣ XVIII в.. Брюинъ. Бель. Соймоновъ. Походъ Петра Великаго. Дербентъ подъ русскимъ владычествомъ. Брюсь. Герберъ. Возвращеніе Дербента Персіи и шахъ Надиръ. Фетъ-Али-ханъ. Русское господство на Кавказѣ и правители его. Гмелинъ. Походъ Медема. Отношенія Фетъ-Али-хана къ Россіи. Шихъ-Али-ханъ. Экспедиція Савельева. Походъ Зубова. Бутковъ. Бакунина. Политика Павла I на Кавказѣ. Гассанъ-ханъ и Шихъ-Али-ханъ. Политика Александра I на Кавказѣ. Князь Циціановъ. Походъ Глазенапа и присоединеніе Дербента. Ханы и ихъ правленіе.	

Формат 70x100/16. 17,5 п.л. Тираж 500.
Отпечатано в типографии “Нагыл Еви”.
Тел.: (+994 12) 498 56 38